

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

ВЛАДА
ЮЖНАЯ

ХОЛОДНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Annotation

Кай – контрабандист и капитан звездолета. Дана – беглянка и мятежная душа. Он давно живет по принципу «каждый сам за себя». Она оставляет предупреждения тем, кто может попасть в ловушку после нее. Мужчина и женщина, затерянные на огромной негостеприимной планете... А с небес за сплетением их судеб равнодушно наблюдают холодные звезды.

- [Влада Южная](#)

- -
-

Влада Южная

Холодные звезды

© В. Южная, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Послеполуденное солнце превращало белый рукав моей блузки в золотой, играло со стальной брошкой на груди, заставляло щуриться. Со своего места у окна я могла видеть, как снаружи по аллеям студгородка разбредались остальные студенты ГУМО – Государственного Университета Межпланетных Отношений. Среди зелени позднего мая мелькали такие же, как у меня, бордовые жилетки, юбки в темно-коричневую клетку у девушек и однотонные брюки парней. Только что окончился экзамен, аудитория опустела, но мне пришлось остаться за партой, ковырять ногтем край стола и прятать глаза от собеседника.

Отец. Дородный, с лысеющей макушкой и густой черной бородой, больше подходящей пирату из старинных книжек, чем успешному чиновнику. Он явился, попросил у преподавателя разрешения переговорить наедине – и все тут же предпочли убраться с глаз долой, перешептываясь и поглядывая на меня. Появление родителя накануне летних каникул напоминало момент, когда ребенка вечером забирают домой из детского сада. Не хватало разве что задорных криков какого-нибудь однокашника: «Дана! Собирайся! За тобой папа пришел!» Стыд и позор. Я могла бы долететь в нужную точку на карте и сама, как любой другой студент. Оставалось лишь подписать обходной лист и освободить комнату в жилом корпусе.

Отец устроился напротив меня, оседлал стул и сложил крупные, перевитые узловатыми венами кисти рук перед собой. В его глазах я прочла мольбу... и страх. Он же знал прекрасно, что мне не понравится эта идея!

– Мне хотелось провести каникулы с мамой, – процедила я сквозь зубы.

– А я сказал, что ты поедешь со мной! – Несмотря на тревогу, голос родителя оставался твердым.

– Да зачем я тебе?! – не выдержала я. – Это просто твой способ отомстить маме, признайся! Никак не можешь простить ей развод? Поэтому и меня к ней не пускаешь? Тиран ты, вот ты кто! Поэтому мама тебя и бросила.

– Я не хочу, чтобы она развращала тебя своим... – отец скорчил презрительную гримасу и сжал кулаки, – своим образом жизни. Еще не хватало, чтобы ты вздумала брать с нее пример!

– Ах, вот оно что! – протянула я. – Ты ей Виталика простить не можешь!

Отец дернулся. После развода с ним мама вышла замуж за человека на пятнадцать лет моложе и уехала жить на Юг. Как ни странно, ее новый муж мне нравился. Виталик был лет на пять меня старше. Мы с ним быстро подружились, чувствовали себя «на одной волне».

С другой стороны, я видела, что его любящий взгляд обращен лишь в сторону одной женщины. Он ее баловал и лелеял. Мама даже признавалась, что ощущает себя принцессой рядом с ним. С папой так не было. В детских воспоминаниях я видела ее тихой, молчаливой, наглухо закутанной в скучные одеяния. Теперь, казалось, она даже помолодела и не стеснялась утянуть у меня бикини, если не могла найти свое. В мой прошлый приезд мы тусовались втроем, а уезжала я со слезами на глазах, кучей забавных фоток и самыми приятными впечатлениями.

Этой же перспективой и жила весь учебный год. Представляла, как мы с мамой будем валяться на пляже, заставляя Виталика бегать в ближайший бар за фрешем. Или станем устраивать гонки на водных мотоциклах, танцевать вечером на еще не остывшем песке под звуки музыки местного диджея. Да много всего можно придумать на отдыхе!

А теперь...

– При чем здесь этот... – Отец пожевал губами, но так и не нашел подходящего слова. – Тебе самой будет полезно слетать со мной. Получишь опыт для будущей профессии.

Намек я поняла прекрасно. Мол, если ты учишься на космического дипломата, то должна с радостью отказаться от перспективы отдохнуть на берегу моря ради чужой, незнакомой планеты. Как будто после окончания университета я не успею насмотреться на звездную пыль! А эта идея с постепенным покорением всего космоса... можно подумать, на Земле места мало! Так нет же, прогресс не остановить, и все такое. А налаживание связей с жителями соседней планетарной системы – протурбийцами – уже вознесли в ранг первостепенных задач. Поэтому и дипломатов пачками готовили. словно протурбийцы без нас и дня не проживут!

– Я хочу провести лето с мамой, – упрямо повторила я. – А не на этой твоей... как там?

– Юнона, – напомнил название планеты отец. – Меня назначили там губернатором новой колонии. Пока ничья, надо осваивать. Поэтому...

– Поэтому, пока ты будешь пропадать в душных отсеках штаба, я буду сидеть в четырех стенах и пялиться в потолок, – отрезала я. – Пап, ну признай сам! Ты просто хочешь наказать маму и меня!

– Откуда ты знаешь, как все будет, если еще не поехала?! – взорвался отец, его лицо покраснело.

Я перевела взгляд за окно. В ясном голубом небе носились веселые стайки птиц. Деревья шелестели изумрудно-зеленой листвой. Солнышко припекало. Смотришь – душа поет и радуется.

– Там атмосфера хоть для жизни пригодна?

Заминка в ответе отца уже подсказала истину.

– Вне базы придется носить скафандр, – с неохотой признался он, – но с нами полетят агрономы. И возможно...

– Все понятно, – со вздохом оборвала я. – Наверняка это унылая планетка с серой землей, серым воздухом и серым небом над головой. Уже по названию ясно. Почему-то самые красивые названия дают самым отвратительным кускам космического дерьма.

– Дана! – возмутился отец.

– Что «Дана»? – передразнила я. – Тебе надо, ты туда и езжай! Тебе, в конце концов, за это деньги платят.

– На эти деньги ты учишься здесь! – прорычал он.

– А я могу и не учиться! Уеду к маме насовсем, буду им с Виталиком в гостинице по хозяйству помогать.

– Никогда моя дочь не будет работать горничной! – Стол жалобно скрипнул, когда отец грохнул по нему кулаками.

– Почему же горничной?! – парировала я. – Администратором устроюсь.

– Все-таки хочешь как мать, да?! – Глаза у родителя сузились.

– Жить хочу, папа! – Я вскочила на ноги и схватила сумку. – Жить здесь, на Земле, на родной планете. Где солнце, ветер, вода. Не нужен мне твой космос, и планеты твои не нужны. И дипломатия эта твоя... если б силой не впихнул, не пошла б сюда учиться!

Развернувшись на пятках, я пошагала к выходу.

– Дана! – крикнул вдогонку отец, но я пропустила оклик мимо ушей. – Дана, я тебя еще не отпускал! Вернись сейчас же!

Я распахнула дверь и приготовилась выйти в коридор.

– Дана, я звездолет уже подготовил. Специально старт на ближайший космодром перенес, чтобы тебе недалеко было добираться. Так что это не обсуждается! Через неделю вылетаем! Сама придешь, иначе за шиворот притащу!

Я выскочила из аудитории и пробормотала под нос:

– Это мы еще посмотрим, дорогой папочка.

* * *

Пока спешила в жилой корпус, прокручивала в голове различные варианты. Самым подходящим казался побег. Купить билет на ближайшие дни, сесть в самолет – и что тогда отец мне сделает? К маме за мной он точно не поедет: родители старательно избегали друг друга с момента развода и даже общаться в случае крайней необходимости старались только через меня. Как дети малые, честное слово. Поэтому я была более чем уверена: если удастся сбежать к маме, отцу придется сделать вид, что он сам передумал брать меня.

В комнату, которую делила с двумя подругами, я ворвалась, пожалуй, слишком резко. Широко распахнувшаяся дверь ударилась о стену. Высокая и стройная Лиза, которая в одном шелковом халатике крутилась перед зеркалом, вздрогнула и выронила палетку с тенями. Крышка отлетела, разноцветные кусочки раскрошились на полу. Бимбо, любимый питомец Лизаветы, с забавными блестящими глазками и тонкими ножками, спрыгнул с кровати и залился звонким лаем.

– Простите, – повинулась я, аккуратно прикрывая за собой дверь.

– Бимбо! Тихо! – Лиза явно разрывалась между порывами спасти остатки теней и успокоить собаку. Все-таки выбрала второе, присела на колени и зажала зверьку пасть. – Нельзя, чтобы коменданту настучали, что ты живешь с нами!

Действительно, содержать животных в жилых корпусах строго запрещалось, но Лиза была из тех людей, кто воспринимает запреты как досадные недоразумения. Впрочем, ей многое сходило с рук. Моя подруга обладала тем редким обаянием, когда одной улыбки хватало, чтобы растопить самое холодное сердце самого сурового преподавателя. Я подозревала, что комендант нашего корпуса давно в курсе четвероногого жильца, но тоже по каким-то причинам закрывает глаза на его присутствие.

Вопреки устоявшемуся мнению, что красивые люди обязательно высокомерны и презрительны к окружающим, Лиза обладала не только

милой внешностью, но и прекрасным характером. Возможно, причина всеобщей любви к ней крылась именно в этом. Она обожала общаться с людьми. Охотно брала на себя обязанности организатора. Единственной слабостью подруги была успеваемость. Лиза слишком легко увлекалась всем новым и забывала, что иногда надо корпеть над учебниками, чтобы не вылететь из университета. Если бы не популярность и успех, неизвестно, как долго бы она тут продержалась.

– Все равно мы уезжаем на каникулы, – заметила Катя, ее сестра-близнец, и лениво потянулась на кровати.

Насколько обе девушки походили внешне, настолько различались внутренне. Блестящие темные волосы Катя заплетала в длинные тонкие косы, густо подводила глаза черным и называла себя неофитом. Я старалась не вникать в значение этого слова. Понимала лишь то, что моя вторая подруга – та еще гордячка. Выпрашивать оценки по примеру сестры Катя считала ниже своего достоинства. Всего и везде добивалась терпением и настойчивостью. Презирала шелковое белье и обожала растянутые мужские свитеры. Ничуть не расстраивалась, когда заинтересованные парни перебегали к более улыбчивой и легкой на подъем Лизе, но и «синим чулком» я бы не смогла ее назвать.

Я бросила сумку на свою кровать, подошла к зеркалу и принялась собирать разбитые тени подруги. Лиза тем временем отчаялась успокоить Бимбо и просто унесла его в ванную, чтобы запереть там. Обычно это помогало. Песик переходил с лая на поскуливание, и его выпускали.

– Так что случилось-то? – поинтересовалась Катя.

– Папа пытается не пустить меня к маме, – со вздохом пожаловалась я, сложила косметику на стол и подошла к плазменной панели интерактивного доступа.

Одного касания хватило, чтобы на экране развернулась страница продажи электронных билетов. Я почесала подбородок, пробежалась взглядом по списку рейсов, выбрала подходящий.

– Ты улетаешь? – вернулась из ванной Лиза.

– Угу. – Я нажала на кнопку покупки билетов. – Прости за испорченную косметику.

– Да ерунда. – Подруга подошла и встала за плечом, тоже разглядывая экран.

Программа запросила поднести к глазку сканера, расположенному по нижнему краю панели, «ай-ди» – персональный номер, к которому привязывались все личные данные, счета, медкарта и прочая важная информация. Я повернула браслет на запястье чипом вверх, провела им под

красным лучом. На экране высветилась надпись: «Заблокировано валидатором».

– Что там?! – со своего места вытянула шею Катя.

– Кажется, отец заблокировал мой «ай-ди», – протянула я, едва сдерживая слезы.

Папа продолжал отыгрываться на мне и показывать свою власть там, где не мог уже сделать этого с мамой. Еще вчера я оплачивала интерактивные покупки и все счета прекрасно работали. А теперь, после нашего с ним неприятного разговора, – раз, и заблокировались. Будто отец продолжал напоминать, кто в семье главный.

В сердцах я стиснула кулаки и плюхнулась на ближайший стул. На глаза навернулись злые слезы. Не хочу, чтобы меня тащили за шиворот, как малолетнего ребенка! Как же бесила эта беспомощность!

– Ну купи билеты на мой «ай-ди»... – с сочувствием предложила Лиза и протянула руку с браслетом. – Потом деньги с маминого счета перекинешь.

– Купить-то я куплю. А в аэропорту меня никто с блокировкой дальше охраны не пустит. – Я подняла глаза к потолку и взвыла: – Ох, ну почему нужно ждать еще полгода до тех пор, пока стукнет двадцать один и отец перестанет быть моим валидатором!

В комнате повисло молчание. Сестры переглянулись.

– Давай предложим ей, – загадочно произнесла Катя.

– Предложим что? – насторожилась я.

– Ты думаешь? – с сомнением поинтересовалась у сестры Лиза.

– Да что предложить-то хотите?! – не выдержала я.

Лиза отошла к своей кровати и присела на нее, грациозно подогнув под себя одну ногу. Шелковый халатик при этом слегка распахнулся, приоткрывая соблазнительные очертания груди. Катя тоже подалась вперед, скрестила по-турецки ноги и нахохлилась в своем дурацком свитере.

– Поехали с нами, – сказала она.

– Я познакомилась с парнем, – пояснила Лиза в ответ на мою удивленно выгнутую бровь. – Он скоро улетает... буквально на днях. У него небольшой звездолет, чисто мужская компания.

– На троих, ага, – добавила ее сестра.

– И он пригласил меня с собой в поездку, – продолжила Лиза. – Подруг брать не возбраняется. Так будет веселее.

Я поморгала.

– Вы что, совсем чокнутые? Собираетесь куда-то лететь с тремя малознакомыми парнями?

– Почему же малознакомыми? – обиделась Лиза. – Мы с Каем уже неделю встречаемся. – Она картинно закатила глаза. – Он тако-о-ой классный! Мне кажется, я уже его люблю!

Катя тоже закатила глаза, но немного с иным выражением. Все знали, какова способность ее сестры влюбляться в парней и остывать к ним.

– Серийные убийцы тоже классными бывают с виду, – мрачно заметила я.

– Поверь, у меня есть свой способ проверки мужчин, – отмахнулась Лиза. – Я не доверяю никому, пока не побываю с ним в постели. Вот там настоящая натура и проявляется.

Она скорчила многозначительную гримаску.

– Значит, ты его уже проверила, и он не серийный убийца, – догадалась я.

– Да говорю же, Кай – просто сказка! – Подруга всплеснула руками, вызвав у сестры очередное скептическое закатывание глаз. – У него такой пресс, такие руки... м-м-м! А как он целуется! И он сказал, что не хочет со мной расставаться на эти два месяца. Понимаешь? Не хочет! Возможно, мы даже поженимся. И если родится мальчик...

– И чем он занимается? – довольно невежливо перебила я, понимая, что иначе Лиза не остановится.

Сестры опять переглянулись.

– Кай работает на одну благотворительную организацию... – начала Лиза.

– Он возит контрабанду протурбийцам, – вставила Катя. – Алкоголь. Ты же помнишь, на истории развития космоса нам рассказывали, что в их планетарной системе не изготавливали спирт. Но наши цивилизации встретились, обменялись технологиями. Оказалось, что спиваются эти гуманоиды только так. У них производство запретили. Даже ввоз от нас туда не разрешен. Поэтому прибыльное дельце Лизкин ухажер затеял.

– Но именно из-за того, что спиваются до смерти, ввоз алкоголя к протурбийцам и под запретом, – наморщила я лоб.

– Именно поэтому это и называется «контрабанда», – передразнила меня Катя. – А прикрывается все гуманитарной помощью от благотворительной организации. Там все, по ходу, четко налажено.

– И сколько же это ваше романтическое путешествие продлится? – перевела я взгляд на Лизу.

– Месяц туда, месяц обратно, – потерев лоб, сказала Катя.

– А родителям вы что скажете?

– Что поедем на лето к тебе...

– Здорово, – только и смогла выдохнуть я.

– Просто, – заговорила Катя, – ты ж понимаешь, что он в обход таможи вылетать будет. Чтобы груз не досматривали. Наверняка и тебя с твоим заблокированным «ай-ди» провезет. Ты так расстроилась из-за поездки с отцом. Выбирай, конечно, сама, что будет лучше. Мы просто предложили.

Я задумалась. Ни одна из перспектив не радовала. Провести три месяца с отцом на незнакомой планете или два месяца в путешествии до протурбийцев и обратно? И там, и сям – космос, будь он неладен. Ограниченное пространство, кондиционированный воздух, отсутствие солнечного света, чужие люди...

Но с отцом не хотелось лететь из вредности. Просто чтобы доказать: он не такой всемогущий, каким себя считает. Думает, что заблокировал меня – и никуда не денусь! Не на ту попал! Я еще покажу ему, что могу быть самостоятельной личностью и не обязана ни перед кем отчитываться. Не хочет отпускать по-хорошему – отпустит по-плохому. А следующим летом я стану окончательно совершеннолетней, и никто больше не сможет заблокировать мои данные.

Бимбо принялся скрести дверь, Лиза отправилась его успокаивать, а Катя, улучив момент, наклонилась ко мне и шепнула:

– Ну поехали, а? За сеструхой приглядеть поможешь. Ты ж видишь, она не в себе от этого Кая. Отговорить не могу, бросить – тоже. Вдвоем легче будет ее контролировать, а то эти разговорчики про «выйти замуж непонятно за кого» меня уже пугают.

– Хорошо, – вздохнула я, – буду рада, если этот ваш Кай согласится и меня взять.

* * *

Следующие два дня мы с девочками потратили на то, чтобы уладить все дела в университете и собрать вещи. Я не хотела признаваться подругам, но прежняя бравада схлынула, и идея поездки «в никуда» с каждой минутой нравилась мне все меньше.

Поэтому, когда мы прибыли на космодром в назначенный день, я буквально заставляла себя передвигать ноги, приближаясь к звездолету. Сам корабль еще издали казался довольно потрепанным. Словно побывал уже в переделках, следы которых «на долгую память» остались на обшивке его корпуса. Несколько раз в прошлом мне доводилось провожать

отца в очередную миссию, и я помнила его огромные корабли-дома, напичканные различным оборудованием. Достаточно медленные в полете, они тем не менее создавали ощущение надежности и уверенности. И, конечно, никто не сомневался, что каждая деталь таких машин работает как надо.

При взгляде на свой будущий приют я почувствовала первые ростки этого неприятного сомнения. Небольшие размеры наверняка придавали звездолету скорости и маневренности, но... постойте, в каком году эта штука совершила свой первый полет?!

Сестры остановились перед кораблем по обе стороны от меня, и мы дружно сбросили под ноги тяжелые сумки.

– Что-то мне это все не нравится... – пробормотала я.

– Мне тоже не нравится, но Лизку бросить не могу, – вздохнула Катя.

– Да не волнуйтесь, девочки! Все будет хорошо! – Лизвета посмотрела на нас обеих и похлопала длинными ресницами. – Нас ждут приключения! Вот увидите: вернемся домой, будет что вспомнить! – В ответ на наше скептическое молчание она надула губы и отмахнулась: – Пойду найду Кая.

– Пойду присмотрю за ней, – сообщила ее сестра и удалилась следом.

Я осталась в окружении багажа совершенно одна. В растерянности огляделась. Поодаль стояли другие корабли, вокруг них сустились люди, работали погрузчики, но на меня никто не обращал внимания. Переминаясь с ноги на ногу быстро надоело, тогда я решила осмотреть звездолет со всех сторон, чтобы развеять глупые страхи. Может, мне все показалось и при ближайшем рассмотрении он окажется надежнее, чем издали?

За сумки я не переживала – в округе не видела никого, кто мог бы заинтересоваться их присвоением, – поэтому смело двинулась к хвостовой части корабля. Грузовой отсек оказался открытым. Рядом громоздились ящики. Я остановилась возле них и пригляделась к маркировке. На замках стояли печати, на бортиках красовалось сердце в ладонях: эмблема «Поможем вместе» – благотворительной организации, призывающей собирать гуманитарную помощь для протурбийцев, живущих в отдаленных и малых селениях.

Все знали, что уровень развития их цивилизации не во всем совпадает с нашим. Видимо, люди пытались таким образом укрепить добрососедские отношения. Вот только... благодаря рассказам подруги я подозревала, что в ящиках отнюдь не предметы обихода, которые можно обменять на уникальные, способные лечить почти любую болезнь протурбийские

вытяжки из растений, аналогов которым на Земле не существовало. Там алкоголь, который сам для тех «соседей» как болезнь или яд! И получается, что вместо налаживания отношений данная поставка их просто убивала...

– Кого-то провожаешь или кого-то встречаешь, Белоснежка? – раздался за спиной насмешливый голос.

Я резко обернулась. Передо мной стоял самоуверенный и наглый тип в перепачканном рабочем комбинезоне. В глаза бросились тяжелые ботинки на грубой подошве и потрепанные перчатки. Темные волосы непослушно топорщились на макушке, на щеках проступили ямочки от улыбки. Высокий, выше меня на полголовы, а мне жаловаться на рост не приходилось. Видимо, он вышел из-за груды ящиков, потому что один из них держал в руках. Как долго наблюдал за мной, пока я изучала маркировку?

– Ты оттуда? – Я кивнула в сторону звездолета, решив проигнорировать вопрос, а также с ходу налепленное прозвище.

Скорее всего, Белоснежкой этот тип назвал меня за очень светлые волосы и кожу. Генетическое наследство мамы, что тут сказать. Несмотря на то что мой отец был жгучим брюнетом, я родилась вся в нее. Не признавалась даже близким подругам, но брови и ресницы у меня тоже были светлыми, просто каждые несколько месяцев я посещала салон, где красила их в более темный цвет. Специально на тот случай, если какой-то шутник решит дразнить меня альбиносом. Или... Белоснежкой.

Собеседник тем временем продолжал с интересом меня разглядывать. Как будто раздевал глазами и хотел вогнать в краску. Я гордо вздернула подбородок и ответила ему таким же взглядом. Парень заулыбался еще шире.

– Оттуда, ага, – подтвердил он мою догадку о звездолете. – Некогда мне с тобой болтать, кэп наругает. Разве что... ящики таскать поможешь. Заодно и побеседуем.

Я фыркнула.

– Может, это ты мне поможешь сумки на борт занести? Я к вам, между прочим, грузчиком не нанималась!

– Не-а, дорогуша. – Он поудобнее перехватил ящик, и только теперь я подумала, что тот наверняка тяжелый. – Мне за то, чтобы тебе сумки таскать, не приплачивали.

Завершив на этом разговор, наглый тип повернулся ко мне своей обтянутой комбинезоном пятой точкой и пошагал в сторону корабля. Я так и осталась смотреть ему вслед. Подумаешь, какой важный! Не очень-то и хотелось его помощи. Наверняка в звездолете найдется кто-то более

воспитанный. Этот... Лизкин ухажер, что ли. Он же вроде здесь капитан? А этот... работяга только и умеет, что ящики таскать да слюни на девушек пускать. Третьего, видимо, не дано.

Пока я стояла и мысленно кипятилась, наглый тип успел вернуться с пустыми руками и взяться за следующий ящик. Даже плечом меня в сторонку подвинул, мол, не мешай.

– Слушай, а ты всегда делаешь только то, за что тебе приплачивают? – не выдержала я.

Парень собрался было отходить с ношей, но остановился вполоборота.

– Ага. А ты – нет, Белоснежка?

Его нарочито простоватый говор сбивал меня с толку. В моем окружении почти никто так не произносил слова. Но сомнения зато... на вагон и маленькую тележку.

– Вообще-то некрасиво так выпячивать свою продажность, когда действуешь якобы под эгидой благотворительной организации. – Я сделала двумя пальцами в воздухе знак кавычек, а потом возмущенно сложила руки на груди.

– Зато у тебя все красиво выпячивается. – Он красноречиво скользнул взглядом по моей груди и невозмутимо продолжил путь в грузовой отсек.

Я осталась хватать ртом воздух. Двусмысленный комплимент, если это вообще можно назвать комплиментом. Но показывать, как меня задели слова, означало бы признать поражение в словесной пикировке, а этого делать я не собиралась.

– Я пожалуюсь капитану, что ты ко мне приставал, и тебя уволят! – сообщила я при очередном появлении парня.

– Смотри в чьей постели будешь спать, – пожал он плечами, прошел мимо и ухватился за очередной ящик.

– Что это ты имеешь в виду? – Я резко нажала обеими ладонями прямо на его руку в перчатке, заставив вернуть груз на место. – А ну, объясни!

Мы оказались так близко лицом к лицу, что я сама не ожидала. Взгляд у парня оказался неожиданно серьезным, не подходящим к веселой улыбке, играющей на губах. Меня охватила растерянность. Воспользовавшись этим, собеседник отдернул руку из-под моих ладоней и едва успел придержать бедром накренившийся ящик, чтобы тот не рухнул на ноги. Такой резкий и нервный жест показался странным на фоне общего уверенного поведения. Будто... моему визави было неприятно прикосновение?

– Если ты катаешься бесплатно, Белоснежка, у тебя нет права голоса. –

В тоне парня мне почудилась угроза. – Сначала найди того, кто оплатит это право, а потом возмущайся.

– Что?! – Я поморгала в растерянности.

– Кэп!

Мы оба, как по команде, обернулись на зов. В сопровождении семенившей на каблучках Лизы к нам спешил мощный верзила с бритым черепом и серьгой в носу. В ушах тоже виднелся пирсинг, на шее – татуировки. На нем красовались точно такие же ботинки, перчатки и рабочий комбинезон, как и на моем собеседнике.

– Кэп, виноват, задержали. Сейчас помогу закидать все. – С этими словами он вклинился между мной и парнем и подхватил тот самый злополучный ящик.

– Кэп?! – Я вытянула шею, чтобы встретиться взглядом с этим человеком.

К счастью, верзила отошел и перестал закрывать обзор.

– Кай! – Лиза с разбегу бросилась на шею моему новому знакомому, их слившиеся в поцелуе губы оказались прямо на уровне моего лица.

Я застыла как истукан и не знала, на кого больше злиться: на Кая, который обвел меня вокруг пальца, или на себя, что купилась?! И, главное, каков наглец! Вместо того чтобы сразу представиться как следует, решил поглумиться, изображая деревенского увальня!

Тем временем, ничуть не смущаясь устроенного передо мной представления, Кай крепко стиснул мою подругу в объятиях и, кажется, засунул язык в ее рот. Та прижалась к его груди, запустила пальцы в волосы и заметно растаяла от ласки. Восторг, с которым Лизка описывала своего парня, красноречиво читался на ее лице.

Еще несколько мгновений я тупо пялилась на слияние влюбленной парочки, потом сообразила, что происходит, и тряхнула головой.

– В общем... я передумала. Я никуда не полечу.

С этими словами попятилась назад, мечтая отмотать время, чтобы просто не появляться здесь и не выглядеть клоуном, потому что чувствовала себя именно посмешищем.

Лиза наконец отлипла от своего парня и с изумлением уставилась на меня.

– Дана, ты что! Мы же вроде все решили...

– Действительно, куда же ты, Белоснежка? – ухмыльнулся Кай, вытирая тыльной стороной кисти еще влажные после поцелуя губы и продолжая по-хозяйски обнимать за плечи мою подругу другой рукой. Просторечный говор у него при этом бесследно исчез.

Я и сама не знала, куда направляюсь. Главное, подальше от человека, один вид которого теперь меня бесил. Развернувшись, чуть не столкнулась нос к носу с Катей, которая тоже смотрела на меня как на сумасшедшую.

– Ты чего? – пробормотала она.

– Дурацкая затея, – произнесла я достаточно громко, чтобы все услышали, и показала на звездолет, – эта жестяная развалюха и тысячи километров не протянет. Рассыплется еще в атмосфере!

Обогнув Катю, я подхватила свои сумки. Пока взваливала одну на плечо, повернулась. Обе подруги стояли в растерянности. Бритоголовый верзила вышел из грузового отсека и ковырялся в зубах, наблюдая за нами со стороны. Ага! Кай наконец-то перестал выглядеть довольным собой. Наверно, подколка по поводу корабля задела. Я злорадно ухмыльнулась.

– Эта развалюха еще тебя переживет, дорогуша! – крикнул он. – Залезай, прокачу, сама убедишься.

– Спасибо, форма оплаты не подходит, – отозвалась я и сердитым шагом двинулась прочь. Правда, с тяжелыми сумками это удавалось не так быстро, как хотелось бы.

За спиной раздался перестук каблуков.

– Ты что, правда испугалась, что корабль ненадежный? – взволнованно спросила Лиза, стараясь держаться вровень со мной.

– Слушай, этот твой Кай – ненормальный, – ответила я, пыхтя от натуги, – подошел, притворился грузчиком и разыграл меня.

– Ну, пошутить, наверное, хотел. Не обижайся... – жалобно протянула она.

– Да? – Я поколебалась, но решила, что горькая правда лучше сладкой лжи. – А ничего, что он мне двусмысленные намеки отвешивал? Зачем, если у него с тобой все серьезно?

Лизавета наморщила хорошенький лоб.

– Не знаю. Мне кажется, все мужчины любят флирт. Они же полигамные по своей природе.

Я только простонала сквозь стиснутые зубы. Ну как, как можно быть настолько слепой?! Нет, воистину влюбленная Лиза – это нечто.

– Так что, насовсем передумала? – вступила в разговор Катя, прилепившаяся ко мне с другой стороны. – Мне без тебя скучно будет. Лизка ляmur крутить начнет, а мне чем себя занять?

– Девчонки, – я остановилась, бросила сумки на землю и вздохнула, – ну правда, спасибо вам, что пригласили, но меня эта затея уже не вдохновляет. Парни какие-то неприятные, и вообще.

– И что? – продолжила Катя. – С отцом полетишь?

Я в который раз задумалась над перспективой.

– Нет. Попробую квартиру где-нибудь здесь снять, на лето на работу устроюсь. Может, отец смягчится и разблокирует мой «ай-ди», когда будет улетать. Тогда отправлюсь к маме.

Подруги склонили головы. Настроение у них испортилось не меньше моего. Первой смирилась Лиза.

– Мы правда будем скучать. – Она подошла и обняла меня. – Увидимся в августе?

– Увидимся в августе, – проворчала Катя, в объятия которой я перешла после ее сестры.

– Пока, девчонки! – Я снова взялась за сумки.

Сестры помахали мне на прощание и побрели обратно к звездолету. Я проследила взглядом дальше, заметила Кая, который стоял, расставив ноги и сложив руки на груди, и неотрывно наблюдал за сценой расставания. Хочет убедиться, что точно спровадил меня подальше? Неужели я настолько же не понравилась ему с первого взгляда, насколько и он мне? Руку вон как отдернул, словно обжегся, когда я его схватила. Еще и над внешностью моей подшучивал. Никогда раньше и ни с кем еще у меня не вспыхивало такой жгучей и взаимной неприязни. Очень хотелось надеяться, что такого больше ни с кем и не повторится.

Гордо вздернув подбородок, я отвернулась и продолжила свой путь в одиночестве. Миновала погрузчик с оранжевым предупредительным огоньком на крыше, обогнула группу мужчин, обсуждавших что-то между собой. Внезапно в наушнике, укрепленном в моем правом ухе, раздался сигнал входящего вызова. Пришлось в очередной раз скинуть сумки под ноги, чтобы освободить руку и коснуться пальцами кнопки.

– Вас вызывает... – раздался женский голос автомата системы связи, – отец.

Сердце тут же бешено заухало в груди. Сглотнув, я нажала повторно, чтобы начать разговор.

– Дана! – с ходу обрушился на меня глубокий и очень сердитый голос родителя. – Ты где сейчас находишься?

– В городе... – протянула я, пытаясь на ходу что-то придумать.

Никто ведь не мог предположить, что мой план побега с треском провалится из-за того, что не сойдемся характерами с капитаном звездолета, иначе сейчас я бы уже сидела в корабле и спокойно игнорировала отцовские звонки.

– А я сейчас стою перед жилым корпусом твоего университета! – прорычал он. – И мне только что сказали, что ты сдала комнату и со всеми

вещами уехала домой. Поэтому повторяю вопрос и жду честный ответ: где ты сейчас находишься?

Я не успела и рта раскрыть, чтобы ответить, как отец продолжил:

– Где бы ты ни была, не думай, что сможешь от меня улизнуть. Я тебе сказал, что ты летишь со мной – и точка! Из-под земли достану, но слушаться научу. Я уже всем сообщил, что моя дочь летит со мной, для тебя место в экспедиции готово. Вылет сегодня. Быстро говори мне адрес, откуда тебя забрать!

– Сегодня?! – протянула я.

Значит, отец задумал поймать врасплох. Знал, что я попробую ускользнуть, и поэтому обманул с датой вылета. Надеялся взять тепленькой и расслабленной, ничего не подозревающей, и потащить силком, пока не начала сопротивляться!

– Когда ты поймешь, что не имеешь права мной распоряжаться! – рявкнула я в ответ.

– Я имею право тобой распоряжаться, – не остался в долгу он. – Я, а не твоя непутевая мать! И чтобы больше со мной в таком тоне не разговаривала!

– Нет! Нет! – нажатием пальцев я прекратила звонок, потом выдернула из уха наушник и сунула в карман, не желая слышать повторных вызовов.

Если бы отец хоть раз проявил интерес ко мне как к дочери, а не только как к орудию мести своей бывшей жене! Но все его действия сводились к одному: не уступить меня маме, как он не уступил ни грамма имущества сверх положенного по брачному договору. Я так устала от их бесконечной междоусобной войны! Так устала чувствовать себя единственной вещью, которую они не смогли распилить пополам!

Я пообещала себе, что не заплачу, пока растерянно озиралась по сторонам. Куда податься? Отец наверняка уже с полицией меня по всему городу ищет. И ведь непременно найдет. Засунуть подальше уязвленную гордость и вернуться к подругам? Я поморщилась от этой мысли. Придется из двух зол выбрать меньшее.

На обратном пути к звездолету я волочила сумки за собой. Таскать их туда-сюда силы закончились. Катя, сидевшая на своем багаже, заметила меня и заулыбалась. Лиза всплеснула руками и подбежала с радостным визгом.

– Передумала еще раз?

– Передумала, – неохотно согласилась я.

Подруга потащила меня к мужчинам, которые до сих пор укладывали груз в корабль, и с ходу громко возвестила:

– Нас снова будет трое!

Бритоголовый только окинул меня беглым взглядом и продолжил таскать ящики. Похоже, ему вообще было плевать, сколько и кого будет. А вот Кай, который как раз вышел из грузового отсека, вытер ладони о штаны и неспешно приблизился. Остановился прямо напротив меня. Я стояла под обстрелом его внимательных глаз и старалась не выглядеть жалкой побитой собачонкой, приползшей погреться.

– Мы ведь возьмем ее? Возьмем? – с надеждой спрашивала Лиза, вклиниваясь сбоку между нами.

Его кадык подпрыгнул. Я невольно напряглась. Кай сомневается? Чего ждет? Да или нет?

– Возьмем же? Да? – вторила моим мыслям Лиза.

Кай чуть наклонился вперед, приблизил лицо к моему и отчеканил:

– Нет.

Повисло молчание.

Такого ответа, наверное, не ожидал никто. Я сама в глубине души была уверена, что мне не откажут. Лиза приоткрыла рот и осталась так стоять.

– Ты же сам приглашал меня проверить твой корабль на прочность! – опомнилась я.

Кай невозмутимо пожал плечами.

– Срок действия приглашения истек, Белоснежка.

Я почувствовала, как мои щеки начинают гореть, словно он надавал мне хлестких пощечин.

– Кай! – умоляющим тоном протянула моя подруга.

– Нет, с ней возни много. – Он тряхнул головой и даже подкрепил свои слова жестом. Отвернулся и как ни в чем не бывало пошел к ящикам.

– Кай! – позвала Лиза.

– Нет, я сказал! – Он подхватил очередную ношу и сделал вид, что нас не замечает.

– Ах, значит, нет! – Я сорвала с плеч легкую кофту и в сердцах швырнула ее на землю.

Приподняв брови, Кай наблюдал, как я, стиснув кулаки, подошла к ящикам и схватилась за ближайший. Ух, тяжело! Низ живота сразу потянуло. Я надула щеки, стараясь не пыхтеть слишком громко, отклонилась назад под немыслимым углом, буквально взвалив пластиковый контейнер на себя, и кое-как утиной походкой двинулась в сторону грузового отсека. Пальцы скользили по гладким стенкам, приходилось то и дело останавливаться и перехватывать поудобнее.

– Ты же надорвешься! – бросилась ко мне подруга.

– Нет, – задыхаясь, пробормотала я, – если здесь не дают место бесплатно, значит, я его получу за работу!

Проходя... нет, проползая мимо Кая, я смирла его презрительным взглядом. Умру, но не сдамся!

– Ну что ж, – фыркнул он и пошел со своим грузом вперед так легко, будто ящик почти ничего не весил, – по рукам.

Лиза пыталась помогать и поддерживать ящик снизу, Катя тоже устремила на выручку, но вместе подруги только мешали, и им волей-неволей пришлось отойти и беспомощно наблюдать за представлением.

Кое-как я вползла с ношей в грузовой отсек и со стоном свалила контейнер на грудку таких же.

– Ровнее ставь, – буркнул бритоголовый и поправил ящики, – нам еще их фиксировать к полу.

Пришлось стиснуть зубы и проглотить все упреки. Подгадав момент, чтобы не столкнуться с Каем, я вернулась за вторым ящиком. Дотащить его получилось еще медленнее, чем первый. Руки болели так, что пальцы грозили вот-вот разжаться, но я упорно переставляла ноги и старалась держать спину прямо. Зато смогла точно подсчитать, сколько шагов мне предстоит сделать за каждую ходку.

Третий ящик Кай, идущий навстречу из грузового отсека, у меня перехватил.

– Достаточно, – прошипел он мне в лицо, буквально вырывая ношу.

– Я еще не устала. – Я смахнула капли пота, катившиеся по лбу, и вздернула подбородок. – Думаешь, не справлюсь, да?

Его глаза прищурились.

– Если уронишь – разобьешь то, что внутри. Мне убытки не нужны. Достаточно. Считаю, свое место отработала. – Продемонстрировав мне широкую спину, Кай понес ящик в отсек.

– А тебе лишь бы выгоду не упустить! – бросила я вслед, чувствуя, что едва держусь на ногах.

– Ты себе место отработала, а не право голоса, Белоснежка! – не оборачиваясь, парировал он.

* * *

Пока заканчивалась погрузка, мы с девчонками поднялись на борт звездолета. Вдоль стены в основном отсеке тянулся ряд кресел с ремнями безопасности. Корабль был рассчитан, по меньшей мере, человек на десять,

но кроме капитана и его бритоголового помощника ни одной живой души я пока не успела заметить. Кажется, Лиза упоминала, что у них команда из троих? Тогда неудивительно, что и ящики таскать самим приходится. Скорее всего, каждый из членов экипажа выполнял несколько функций.

Пока я оглядывалась, сестры уже вовсю обживались. Лиза опустилась на колени и поставила на пол корзину-переноску с Бимбо. Стоило поднять крышку – и песик со звонким лаем выскочил из темницы и быстро скрылся в соседнем отсеке.

– Надеюсь, он не нагадит в неподходящем месте, – проворчала Катя, – а то нас не только тяжести заставят таскать, но и драить тут все.

– Мы и так наведем тут порядок, – повернулась к ней сестра, – мы теперь тут хозяйки!

От меня, правда, не укрылась тревога, промелькнувшая на лице подруги.

– Бимбо! – позвала Лиза. – Бимбо! Иди сюда, непослушная собака!

С этими словами она отправилась на поиски животного, а мы с Катей присели в ожидании остальных.

– Ну и чего ты с капитаном сцепилась? – начала читать нотации подруга. – Я уж на секунду подумала, что он сейчас нас всех выгонит. Мне-то по барабану, а вот Лизка бы расстроилась.

Я виновато понурилась. Конечно, огорчать своих девчонок не планировала. Но когда Кай заладил «нет», внутри прямо все запылало! Не зря мама говорила, что характер у меня отцовский. Может, поэтому мы с папой иногда напоминали двух баранов, упершихся рогами на тонком мостике через речку?

– Не нравится он мне, – упрямо повторила я.

– Чем? – удивилась Катя. – Чем он мог тебе не понравиться за три минуты знакомства?

– Не знаю, – я сложила руки на груди, – всем. Дурак он, и шутки у него дурацкие.

Подруга хмыкнула.

– Ты ему об этом хотя бы до взлета не сообщай. Чтоб раньше времени не высадил.

– О чем не сообщать? – появилась запыхавшаяся Лизка. В ее руках извивался и возмущенно поскуливал пес.

– Слушай, – осенило меня, – а собаку тебе брать сюда разрешили? Катя права, ему же в туалет надо будет где-то ходить.

– Кай мне все разрешает, – улыбнулась она. – Он сказал, что весь звездолет в моем распоряжении! А еще он сказал...

Я с трудом подавила желание заткнуть уши.

С меньшим трудом я подавила желание отвернуться или зажмуриться при появлении самого Кая. Он успел переодеться в комбинезон почище, скользнул равнодушным взглядом по нам с Катей, отдал пару коротких приказов бритоголовому и вошедшему следом третьему субъекту – долговязому парню с орлиным носом. По коротким обрывкам разговора я смогла догадаться, что этот отвечает за электронную начинку корабля, тогда как бритоголовый был кем-то вроде механика и логиста.

Лизка опять повисла на возлюбленном, скользнула пальчиками по шее, зашептала что-то воркующим голоском на ухо. На лице Кая проступила улыбка, и в одну секунду я совершенно четко поняла ее значение. Ему что-то пообещали. Нечто волнующее и, несомненно, приятное. И это что-то пришлось ему очень и очень по душе.

После загадочного обещания Кай даже на собаку взглянул снисходительно. Я не верила своим глазам. Лизка не обманывала! Он потакал всем ее капризам. Правда... с таким же выражением лица сама Лизавета баловала своего Бимбо.

И тут мне все стало понятно.

– Я знаю, почему они взяли нас с собой, – прошептала я сидящей рядом Катке.

– И почему? – шепнула в ответ она.

– Ну подумай сама. Парни. В одиночку. Два месяца. В открытом космосе.

Катка поморгала.

– Представила. И что?

– Что там Лизка говорила про инстинкты? Мы тут для их развлечения! Чтобы ублажать их в постели! Вот зачем! Чтоб нескучно им было в пути!

Катка снова поморгала, а потом вдруг рассмеялась.

– Так ясен пень! Это ж и ежу понятно!

– Да? – с сомнением протянула я.

– Ну да, – уверенно кивнула подруга. – Только если повода давать не будешь – никто тебя не тронет. Поверь моему опыту.

Мне очень хотелось верить ее опыту, только теперь все виделось в несколько ином свете. Я заметила, какое по-особенному холодное и жуткое выражение глаз у бритоголового, когда он вдруг посмотрел на меня. В очередной раз мелькнула мысль: может, стоило все же выбрать поездку с отцом? Там, по крайней мере, пришлось бы просто умирать от скуки, а не от страха перед неизвестностью.

Но корабль дрогнул, уже оторвавшись от земли. Я вцепилась в подлокотники кресла, как никогда отчетливо понимая, что совершила самую ужасную ошибку из всех возможных, и втайне лелея слабую надежду, что в последний момент полет сорвется. Что Каю запретят выход в космос или двигатели забарахлят и придется срочно садиться обратно.

Эфир был чист. Кораблю беспрепятственно дали коридор для полета. Огромная черная бездна гостеприимно распахнула свои объятия для утлой консервной банки с контрабандным грузом на борту.

* * *

Ночью мне не спалось. После таскания тяжестей ломило спину и мышцы рук. Все вокруг казалось непривычным: звук работающей вентиляции, размеры спальной ячейки, отделенной от прохода лишь гибкой, застегивающейся на «молнию» ширмой. Но хуже всего было то, что спальня не подразумевал какой-либо интимности. Стоны Лизы отчетливо разносились по погруженному в тишину помещению, а у меня перед глазами так и всплывали соответствующие картины.

Мужское тело на женском. Ритмичные сокращения ягодиц. Судорожно впившиеся в обнаженную плоть пальцы. Полуоткрытые от переизбытка эмоций рты. Влажные прикосновения губ к разгоряченной коже. Запах страсти, который постепенно наполняет небольшое замкнутое пространство на двоих...

Это ужасно и невыносимо – пытаться заснуть, когда кто-то по соседству занимается сексом. Еще хуже, когда известно, кто и с кем. Я вертелась на простынях, прятала голову под подушку и затыкала уши пальцами, но раз за разом слышала эти низкие грудные выдохи:

– Кай! О-о-о... Кай!

Содрогаясь от отвращения, мысленно я умоляла их закончить быстрее, но, как назло, минуты удовольствия тянулись и тянулись, превращая мое существование в ад. Я не хотела представлять Кая голым! Не хотела даже думать о том, что он творит сейчас с моей подругой!

Но все равно представляла и думала.

Я поняла, что не выдержу, если такое будет повторяться каждую ночь. Пересяду на первый попавшийся корабль, с которым только пересечется путь. Не зря говорят, что все познается в сравнении. Суток в компании Кая мне хватило, чтобы заскучать по отцу, раскаяться в побеге и страстно возжелать возвращения.

В мою ширму поскреблись. Я застыла, прижимая к груди одеяло. За преградой виднелся чей-то силуэт.

– Открой, – раздался приглушенный мужской голос, в котором я не без труда узнала голос бритоголового.

– Нет! – испуганно прошептала я и на всякий случай отползла подальше к стене, хотя места для маневра особо не предполагалось.

– Открой! Я тоже хочу. Как они.

Ну и что там Катя говорила про то, что никто не тронет? Мне стало жутко. Мороз пробрал до самых костей. Для такого верзилы, как этот, тонкая ширма не прочнее листка бумаги. Одним махом ее сорвет, чтобы меня поиметь, и никто даже не заступится, потому что Каю наверняка плевать на все, кроме собственного удовлетворения, а любая из моих подруг слишком слаба, чтобы оказать какую-то помощь.

– Нет! – повторила я, как будто это могло остановить здорового парня.

– Открой, а то сам войду!

Ну вот, чего я и боялась. И ведь не подумала взять с собой ничего острого, колюще-режущего! Неужели теперь придется каждую ночь трястись от страха и в любой момент готовиться к обороне?

– Знала же, зачем шла, – продолжал «уговаривать» бритоголовый, – чего цену себе набиваешь?

Ширма натянулась, смятая сильной рукой. Застежка угрожающе затрещала. Я закусила губу, мысленно уже простившись со здоровьем.

– Кэп! – раздался голос третьего члена команды. Судя по топоту ног, он прибежал из головной части корабля, где оставался на ночную вахту.

Силуэт у моей спальной ячейки бесследно растворился в полутьме.

– Что? – послышалось недовольное ворчание Кая.

– Кэп... ты должен это увидеть. У нас на хвосте патруль.

– Патруль?! – Кай переменялся в голосе и, наверное, в лице.

Послышался шорох в спешке натягиваемой одежды. Мое сердце ускорило бег. Почему-то сразу стало понятно, кто эти преследователи и зачем им потребовалось нас догонять. Я просто не могла оставаться в кровати после услышанного, поэтому дождалась, пока мужчины покинут отсек, а затем сама осторожно выскользнула наружу.

Дверь в рубку управления была открыта. На широком экране виднелось черное полотно космического пространства с редкими вкраплениями светлых точек. Долговязый в напряженной позе склонился над пультом. Кай, в одних штанах, нависал рядом. Перед тем как притаиться за дверью, я успела заметить, как побелели костяшки пальцев

капитана, вцепившихся в спинку кресла его помощника.

Сбоку в меня уткнулось что-то мягкое. Повернувшись, я нос к носу столкнулась с Лизой. Ее волосы спутались после бурных ласк, губы припухли, глаза еще блестели. Придерживая на груди широкий ворот футболки Кая, которая доходила ей до середины бедра, моя подруга знаками попыталась спросить, что случилось. Так же безмолвно я попросила ее не мешать и приникла щекой к стене.

– Малый военный корабль с опознавательными сигналами этой галактики, – услышала я взволнованный до легкой хрипоты голос долговязого, – примерно в двух тысячах километров за нами. Незначительное отклонение плюс один-два. Поступила команда «Замедлить ход, подготовиться к досмотру». И я сразу побежал к тебе, кэп...

– Ход не замедлять, – прозвучал приказ Кая. – Мы от них оторвемся. Где Бизон?

– Я здесь, кэп, – мимо нас с Лизой в рубку протиснулся бритоголовый. От одного его появления я невольно сжалась в комок.

– Проложи мне тоннель напрямик в галактику протурбийцев, – обратился к нему Кай. – Туда за нами они уже не смогут последовать. Все полномочия заканчиваются в пределах своей территории.

– Но... – раскрыл было рот бритоголовый.

Договорить не успел.

– Прокладывай мне тоннель!

Проблема набирала обороты, раз Кай повысил голос. Но меня напугал не столько его окрик, сколько перспектива оказаться еще дальше от спасительного патруля.

– Остановитесь! – выскочила я из укрытия. – Они летят за мной!

Кай резко обернулся, его лицо перекосилось от злобы.

– Идите отсюда. Все. Быстро, – скомандовал он. – Пристегнуться к креслам безопасности и молчать!

– Никуда я не пойду! – топнула я ногой. – Хочу, чтобы ты дал мне пересесть на патрульный корабль! Там наверняка мой отец! Он летит за мной!

– С чего ты взяла?

Я пожала плечами.

– Прямо перед отлетом я разговаривала с ним и... и ясно дала понять, что не вернусь. Он мог отследить мое местонахождение по звонку. Наверняка сообразил, что я сбежала. А уж потом узнать, кто и в каком направлении вылетал, – вообще плевое для него дело.

Внезапно корабль дал крен, словно его смыло в сторону волной. Мне пришлось схватиться за стенку, чтобы не упасть. Кай с трудом удержался на ногах, выставив в стороны руки для равновесия.

– Это еще что такое? – с угрозой спросил он, повернув голову к долговязому.

– Предупредительный выстрел... – растерянно протянул тот. – Они посылают нам сигнал «Немедленно остановитесь, или откроем огонь на поражение».

Кай грубо выругался сквозь стиснутые зубы и взглянул на бритоголового.

– Бизон, тоннель готов?

– Ты должен остановиться! – в порыве эмоций я схватила Кая за локоть.

– Отстань, Белоснежка! – Он стряхнул мою руку.

– Там мой отец! Хочешь, чтобы мы все тут погибли из-за твоего упрямства?

– Это только твои догадки! – Кай вдруг схватил меня за плечи, заорал прямо в лицо и заставил попятиться. – Если они не оправдаются, я потеряю все! Все, понимаешь?! Я взял этот груз, и я его доставлю на место любой ценой.

– Ты идиот! – не осталась в долгу я, не зная, как еще его переубедить. – Да кому ты нужен со своим ведром с болтами! Говорю тебе, они тут из-за меня!

– А я говорю тебе, что пора заткнуться! – Продолжая удерживать меня, он повернул голову к помощнику. – Тоннель готов?

– Кэп... – нахмурился бритоголовый Бизон, – мне нужно больше времени, чтобы рассчитать координаты. Кроме того... мы не выдержим скачок в гиперпространство, и ты это знаешь.

Новая волна, только теперь с другой стороны, отбросила Кая от меня и заставила девочек завизжать.

– Следующий выстрел будет на поражение, – проблеял долговязый, уткнувшись в экраны своих приборов.

– Тоннель! – взревел Кай еще громче. – Открывай его! Ну!

– Мы развалимся на части! – лицо у Бизона покраснело.

– Мы выдержим!

– Это будет прыжок вслепую, я успеваю лишь примерно сделать расчеты.

– Так делай их, а не трепись со мной!

Я поняла, что Кая уже ничто не сможет переубедить. Он так трясся за

свой груз, что легко мог рискнуть всеми нами. В опасности его намерений я не сомневалась. Как не подумала раньше! Такой долгий переход, длиной в целый месяц, можно было существенно сократить за счет гиперускорения, и большинство кораблей успешно пользовались подобной возможностью, путешествуя между галактиками. Но эта ржавая банка, видимо, исчерпала запас прочности и доживала последние дни, дрейфуя в космическом пространстве на малом ходу.

Онемев от ужаса, я посмотрела на подруг. Лиза и Катя вцепились друг в дружку и тряслись, но спорить не пытались. Сдались на милость судьбы. Я же, напротив, была полна решимости бороться до последнего. Но когда собралась с духом и приготовилась снова накинуться на Кая, глаза обожгла мучительно-яркая вспышка света. Она тут же угасла. Белые точки на черном полотне Вселенной вытянулись, поплыли, превратились в длинные светлые полосы. Еще одна вспышка. Нарастающий гул...

В следующий миг со всех сторон раздался оглушительный грохот, похожий на тот, когда горсть мелких камней кинут на железный лист. Завыла пронзительная сирена системы безопасности. Корабль начало швырять с утроенной силой. Нас бросило на пол, разметало в стороны. Послышался женский визг, и я не могла поручиться, что он не исходит в том числе и от меня.

– Мы вышли прямо в центре астероидной бури, – попытлся докричаться до Кая бритоголовый. – Я предупреждал, кэп, что координаты примерные...

– Мы в галактике протурбийцев? – спросил тот, цепляясь за кресла помощников, чтобы устоять на ногах.

– Да.

– Отлично. Держать курс на выход из бури.

– Невозможно, кэп! – в голосе долговязого послышались истеричные нотки. – У нас потеря управления! Первый и второй двигатели получили повреждения и отказали!

Я подняла голову как раз в тот момент, чтобы увидеть на экране наплывающий на нас огромный шар.

– Что это за планета? – глухо поинтересовался Кай.

– Пытаюсь выяснить, кэп. Бортовой компьютер показывает большую потерю энергии. Мы попали в область притяжения, кэп! Мы не вырвемся, кэп!

– Отойди! – Кай схватил за шиворот и буквально вышвырнул из кресла долговязого. Тут же сам занял его место.

– Что ты собираешься делать? – не на шутку встревожился

бритоголовый.

– У нас еще не все двигатели отказали, – сосредоточенно пробормотал Кай, нажимая на кнопки. – Если мы не можем вырваться, значит, мы приземлимся.

– У нас давление снижается... похоже, пробойна в корпусе.

Я слушала и не могла поверить своим ушам. Мы падали! Просто падали на чужую планету, а этот сумасшедший еще надеялся на мягкую посадку! У меня внутри все оборвалось. На спасение не осталось надежды.

Тем временем на пульте управления что-то пронзительно запищало. Долговязый тряхнул головой, подскочил с пола, бросился нажимать на клавиши, вклинившись между двумя креслами.

– Мы не можем туда садиться! – простонал он. – Это Н-17! Там карантин первой степени! Даже аварийные посадки на ней запрещены!

– Как будто у нас есть выбор! – прорычал Кай.

Над нашими головами тут же раздался угрожающий треск. Я забыла, как дышать. Мы просто-напросто разваливались на ходу, а вхождение в атмосферу планеты только добивало дышащую на ладан развалюху.

На экране снова возникло ослепительное сияние. Казалось, корабль охватило пламя.

– Вы еще здесь? – спохватился и вспомнил о нас Кай, обернувшись в кресле. – Жить совсем не хочется?!

Как ни странно, его окрик отрезвил меня. Я вспомнила уроки по безопасности полетов так четко, что даже сама себе удивилась. Нам требовалось срочно зафиксироваться, чтобы не пострадать. Я вскочила на ноги, бросилась к перепуганным подругам, потянула их за собой.

– Быстро! Нужно добраться до кресел!

Это оказалось нелегкой задачей. Из-за тряски нас мотало из стороны в сторону, приходилось передвигаться где ползком, где перебежками. Мои руки и ноги наверняка сплошь покрылись ссадинами от столкновения с различными поверхностями и предметами.

Наконец мы втроем сумели забраться на сиденья, укрепленные вдоль стены в основном отсеке, и пристегнуть ремни. Сразу стало значительно легче. Я потянулась рукой за кресло и вынула кислородную маску. Знаками показала подругам, что им следует тоже надеть свои. Скрежет и треск вокруг усиливались. Со своей смертью я уже смирилась и лишь из чистого упрямства продолжала выполнять инструкции по безопасности. Катю вдруг начало тошнить, Лиза бормотала что-то побелевшими губами.

Я закрыла глаза. Вспомнила нежную улыбку мамы.

Протяжный скрип, будто лист железа разрезали пополам.

Подумала о том, как рассердится отец, узнав о моей гибели.

Грохот по крыше.

– Я забыла Бимбо!

Этот возглас вырвал меня из оцепенения, в которое я уже начала погружаться. Лиза откинула маску, дрожащими руками отстегнула свои ремни и вскочила на ноги.

– Нет! – закричала я, пытаюсь схватить ее и вернуть на место, но мои крепления не позволяли дотянуться.

– Он в переноске, в спальном отсеке, – чуть не плакала подруга, – я сбегая за ним и вернусь.

Крик застрял у меня в горле, когда ее фигурка в белой мужской футболке исчезла за дверью. Левую руку больно стиснули. Катя, задыхаясь от ужаса, вцепилась в меня, ее взгляд то и дело перепрыгивал с моего лица туда, где осталась сестра.

Я хотела утешить ее. Соврать, что все будет хорошо.

Но не успела.

Раз – и вместо двери в соседний отсек, где Лиза искала Бимбо, образовалась зияющая дыра.

Два – мимо с оглушительной скоростью начали вылетать наружу все незакрепленные предметы.

Три – меня вдавило в кресло с такой силой, что стало трудно дышать.

Катин крик стоял в ушах.

Я трусливо зажмурилась и сквозь толстую пелену уплывающего сознания постепенно перестала что-либо ощущать.

* * *

Каю очень редко снились сны. Обычно он засыпал сразу, как появлялась возможность, и так же быстро и легко просыпался. Старая многолетняя привычка, от которой не мог, да и не хотел избавляться.

Но иногда в его сновидения все же прорывался странный нашептывающий голосок. Не мужской, не женский и не детский, просто очень тихое, журчащее, как вода по камням, бормотание. Слоги складывались в слова, слова – в предложения, предложения – в целое повествование. Это всегда была одна и та же история. С одинаковыми началом и концом. Кай знал ее наизусть и каждый раз пытался проснуться раньше, чтобы не дослушивать до конца. И каждый раз дослушивал...

Голос рассказывал, как на одной из ранее незаселенных людьми

планет основали колонию под порядковым наименованием «Терра Нова – 23». Несмотря на довольно суровые условия жизни и скудную почву, лишенную растительности, люди с Земли сумели прижиться. Обнаружились залежи драгоценных камней, что гарантировало колонистам процветание. Все новые и новые поселенцы охотно приезжали сюда.

Росли семьи. Развивалась торговля с протурбийцами, хоть инопланетных соседей и побаивались из-за их непривычной внешности: очень плотной желтой кожи и узких вертикальных зрачков. Ходили слухи, что протурбийцу нельзя долго смотреть в глаза, иначе сойдешь с ума.

Никто не ожидал, что однажды грянет гром. Неизвестно, повлияли ли слухи на связиста, который отвечал за переговоры с Большой землей, или его рассудок помутился от нескольких листьев неизвестного растения, полученного в обмен на бутылку виски. Во всяком случае, торговец выдавал свой товар всего лишь за средство от головной боли.

Тем не менее через пару дней, ранним утром, когда почти все поселенцы еще спали, связист вошел в рубку, бормоча под нос: «Они все мертвы, они все мертвы», отправил на Землю послание: «Заражение неопознанным вирусом, стопроцентная смертность, рекомендовано прекратить все контакты до выяснения обстоятельств», после чего взорвал себя вместе со всем оборудованием.

Поселенцы были шокированы случившимся, кое-как залатали повреждения в отсеке подручными материалами и честно отстояли час молчания в память о бедняге. Потеря связи с Землей, конечно, напугала самых слабонервных, но губернатор колонии убеждал: в течение месяца прилетит очередной корабль с провизией, бояться нечего.

Когда корабль в указанный день не прилетел, среди поселенцев случилась первая волна паники. Взломали замки на хранилище с припасами, растащили кто что смог. Возникла драка, пролилась кровь. Бунт сумели подавить, но вернуть украденное – нет. Обсудив на народном собрании проблему, люди пришли к выводу, что им нужно экономнее расходовать остатки еды, ввести карточную систему и терпеливо дожидаться корабля, который наверняка просто задержался по каким-то причинам, а из-за потери связи не смог об этом сообщить.

Через четыре месяца колония представляла собой жалкое зрелище. Среди населения наступил самый настоящий голод. Первыми ослабели дети. Затем слегли и взрослые. Целые семьи вповалку лежали в своих жилых отсеках. Но люди продолжали надеяться на чудесное спасение.

В один из таких дней возле колонии приземлился инопланетный корабль. Губернатор, который с трудом встал с постели, чтобы встретить

гостей, удивился, заметив, что на этот раз перед ним не торговцы, а частный звездолет.

Протурбиец, вышедший в сопровождении слуг, надменно взглянул на изможденного человека, едва не падавшего с ног. Знатность визитера выдавали многочисленные одежды, сплетенные из особых растительных волокон. В процессе торговли и общения люди уже успели выучить: чем больше таких одежд накинута на протурбийца, тем более важной персоной он является.

По-хозяйски шагая по отсекам, гость разглядывал ослабевших людей. Кое-где он задерживался, и после короткой беседы некоторые поселенцы покидали свои семьи и выходили наружу, чтобы сесть в инопланетный корабль. Родные тихо плакали, глядя им вслед, но не протестовали.

Заглянув в очередной жилой отсек, протурбиец в который раз остановился. Его жуткий магнетический взгляд скользнул по исхудавшему отцу семейства, пробежался по макушкам двух детей-погодков, остановился на женщине с запавшими глазами. Присмотревшись внимательнее, протурбиец отметил отвисшие плоские груди, из которых пытался высосать последние драгоценные капли младенец, и мгновенно потерял интерес к матери. Затем он обернулся к последнему ребенку, мальчику лет восьми, испуганно смотревшему исподлобья.

Указав длинным пальцем, увенчанным острым черным ногтем, протурбиец заговорил на родном языке. Ничего не разобрав среди свистящих и шипящих звуков, мать отложила младенца в кроватку, кинулась к столу, отыскала и включила электронный переводчик, знаками попросила повторить.

С недовольной миной гость уступил просьбе, а аппарат выдал:

– Мешок тис-тиса за детеныша.

Слуги за его спиной тут же втащили и поставили на пороге предмет обмена. У женщины приоткрылся рот. Тис-тис, который выращивали на своих планетах протурбийцы, напоминал чем-то картофель или репу. Его так же можно было варить, жарить и печь. Этот овощ был очень сытным, хоть и не имел вкуса или запаха. На глазах женщины выступили слезы, когда она по очереди переводила взгляд с мужа на каждого из своих детей. Этой еды им хватило бы на две недели, а при очень экономном расходе, возможно, удалось бы растянуть на месяц. Кто знает, может, тогда корабль с Земли все-таки появится...

Спохватившись, женщина подбежала к шкафу, вынула из него горсть камней, которые ее муж добывал в шахте. В свете лампы искусственного освещения на дрожащей ладони блеснули зеленые, красные и белые искры.

Но протурбиец с презрительным видом лишь покачал головой.

– Такого добра полно, – перевел прибор, – тис-тис только за детеныша.

– Возьмите меня! – взмолилась тогда мать. – Я могу готовить, служить в доме, выполнять все, что скажете.

– Дохлая, – отрезал протурбиец, – не нужна. Детеныш живой. Нужен.

– Ребенка не отдам!

Знаком приказав слугам забрать мешок, визитер собрался уйти.

– Стойте!

Мальчик, который все это время следил за происходящим, с непонимающим видом посмотрел на мать в поисках поддержки. Та снова растерянно оглядела семейство. Муж попробовал возмутиться, но она быстро отвернулась от него. В кровати еле слышно запищал младший. До крови закусив губу, женщина подошла, встала перед мальчиком на колени, пригладила темные завитки отросших за последний месяц волос.

– Сынок мой, – сквозь слезы заговорила женщина и тут же задохнулась от рыданий. Совладав с собой, она продолжила: – Ты должен пойти с этим дядей куда он скажет.

– Я не хочу, мама! – испуганно прошептал тот.

– Ты должен, – всхлипнула мать и провела ладонями по лицу ребенка, словно пыталась запомнить каждую черточку. – Только не думай, что я отдаю тебя, потому что не люблю. Я очень люблю тебя. Слышишь, Кай?! Мама очень тебя любит. Но ты – старший, и ты должен помочь мне спасти остальных.

Мальчик перевел взгляд на протурбийца.

– Мама, он страшный...

– Я знаю, – женщина бросилась целовать сына, потом потянулась за его курткой, накинула на плечи, – я знаю, но ты должен быть сильным и смелым, сынок. Ты только выживи. Я обязательно тебя найду. Береги себя. Береги себя, Кай, и я тебя найду! Это ненадолго, обещаю. Только будь осторожен.

Зажав одной рукой рот, другой она подтолкнула сына к протурбийцам. Мальчик послушно сделал несколько шагов, но, когда к нему потянулись желтые руки с черными ногтями, в ужасе отпрянул и хотел броситься назад.

– Мама! Я не хочу! Мама!

Женщина отвернулась, ее плечи вздрагивали. Его поймали, скрутили и унесли, оставив на пороге мешок тис-тиса.

На корабле, оказавшись в компании многих знакомых людей, Кай немного успокоился. Вспомнив наставления матери, он забился в угол и

молчал весь полет. Им раздали лепешки, и это тоже немного приободрило мальчика. В последний раз он ел два дня назад. Если страшные существа взяли его, чтобы кормить, то, наверно, мама права и все не так уж плохо.

На планете, куда привезли Кая, в разгаре была зима. Проваливаясь в снег в легких ботинках, предназначенных для прогулок по станции, он дрожал от холода. Но мама обещала, что скоро заберет его домой, в желудке переваривалась сытная лепешка, а временные неудобства он решил потерпеть. Тот протурбиец, который выменял его, уже не появлялся, вместо него людей окружали другие – в двуслойных одеждах, с громкими хриплыми голосами и злыми взглядами.

Кая и остальных пригнали в горный карьер. Слева возвышалась каменоломня, справа в скале виднелись выдолбленные гrotы. Оказалось, что это и есть новое пристанище землян. Их ожидал тяжелый труд. Мужчинам приказали долбить и откалывать большие куски породы. Те, кто послабее, разбивали глыбы на более мелкие. Дети таскали камни в вагонетки и волокли к погрузчику, который забирал материал и увозил в неизвестном направлении.

Людям объяснили, что каждый должен выполнить определенную норму работы и тогда в конце дня получит еду. Если недовыполнит хотя бы на чуть-чуть – не дадут ничего. Физические наказания не предусматривались, хотя надсмотрщики любили прикрикнуть на особо нерасторопных. Но если кто-то пробовал накинуться на протурбийцев, те не гнушались пускать в ход острые пики, концы которых смазывали ядовитым составом, действующим на нервную систему и вызывающим сильнейшую боль. Пик боялись, а потому надсмотрщиков обходили стороной.

В первую ночь, когда Кай вместе с другими детьми вошел в каменный мешок и понял, что ему предстоит спать в лучшем случае на тонкой подстилке, по его лицу потекли слезы. Пока он стоял в нерешительности, более опытные уже занимали удобные места подальше от входа и поближе к разведенному огню. В соседнем гроте в точно таких же условиях располагались взрослые.

– Что застыл, нюня? – грубо толкнул Кая высокий сутулый парень с натруженными руками.

В кулаке мальчика он увидел комок вязкой жевательной субстанции, которую выдали новичкам наравне с теми, кто отработал по нормативу. Резким движением парень выхватил у Кая еду и запихнул себе в рот.

– Отдай! – воскликнул мальчик, но старший только заржал и, дожевывая остатки пищи, пошел дальше – искать место для ночлега.

Сообразив, что слезами делу не поможешь, Кай попробовал сунуться к костру, но его вытолкнули вон из круга тепла и света. Закутавшись в куртку, он нашел место у стены, сполз и уткнулся лицом в колени. Оказалось, что если прижаться к соседу, то станет теплее, и, повинаясь инстинкту, забыв про стеснение, Кай сбился в кучу с другими собратями по несчастью, чтобы пережить ночь.

Утром проснулись не все. Те, кому не повезло оказаться у самого входа, замерзли. Кай посмотрел на неподвижные фигурки двух мальчиков из родной колонии, и его взгляд стал пустым.

В тот день он усердно работал. С одной стороны, от физических усилий тело согревалось само собой и меньше мучил холод. С другой стороны, к вечеру ужасно хотелось есть, желудок скручивало от боли. Пока Кай стоял в очереди за комком еды, который просто вкладывали в руку на раздаче, мороз вперемешку с ледяным ветром успел пробраться до костей. Усталость валила с ног. Сжимая в ладошке пищу, он брел в укрытие и грел о едва теплый комок озябшие пальцы.

Оказалось, что более расторопные успели занять все хорошие места. Опасное пространство почти у самого выхода оставалось пока свободным. Кай быстро запихнул в рот еду. Он больше не думал о маме, папе или родном доме. Все его мысли были заняты только одной целью, глаза сами собой искали в глубине грота оранжевый огонек костра. Тепло. И еда. Два бога, которым он с этого дня начал фанатично поклоняться.

Сжав кулаки, Кай ворвался в гущу сидящих в середине грота. Его пробовали вытолкнуть. Тогда он принялся отбиваться. Пара синяков и разбитая губа не значили ничего по сравнению с опасностью замерзнуть во сне. В конце концов с ним смирились и оставили греться, но боль в помятых ребрах долго не позволяла сомкнуть глаз.

На третий день в голове Кая возник план. Получив вечером паек, он не стал есть, а поспешил напрямик к костру, где уже укладывались старожилы. Кай вспомнил, как делали протурбийцы, прилетавшие в колонию. Он постучал ближайшего парня по плечу, показал еду, осторожно, не протягивая на ладони, а готовясь в любой момент отдернуть руку, и произнес:

– Кусок за место.

Это были его первые слова, сказанные за последние дни. Голос был чужим и хриплым, как будто Кай ел холодный снег и застудил горло. Его новый торговый партнер с интересом уставился на еду. Глаза блеснули. Пищи работникам карьера всегда не хватало. Наверно, протурбийцы ограничивали паек с умыслом, чтобы стимулировать работать больше за

кусок и не лениться. Заодно работал естественный отбор. Слабые умирали, сильные продолжали работать и выживать до тех пор, пока сами не становились слабыми, и на их место приходили другие...

– Да я у тебя его просто так отберу, мелюзга! – вдруг оскалился парень.

Свободной рукой Кай молниеносно выхватил из кармана обломок камня с зазубренными краями. Увидев днем его под ногами, не мог не порадоваться находке, а вот теперь и применение нашлось.

– Кусок за место, – повторил он.

Парень покосился на оружие мальчика.

– По рукам, – с неохотой проворчал он и подвинулся, выделяя место у огня.

В ту ночь Кая окутывало блаженное тепло. В желудке по-прежнему урчало от голода, но зато снилась мама, и она говорила:

– Я обязательно тебя найду. Обязательно. Только будь осторожен.

В последующие дни Кай выработал целую систему по выживанию. Он не знал, как скоро на этой планете закончится зима, но поставил себе целью дожждаться весны и приезда мамы любой ценой. Почему-то его не оставляло ощущение, что, как только солнце начнет пригревать, его родные прилетят за ним. Поэтому, когда Кай мог терпеть голод, он менял свою еду на место у костра. Когда становилось невмоготу – съедал кусок и кулаками отвоевывал полметра земли в толпе «середнячков». Он делал все возможное, чтобы не оказаться с краю, и постепенно даже начал собой гордиться.

Однажды ему повезло. Пока стояли в вечерней очереди за едой, среди работников вдруг возникла потасовка. Причины Кай не знал, зато заметил комок пищи, выпавший у кого-то под ноги дерущихся. С риском получить травму Кай бросился на землю, схватил еду и тут же запихнул в рот. Когда навели порядок и подошла его очередь, Кай получил еще и свою порцию. Он незамедлительно обменял ее на место у костра. Всю ночь в гроте слышалось тихое хныканье мальчика, который, как оказалось, и обронил свою еду в потасовке. Кай лежал на боку, слушал эти звуки и смотрел во тьму ничего не выражающим взглядом. Его желудок был полон, ноги и спину согревало тепло. Он чувствовал себя счастливым, которому выпала редкая удача.

Наконец наступила весна. С ее приходом Каю больше не приходилось менять еду на тепло. Он мог спать в середине грота или даже ближе к выходу и не бояться умереть от холода. Вот только мама не прилетела. Когда пришло лето и адская дневная жара напрочь отбивала аппетит, а за

порцию воды хотелось перегрызть соседу горло, Кай вообще перестал разговаривать с окружающими или скучать по дому. Все его мысли занимала одна проблема: скоро снова наступит зима. Он не замечал, как от тяжелой работы лопается кожа на руках или сутулится спина. Если у него и появлялись мечты, так это о том, как стащить у кого-нибудь теплую куртку и закопать ее в укромном месте до наступления холодов.

Через два года Кай мог себе позволить больше не бояться зимы. Внешность протурбийцев тоже перестала казаться устрашающей. По вечерам Кай уверенным шагом заходил в грот и направлялся к своему законному месту у костра. У него не было друзей, он никому не доверял, предпочитал ударить вместо того, чтобы сказать. Он был жив, сыт и очень осторожен.

Тем временем в каменоломне начал назревать бунт. Среди последней партии людей, привезенных из различных колоний, нашелся некто, сумевший убедить остальных, что земляне умнее гуманоидов и просто обязаны показать, кто на самом деле здесь хозяин. По ночам Кай продолжал лежать у костра, слушать шепотки вокруг и смотреть в темноту ничего не выражающим взглядом. Его волновали еда и тепло, все остальное оставляло равнодушным. С ним пробовали заговорить, но быстро оставляли в покое.

Революция грянула в тот день, когда владелец каменоломни решился приехать с инспекцией. Кай посмотрел издали на того самого протурбийца, когда-то забравшего его у матери, сжевал лишний кусок еды, выданный всем в качестве бонуса от щедрого господина. Когда в толпе кто-то крикнул: «Бить его!» – и ряды сомкнулись вокруг не ожидавших атаки протурбийцев, Кай, пожалуй, единственный остался стоять на своем месте. В ход пошли отравленные пики, первые ряды упали под ноги напиравших сзади вторых и третьих. Главный протурбиец гневно свистел и щелкал, выкрикивая ругательства.

Пустой взгляд Кая неожиданно просветлел. Он повернулся и спокойно пошел прочь. В пылу драки на него никто не обращал внимания. Пока слуги бежали на помощь хозяину, пока люди схватились врукопашную с гуманоидами, Кай вышел на дорогу.

Он шел до тех пор, пока мог передвигать ноги. С наезженного пути не сворачивал, потому что опасался лесной чащи. Кай не знал, куда направляется, лишь повиновался порыву. Правда, силы не рассчитал. За годы нахождения в практически замкнутом пространстве позабыл, что такое расстояние.

На рассвете Кай сделал последний шаг и упал. Протурбийская земля

пахла приторно-сладко. Он сомкнул веки и вдыхал ее аромат, пока сознание не начало уплывать. Тогда вдруг почувствовал легкое прикосновение к щекам. Такое непривычно нежное, что Кай вздрогнул. Его лицо защекотали кончики длинных женских волос, в ухо проник ласковый шепот:

– Открой глаза, сынок. Не сдавайся. Будь сильным. Ты должен выжить. Должен дожидаться меня. Я обязательно заберу тебя отсюда. Открой глаза.

В этот момент Кай всегда открывал глаза.

Он открыл их и сейчас.

* * *

Мне снился странный сон.

Будто я лежу, вытянувшись, на спине, а надо мной виднеется купол безоблачного голубого неба. К нему стремятся верхушки темно-зеленых деревьев. Они колышутся на ветру, но самого звука шелестящей листвы не слышно. Вообще ничего не слышно, поэтому я еще больше убеждаюсь, что плыву в сновидениях.

Земля подо мной холодная и мягкая. Почему-то я уверена, что лежу именно на голой земле, а не на пледе или походном коврике. В голове звенящая пустота. Никак не получается вспомнить, как я тут оказалась и зачем. На грудь словно камень положили, каждый вдох дается с огромным трудом. Руки и ноги тоже придавлены тяжестью. Хочу пошевелиться, но не могу.

Внезапно перед глазами возникает мужское лицо. Кай нависает надо мной, загораживая собой небо, и я с удивлением отмечаю, что он стоит на четвереньках прямо над моим неподвижным телом. Его колени упираются в землю по обе стороны от моих бедер, а руки – от моих плеч. Кай раздет по пояс, как и был в момент, когда мы... я силюсь, но не могу припомнить когда.

Кай вглядывается в мои глаза, словно пытается уловить в них какой-то знак. Потом открывает мой рот и вкладывает туда листок неизвестного мне растения. Бархатистая поверхность ощущается на языке. С интересом жду, что будет дальше. Кай что-то говорит, его губы шевелятся, брови сходятся на переносице, но так как я не слышу, то и не могу понять, что ему от меня нужно.

Тряхнув головой, Кай вынимает листок и засовывает себе в рот. Сосредоточенно жует, все так же безотрывно глядя мне в глаза. Наклоняется. Мои губы остаются приоткрытыми, и я ощущаю легкое

прикосновение губ Кая, когда он сплевывает мне на язык пережеванную кашу из растения. Смоченная его слюной, она скользит дальше к горлу. Машинально сглатываю. Кай с удовлетворением кивает, а я рассеянно думаю о том, какие у него мягкие и теплые губы. Это как-то не вяжется со всем остальным его образом.

Кай смотрит на меня долгим взглядом, а я смотрю на него. В окутавшей меня тишине это выглядит как стоп-кадр немого кино. Потом он с видимым трудом поднимается на ноги и уходит.

* * *

Очнулась я действительно на земле. Приподнялась на локтях, вспоминая последние секунды перед падением. Поляна. На первый взгляд – обычная поляна в лесу. На ее краю возвышался обломок звездолета, похожий на большого головастика, которому отрубили хвост. Бесплезная теперь гора железа, нашедшая последнее пристанище на чужой планете. Длинный, насколько можно было видеть, коридор из сломанных деревьев за ним указывал, что Каю все же удалось при посадке избежать прямого удара о землю.

Дыхание тут же перехватило от нехороших мыслей. Лиза. Катя. Что стало с ними? Все казалось кошмаром, я даже ущипнула себя в надежде, что проснусь, но ничего не изменилось.

– Долго же ты спала, – раздался грубый голос.

Я повернула голову. Бизон собственной персоной, живой и здоровый. Он сидел неподалеку на траве и сосредоточенно обстругивал ножом сломанную ветку. Зеленоватая с белым кора под острым лезвием собиралась в кудрявую стружку, а затем отлетала в сторону. Глядя на толстые пальцы, сжавшие нож, я невольно попыталась отползти подальше. Бизон заметил маневр и недобро ухмыльнулся. Похоже, мой страх ему нравился.

– Чуешь, что двигаться тяжелее? – спросил он будничным тоном. – Сила притяжения больше.

– Чую, – пробормотала я, сообразив, почему сначала не могла пошевелиться.

Тут же вспомнилось видение про Кая. Что это было? Сон? Или явь? Если сон, то кто на самом деле вытащил меня из корабля на поляну? Если явь, то где сам Кай?

– Почему... – я сглотнула, – мы тут только вдвоем?

– И дышать тяжелее, чуешь? – пропустил мой вопрос мимо ушей Бизон и повертел колышек, оценивая острие. – Уровень кислорода другой.

Это, конечно, я тоже чувствовала, хотя такой тяжести в груди, как во время странного то ли оцепенения, то ли сна, уже не ощущалось. Но мне не понравилось, что Бизон ушел от ответа.

– Где остальные? – снова спросила я, стараясь заглушить нарастающую тревогу.

Мой собеседник пожал плечами.

– Все здесь.

Я обвела взглядом поляну и наткнулась лишь на кусты с широкими, темными, мясистыми листьями и мелкими красными цветами.

– Где?

Бизон хмыкнул.

– Да вот они мы. Мы только вдвоем и спаслись. Поэтому... – Он многозначительно умолк.

– Что поэтому? – похолодела я.

– Поэтому, – Бизон вдруг резким движением метнул колышек. Острие вонзилось в нескольких сантиметрах от меня, заставив вздрогнуть, – мы теперь с тобой как эти... Адам и Дева.

– Адам и Ева, – поправила я машинально.

Неизвестно, с чего бритоголового потянуло на древние легенды, но он выглядел очень серьезным. Поднялся, отряхнул штаны, вразвалочку подошел ко мне, наклонился, выдернул колышек. Перепачканное в земле острие описало в воздухе дугу и нацелилось мне в горло. Взгляд у Бизона стал таким же, как на корабле: страшным и диким.

– То есть ты – моя телка, я – твой пахарь, поняла? – процедил он.

Я замерла и, кажется, приоткрыла рот. Остаться в живых на незнакомой планете наедине с бритоголовым – хуже не придумаешь. У меня даже не имелось в запасе времени, чтобы оплакать подруг и обдумать свое новое положение: похоже, прямо в ближайшую секунду Бизон собирался сделать кое-что нехорошее. Это ясно читалось в выражении его лица.

В какой-то момент показалось: он сейчас на меня бросится. Но Бизон вдруг поднял голову, взглянул поверх моей макушки и расплылся в улыбке:

– Привет, кэп.

Я обернулась. Судя по тому, как покачивались ветки за спиной Кая, он только что вышел на поляну из леса. Долго же я спала на самом деле, раз он успел не только одежду себе найти, но и выбраться на прогулку. Появилась надежда, что при виде бритоголового, нацелившего на меня

острый кол, Кай заступится или хотя бы сделает замечание, но я жестоко просчиталась. Он просто уставился на нас, будто хотел посмотреть, чем все закончится.

Тем не менее едва уловимое движение воздуха подсказало, что Бизон отступил. Тогда Кай спокойно двинулся дальше, пересекая поляну по направлению к кораблю. Меня затрясло. Я подскочила, наплевав на все различия в земном притяжении, бросилась наперерез и с размаху толкнула его в грудь.

– Да как ты можешь?! – заорала я в ненавистное лицо что есть силы. – Как ты можешь просто разгуливать тут после того, что сделал?!

Кай сверкнул глазами и быстро отвернул голову, предоставив мне любоваться, как играют желваки на его скулах. Он не проронил ни слова и не попробовал защититься, когда я ударила его кулаками в грудь второй раз.

– Ты – убийца! Ты моих друзей убил! Они мертвы из-за тебя! Выродок! Продажный тип! Козел! Эгоистичный хрен!

– Я сделал то, что считал нужным, – отчеканил Кай, продолжая смотреть в сторону.

– То, что считал нужным для себя! Я же просила тебя остановиться! Я же просила... – Я шагнула в сторону, поймала его взгляд, пустой и холодный, и внезапно меня осенило: – Тебе все равно?! Тебе все равно! Тебя ничто не волнует, кроме собственной шкуры!

– Знаешь что, Белоснежка? – вдруг рявкнул Кай мне в лицо. – Я открою тебе великую тайну. Люди умирают в космосе. Вот так. – Он поднял руку и демонстративно щелкнул пальцами перед моим носом. – И ты тоже умрешь, если будешь цепляться за тех, кто ушел. Особенно на такой планете, как эта, где даже воздух может тебя убить.

Воспользовавшись моей растерянностью, Кай взял инициативу в свои руки и теперь сам начал наступать на меня.

– Будешь много плакать – умрешь. Будешь тратить силы на перепалки со мной – умрешь. Будешь думать хоть о ком-то, кроме себя, – умрешь. Ты поняла меня?! Твоя голова сейчас занята не теми проблемами.

– Прекрати учить меня, как выжить в заднице мира, куда мы попали из-за тебя! – стиснула я кулаки.

– Да ты жива до сих пор только из-за меня! – Кай, тяжело дыша, застыл в нескольких сантиметрах, нависая надо мной.

Это было даже ближе, чем в том видении, когда он запихнул лист растения в мой рот и заставил проглотить. Странные ощущения снова охватили меня. Значит, все-таки не приснилось? Прежде чем я успела опомниться, Кай добавил уже более спокойным голосом:

– И твоя подруга жива тоже.

– Лиза?! – выдохнула я, мгновенно позабыв про злость.

В холодных, как сталь, глазах Кая мелькнуло сожаление. Он покачал головой:

– После такого не выживают.

– Значит, Катя... – Я огляделась, но по-прежнему заметила на поляне лишь Бизона, который снова присел на траву и продолжил затачивать деревяшку. – Где она?

– Там, – кивком головы Кай указал в сторону корабля, обогнул меня и продолжил путь.

– Кэп почему-то считает, что ты нам еще понадобишься в будущем, – сплюнул в сторонку и заговорил Бизон, пока я в нерешительности топталась на месте и наблюдала, как Кай ловко забирается в обломки звездолета. – Столько с тобой возился, пока ты хрипела тут на траве. А я вот считаю, что ты скоро загнешься. Поэтому давай не будем тратить время зря и доставим друг другу удовольствие напоследок, а?

На миг мне показалось, что ослышалась. Я хрипела?! Ничего подобного не помню... хотя... могло быть так, что просто не слышала собственных хрипов, как и не смогла разобрать, что говорил мне Кай тогда?

Раздираемая сомнениями, я снова посмотрела туда, куда он ушел. Бизон расценил мой взгляд по-своему.

– Он нам не помешает, если поймет, что ты сама не прочь, – с гадкой улыбочкой произнес бритоголовый.

– Зачем ты меня обманул? – поежилась я. – Зачем сказал, что спаслись только мы?

Продолжая ухмыляться, Бизон пожал плечами.

– Думал, кэп погуляет подольше...

Я представила, чем все могло бы закончиться, и невольно попятилась. Потом повернулась и чуть ли не бегом бросилась к звездолету. Будто инстинкт толкнул в спину и подсказал: надо держаться ближе к Каю, из двоих парней именно с ним безопаснее. По крайней мере, он не пытался поиметь меня ни силой, ни обманом.

Нырнув под свисавший кусок обшивки, я переступила через какие-то шланги, дохлыми змеями раскинувшиеся под ногами, и оказалась внутри. Здесь словно ураган прошел. Осколки, обломки, детали мебели – все валялось вперемешку, не уцелело практически ничего. Пришлось передвигаться очень осторожно. Где-то дальше в недрах корабля слышались шаги Кая. Несмотря на полутьму, я разглядела нечто, похожее на мумию, аккуратно уложенную вдоль стены, и упала на колени возле нее.

– Катя!

Закусив губу, дрожащими руками я отвела темные и растрепанные, как пакля, волосы от лица подруги. На ее скуле наливался синяк, глаза были закрыты. Я обратила внимание, что кто-то набросил сверху мужскую куртку и очень предусмотрительно оставил пострадавшую здесь, в своеобразном укрытии.

– Катя, очнись! – взмолилась я.

Подруга слабо простонала что-то, но так и не подняла веки. Кай сказал, что она жива. Вот только предупредить забыл, в каком состоянии.

– Я сделал все, что мог.

Я вскинула голову. Кай возвышался над нами, держа в руках ворох какого-то барахла. Я быстро отвернулась, хотя в полутьме он вряд ли сумел бы разглядеть слезы у меня на глазах.

– Что с ней?

– Я не знаю. Я не врач, – отрезал Кай. – Но догадываюсь, что в твою подругу что-то врезалось во время крушения. Мне кажется, причина ее состояния в этом.

Я спрятала лицо в ладонях, заново переживая весь ужас падения. Когда от звездолета оторвался кусок и все стало происходить в мгновение ока, мимо пролетали какие-то вещи. Возможно, что-то тяжелое и ударило Катю, так как она, получается, закрывала меня собой... она же закричала, а я тогда подумала, что от страха...

– Ты же знаешь, как лечить людей, – глухо пробормотала я, оставаясь к Каю спиной, – ты засунул мне какой-то листик в рот, когда я задыхалась.

– Это все, что я знаю, Белоснежка. Немного разбираюсь в местных растениях, вот и все. То, что я нашел, протурбийцы применяют при астме, чтобы помочь работе легких. Это помогло и тебе адаптироваться к местной атмосфере. Тебе просто повезло, что я это знал и что это растет здесь. Тяжелые повреждения определять и лечить я не умею.

Меня раздирали противоречивые чувства. Кай спас меня, сделал все возможное для Кати, но... не соверши он прыжок в гиперпространство, мы все были бы живы и здоровы! Поэтому, если у меня на языке и вертелись слова благодарности, я предпочла их проглотить и вместо этого бросила:

– Скажи, что ты знаешь, как нам выбраться отсюда домой. Кате нужен врач!

Кай ответил не сразу. Когда заговорил, уже по тону я догадалась, что он колебался, вселять ли в меня надежду или ответить правду, а затем выбрал последнее.

– Я знаю, как нам протянуть до следующего утра. Учитывая

обстоятельства, это уже неплохо.

Я ничего не возразила, показывая, что больше не хочу продолжать этот разговор и Кай может убираться на все четыре стороны. Протянуть до следующего утра! И он говорит это так, будто готовится записать достижение в книгу рекордов!

Внезапно Кай отбросил свое барахло, наклонился, подхватил меня за локоть, рывком заставил подняться на ноги и повернул к себе. Я с непониманием захлопала ресницами.

– И ты мне сделаешь большое одолжение, Белоснежка, – с неожиданной злостью процедил он, – если сейчас поищешь, что бы такое на себя надеть, чтобы меньше выглядеть как девчонка, и будешь меньше открывать рот, чтобы пореже о своем присутствии напоминать.

– Что плохого в том, что я девчонка?! – растерялась я.

Кай с раздражением выдохнул, будто я оказалась такой тупой, что не понимаю очевидного.

– Потому что, по моим подсчетам, мы не выберемся отсюда ни завтра, ни послезавтра. Разве что в кустах притаился новехонький звездолет для нас, но ты сама понимаешь, каковы шансы на это чудо.

– И что? – вздернула я подбородок.

– А то, что мы больше не сможем жить, как ты привыкла. Ты больше не девочка в жилеточке престижного университета, которая может чувствовать себя в полной безопасности, даже когда решает ввязаться в небольшие приключения.

– Отпусти меня! – возмутилась я, но Кай продолжал крепко удерживать мою руку.

– Ты здесь добыча, Белоснежка. Для меня и Бизона. Один из нас должен получить тебя, потому что когда нет законов, остаются только инстинкты.

– Что ты несешь! – Теперь мне снова стало страшно.

Кай без остановки бросал мне в лицо безжалостные слова:

– Рано или поздно Бизон захочет убить меня из-за тебя. Он уже этого хочет, но прошло слишком мало времени, еще не осмелел. Вот только я умирать не собираюсь.

– Отлично, – фыркнула я, – а я не собираюсь считать себя чьей-то добычей.

Кай тряхнул меня, заставив замолчать.

– Бизон мне нужен. Он сильный и долго протянет без еды. Лишние руки мне не помешают, когда придется охотиться или обороняться.

– Так вот как ты оцениваешь людей? С позиции кто больше тебе нужен

и кто дольше без еды протянет?! – зашипела я. – Как же это мерзко! Отпусти меня! Не трогай!

– Ты не слушаешь меня, Белоснежка! Не заставляй меня убивать Бизона из-за тебя. Потому что этот выбор не в твою пользу. По всем законам логики я должен выбрать его.

– Поэтому ты не стал за меня заступаться, когда вышел из леса и увидел нас! – догадалась я. – Заметил, что он в меня острой деревяшкой тычет, но промолчал.

Кай наконец отпустил мою руку и принялся собирать вещи, которые выронил.

– Я остановил его. По-своему. Нет времени тебе что-то объяснять. Но пойми, чем чаще мне придется это делать, тем больше Бизон будет видеть во мне соперника, – Кай выпрямился и смерил меня взглядом, – даже если на самом деле это не так. Поэтому вопрос его нападения – лишь дело времени. Разве что ты сегодня же дашь ему то, что он хочет. Тогда все разрешится миром.

Я сглотнула, представив такую перспективу.

– Так я и думал, – усмехнулся Кай.

– Почему ты ждешь, что он обязательно нападет? – с сомнением поинтересовалась я. – Сам же только что заметил, что ты ему в соперники не набиваешься.

– Потому что я знаю, Белоснежка, – уже на ходу бросил он. – Потому что, как только мы более-менее обустроим себе тут жизнь, один из нас станет третьим лишним. Чем больше у меня будет времени к этому подготовиться – тем лучше.

– А что ж ты третьего из вашей шайки в расчет не берешь? – в отчаянии крикнула вдогонку я, вспомнив о долговязом парне.

– Он не выжил.

Шаги Кая стихли, а я снова опустилась на колени возле Кати. Осторожно поправила на ней куртку, проглотила злые слезы.

– Ничего... – я погладила подругу по голове, – ты поправишься... по крайней мере, тебе не придется быть поделенной между двумя неприятными типами, один из которых и в дележке-то участвовать не хочет. А когда очнешься, мы уже будем лететь домой...

Я утешала ее, а сама чувствовала, что слова Кая что-то сломали во мне. Возможно, такого эффекта он и добивался, но теперь меня каждую секунду преследовало ощущение опасности. Мы должны были сплотиться, держаться вместе, но в компании с Бизоном на это не стоило рассчитывать. Наверно, об этом Кай и хотел сказать. Что ж, а мне, пожалуй, не надо

доверять никому из них. Если бы Катя не пострадала, мы бы объединились с ней и стало бы полегче, но пока она только цеплялась за жизнь, я решила вести себя осторожнее.

Поэтому последовала совету Кая. Начала рыскать по звездолету в поисках вещей. К сожалению, мои сумки и вся сменная одежда исчезли вместе с хвостовой частью, а сама я осталась в том же, в чем вскочила с постели, – в удобных хлопковых брюках и кофте. Неизвестно, что такого порочного углядели в моем облачении Кай на пару с Бизоном, это была обычная одежда для дома. Пока я ползала среди обломков, слышала еще чьи-то шаги внутри звездолета и пару раз замирала при мысли, что бритоголовый пришел за мной. Правда, никто меня так и не обнаружил.

В любой момент я боялась наткнуться на тело долговязого, но, похоже, его куда-то убрали, остались только неприятные пятна на полу в рубке управления. Наконец мне удалось найти чью-то поношенную рабочую куртку на два размера больше. Я закуталась в нее, заплела волосы в узел на затылке. Зеркала поблизости не нашлось, но и без него я не сомневалась, что выгляжу чудовищно. Кай должен быть доволен.

На обратном пути я опять проверила, не очнулась ли Катя, и выбралась наружу посмотреть, чем заняты остальные. Оказалось, что парни пакуют вещи. В траве валялся оранжевый пожарный топорик, несколько ножей, брезент, еще какая-то мелочь, которую, очевидно, натаскали из звездолета. Кай изучал прибор, похожий на полукруг. Потухший экран пересекала трещина. Бизон усердно запихивал в рюкзак большой кусок полотна. Я осторожно приблизилась.

– Куда это вы?

– Куда это мы, – поправил Кай, не отвлекаясь от занятия. – Собирай все, что можешь унести, Белоснежка. Мы уходим.

– Уходим?! – похолодела я. – Но... там же Катя лежит! Она не может идти!

– Она и не пойдет, – вставил Бизон и поковырялся в зубах, поглядывая на меня снизу вверх.

– Я тогда тоже не пойду, – затрясла я головой. – Вот так вы, значит? Слить ее решили? Бросить здесь умирать?!

– Она и так умрет, – тихо произнес Кай.

– Она не умрет, – возмутилась я, – ей просто надо больше времени, чтобы очнуться. Я буду за ней ухаживать.

Парни переглянулись.

– У нас нет воды, – начал терпеливо объяснять Кай, – и еды. Все наши запасы были в хвостовом отсеке, который сейчас где-то вон там.

Я проследила за его рукой в направлении леса. За верхушками деревьев просматривалась вершина двугорбой горы.

– Я успел заметить, куда примерно рухнула хвостовая часть, – сообщил Кай. – Хороший ориентир.

– Там Лиза... – вырвалось у меня невольно.

– И второй сигнальный маяк, – добавил Кай и продемонстрировал мне разбитый прибор, – этот уже не реанимировать.

– Думаешь, там что-то уцелело? – Я снова покосилась на гору.

– Не знаю. Если маяк работает – это наш шанс попросить о помощи. – Он вдруг усмехнулся. – Хотя вряд ли кто-то прилетит на планету с такой степенью карантина, как Н-17. Но попытаться можно, если больше заняться нечем.

– А из-за чего здесь карантин? – спохватилась я. – Он правда опасен? Мы уже заражены?

– Скорее всего, – мрачно хохотнул Бизон, дергая застежку рюкзака, – пузырчатая болезнь, как говорят, распространяется и по воздуху, и по воде. Приставучая, зараза.

– Пузырчатая болезнь? – Я перевела взгляд на Кая.

Он недовольно поморщился.

– Говорят, все начинается с лихорадки. Затем кожа вздувается пузырями по всему телу. Они растут все больше, пока не покрывают полностью, и заболевший превращается в один сплошной очаг пузырей. Протурбийцы страшно боятся пузырчатой болезни, потому что даже у них нет лекарства от нее.

Я задумчиво кивнула. В университете нам рассказывали, что синтетические лекарства землян оказались менее эффективны, чем натуральные вытяжки из растений у соседей по космосу, и если уж те посчитали какую-то болезнь страшной и неизлечимой, то шутки плохи.

– Думаешь, мы успели подхватить эту болезнь? – прошептала я, почувствовав, как дрожат колени.

Кай развел руками.

– Мы пока только дышали воздухом. Учитывая, что при падении наделали шуму, а посмотреть на нас никто до сих пор не явился, можно предположить, что наверняка местные жители давно умерли. Возможно, и вирус выродился без своих носителей.

– Но возможно, и нет...

– Да, Белоснежка, – не стал спорить Кай, – возможно, он уже в нас и ждет своего часа.

– Это называется «инкубационный период», – пробормотала я.

– Да плевать, как это называется, – фыркнул Бизон, – важно с умом распорядиться оставшимся временем.

Он подмигнул мне. Я предпочла отвернуться.

– Так как у нас нет своих запасов, – продолжил Кай, – нам все равно придется пить воду, которую найдем, и есть то, что соберем и поймаем. Но предлагаю не паниковать раньше времени и отталкиваться от версии, что мы пока не заражены. Воды, правда, поблизости нет. Животных я тоже не встретил, пока делал обход. Съедобных растений не нашел, а наугад есть что-то не советую. На планетах протурбийцев растет очень много в малых дозах лечебного, в больших – ядовитого.

Я только покачала головой. Хоть Кай и пытался унять панику, но она все равно поднималась внутри меня. Мы в лесу, но вокруг нет животных! Что это могло бы означать? В моем понимании лишь одно – мы находились в мертвой зоне. Пузырчатая болезнь убила все живое, за исключением растительности. Теперь понятно, почему Бизон в лицо говорил мне, что долго не протяну. Похоже, он и сам не надеялся на чудо, а напоследок решил пожить на полную катушку, в его собственном понимании, естественно.

– Что нам теперь делать?.. – протянула я.

– Прежде всего найти воду, – отрезал Кай. – Я смог залезть на дерево. Кажется, в том направлении, – он махнул в сторону горы, – есть низина. Там должна быть река. Но путь может занять полдня, а может и день. Притяжение здесь сильнее, идти будет трудней, быстрее иссякнут силы. Поэтому нам важно как можно скорее двинуться с места. Пока мы еще не истощены голодом и жаждой.

– Я уже сказала, что не брошу Катю, – опустила я голову.

Кай схватил меня за плечи и заставил посмотреть ему в глаза.

– Послушай, Белоснежка. Я скажу еще раз и прямым текстом, раз ты не понимаешь. Твоя подруга не выживет. Она слаба. Слабые умирают. Мы не можем позволить себе ждать, чем все закончится, лишь бы успокоить твою совесть.

Внезапно меня осенило.

– Мы можем взять ее с собой.

Кай нахмурился. Его заметно бесило мое упрямство.

– И кто ее понесет? А? Я или Бизон? Даже если нам вдруг придет в голову тратить на это силы, мы будем передвигаться слишком медленно.

– Можно же сделать носилки из веток, – взмолилась я. – Так будет удобнее. Я тоже буду нести. Будем делать это по очереди.

– Пока мы будем делать носилки, потеряем время. Наступит ночь, а в

темноте мы точно не двинемся по незнакомой местности. Придется ждать до утра, – набросился он на меня. – В то время как где-то там лежат наши припасы и ждут, кто же их подберет. А если вокруг бродит кто-то из аборигенов, то их подберут очень быстро. И тогда еда, которой нам хватило бы на несколько месяцев, уйдет к другим. Ты этого хочешь, а, Белоснежка?!

Я мысленно призвала на помощь все свое терпение. Каждый раз, когда приходилось разговаривать с Каем, наше общение заканчивалось на повышенных тонах. А теперь мы находились в одной лодке, и не общаться просто не получалось. Но нервы-то не железные! Особенно рядом с такими, как он и его полубезумный приятель.

– Припасы?! – фыркнула я. – А ты не забыл, что помимо припасов там еще и Лиза есть? Между прочим, девушка, с которой у тебя была якобы любовь. О ней ты почему-то не вспоминаешь!

Лицо Кая стало каменным. Он стиснул челюсти и прищурил глаза.

– Но мне почему-то кажется, – продолжила с презрением я, – что ты уже забыл о ней, потому что просто использовал ее. Она для тебя такая же вещь, как мы все, поделенные на категории в зависимости от важности и нужности. А все, что волнует тебя на самом деле, это твои драгоценные припасы, а еще твой груз. Уж не из-за него ли ты так торопишь нас сняться с места? Боишься, что водку твою растаскают? Если, конечно, там что-то уцелело. Но раз ты стремишься туда, несмотря ни на что, значит, уцелело.

– А что плохого в моих желаниях? – процедил Кай сквозь зубы. – Ты готова терпеть сутками без воды и еды?! Ты вообще знаешь, что это такое?! Ты хоть раз добывала ее иначе, чем из холодильника?! Когда ты поймешь, что сказка закончилась, будет уже поздно. За нами никто не прилетит на планету с карантинном! Поверь, я знаю, о чем говорю. Мы можем подбадривать друг друга этой легендой, просто чтобы веселее было идти. Но никто не прилетит. И если я заставляю тебя бросить подругу, то делаю это для твоего же блага!

– Ох, вот не надо сваливать на меня порывы своей мелочной душонки! – рявкнула я в ответ. – Я не такая дура, как ты думаешь, и понимаю, что все плохо. Но я не брошу Катю! Не брошу! Ты бы сам хотел, чтобы с тобой так поступили? Чтобы бросили тебя, посчитав слабым? – Со злости я ткнула Кая в грудь указательным пальцем. – И знаешь что, я бы даже тебя не бросила. Каким бы скотиной ты ни был, я бы точно так же боролась и за тебя. Потому что каждому в трудную минуту нужен друг, который останется рядом. И мне тебя искренне жаль, раз ты не знаешь о подобном.

Выпалив гневную речь, я с вызовом уставилась в глаза Кая. Ожидала,

что он опять начнет говорить мне гадости или запугивать еще больше. Но он молчал. Просто застыл с таким видом, будто узрел впервые. Взгляд беспорядочно метался по моему лицу.

Это длилось несколько мгновений. Потом Кай повернул голову к Бизону, все это время наблюдавшему за перепалкой.

– Мы остаемся, – глухо произнес он, – возьми топор. Пойдешь со мной, нарубим веток для носилок и попробуем отыскать что-то поесть.

– Но... – нахмурился бритоголовый.

– Мы остаемся, – перебил его Кай тоном, не терпящим возражений, – до утра.

* * *

Остаток дня я старалась не попадаться парням на глаза. Забралась в звездолет и сидела там, прислушиваясь к звукам, доносившимся извне, и ровному дыханию подруги. Бизон и Кай вернулись с ветками для носилок и дровами для костра. Я слышала, как они возились, разводя огонь, и изредка перекидывались короткими фразами. Все, что удалось понять, – Бизон очень недоволен решением кэпа, а тот и сам не скрывает, что не в восторге от сложившейся ситуации.

– Ничего, – шептала я, поглаживая безмолвную Катю по волосам, пока Бизон твердил: «Да мы все тут загнемся без жарчки», а Кай отвечал: «Без тебя знаю», – ничего, он же уступил моей просьбе. Значит, в нем осталось еще что-то человеческое.

Если бы Катя в тот момент открыла глаза, она бы наверняка в своей скептической манере сказала: «Ты, главное, не нарывайся больше, чтобы не передумал, а еще лучше – спасибо скажи». Поблагодарить Кая я никак не решалась, но вот воображаемому совету «не нарываться» охотно последовала.

Из обрывков разговора узнала, что еды они так и не нашли. В моем желудке чувствовался легкий дискомфорт от голода, но пережитые волнения отбивали аппетит, и вынужденная диета казалась меньшим из зол. По крайней мере, не таким страшным, как пережитое падение, угроза пузырьчатой болезни или притязания Бизона на мое тело.

С наступлением сумерек ощутимо похолодало. Сырой воздух начал проникать под свисающую обшивку и забираться в гнездо, которое я свила для себя и Кати на ночь. Где-то снаружи весело потрескивающий огонь наверняка рассеивал мрак и холод, а тут, внутри, температура стремительно

понижалась. Но к костру я не пошла. Во-первых, не хотела оставлять Катю одну в темноте и сырости. Во-вторых, слова Кая продолжали звучать в ушах. Ночь, двое парней, а я одна. Я догадывалась, что Кай неспроста взял Бизона с собой в лес и продолжал весь вечер держать под боком, чтобы тот не полез ко мне. Но от бритоголового в любую секунду можно было ожидать чего угодно.

Я легла на бок возле подруги, вздрагивая от каждого шороха. Только теперь поняла, что за весь день не поревела как следует. Злилась на Кая, вздрагивала от плотоядных взглядов Бизона, переживала за Катю, с тревогой думала о судьбе Лизы. Может, стоило поплакать хоть сейчас? Я зажмурилась, пытаюсь представить, что в этот момент могла бы уже сидеть с мамой на диванчике в их с Виталиком гостиной, обсуждать прошедший учебный год и обмениваться сплетнями...

Долгожданная влага выступила под веками. Я всхлипнула, шмыгнула носом, по опыту зная, что сейчас этот поток неудержимо хлынет, нужно лишь поддерживать соответствующий настрой. Но тут перед глазами, откуда ни возьмись, появилось лицо Кая, который безжалостно твердил мне:

– Будешь много плакать – умрешь, Белоснежка!

Все слезы разом высохли. Я скрипнула зубами. Вот гад, это надо же так меня настроить, что и пореветь всласть теперь не удастся! Ничего, порыдаю от души на корабле, который будет уносить меня с этой проклятой планеты подальше от пережитых кошмаров. Так все и случится. Я даже кивнула в ответ на свои мысли. Люди всегда плачут от воспоминаний, от кошмаров, происходивших с ними в прошлом. А пока можно потерпеть и не рыдать. Весь секрет в том, чтобы не допускать пессимистичных мыслей. Я обязательно увижу маму и, так и быть, помирюсь с отцом. Но для этого мне надо отсюда выбраться. И я выберусь. И буду много плакать. От радости. Да.

Незаметно для самой себя я уснула. Из объятий сна, в котором мама крепко-крепко обнимала меня и твердила, что все будет хорошо, вырвал протяжный стон. Я резко села, вглядываясь в ночную тьму. Показалось, что это Бизон пришел по мою душу.

Стон повторился. Он исходил из губ Кати. Во мраке я не видела ее лица, поэтому, как слепая, постаралась ощупать ее черты, чтобы понять выражение. Подруга морщилась и постанывала, кроме того, начала шевелиться.

– Кать! – позвала я. – Что с тобой? Что-то болит? Ты кушать хочешь? Ты меня слышишь?

Но она продолжала стонать, с каждым разом все громче.

– Ш-ш-ш! – Я приложила пальцы к ее горячим пересохшим губам. – Нас могут услышать! Я не хочу, чтобы Бизон сюда пришел посмотреть, что происходит. Нам нельзя, чтобы он приходил. Я очень старалась, чтобы он забыл о нас на сегодня. Ш-ш-ш!

Катя не успокаивалась, но я уже успела заметить, что она дрожит. Меня осенило. Ей холодно?! Мне, конечно, тоже было не жарко, но я хотя бы могла свернуться клубком, поджать ноги и обхватить себя руками, чтобы удержать тепло, а травмы подруги не позволяли ей даже повернуться на бок. Я поторопилась поправить сползшую с Кати куртку, ощупала ее ноги – они оставались неприкрытыми. Недолго думая, я стащила с себя верхнюю одежду, которую отыскала в звездолете. Нагретая моим телом, просторная, она как раз подошла в качестве второго одеяла для замерзших конечностей подруги.

Дыхание Кати тут же стало ровнее. Стоны прекратились, дрожь унялась. Она снова погрузилась в забытие, из которого никак не могла вырваться.

Только вот теперь холод протянул свои обжигающие пальцы ко мне. Тонкая одежда для дома не могла согреть. Я свернулась калачиком, нахохлилась, но с каждой минутой замерзала все сильнее. Даже зубы начали стучать. Ни о каком сне больше не могло быть и речи. Я мечтала о вязаном пледе, а лучше – просторной меховой шубе, в которую могла бы укутаться с головой. Такой мягкой шубе, с длинным щекочущим ворсом, согревающей с самой первой секунды.

В какой-то момент поняла, что больше не выдержу. Казалось, все тело превратилось в лед, а холод, как опытный палач, делал попытки все более изощренными. Дыхание, которым пыталась греть озябшие пальцы, влажными каплями оседало на коже. Повинуясь внутреннему порыву, я села, а потом поднялась на ноги. Выставив перед собой руки, пробралась к выходу из звездолета и пролезла под куском обшивки.

Костер превратился в темно-красный холмик пылающих углей. Ноги сами понесли меня туда. Отступили все прочие страхи, даже не пугала мощная фигура бритоголового, который намотал на себя кучу тряпок и, похоже, мирно спал у огня. Во всяком случае, в неясных сполохах угасающего костра я разглядела, что его глаза закрыты. Кай тоже лежал на боку, спиной ко мне. Подкрадываясь на цыпочках, я старалась не стучать зубами громко, чтобы не разбудить их. Мне ведь требовалось немного – просто погреться и незаметно уйти обратно.

Приметив свободное место между парнями, я упала на колени и с

трудом сдержала стон, когда протянула руки над волной тепла, исходившей от углей. От резких приятных ощущений мурашки пошли по коже, я выдохнула и закрыла глаза. Это было сродни... оргазму. Да, никогда бы не подумала, что могу получать такое удовольствие, просто согреваясь. Глубоко дыша, я склонилась над кострищем, вбирая блаженное тепло каждой клеточкой тела. Весь остальной мир перестал существовать, все мое сознание сконцентрировалось на ощущениях. Я откинула назад голову, подалась вперед грудью, чуть повернулась одной стороной, потом другой. Постепенно щеки начали гореть от жара, зато спина продолжала мерзнуть от холодного воздуха, и я пожалела, что не могу придумать такую позу, чтобы извернуться и прогреться полностью.

Дымок, поднимающийся от углей, пах смолой. Открыв рот, я дышала им полной грудью. Казалось, он наполняет и раскрывает мои легкие, согревая меня не только снаружи, но и изнутри. Затем подумалось, что теперь пропахнут волосы и одежда, и я улыбнулась, сообразив, что раз начинаю беспокоиться о подобном – значит, все-таки согрелась. В конце концов, ну кто меня тут будет нюхать? Бизон? Так мне же лучше, если буду вонять чем-нибудь несъедобным.

Опомнившись, что засиделась слишком долго, я открыла глаза... и вздрогнула. Кай, подложив под голову согнутую в локте руку, не мигая смотрел на меня. В полутьме его зрачки расширились и, казалось, полностью затмили собой радужку. Он вбирал в себя мой вид так, как я пару мгновений назад впитывала тепло костра.

Я напряглась, ожидая худшего, но, приглядевшись, поняла, что в его взгляде нет похоти. Там ничего не было. Никаких чувств и эмоций. Только понимание. Словно он прекрасно знал, что я испытывала. Эту телесную ломку, когда ноги сами собой тянут поближе к теплу, даже если разум твердит об опасности. Эту дрожь предвкушения. И этот оргазм, наслаждение от удовлетворения самой примитивной потребности, был знаком ему тоже.

Мои щеки запылали. Под взглядом Кая я почувствовала себя так, будто поделила с ним интимный обряд посвящения. Словно мы оба стояли обнаженными друг перед другом. Хотя в каком-то роде, наверное, так и было. Я обнажила свои инстинкты, а он беззастенчиво за этим наблюдал. И не пытался скрыть, что сам тысячу раз так же сбрасывал с себя личину человечности ради превращения в примитивное существо.

Это меня отрезвило. Я вскочила на ноги. Веки Кая дрогнули, когда его взгляд переместился следом за мной, но сам он не пошевелился и ничего не сказал. Хочет показать, что не представляет для меня опасности, и

предлагает остаться и греться дальше? Я тряхнула головой, пытаюсь разорвать связующую нить, через которую между нами установилось странное понимание. Мы пока что люди и не должны разговаривать на языке инстинктов. В конце концов, он мог бы открыть рот и сказать что-то вроде: «Не бойся», если бы захотел, а не смотреть вот так, немигающим взглядом.

Стоило сделать пару шагов от костра, как холод с радостью принял меня в свои объятия. Я буквально чувствовала, как тепло покидает мое тело, испаряется с кожи. Но вернуться обратно в круг света, пока Кай продолжал смотреть, не хотела. Поэтому пошла к звездолету. Хватит, погрелась. От перепада температур неожиданно потянуло в туалет, и, передумав на полпути, я свернула в сторону деревьев. На всякий случай оглянулась – но за мной никто не шел.

Заходить с более-менее освещенной поляны в непроглядную лесную тьму было страшно, но стеснение взяло свое. Если бы присела прямо с краю, любой из парней мог бы повернуться и заметить. Похрустывая ветками, я упрямо продралась подальше.

– Бабайка не съест, домовой не утащит, – начала шептать я старую детскую поговорку, которую твердила раньше, когда ночью боялась встать с постели.

Пахло мхом. Что-то пощелкивало. Шершавые стволы деревьев то и дело попадались на пути. Впереди показался просвет. Ветви расступились, и здесь хотя бы было видно, куда поставить ногу. Я замерла и огляделась. Сердце бешено колотилось, а дыхание ураганным ветром свистело в собственных ушах. Вокруг никого.

– Ай, бабайка не съест, домовой не утащит! – жалобно пропищала я и принялась стаскивать с себя штаны.

С рекордной скоростью управившись с делами, тут же оделась. Выдохнула с облегчением. Вот это меня судьба закинула, что поход в туалет по ощущениям сравним с квестом на выживание. Кай же сказал, что вокруг нет ни единой души, а папа вообще всегда говорил, что в эру освоения космоса в мифических бабаек и привидений людям верить просто стыдно.

Подняв внутри градус храбрости, я более уверенно преодолела путь к звездолету, но едва не заорала, когда вышла на поляну и наткнулась на темный силуэт.

– Кай?! – Я схватилась за сердце, когда разглядела его фигуру. – Ты меня напугал.

– В следующий раз не ходи одна.

– А если мне по личным делам надо? – возразила я, хоть и понимала в чем-то его правоту. – Должно же быть у человека личное пространство!

– Не ходи. Опасно.

С этими словами Кай подступил ближе. Я с удивлением увидела, как он медленно тянет застежку своей куртки, а потом стаскивает ее с плеч.

– Куда свою одежду дела?

– Кате отдала... – Я вздрогнула, когда теплая ткань окутала тело, и едва успела подхватить края куртки, чтобы та не упала, потому что Кай слишком быстро отдернул руки, коснувшись меня. – Ей было холодно... она стонала...

– Глупая ты, – он сказал это без прежней злобы, – она все равно умрет. Тебе надо думать о себе.

– Пожалуйста, не надо... – прошептала я. – Не надо сейчас... опять это говорить...

Просовывая руки в рукава одежды, я злилась на себя за слабость. Что не могла с гордым видом вернуть куртку обратно и сказать, что мне ничего не надо. Что мне очень хотелось жить, а Кай все больше становился для меня источником жизни. Я боялась, что не смогу оторваться, если привыкну пить из него. Ведь уже не удержалась, чтобы не согреться, когда Кай позволил мне это.

Ведь знала же, что потом буду чувствовать себя обязанной ему, а после того, какой он видел меня у костра, еще возомнит, чего доброго, что хочет меня так же, как Бизон. А я и так ему уже обязана, что жизнь мне спас и Катю согласился не бросать. И самое страшное, что из-за этих поступков он не казался мне таким противным, как раньше. Резким, безжалостным – да. Упертым в своих убеждениях – очень даже. Мелочным – пожалуй. Но у него теплые губы. И в нем осталось что-то человеческое...

– Так лучше? – тихо спросил Кай, пока я дрожащими руками тянула вверх застежку до самого горла.

– Д-да... – Я оглядела его. – А как же ты? З-зачем отдаешь мне свою одежду, если сам говоришь, что это глупо? Не боишься холода?

Кай ответил не сразу. Помолчав, он поднял голову к небу. Свет упал на его лицо, я разглядела на щеках проступившие ямочки. Он улыбался. Ледяной улыбкой, лишенной настоящего тепла.

– Видишь вон ту звезду, Белоснежка? Красноватую точку, отдельно от других на небосклоне?

Я проследила взглядом и невольно ахнула. Сколько же на протурбийском небе звезд! Они складывались в причудливые узоры, незнакомые мне созвездия и просто походили на рассыпанный по черной

ткани мерцающий горох. Красную точку я отыскала после пары минут напряженного блуждания взглядом.

– Это Сшат-Ацхала, – продолжил Кай, – мать всех звезд, как называют ее протурбийцы. Они верят, что именно с нее когда-то началось создание всей их галактики.

– Ты хорошо произносишь название по-протурбийски, – я невольно снова посмотрела на его спокойное лицо, – почти как они. Мы в университете только начали изучать их язык... произношение для меня большая тема. Часто общаешься с ними, да? Ты ведь от них узнал и про то, какие растения лечат?

– Я жил на одной из их планет какое-то время.

– Долго?

– Несколько лет.

– Это, наверно, было интересно. Расскажешь?

– Нет.

Я нахохлилась. Ну вот, только любопытство раздражил.

– Зачем тогда начал мне вещать тут про звезды? – проворчала я.

Кай перевел взгляд на меня.

– Ты спросила про холод, и я вспомнил про Сшат-Ацхалу. Все звезды белые, а она – красная. Когда холодно, можно представлять, что она – костер, который горит на небе и согревает. Это помогает, если нет настоящего огня. – Он еще немного помолчал и добавил: – Только пока что еще не так холодно. Я не замерзну без куртки. Ты – слабая. Замерзнешь.

Я покачала головой:

– Я не слабая. Ты меня не знаешь. Мой папа говорил, что когда есть внутренний огонь, другого и не надо. Он тоже, знаешь ли, космос повидал.

Кай хмыкнул так тихо, что мне едва удалось расслышать.

– С огнем разобрались, а что делать с отсутствием еды, Белоснежка?

Я пожала плечами.

– Тогда, – протянул Кай и сделал странное движение руками, – пока ты думаешь, я начну есть свой бутерброд.

– Бутерброд?!

– Толстый кусок хлеба, – он обрисовал в воздухе очертания, – большой кусок мяса, много кетчупа и майонеза... м-м-м, будешь?

Кай сделал вид, что откусывает и жует, потом протянул воображаемую пищу мне. Представив, я сглотнула обильную слюну, а в желудке раздалось урчание, но сдаваться так просто не собиралась.

– Не буду, – возразила я, – он у тебя уже надкусанный, и вообще, я с кетчупом не ем. Лучше выберу... шоколадку.

– Она хороша, когда надо быстро утолить легкий голод, – продолжал поддразнивать этот паршивец, – но если хочешь пережить завтрашний переход, лучше возьми побольше мяса.

– Ты просто ничего не понимаешь в шоколаде, – включилась я в игру, – это не простой шоколад, а приготовленный на заводе самого Золотарева.

– Кто это такой? – рассмеялся Кай.

– Известный кондитер. – Я шутливо хлопнула его по груди. – Ты сколько в космосе болтался, совсем одичал, что такого не знаешь?! У Золотарева свои плантации, где он выращивает особые сорта какао-бобов, из которых потом производит настоящий особый шоколад. Не синтетический, представляешь!

– С трудом, – вставил Кай.

– Мы как-то с папой ходили в его ресторан, – с энтузиазмом продолжила я, погружаясь в приятные воспоминания. – Там вот на такой золотой тарелочке, – я соединила большие и указательные пальцы обеих рук, – подают одну-единственную шоколадную конфету. Она стоит очень дорого. Ее надо есть медленно, смакуя каждый кусочек. Но если хоть раз попробуешь этот вкус... м-м-м... никогда уже не забудешь...

Я закрыла глаза и сглотнула, почти ощущая сладость на языке. Как ни странно, голод отступил. Я будто на самом деле снова ела особенный шоколад Золотарева, так ярко все представилось.

Распахнув через какое-то время глаза, вздрогнула. С очень серьезным выражением лица Кай сверлил меня взглядом. Мне стало не по себе, совсем как недавно у костра. Руки сами собой потянулись, чтобы плотнее стиснуть воротник куртки. Заболтавшись, я почти забыла, что разговариваю с малознакомым парнем. Ну и что, что он пока меня не трогал. Этот взгляд... я не знала, как его трактовать.

– П-почему ты так смотришь на меня? – пролепетала я.

– Ты мне кое-кого напомнила.

– Я что, внешне похожа на кого-то из твоих бывших?! – Я ощутила неприятный укол в сердце.

– Внешне совсем не похожа. Напоминаешь по-другому, – уголки его губ слегка дрогнули, – характером.

– Тогда вместо шоколада я возьму куриную грудку, – брякнула я зачем-то невпопад, пытаясь скорее уйти со скользкой темы.

Возле лица почудилось движение, я вздрогнула и с опозданием сообразила, что это рука Кая. Он коснулся пучка волос на моем затылке, нащупал резинку и потянул ее.

– Что ты делаешь? – пискнула я, но пряди уже рассыпались по

плечам. – Отдай обратно! Сам же просил не напоминать, что я девчонка.

Я выхватила резинку из расслабленных пальцев Кая, но он уже успел другой рукой коснуться моих волос.

– Они кажутся серебристыми, – услышала я его шепот, – ты с ними похожа на русалку.

Мое тело мгновенно стало ватным. Я услышала свое сбившееся дыхание, почувствовала, что Кай шагнул ближе и продолжает смотреть сверху вниз на мои губы. Как наяву почувствовала то мимолетное прикосновение, когда его рот коснулся моего, потому что сама я была не способна даже прожевать тонкий листок. Кай постоянно твердил, что нельзя цепляться за слабых, но сам же нарушил все свои принципы, когда спас ослабевшую меня.

От него исходила сила. И тепло. Я закрыла глаза, уже представляя, каким будет на вкус его поцелуй. Что могут делать со мной его губы, чтобы я точно так же, как Лиза, начала бы стонать его имя...

Меня словно из ведра холодной водой окатили. Я дернулась и отступила назад.

– Прошлой ночью я слышала, как ты занимался любовью с Лизой, – тихо призналась я. – Это было всего сутки назад. Если она жива, то и ваши отношения – тоже. Если она разбилась... – я сглотнула подступивший к горлу ком, – то виноват в ее смерти именно ты. И в том, и в другом случае я не могу радоваться тому, что тебе нравятся мои волосы.

Краем глаза я заметила, как сжались кулаки Кая. Он постоял так немного, потом коротко кивнул, будто соглашаясь с моими словами.

– Я же просто сказал, что у тебя красивые волосы, Белоснежка. Что ж вы, девушки, каждый комплимент воспринимаете как предложение выйти замуж? – язвительно произнес он. – Что ты, что твоя подруга.

Я вспыхнула от негодования. В ушах так и зазвучало щебетание Лизы. Кай то... Кай се... Кай говорит, что не хочет с ней расставаться... наверно, они в скором времени поженятся...

Тем временем сам он чуть повернул голову, будто прислушивался, а потом отрезал:

– Уходи.

Я сделала шаг и увидела то, чего не замечала ранее из-за широкой груди Кая, загораживающей обзор. Бизон стоял неподалеку и смотрел на нас, похожий на огромную гору в своей груди намотанных тряпок.

– Кажется, моя очередь дежурить, кэп, – произнес он таким голосом, что у меня мурашки побежали по коже.

Под напряженными взглядами обоих я поспешила убраться в

звездолет.

* * *

Остаток ночи я то проваливалась в дремоту, то тревожно прислушивалась к звукам снаружи. Мысль, что Бизон увидел меня с Каем и мог сделать далеко идущие выводы, не давала покоя. Но, похоже, авторитет кэпа еще заставлял бритоголового держать себя в руках, потому что ночь прошла мирно.

Утром двинулись в путь. Оказалось, Кай не бросал слова на ветер, собираясь унести все, что сможем. Мне достался полный рюкзак, парни взвалили на свои спины точно такие же и подхватили самодельные носилки с Катей. Так как процессия двигалась медленно, а растительность буйно заполонила пространство между деревьями, еще больше замедляя ход, меня отправили вперед прокладывать дорогу.

Небесное светило, названия которого я не знала, но решила по традиции именовать солнцем, поднималось в точку зенита непривычно быстро. Когда мы выходили, в леске стелился туман, а воздух еще охлаждал кожу. Примерно через час мне уже пришлось потянуть застежку куртки вниз, чтобы не вспотеть.

Кай не врал – шагать было тяжело. Земля то вздымалась холмиками, о которые запинались ноги, то становилась такой рыхлой, что ступни проваливались по щиколотку. Желудок больше не урчал – он превратился в комок ноющей боли. Я сглатывала слюну, хищным взглядом оценивая встречные мясистые листья растений. Так бы и вонзила в них зубы, представляя, что это жаркое! Заметив на кусте красные ягоды, напоминавшие по виду рябину, я с надеждой обернулась к Каю. Он перехватил мой молчаливый сигнал, нахмурился и покачал головой. Проглотив досаду, пришлось идти дальше.

Если бы я не мучилась голодом и не страдала от жажды, то наверняка оценила бы красоту местной природы. Иногда в мозгу вспыхивали мысли, что вон то растение по виду очень похоже на папоротник, а вот тут, кажется, самый настоящий земной мох. Что кора деревьев на вид такая же шершавая, как и на моей родной планете. Вот только гнетущая тишина пугала. Ни стрекотания птиц, ни треска веток в чаще. Основной шум в лесу производили только мы.

Когда солнце стремительно закатилось под купол неба и застыло там как приклеенное, наступила самая настоящая жара. По лбу и вискам

потекли капли пота, по спине тоже стекали струйки. Я догадалась, чем это нам грозит, когда стало темнеть в глазах. Мы давно не пили. Воздух обжигал горло, губы потрескались. Я старалась без конца облизывать их, чтобы смочить хоть немного, но это не помогало.

– Остановимся, – глухо сказал за моей спиной Кай.

Я услышала шелест травы, в которую опустили носилки, и обернулась. Парни с усталым видом принялись раздеваться. Куртки свернули и убрали в рюкзаки. Немного подумав, я подошла к Кате, сняла с нее импровизированные одеяла, подложив ей под голову. Ослабила воротник блузки, с тревогой прислушалась к частому и сиплому дыханию подруги.

Затем скрипнула зубами, отошла подальше и расстегнула свою одежду. Сняла куртку, но поняла, что надо избавляться и от кофты, иначе буду продолжать терять драгоценную влагу вместе с потом. Когда я осталась лишь в лифчике и белой майке на тонких бретельках, с опозданием поняла, что оба парня смотрят на меня. Прежде я бы сжалась в комок и испугалась, но перед лицом новой опасности все прочие резко перестали иметь значение.

– Что?! – огрызнулась я с раздражением. – У вас что, правда сейчас есть силы думать о чем-то, кроме воды?!

С независимым видом я снова взвалила на спину рюкзак и побрела дальше. Правда, впереди ждало новое препятствие. Лес понемногу редел. Ветви больше не укрывали от палящего солнца. Представив, каково бедной Кате, я остановила процессию, нарвала листьев, смутно похожих на лопухи, и сделала ей шапочку, прикрывающую голову и лицо.

– Хватит возиться! – рявкнул на меня Кай. – Нам нужно быстрее добраться до реки.

Я вскинула голову, собираясь ответить ему что-нибудь, но увидела, как тяжело вздымается и блестит от пота его грудь, с какой ненавистью Бизон уже сверлит взглядом наверняка тяжелые носилки, и умолкла. Жизнь Кати зависела от того, понесут ли ее дальше, а это, в свою очередь, уже зависело от моего благоразумия. Поэтому я тихонько простонала, схватила свой рюкзак и поспешила дальше.

Вскоре я могла идти, только усилием воли переставляя ноги. Шаг. Еще шаг. Каждый шаг – как борьба. Внутри проснулся неприятный голосок, который начал шептать: ляг, отдохни, закрой глаза, ты больше не можешь идти. Постепенно его шепот становился все громче. Я готова была плакать от бессилия, потому что отчаянно захотела сдаться.

Потом появился другой голос, который заметил, что кто-нибудь другой на моем месте наверняка бы давно послушал Кая, бросил носилки, без

которых мы все пошли бы быстрее, и рванул к спасительной воде. Когда споткнулась и упала на колени, на какую-то секунду мне тоже захотелось так сделать. Я уставилась на кирпично-ржавую сухую землю перед глазами, с ужасом осознавая, на что, оказывается, способна.

В это время со мной поравнялись парни. Меня грубо дернули, я ощутила, как ляжка рюкзака соскользнула и обожгла плечо, когда Кай сорвал его на ходу и, умудрившись при этом не уронить носилки, понес сам.

– Подождите меня! – прохрипела я.

Тяжелые ботинки Бизона взрыхлили землю совсем рядом. Покачиваясь, караван неспешно продолжал путь, все больше отдаляясь от меня. Никто даже не обернулся.

– Ах, вот как вы! – сухими слезами заплакала я. – Рюкзак, значит, важнее!

Злость на судьбу, на бессердечного Кая, на саму себя придала сил. Стиснув кулаки и зубы, со звериным рычанием я поднялась и, пошатываясь, снова стала бороться за каждый шаг. В глазах темнело, но ориентиром служила мускулистая, покрытая татуировками спина Бизона. Никогда бы не подумала, что стану с таким вождением вглядываться в эту гору мышц. Но смотреть по сторонам сил уже не хватало, а мне требовался ориентир, чтобы знать, куда идти.

Неизвестно, сколько времени это длилось, но внезапно спина Бизона согнулась. Он бросил ручки носилок в траву и прорычал:

– Все! Дальше не потащу! Надоело!

Кай обернулся. Я успела заметить, какой мутный у него взгляд. Похоже, он тоже был на грани.

– Нет! – запищала я изо всех сил и побежала к носилкам. – Нет! Нет! Мы почти пришли!

Стараясь успеть, пока Кай не выпустил носилки из рук, я просочилась рядом с Бизоном и схватила свободные концы. Со стоном попробовала разогнуться, но измученный организм оказался не способен на новое испытание. Кай еще некоторое время безразлично наблюдал за моими тщетными потугами, а потом разжал пальцы.

– Все, – следом за носилками он сбросил с себя оба рюкзака, – приехали.

– Мы не приехали, – затрясла я головой, – мы совсем не приехали. Река рядом. Давайте еще немножечко. Ну пожалуйста...

– Река охренеть как далеко, Белоснежка, – устало ответил Кай. – Нам пора сбросить часть груза, если хотим дойти.

– Угу, – поддакнул Бизон.

Я посмотрела на Катю. Хорошо, что она не видела, как решается ее судьба. Созерцать такое со стороны, наверное, ужасно.

Бритоголовый тем временем подхватил свою поклажу и собирался двинуться дальше. Я едва успела заступить ему путь. Правда, с таким же успехом можно было кидаться под поезд в надежде затормозить его своим телом. Бизон легко оттолкнул меня, я упала на землю. Заставила себя встать и снова бросилась за ним. Вцепилась в руку. Он снова оттолкнул. Я застонала сквозь зубы, на четвереньках поползла следом, ухватила за штанину. Сама не понимала, каким образом могу добиться своего, но не хотела позволить ему уйти из принципа.

Бизон выругался и повернулся, явно собираясь пнуть. В этот момент рядом с моим плечом возникла еще одна обутая в ботинок нога.

– Стой. Я нашел воду.

Я задрала голову. Надо мной возвышался Кай, он удерживал Бизона, всего лишь положив тому руку на плечо.

– Да? – ухмыльнулся бритоголовый. – И где же она, кэп?

– Вот. – Кай отошел в сторону, наклонился и выдрал из земли приземистое растение с широкими зелеными листьями и круглым белым клубнем. Отряхнув свободной рукой клубень от земли, он показал его нам. – Не помню, как называется, но там очень водянистая мякоть. Поможет утолить жажду.

Я с облегчением выдохнула. Проблеск надежды снова замаячил на горизонте. У Бизона тоже сначала загорелись глаза, но радость быстро прошла. Он наморщил лоб.

– А почему ты только сейчас даешь мне это, кэп? – с подозрением поинтересовался он. – Эти кусты мозолили мне глаза и раньше по дороге.

– Я надеялся, что мы найдем настоящую воду, – ответил Кай, продолжая протягивать бритоголовому растение.

Бизон потоптался на месте, потом перевел задумчивый взгляд на меня.

– Пусть девчонка сначала попробует.

– Твою налево, Бизон! Жри уже это, и пойдем дальше! – возмутился Кай. – Я хочу успеть дойти до темноты и при этом не слушать ее вопли каждую минуту.

С этими словами он указал на меня. От возмущения я задохнулась, но бритоголовый на сердитый тон собеседника не клюнул.

– Не-а, кэп, – с ехидцей прищурился он. – Что-то я тебя не узнаю в последнее время. Почему ты не хочешь опробовать это на девчонке? Если она скопытится, нам вдвоем еще проще будет. Что-то ты ее бережешь все

время?

– Жри давай! – начал выходить из себя Кай.

Я заметила, как набычился бритоголовый в ответ, и поняла, что червь сомнения, угнездившийся в нем со вчерашней ночи, теперь проснулся с новой силой.

– Заставь меня, кэп! – с вызовом бросил он. – Ну же! Попробуй меня заставь. Мы тут не на твоём корабле, мне надоело, что ты постоянно командуешь.

Сообразив, что вот-вот грянет бунт, я вскочила на ноги и выхватила растение у Кая.

– Никто никого не будет заставлять. Я попробую. Сама хочу.

Нацепив гордую мину, я откусила большой кусок от клубня. На зубах закрипела земля. Кожица напомнила тонкую пленку, а внутри и правда оказалась жидкость. Содержимое чем-то походило на огурец. Я зажмурилась, ощущая, как влага смачивает пересошенные язык и горло, наполняет благодатью желудок. Вгрызалась еще и еще, со звериной жадностью втягивая в себя мякоть. В целом овощ оказался неплохим и даже вкусным. Я вытерла друг о друга мокрые ладони и посмотрела на парней.

Повисло молчание. Время шло, а они оба ничего не говорили и только сверлили меня взглядами. Я попробовала улыбнуться в знак того, что со мной все в порядке, но гнетущая атмосфера отбила это желание. Прислушалась к себе – внутри вроде бы ничего не происходило...

Постепенно недоверие в глазах Бизона сменялось удовлетворением, а вот тревога во взгляде Кая, наоборот, росла. Я стояла перед ним, словно смертница с взрывчаткой вокруг пояса, готовой с минуты на минуту рвануть. Неожиданно в желудке у меня забурлило. Я приложила ладонь к животу и подняла растерянный взгляд на парней.

– Вот черт! – воскликнул Кай, а в следующее мгновение я не успела опомниться, как он схватил меня, засунул два пальца в рот и коснулся ими горла.

Рефлекс сработал превосходно. Меня скрутило и вывернуло на траву.

– Отпусти меня! – начала отбиваться я, но Кай с неумолимым выражением лица нагнул мою шею пониже и снова проделал то же.

Волна ненависти просто затопила меня изнутри, пока вся проглоченная мякоть вываливалась обратно. Растревоженный желудок начал болезненно сокращаться. Сплюнув вязкую слюну, я гневно уставилась на Кая снизу вверх.

– Никогда не ешь того, что не знаешь, – прошипел он, склонившись ко

мне и продолжая удерживать за шею.

– Но ты же это сам давал! – возмутилась я.

– Я давал это не тебе... нельзя есть, пока не попробует кто-то другой!

– Так-так, кэп, – тут же оживился Бизон, – то есть мне жрать можно, а ей нет?! А не хочешь ли ты просто в одиночку поймать цыпочку? – Он выхватил из-за пояса нож. – А я ведь не жадный, предлагал тебе вдвоем ее попользовать. Ну или по очереди, я не брезгливый.

– Убери это, – выпрямился и с угрозой покачал головой Кай.

– А если не убери? – хмыкнул бритоголовый. – Что тогда?

Прежде чем я успела остановить обоих, Кай бросился на Бизона. Тот взмахнул ножом, но был повален на спину. Кай уселся сверху, одним ударом вышиб у противника оружие, а затем принялся молотить обеими руками по лицу бритоголового. В любом другом случае я с удовольствием понаблюдала бы за результатом, но... нынешнее положение перевернуло все с ног на голову. Опомнившись, я подползла и умудрилась вклиниться между парнями.

– Уйди! – прорычал в пылу злобы Кай, но я крепко ухватилась за его запястье с уже сбитыми костяшками.

– Не уйду! – задыхаясь, взмолилась я, сама не веря, что говорю это. – Он мне нужен.

Оглушенный Бизон только слабо простонал где-то позади меня.

– Что?! – скривился Кай.

– Он мне нужен... – заставила себя повторить я. – Он сильный... а я слабая... он может нести носилки... а я нет...

Кай уронил руку на колени, с недоверием посмотрел на меня и покачал головой.

– Ты же говорила...

– Я была не права.

Поддавшись необъяснимому порыву, я прижалась лбом к его влажной от пота груди, чуть пониже яремной впадины. Повернула голову, потерлась щекой. И плевать, что мы оба были грязными и мокрыми. Внутреннее чутье подсказало, что сейчас никакие слова не помогут, а вот действия – да. По телу Кая пробежала дрожь, он накрыл мое лицо ладонью, то ли прижимая к себе, то ли собираясь отодвинуть. Снова и снова я ласкалась к нему, как самка к своему самцу, понемногу наваливаясь и сталкивая все дальше с противника.

– Ты был прав... с самого начала... во всем был прав...

– Белоснежка... – Его выдох больше походил на стон.

Опасаясь, что Кай начнет упрямиться, я обхватила его лицо руками,

подняла голову, умоляющим взглядом впиалась в глаза.

– Он нам нужен, – прошептала я, – тебе и мне. Слышишь?

Кай неуверенно кивнул. Уткнулся лбом мне в плечо, посидел так немного. Потом весь как-то обмяк и повалился на бок возле Бизона, увлекая меня за собой. Медленно перевернулся на спину, как и бритоголовый. Я осталась лежать между ними.

Никто из нас больше не мог шевелиться.

* * *

Я очнулась от того, что в рот мне сыпалось что-то мелкое. Сначала не поняла, что это барабанит по языку и попадает в горло, потом ощутила то же самое на лице и распахнула глаза. Меня окутывал полумрак, далеко вверху нависло темное небо, с него летели... капли.

На мой подбородок перестали давить. Я повернула голову к Каю. Лежа на спине в прежней позе, он смотрел на меня и как раз убирал испачканные в крови и земле пальцы от моего лица. Стало понятно, кто открыл мне рот. Его губы тоже были приоткрыты, на них блестела вода. Сколько же мы успели проваляться вот так, если уже стемнело?

– Это... дождь? – недоверчиво прохрипела я, с трудом ворочая языком.

Кай кивнул и неожиданно рассмеялся. У него был по-настоящему безумный вид в тот момент. Я поморгала, наблюдая, как сотрясаются его грудная клетка и живот, как грязные струйки стекают по локтям, пока сам Кай размазывает воду по лицу, как он широко раскрывает рот навстречу дождю, ловит его на язык... и вдруг сама поддалась беспричинному веселью.

– Да! Мы живы! – заорала я прямо в небо. – Это дождь!

Наверно, это была самая глупая реакция из всех возможных, но в тот момент эмоции перевесили все доводы разума. Как же хорошо снова пить, дышать, возрождаться! И плевать, кто что подумает, потому что на грани жизни и смерти невозможно не быть настоящим...

Потоки воды усилились, словно кто-то там, наверху, увидев нашу радость, еще больше открыл кран. В воздухе запахло сырым мхом и землей. С другой стороны от меня послышался торжествующий вопль Бизона. Следуя примеру Кая, я принялась стирать с себя грязь и пот, ощущая, как чистая, увлажненная кожа начинает дышать. Умыв щеки, провела по плечам, выгнулась, скользнула пальцами над вырезом уже влажной майки, прилипшей к груди и животу.

Затем села, отбросила с лица мокрые пряди волос, собрала ладони лодочкой, дождалась, пока там накопится вода, и жадно осушила. Потом снова и снова, до тех пор, пока не почувствовала приятную тяжесть в желудке. К своему стыду с опозданием вспомнила о Кате. Она лежала на носилках там, где мы ее оставили.

Встать на ноги я пока не могла – сильно кружилась голова. Пришлось ползти на четвереньках по мокрой траве. Пока пробиралась, заметила, как стремительно сгущается вокруг тьма. Такой спасительный в первые минуты, дождь вдруг превратился в упруго хлещущие ледяные струи, которые больно секли незащищенную кожу. Вздрагивая, я склонилась над носилками.

Катина шапочка от солнца защищала ее лицо и от непогоды, но вся одежда уже изрядно промокла. Я застегнула ее блузку, вытащила из-под головы куртку и закутала подругу как могла. Набрав в ладонь воды, приоткрыла ее рот, как Кай делал со мной, и залила туда живительные капли. Катя сглотнула, меня это порадовало. Значит, ее тело продолжает бороться. Я умыла ее и дала еще попить.

Ливень ударил сплошной стеной. Земля вокруг носилок и под моими коленями превратилась в вязкую жижу. Я беспомощно огляделась. Без куртки, в одной майке, начала трястись от холода. Как же я ненавидела эту дрянную протурбийскую планету, где днем стояла невыносимая жара, а по ночам можно было умереть от холода! И, главное, все менялось очень резко! Ну как тут можно вообще обитать?!

Мужская ладонь опустилась мне прямо между лопаток. Я узнала Кая, еще даже не увидев его лицо сквозь пелену воды. Другой рукой он нащупал мои пальцы и вложил в них лямку рюкзака. Я все поняла без слов. Мои вещи. Дернув застежку, вынула кофточку, куртку, быстро нацепила их на липкое мокрое тело. Предусмотрительный Кай уже был полностью одет.

– Где Бизон?! – крикнула я ему, склонившись от потоков воды.

– Я не знаю! – Он покачал головой, отчего капли с носа и подбородка разлетелись во все стороны.

– Надо куда-то спрятать Катю!

Похоже, ничего другого Кай от меня и не ожидал услышать. Он поднялся на ноги, схватился за конец носилок и волоком потащил их куда-то в сторону. Я принялась помогать и подталкивать, насколько хватало сил. Вдвоем мы дотянули Катю до широко раскинувшегося куста. Кай уложил голову подруги поближе к корням, а потом принялся пригибать ветви и придавливать их концы камнями, которые попадались под руку. Таким образом, над лицом Кати образовалось что-то вроде шалаша.

Порывшись в моем рюкзаке, Кай вытащил большой кусок брезента. Я сообразила, что делать дальше. В четыре руки мы быстро накрыли незащищенную от дождя часть носилок, подоткнули края и привалили их камнями. Это было хоть какое-то укрытие для моей подруги.

Затем Кай потащил меня к ближайшему дереву. Я успела рассмотреть похожую на арку выемку в стволе у корней. Перевернувшись на спину, Кай полулежа забился туда, подтянул меня на себя, удерживая поперек живота. Свободной рукой расстегнул свой рюкзак, вынул еще один кусок брезента, накрыл нас обоих сверху. Таким образом, наши головы оказались защищены от ливня под выступом дерева, и хотя в сырой одежде лежать на мокрой земле было не слишком приятно, но брезент не позволял промокнуть еще сильнее. Впрочем, слабое утешение, если учитывать, что из сухого на мне в тот момент оставались разве что трусы.

– Ты дрожишь... – услышала я над ухом шепот Кая.

Мое тело сотрясало в конвульсиях. Я честно старалась их унять, ведь понимала, что лежу на нем сверху, спиной на животе и груди, ягодицами на его бедрах, и наверняка доставляю еще больше неудобства своей трясучкой, но никак не могла с собой справиться. Наоборот, становилось все хуже, начал дрожать подбородок, застучали зубы.

Горячее дыхание Кая обожгло шею сбоку. Я зажмурилась от того, как остро защемило внизу живота. Все пережитые эмоции смешались и теперь вышли из-под контроля. Я ведь не могла не чувствовать, как прижимаюсь к Каю и как он держит меня поближе к себе. Он даже не касался моей груди, просто дышал мне в волосы. Возможно, пытался так согреть. Но внутри стало зарождаться что-то нехорошее... неправильное... что-то, чего я не должна была ощущать по отношению к нему...

Ладонь Кая вдруг перестала прижиматься к моей талии. Она медленно и нерешительно скользнула ниже. Протестующий возглас готов был сорваться с моего языка, когда пальцы Кая нащупали и поддели край куртки, но я так и не смогла выдавить из себя ни звука. Немного осмелев, он проник под кофточку, а затем – под майку. Рука оказалась теплой. Как и его губы. Как и весь он...

Я невольно закрыла глаза и в тот же миг перестала слышать грохот ливня по брезенту. В ушах звучало только дыхание Кая: слегка сбившееся, немного прерывистое, наверняка звучащее так от того, что я дергалась на его диафрагме.

Кай продвинул руку выше и остановился у меня под грудью, не касаясь ее.

– Тебе холодно, – услышала я его хриловатый голос, – страх холода

идет отсюда. Тело дрожит, чтобы выработать энергию и согреться, потому что ты боишься замерзнуть. Если ты расслабишься здесь, то дрожь пройдет.

– Я... – я сглотнула, – не могу расслабиться...

– Чувствуешь тепло от моей руки?

Я судорожно кивнула.

– Представь, что это огонь. Он греет тебя изнутри. Если ты почувствуешь его, то страх отступит. Все дело в страхе, Белоснежка. Если не боишься холода, то его и не ощущаешь...

Голос Кая звучал тихо и монотонно. Если бы не понимание, что его губы – вот здесь, совсем рядом с моей шеей, то я бы еще быстрее попала под магнетическое влияние. Но все-таки заставила себя собраться и расслабить мышцы живота. Сначала это давалось с трудом, то и дело хотелось их снова сократить, так как озябшие руки и ноги продолжали дергаться. Но потом я действительно почувствовала жар от руки Кая. Клетка за клеткой, он медленно заполнял все мое тело, пока не достиг каждого уголка.

С удивлением я поняла, что больше не дрожу.

– Получилось!

– Молодец, Белоснежка. – Кай помедлил еще немного и вытащил руку из-под моей одежды. Сразу стало холоднее. – У меня для тебя подарок.

Сдвинув меня чуть в сторону, он полез в свой карман, а потом высунул из-под брезента сжатый кулак.

– Угадай что?

– Ключи от нового звездолета, – проворчала я с мрачным сарказмом.

Кай тихонько усмехнулся над моим ухом.

– А если более приземленные фантазии?

– Ключи от квартиры с теплой постелью и камином.

– Таким я бы не стал с тобой делиться. Забрал бы себе, – поддразнил он, – еще попытка?

Я прислушалась к урчащему желудку.

– Кусок колбасы.

– Не шоколадка?

– Не-а. Смачный кусок колбасы. – Я плотоядно облизнулась.

Со смехом Кай разжал кулак. На его раскрытой ладони я увидела круглое печенье с отколотым краешком.

– Крекер! – воскликнула я, не веря своим глазам.

– С сыром. Бизон их любит, вечно трескал в рубке. Я нашел, когда собирал вещи...

– Ты захомячил крекер! И все это время никому не говорил!

Я схватила печенье, почти целиком засунула в рот, откусила. Оно оказалось немного подмокшим, но, похоже, даже знаменитый шоколад Золотарева не мог сравниться с этим кусочком теста.

– Никогда не бывает так охота жрать, чтобы не захотелось жрать еще больше, – рассмеялся Кай. – Наверно, теперь этот момент настал.

От этих слов я опомнилась и вынула изо рта уцелевший кусочек. Вернула обратно Каю.

– На, это твой. Спасибо.

– Я этим не наемся, Белоснежка.

– А я не люблю есть в одиночестве.

Кай хмыкнул, но спорить не стал. Услышав, как он быстро проглотил свою порцию, я не выдержала и повернула к нему голову.

– Почему ты все время врешь?

– Я вру?! – оторопел он.

– Почему говоришь, что нельзя заботиться о слабых, что надо думать о себе? С момента крушения ты только и делаешь, что заботишься обо мне. Даже в ущерб себе. Бизон правильно сегодня сказал, ты меня бережешь. Печеньем поделился, а мог бы сам съесть...

Кай тут же нахмурился и отвернулся.

– Ты ведь и рюкзак сегодня с меня снял не потому, что он тебе был нужен, да? – догадалась я. – А чтобы мне было легче без него идти. Ты умеешь заботиться, Кай. Почему постоянно учишь меня поступать наоборот?

– Я забочусь о тебе, потому что дурак, – с недовольным видом пробормотал он. – Ты слабая, и с тобой я тоже становлюсь слабее. Бизон быстро это сообразил.

– Неправда, – покачала я головой, – если мы объединимся, то вдвоем будем сильнее Бизона.

Кай фыркнул, будто услышал глупость. Но чем больше он упрямился, тем сильнее мне хотелось его убедить.

– Мы могли бы... – я подумала, подбирая слова, – могли бы заключить временное перемирие. Альянс. Ради выживания. Вряд ли у нас получится стать друзьями или что-то такое. Но мы могли бы стать командой до тех пор, пока не выберемся с этой планеты. У нас ведь одна общая цель: выжить.

Кай поморщился. Покачал головой.

– Я понимаю, почему ты хочешь объединиться со мной, Белоснежка. Без меня ты и правда ни дня тут не протянешь. Но зачем мне объединяться

в команду с тобой? Чем ты можешь мне помочь?!

Растерявшись, я приоткрыла рот. Вопрос поставил в тупик. Кай, конечно, был прав: для него я считалась лишь бесполезной обузой. Внезапно меня осенило.

– Я могу пробовать все незнакомые растения на вкус. У меня даже есть опыт.

Кай дернулся. Поначалу я не поняла, что происходит. Но когда услышала его смех, сообразила.

– Не смейся надо мной! – возмутилась я. – Ты, эксперт по травам!

– Прости, Белоснежка, – простонал он, все еще не в силах успокоиться, – после такого предложения тебе просто невозможно отказать...

– Ну и славно. – Я отвернулась в сторону и нахохлилась, глядя, как в полумраке по брезенту продолжает барабанить дождь. – Надеюсь, теперь мы доберемся до реки без приключений. А там и до хвостового отсека рукой подать.

Смех Кая затих так же внезапно, как и начался. Наверно, мы с ним подумали об одном и том же.

– Надеюсь, Лиза до сих пор жива, – сказала я жучку, который полз по коре неподалеку от моего лица.

– А я надеюсь, что она умерла, – прозвучал холодный и безжалостный голос прежнего Кая.

Мои щеки загорелись.

– Послушай, – я задохнулась от возмущения, – если ты думаешь, что с ее смертью все про нее забудут... что я про нее забуду... и забуду, что это ты нас сюда забросил... и мы...

Движение за плечом подсказало, что Кай повернулся ко мне. Наверняка он сейчас сверлил мой затылок взглядом, а вот мне никак не хватало духу ответить тем же.

– Я думаю, что если человек выживает, падая с такой высоты, то в лучшем случае будет в таком же состоянии, как вторая твоя подруга. Двух лежащих мы просто не потянем. Тогда тебе придется либо сидеть с ними рядом и беспомощно наблюдать, как они медленно умирают, либо оставить обеих и уйти дальше без них. Вот что я думаю, Белоснежка.

Я съежилась и затихла. Кай снова отвернулся. Хотелось фыркнуть и уйти, чтобы показать ему свое презрение, но голос здравого смысла убеждал, что выходить на ливень из-под брезента – не самая лучшая идея. Если простужусь и заболēju, антибиотиков тут не найдется и лечить меня некому. Поэтому придется сидеть, смотреть в разные стороны и терпеть

неприятную компанию друг друга так долго, пока не утихнут капризы природы.

– Я бы все отдала, чтобы быстрее отсюда улететь, – проворчала я.

– Поверь, здесь всем этого хочется, – буркнул Кай.

Пристроив голову поудобнее, я попробовала закрыть глаза и подремать, но меня постоянно что-то отвлекало. Мужское сердитое дыхание, например. Или рука, хоть и лежащая поверх моей куртки, но постоянно мешающая.

– Хватит ерзать! – наконец не выдержал мой сосед по брезенту. – И ты опять начинаешь дрожать. Отвлекись. Расскажи мне что-нибудь.

– Я не знаю, что рассказать, – огрызнулась я, – могу пересказать наизусть билеты по истории развития космоса. Это мой любимый предмет, и мы только экзамены недавно сдали.

– Валяй, – снизошел Кай и положил голову мне на плечо.

Я вздохнула. Альянс, конечно, необходим, но где ж взять столько терпения?!

– История развития космоса как наука изучает... – начала я по памяти зачитывать первый билет.

Когда дошла до пятого, дождь начал утихать. А тихое посапывание Кая подсказало, что тот уснул.

* * *

Когда Кай открыл глаза там, на незнакомой протурбийской дороге, умирая от истощения после холодных каменоломен, он жестоко разочаровался в собственной удаче. Вместо мамы, чей голос только и заставил его сделать последний рывок, над ним склонилось чужое желтое лицо с узкими вертикальными зрачками в болотного цвета глазах.

Девчонка! Протурбийка! По виду – не старше его самого. Это ее длинные черные волосы щекотали Кая, а пальцы трогали, заставляя дергаться от прикосновений. Он никогда не видел протурбийских женщин, поэтому уставился во все глаза. По правде говоря, и своих соплеменниц Кай не видел уже давно: в каменоломнях их попросту не было. Заметив, что путник очнулся, протурбийка отвернулась и произнесла что-то. Язык местных жителей Кай понимал достаточно для того, чтобы сообразить – она кого-то зовет на помощь.

К одному желтому лицу добавилось другое. Взрослый мужчина напомнил Каю того протурбийца, который выменял его у матери на еду, и

мальчик сжался в комок. Отталкиваясь руками и ногами, он попытался отползти, но сил не хватало.

– Папа, это кто? – вопрошала девочка, дергая за одежду старшего.

– Это человек. Помнишь, я рассказывал тебе про другие планеты и их жителей? – Протурбиец огляделся. – Кто-то должен быть с ним здесь...

– А может, он потерялся? – протянула она, пока Кай продолжал барахтаться на земле.

Протурбиец снова наклонился над мальчиком.

– Как тебя зовут? Откуда ты? Где твои родители?

Кай замер под гипнозом магнетических глаз. В его мыслях проносились образы, от которых он так надеялся избавиться: возвращение в каменоломни, прежнее место у костра, борьба за еду и тепло. Он покачал головой, собираясь кусаться и драться, если его только попробуют тронуть.

– Ты меня хоть понимаешь? – вздохнул протурбиец.

Кай прищурился и снова отрицательно мотнул головой. Не вступать в контакт с чужаком ему казалось безопаснее.

– Совсем-совсем ничего не понимаешь, что я говорю?! – усмехнулся мужчина. – Ни словечка?!

Кай повторил жест.

– Ладно. Позже решим, что с тобой делать. Не бросать же здесь... Цхала, – протурбиец положил руку на плечо девочки, – помоги мне его устроить.

Кай начал отбиваться, но сильные руки гуманоида легко подхватили его и оторвали от земли. Протурбийка придерживала дверь электромобиля, пока ее отец укладывал мальчика на заднее сиденье. Кай посчитал слои их одежд. Три. Чуть больше, чем у надзирателей в каменоломнях, но гораздо меньше, чем у того, главного протурбийца. В целом – негусто. Мальчик немного успокоился. Если его подобрал не тот самый гуманоид, то, возможно, обратно не повезут. А он пока не видел на этой планете ничего хуже, чем каменоломни.

Так Кай оказался в городе. Его новый знакомый проживал в большом доме с многочисленными комнатами и примыкающим с торца буйно растущим садом. Мальчик с удивлением разглядывал жилище. Он помнил, что в его родной колонии людей окружали сплавы и синтетические материалы, в каменоломнях Кай видел только грязь и камни, но тут... впервые ему довелось открыть для себя мягкие ткани из растительных волокон, деревянные панели на стенах, изготовленную из гибких, но прочных прутьев мебель.

А главное – здесь было тепло. Кай ощутил это, когда протурбиец

поставил его посреди комнаты и принялся снимать с худого тела лохмотья. Расставаться с одеждой приходилось разве что летом, но тогда лучи с неба палили и сжигали кожу. А теперь мальчик испытывал непривычные ощущения: не жарко, но и не холодно. Комфортно. Даже мурашки по телу побежали.

– У тебя испорчен позвоночник, – протурбиец, опустившись на колено рядом с Каем, заглянул ему в глаза, – ты выполнял тяжелую работу?

Мальчик устался в одну точку и молчал. Он не понимал намерений чужака. Мужчина сказал несколько непонятных слов, оглядывая его грудь и живот. Тогда Каю и в голову не пришло, что это могут быть медицинские термины. Пальцы с черными и длинными – по протурбийской моде – ногтями скользили по телу мальчика.

– Здесь можно исправить... и здесь... здесь... хм... тоже можно попробовать... – слышалось задумчивое бормотание гуманоида.

Кай все понял. Его готовят к чему-то еще более худшему. Не зря протурбиец так ощупывал каждый сантиметр его тела, тщательно осмотрел ноги и зубы, понюхал дыхание. В голову пришла страшная мысль – возможно, его хотят съесть?! Ранее Кай не слышал, чтобы гуманоиды питались людьми, но его скудное воображение нарисовало только такую картинку.

Оттолкнув протурбийца, Кай бросился в угол, переворачивая по пути мебель, и забился там, дрожа всем телом. На шум в комнату заглянула девочка с подносом в руках. Увидев голого Кая, она пискнула и выронила ношу. По полу покатались круглые золотистые фрукты. У мальчика потемнело в глазах. Все, что он мог видеть, – еда. Он упал на четвереньки, схватил ближайший плод и начал жадно поедать вместе с кожей.

– Папа, что с ним?.. – в ужасе протянула протурбийка.

– Не подходи к нему, он болен. – Ее отец вскинул руку в предупреждающем жесте.

– Чем? Какой-то неизвестной болезнью?! – ахнула она. – Кожной?!

– Нет, – протурбиец покачал головой, – человек болен изнутри... – Он посмотрел на дочь и добавил более твердым голосом: – Но мы это исправим. Тебе полезно будет научиться такому виду целительства, Цхала. А пока иди сделай ванну для нашего нового пациента.

Когда девочка убежала, мужчина наклонился и подобрал с пола фрукт. Осторожным жестом он поманил Кая:

– Пойдешь со мной? Дам тебе это. Если не будешь драться – дам много.

Большого и не требовалось говорить. Как привязанный, мальчик

последовал за протурбийцем. Перед носом покачивался золотистый бок спелого и вкусного плода. Еда притягивала Кая, как магнит. Правда, когда его посадили в широкую и круглую емкость с горячей жидкостью и принялись беспощадно оттирать чем-то жестким, он окончательно убедился, что из него пытаются сварить еду. Утешало то, что хоть умрет не голодным.

После экзекуции Кая зачем-то вытащили из воды и отнесли в мягкую постель. Он уснул, еще не коснувшись головой подушки.

Очнулся среди ночи. Вокруг было темно и тихо. Кай сел и стиснул пальцы обеих рук в полной растерянности. Что дальше делать? Бежать? Здесь кормят. Остаться? Кормят всегда не просто так, этот урок он прекрасно усвоил. Откинув теплое одеяло, мальчик на цыпочках прокрался к выходу. В коридоре его нос уловил запах еды. Подобно сомнамбуле, Кай миновал короткий путь до нужной двери и толкнул ее.

В тусклом свете, падавшем из окна, он увидел очертания продуктов, разложенных на блюде посреди стола. Дальше все происходило быстро. Мясо было еще теплым, когда Кай вонзил в него зубы. Он никогда не ел такой вкуснятины. Принялся рвать большие куски и глотать их, почти не прожевывая. Другой рукой нащупал упругие стебли растения, схватил и попутно запихнул в рот и это. Все съедобное пригодится.

Над головой вспыхнул яркий свет. Протурбиец, в длинном ночном одеянии, подслеповато прищурился, разглядывая устроенный беспорядок. Кай с опозданием сообразил, что, видимо, потерял осторожность и слишком шумел, чем и разбудил хозяина дома. Он ни секунды не сомневался, какое наказание его теперь ожидает. Наверняка самое страшное. В каменоломнях им не давали такой вкусной пищи, значит, она не для людей. Протурбиец разозлится за украденную еду и истыкает его, Кая, отравленной пикой. Или опять начнет тереть теми жесткими щетками в большом чане.

Взгляд мальчика упал на длинный нож, оставленный на столе. Схватив его, Кай стиснул оружие в кулаке и направил на протурбийца. Еду получит тот, кто убьет первым, – это же самая простейшая истина.

Зрачки у мужчины, кажется, так расширились, что глаза стали похожи на человеческие. Тем не менее он не сделал попытки броситься на мальчика, а остался стоять в прежней позе.

– Зачем ты угрожаешь мне в моем собственном доме? – спокойно поинтересовался протурбиец.

Миролюбивый тон удивил Кая. На агрессию нужно отвечать агрессией, почему сейчас не так? Система жизненных законов, такая четкая

и понятная прежде, вдруг пошатнулась. Это пугало. Все, что пугало и представляло собой опасность, следовало уничтожать. Кай угрожающе зашипел и взмахнул ножом.

– Ты хочешь меня убить? – приподнял бровь протурбиец. – Но я тебе ничего не сделал. Я подобрал тебя на дороге, привез в свой дом, собираюсь лечить твои раны. Ты точно хочешь, чтобы меня не стало и моей помощи не стало тоже?

Кай наконец сообразил, что сбивает его с толку. Причина, по которой ему помогают. Он ее не понимал. Настолько, что неожиданно для самого себя решился заговорить.

– Еда... моя... – с трудом произнес он на ломаном протурбийском.

– Значит, ты даже разговариваешь... – Мужчина перевел взгляд на разбросанные по столу куски мяса. – Я не отбираю у тебя еду. Она вся твоя. Может, ты разрешишь мне попить? Надо принять на ночь настойку.

У Кая приоткрылся рот. Этот странный гуманоид спрашивает у него разрешения похозяйничать здесь? Где все и так принадлежит ему?! Не придумав ничего другого, Кай нерешительно кивнул. Протурбиец спокойно повернулся к нему спиной, подошел к буфету, взял кувшин и чистый стакан, налил себе питье и неторопливо осушил его.

– Спасибо, ты очень добр ко мне, – повернулся он к мальчику, – без настойки мне трудно уснуть. Ну, теперь я пойду?

Кай осторожно кивнул еще раз. Каждую секунду он ожидал подвоха.

Протурбиец дошел до двери, остановился, окинул мальчика задумчивым взглядом.

– Меня зовут Айшас. Я – лекарь. Со мной здесь еще живет Цхала. Моя дочь. Постарайся сильно не шуметь, она спит. Весь дом в твоём распоряжении. Если можешь – не ломай ничего просто так. Захочешь выйти на улицу – пожалуйста, но подумай, куда пойдешь, чтобы не пропасть. К нам войти не пытайся, я запру двери, – он грустно улыбнулся и пожал плечами, – извини, ты пока больше напоминаешь схура.

Кай продолжал стоять, зажав в дрожащем кулаке нож, и смотреть на протурбийца полными ужаса глазами.

– Схур – это дикий зверь, – решил пояснить тот, – у него острые зубы и когти, но совершенно нет разума, и он рвет все живое, что встретит на пути.

Мальчик поморгал.

– Я могу вылечить все твои телесные увечья, – продолжил протурбиец, – но схура в тебе убить не смогу. Раз он уже поселился в тебе, то убить его можно только вместе с тобой. Зато я знаю, как научить

управлять им. Так, что ты будешь жить нормальной жизнью. И схур будет выходить, только если ты осознанно ему это позволишь. Но ты сам должен захотеть, чтобы я научил тебя.

С этими словами Айшас выключил свет и вышел, оставив мальчика в одиночестве размышлять над непонятными словами. Кай доел мясо, глядя в темноту отрешенным взглядом, потом вернулся в свою комнату и лег спать. Внутреннее чутье подсказало – так будет правильнее. Пусть протурбиец бормочет про своих схуров. Если он такой дурак, что готов делиться пищей и кровом за просто так, – грех этим не воспользоваться.

Правда, через несколько дней Кай горько пожалел о своем решении. Протурбиец привел его в странную комнату, сплошь заставленную склянками и увешанную связками сушеных растений, уложил животом на длинный стол и ловко затянул ремни на запястьях и лодыжках. Та девчонка, протурбийка, тоже крутилась рядом. Она больше мешала отцу, чем помогала, потому что то и дело заглядывалась на Кая.

Когда его поили какой-то кислой дрянью из стаканчика, он мужественно терпел. В основном из чувства, что вынужден рассчитаться за дни кормежки. Но когда сильные руки лекаря легли на спину мальчика и принялись ее разминать, крик боли сам сорвался с губ. Кай, который ни разу не плакал с того дня, как в первый раз вошел в холодный грот каменоломни, и, уж конечно, не кричал, даже когда обмораживал себе пальцы и потом отогревал их у костра, теперь не смог сдержать слез и воплей.

Протурбийка опустила перед ним на колени, в ее глазах тоже блестела влага. Девочка попыталась взять Кая за руку и пожать его пальцы в знак поддержки.

– Папа тебя лечит, нужно потерпеть, – сказала она.

Кай был уверен, что его убивают. Он выдернул пальцы и заорал все матерные слова на протурбийском, какие только знал. А эту часть лексикона гуманоидов он выучил в каменоломнях самой первой и довел познания практически до совершенства.

– Цхала! Зажми уши! – тут же приказал Айшас, ни на секунду не отрываясь от занятия. – А лучше вообще выйди отсюда!

Но девчонка упрямо помотала головой и осталась на месте. Правда, отца послушалась и уши закрыла. Под сочувствующим взглядом протурбийки в Кае разыгралась давно забытая гордость. Странное чувство и абсолютно бесполезное. Он вцепился зубами в мягкий подголовник, закрыл глаза, чтобы не видеть Цхалу, и только постанывал. Когда пытка окончилась, на него надели что-то вроде жесткой опоры, заставляющей все

время держать спину ровно, и отпустили отдыхать.

Подобные манипуляции Айшас полюбил проделывать со своим пациентом регулярно. Кай мечтал его убить, но каждый раз что-то останавливало. Возможно, отсутствие лучшей перспективы. Внутренний голос стал другим: раньше запугивал, предупреждал, теперь начал успокаивать, убеждать, что боль – это неплохо, потому что за ней приходит облегчение. Кто знает, как отнесутся к человеку другие гуманоиды, если уйти? Айшас хотя бы давал относительную свободу.

Постепенно в Кае проснулось еще одно странное чувство – любопытство. Возникло желание понаблюдать, как живут обитатели дома, когда не заняты своим трудным пациентом. И мальчик наблюдал. Днем к Айшасу постоянно приходили другие гуманоиды. Он давал им склянки с настоями, иногда мyal их тела так же, как делал с Каем, а они тоже постанывали и подвывали. Но посетители всегда уходили довольными и рассыпались в благодарностях. По вечерам протурбиец садился с дочерью в гостиную, расчесывал ее длинные черные волосы, и они о чем-то тихо переговаривались. В такие моменты у Кая покалывало внутри. Он не понимал себя, злился, уходил в комнату и запирался там.

Однажды Кай пробирался в помещение, где готовили еду, чтобы стащить лакомый кусочек, и услышал голоса. Он притаился за углом в нерешительности. Мерно стучал о разделочную доску нож, позвякивала о блюдо ложка.

– Папа, – заговорила Цхала, – почему мальчик ворует еду и прячет ее в своей постели? У него из-за этого все постельное белье грязное.

Кай поморщился. Он и не подозревал, что его секрет кому-то известен.

– Не трогай его и не забирай его припасы, – тут же прозвучал голос отца, – это не он прячет еду. В мальчике живет кое-что. Оно поедает его изнутри, поэтому ему кажется, что так он сможет справиться и успокоить это нечто в себе.

Кай растерянно прижал ладонь к груди. Внутри его кто-то живет? Тот самый схур, на которого протурбиец уже туманно намекал раньше? Почему же тогда ничего не ощущается, кроме голода?

– Поедает изнутри? И съест совсем? Ничего не останется? – испугалась Цхала.

– Если бы мы не нашли его вовремя, то ничего не осталось бы, – не стал спорить отец.

– Но мы нашли, значит... ты вылечишь это, папа? Да? Надо дать ему порошки, которые ты даешь тем, у кого внутри завелись болотные черви. Я помню, это помогает.

Протурбиец рассмеялся.

– Я вылечу, моя красавица. Не порошком, но вылечу. Зверь, который живет в мальчике, называется страх. Он появился, чтобы защищать хозяина.

– Потому что его обижали... – тихонько протянула Цхала.

– Да. Потому что его обижали. Страх очень силен, и побороть его непросто. Поэтому я хочу, чтобы ты смотрела и училась, как это сделать. Тебе это пригодится, когда ты вырастешь и станешь лечить других, как я. Но запомни, когда мы вытравим из мальчика страх, там останется пустое место. Что обычно падает в пустую яму?

Протурбийка задумалась.

– Всякий мусор.

– Точно. Поэтому нам нужно чем-то ее заполнить, чтобы страх не вернулся или там не завелось что-нибудь похуже.

– И чем же?

Кай затаил дыхание. Нож перестал стучать о доску, слышался шорох одежды.

– Мы заполним пустое место в мальчике любовью. Это самое надежное лекарство от страха. Тогда он никогда больше не превратится в зверя.

– Я поняла, папа, – зазвучал девичий голосок, – ты делал то же самое со мной, когда умерла мама.

– Да. Поэтому я уверен, что у нас все получится.

Дослушивать Кай не стал. Ему и так хватило, чтобы понять: для него готовят новую экзекуцию. Последующие несколько дней он только и делал, что ждал нового витка пыток. Но все шло своим чередом: массаж, отвратительное питье из склянок, мазь на застарелые рубцы на коже. Тогда Кай понемногу успокоился и решил, что Айшас просто забыл о своих планах.

Иногда он все же прокручивал в голове тот разговор и в какой-то момент пришел к выводу, что действительно глупо хранить еду в постели, когда можно в любую минуту выйти и поесть подогретое вкусное кушанье из посуды, в которой его приготовили. Следующим шагом стали вылазки в сад. В погожий день протурбиец любил там копаться, постоянно то сажая, то пересаживая какие-то растения. Завидев Кая, он дружелюбно подзывал его к себе и принимался болтать о пустяках, показывать те или иные ростки и рассказывать, в чем их польза.

Кай слушал вполуха. Несъедобная зелень его мало интересовала. Зато манило другое. Городской шум за стеной. Летательные аппараты в небе.

Далекие звезды. Он чувствовал себя чужим здесь, несмотря на все блага цивилизации, доступные теперь. Протурбийцы, приходившие в дом лекаря, поглядывали на мальчика как на диковинную зверушку, а ему хотелось оказаться среди своих, таких же, как он, людей. Почему-то казалось, что с ними жить было бы проще...

Как-то раз Кай вышел погулять и застал в саду Цхалу. Она тоже копалась в грядке, совсем как отец, и заулыбалась при виде мальчика. Он же испытывал к ней затаенную неприязнь. Каю не нравилось ее любопытство. Не нравилось, что она совала нос в его комнату и нашла самое дорогое – его припасы. Что не ушла, когда Айшас заставил его плакать на массажном столе, и видела слабым. Постоянно следила за ним, как надзиратель из каменоломен, а уж противнее их никого не было!

На шее у девчонки висел зеленый камень на цепочке. У Кая загорелись глаза: настоящее сокровище! Он подскочил, рывком сорвал с протурбийки украшение. Она охнула, болотного цвета глаза наполнились слезами. Кай еще крепче стиснул в кулаке добычу и погрозил ей, мол, полезешь – не отдам. Цхала заплакала, тогда он убежал обратно в дом и спрятал находку подальше.

Вечером он ожидал, что гневный отец придет заступаться за обиженную дочь. Но ужин, на котором Кай уже сидел за столом наравне с остальными домочадцами, прошел как обычно. Тогда мальчик догадался, что протурбийка никому не наобедничала о его поступке. В каменоломне бы ее засмеяли, а то и вообще заклевали бы за то, что не может постоять за себя. Кай был уверен, что поступил правильно, воспользовался правом сильного и завоевал добычу.

Но ночью ему не спалось. Даже поход за едой не утешил. Что-то настойчиво зудело внутри, не давало покоя, мешало закрыть глаза и отдыхать. С каждым часом становилось все хуже. Утром Кай окончательно извелся. Он едва дождался момента, когда протурбийка выйдет из комнаты, вихрем налетел на нее, сунул обратно в руку камень с цепочкой и опять скрылся.

На обеде они оба старательно прятали друг от друга глаза.

Вечером, когда Кай, по обыкновению, шел перекусить на сон грядущий, оказалось, что Цхала подкараулила его. Она напала на него сзади, обхватила его только-только обрастающие легким мясцом бока и стиснула что есть сил, уперевшись острым подбородком между лопаток.

– Отстань! Отпусти! – Кай завертелся волчком, пытаясь сбросить с себя девчонку, но она прилипла намертво, как пиявка. – Что ты делаешь?

– Я наполняю тебя любовью, – выдавила Цхала, не разжимая рук, –

папа сказал, что я должна заметить момент, когда пора это делать. Я заметила, что пора.

– Да какой любовью?! – завопил Кай. – Пусти, дура!

– Не пущу! – закричала она в ответ. – Не пущу! Я тебя лечу! Терпи!

– Что здесь происходит, дети?! – прогремел голос Айшаса.

Цхала наконец отлипла от Кая и отошла в сторонку, виновато потупившись.

– Я спросил, что здесь происходит? – Протурбиец перевел взгляд с дочери на мальчика. – Цхала! Я же говорил не трогать его и не подходить!

– Я его лечила, папа!

– Лечить нельзя силой, ты все испортишь!

– Но ты лечил силой его спину!

– То была телесная болезнь. Я говорю о другом! Разве я такому тебя учил?!

Кай покосился на протурбийку, которая опустила голову и шмыгала носом, пока отец ее ругал. У него снова закололо внутри. Так неприятно, что захотелось рукой потереть.

– Мы играли, – с неохотой проворчал он.

– Что?! – Протурбиец прислушался, так как произношение у Кая считалось плохим.

– Мы. Играли, – повторил тот, старательно выговаривая слова. – Игра такая.

Цхала в изумлении подняла на него заплаканные глаза.

– Играли, значит, – усмехнулся ее отец. Он ухватил дочь за плечо, подтянул к себе, прижал и потрепал с нежностью. – А ты заметила, да? Глазастая. А я и не заметил...

– Да... заметила, что пора... – прошептала девочка, поглядывая на Кая из-под отцовской руки.

– Играли... – снова повторил Айшас, покачал головой и увел дочь, оставив недоумевающего Кая одного.

С тех пор между мальчиком и протурбийкой установилось молчаливое перемирие. Он старался больше не нарываться на ее «лечение», а она стала необыкновенно тихой и застенчивой в его присутствии. Только через много дней они снова столкнулись в саду. На этот раз Цхала уже плакала, когда Кай туда пришел. Он осторожно подкрался к ее вздрагивающей спине и заглянул через плечо.

В руках у протурбийки был мохнатый зверек. Далекий от врачевания Кай и то понял, что перед ним не жилец, по угасающему взгляду крохотных черных глазок, оторванной задней лапе и кровавому пятну на животе.

– Его кто-то покусал... – всхлипнула девочка, когда заметила Кая, и доверчиво протянула ему на ладонях зверушку, – он через забор перелез и к нам упал... бедненький...

Неожиданно Кай ощутил ее боль как свою собственную. Это чувство так внезапно накрыло его, что он не придумал ничего лучше, чем поступить так, как сделал бы, чтобы унять свою боль. Выхватил пушистый комок из рук Цхалы, поджал губы и стиснул в кулаке маленькую голову, собираясь одним движением ее открутить.

Это был акт милосердия, Кай не вкладывал в свои намерения ничего плохого. Он много раз видел медленную агонию замерзающих людей и понимал, как будет лучше. Но протурбийка вдруг завопила от ужаса и расцарапала ему руки, отбирая животное.

– Ты схур! Схур! – кричала она. – Зачем ты его убиваешь! Я его вылечу!

– Он же почти мертвый... – растерялся Кай, – спроси у отца...

– Ты тоже был почти мертвый, когда мы тебя нашли! – набросилась протурбийка, захлебываясь слезами. – Но тебя же мы не убили! Чем ты лучше его?!

Кай промолчал. Он действительно не чувствовал себя ничем лучше полудохлой зверушки и в тот момент внезапно понял, что ею и являлся для Айшаса и его дочери. Просто зверушкой, на которой практиковались в лечении. Кай поднялся и пошел обратно в дом.

– Схур! – продолжала кричать ему вслед девочка.

– Дура! – стиснул кулаки он.

Весь вечер из комнаты, где Айшас принимал пациентов, доносились рыдания Цхалы и встревоженный голос ее отца. Кай скрипел зубами и не понимал, почему протурбиец такой глупый, что не замечает очевидного.

Зверька похоронили в саду следующим утром.

Прошло время, и тот случай забылся. Для Цхалы, но не для Кая. Он вдруг переосмыслил слова ее отца, сказанные им когда-то. Схур из него никуда не денется. Его можно только тщательно спрятать.

В четырнадцать Каю казалось, что он овладел этим искусством в совершенстве. Ради Цхалы, у которой в очередной раз изменилось поведение, появились загадочные взгляды и полуулыбки. По ночам она часто вытаскивала Кая в сад посмотреть на звезды.

– Видишь вон ту красную звезду? – спросила она как-то раз, вытягивая одну руку вверх, а другим плечом касаясь его. – Это Сшат-Ацхала, мать всех звезд. Я тебе не говорила, меня, кстати, в честь ее назвали.

Кай не смотрел на небо, он разглядывал профиль протурбийки и

размышлял, почему у него внутри постоянно возникает такое волнение при ее виде.

– Когда я скучаю по маме, – девушка скосила глаза, заметила взгляд Кая, и на ее щеках заиграл охристый румянец, – то представляю, что это она смотрит на меня с той звезды. Если ты когда-нибудь по мне заскучаешь, то можешь посмотреть на Сшат-Ацхалу и представить, что это я.

– Зачем мне смотреть на какие-то звезды, если я могу в любой момент увидеть тебя здесь? – с напускным равнодушием фыркнул Кай. – Все эти рассказы, что кто-то наблюдает с них за нами, – это бред. Я был там. Жил на другой планете. За нами никто не наблюдает. Мы никому не нужны. Надо думать только о тех, кто рядом.

Цхала рассмеялась и обняла его крепко-крепко, как делала почти каждый день за минувшие три года. Он с видом мученика закатил глаза и застонал.

– Знаю, знаю, – миролюбиво поддразнила она, – ты не любишь, когда я тебя тискаю. Но мне постоянно кажется, что ты еще не до конца здоров. Папа говорит, что когда-нибудь ты уйдешь от нас, захочешь вернуться к людям. Ты – мой друг, Кай. Я просто стараюсь успеть наполнить тебя любовью побольше, пока ты не ушел.

– Глупости, – отмахнулся он, – куда мне идти? У меня нет другого дома. Среди людей я никому не нужен. Айшас, наоборот, намекал, что хочет научить всему, как и тебя.

– Тебе же это неинтересно! Тебя не тянет быть лекарем, как мой отец!

– Ну... – Кай пожал плечами, – станет интересно. Наверное. Надо же чем-то заниматься, когда вырасту.

Цхала разглядывала его из-под длинных черных ресниц.

– Ты красивый... отец хорошо вылечил тебе спину, она очень ровная. Все мои подружки про тебя спрашивают после того, как мы недавно вышли в город погулять... они спрашивают... все ли у тебя как у протурбийцев? – Она вдруг смутилась и отвернулась. – То есть кроме глаз и цвета кожи, конечно.

Кай тоже ощутил неловкость.

– Ты же видела меня. После того как нашла с отцом на дороге. Ну... ты понимаешь... почти без всего.

Цхала резко повернулась обратно. Ее глаза лихорадочно блестели.

– Да, но... они еще спрашивают, целуешься ли ты так же, как протурбийцы?

– Я... не знаю, – осторожно произнес он. – А ты уже с кем-то

целовалась?

Девушка закусила губу, пряча многозначительную улыбку, и покачала головой. У Кая бешено застучало сердце и потемнело в глазах, когда он наклонился и осторожно ее поцеловал. Цхала отпрянула, судорожно втянула в себя воздух, потом снова резко приникла к его губам и снова отпрянула. Ее грудь высоко поднималась и опускалась.

– Папа говорит, что нельзя просить обратно любовь, которую мы тебе даем, – сбивчиво зашептала она, – что ты не обязан нас любить в ответ, потому что это наш выбор и мы даем тебе все бескорыстно. Что иначе ты бы не вылечился.

– Да я... – Кай замялся, – просто не верю в любовь. Моя мать говорила, что любит меня, но так и не прилетела. Я верю в Айшаса и в тебя. Мне хорошо здесь. Я сделаю все, что вы попросите. Но эти разговоры про любовь... – он поморщился, – кажутся глупыми. Давай попробуем еще раз, мне понравилось.

Он хотел снова наклониться к Цхале, но та отодвинулась.

– Значит, папа был прав, – в ее глазах заблестели слезы, – когда-нибудь ты уйдешь и заберешь с собой всю любовь, которую мы дали. И когда-нибудь подаришь эту любовь кому-нибудь другому. Кому захочется подарить. Бескорыстно. Но я знаю, что ты будешь невыносимо сильно скучать по мне всю оставшуюся жизнь. – Цхала потянулась и ударила Кая кулачком в грудь. – Невыносимо сильно. Потому что это моя любовь внутри тебя. Она залечила пустоту после того, как схур вышел. И она уже никогда из тебя никуда не денется.

* * *

Через полгода Каю стукнуло пятнадцать, а в городе разразилась эпидемия. Он помнил, как Айшас вернулся с рынка домой встревоженным.

– Тебе лучше некоторое время не выходить на улицу и ни с кем не контактировать, – обратился он к Каю. – Наши народы чем-то похожи, а чем-то нет. Есть болезни, которые мы переносим одинаково. Есть болезни, от которых можешь умереть только ты, а нам ничего не будет. Бывает и наоборот. До тебя я никогда не лечил людей и не знаю, что случится, если ты заболеешь. Поэтому побереги себя, мальчик.

Но лекарь переживал за него напрасно. Когда эпидемия добралась и до его дома, Кай всего лишь пострадал несколько дней расстройством желудка. Сам же Айшас и Цхала слегли. Из соседних домов то и дело

отправлялись траурные процессии. У Кая все сильнее сжималось сердце, когда он видел кровавую пену, которая капала изо рта протурбийцев, ставших ему родными.

Дрожащими руками он готовил все новые порции лекарств под руководством Айшаса, пока тот с дочерью лежал в комнате для процедур на расстеленных на полу покрывалах.

– Добавь одну порцию энтертса. Только одну порцию, не перепутай, – прохрипел лекарь.

– Я не знаю, что это за трава! Как она выглядит?! – Кай готов был сорваться в крик.

– Ну как же не помнишь, мальчик... я же показывал... учил... Цхала... моя умница... ты точно знаешь, подскажи ему...

Кай в ожидании подсказки перевел взгляд на протурбийку. Плошка с размолотыми травами выпала у него из рук, все рассыпалось. Схур внутри поднял голову и громогласно заревел, он никогда не ошибался в таких вещах. Кай тоже никогда не ошибался, с первого взгляда определяя печать смерти на лице.

– Что ж ты за лекарь такой, что не смог сам себя вылечить! – в отчаянии крикнул он протурбийцу. Затем обратился к девушке: – А ты? Что ж твоя хваленая любовь тебя не спасла?!

Он опустил голову между двумя телами, в сердцах стукнул кулаком по полу и уставился в одну точку. Айшас вздохнул последний раз и затих. Пена на его губах перестала пузыриться точно так же, как и у Цхалы. Глаза Кая стали пустыми, из них вышло все тепло. Он словно закаменел.

Неизвестно, сколько он просидел так, наступала ли ночь или все еще длился этот день.

– Выпивка! Недорого! – раздалось в глубине дома.

Послышались нетвердые шаркающие шаги и позвякивание бутылок. Кай равнодушно слушал, как кто-то чужой бродит по дому. По его дому. Дому, который он уже привык считать своим.

– Выпивка... – на пороге возник старик с сумкой через плечо. Он присвистнул. – Недорого... эй, что тут у вас у всех? Чума? Куда ни зайду – трупки валяются. А у меня выпивка. Недорого.

Заметив, что Кай не обращает внимания и не шевелится, гость осмелел. Вошел в комнату, пошарил по полкам со склянками, пошуршал медицинскими записями Айшаса.

– Пацан, а ты из наших будешь, да? – не спуская глаз с Кая, старик наклонился и обчистил карманы протурбийца. – А чего ты тут сидишь? Выпить хочешь?

Кай по-прежнему не двигался.

– Хм... – сказал старик, задумчиво изучая его, – а ты парень крепкий. Они тебя тут в заложниках держали, что ль? Пойдем со мной. У меня местечко на корабле найдется, и лишние руки не помешают. Пайку тебе гарантирую. Выпивка будет. Еда.

Кай вздрогнул и перевел взгляд на собеседника.

– О! – обрадовался тот. – Вот это уже лучше. Вот это уже веселей! Пойдем, говорю, крысеныш. Я из тебя человека сделаю.

Он подхватил Кая в охапку и помог подняться на ноги. Уходя, тот успел бросить прощальный взгляд на Цхалу. В его груди что-то беспокойно кольнуло и утихло. Кай постарался забыть это чувство. Так было лучше. Он надеялся, что больше никогда не испытает этого неприятного волнения, которое выбивает из привычной колеи, тревожит зверя внутри и заставляет ощущать себя по-другому.

Он и не чувствовал ничего больше. До той минуты, пока не встретил возле ящиков на погрузке свою Белоснежку.

* * *

На рассвете, когда я открыла глаза, Кая рядом не оказалось. Большую часть ночи я завидовала тому, как легко он провалился в сон, словно лежал не на мокрой земле, а на мягкой постели под теплым одеялом. Еще и обнимать меня крепче стал, как плюшевого мишку. Наверно, походная романтика была ему близка. Я только зубами скрипела. Сырость, холод, жесткое мужское тело – все причиняло неудобства. Наконец в какой-то момент меня банально вырубило от усталости. Только пригрелась, а потом Кай ушел – и я опять встрепенулась под брезентом.

Дрожа от холода, откинула шуршащее покрывало, кое-как размяла затекшие в неудобной позе ноги и поднялась. По траве еще стелился утренний туман, небо над головой казалось бесцветным, солнце пряталось за пеленой облаков. Поникшие кусты свесили до земли прибитые дождем листья. Грязь под ногами не успела просохнуть. Воздух так пропитался влагой, что одежда и волосы заметно потяжелели. Я прислушалась. Где-то вдалеке посвистывала птица. Первый хороший знак!

Я огляделась. Носилки с Катей лежали на прежнем месте, непогода не сорвала брезент. Это порадовало. Но куда запропастился Кай? Собиралась уже позвать его, но вспомнила о Бизоне и прикусила язык. Кричать на всю округу означало выдать, что я одна и без защиты. Нет, Кай вернется сам.

Он не может меня бросить. Не после того, как всю ночь согревал своим теплом.

Взгляд скользнул по дереву, под которым мы прятались. Да уж, кому из знакомых расскажу, как ночевала в корнях, – не поверят. Кора была гладкой, темно-зеленой, с черными пятнышками. Я подняла голову, чтобы рассмотреть крону, и замерла.

В глаза бросилось то, чего мы не заметили вечером из-за непогоды. Немного выше моего роста на дереве кто-то вырезал знак. Я коснулась рукой глубоких бороздок на коре. Старые. Символ напоминал закрученную спираль, по внешнему кругу которой шла надпись. Я присмотрелась. Закорючки на протурбийском. Видимо, наносить знак было трудно, так как не везде вышли ровные штрихи. Это затрудняло чтение. Еще больше его затрудняли мои скудные познания в языке соседей по космосу. Я пожалела, что не успела выучить больше, не вникала дальше университетской программы, где нам только-только стали преподавать начальный курс и введение в культуру.

– За... по... ведный... – прочла я вслух по слогам, как ребенок, – лес. Заповедный лес!

– Запретная зона, – прозвучал голос Кая за спиной, и от неожиданности я подпрыгнула.

– Что за!.. Я от разрыва сердца чуть не умерла! – В его руке я увидела тушки двух существ, покрытых бурой слипшейся шерстью. Размерами они напоминали кошек. – Это что такое?

– Наш завтрак. Дождь загнал их в колючки, а я снял.

Кай ухмыльнулся, серебристые глаза светились озорством, отросшая щетина делала его лицо другим. Более... далеким от цивилизации. Менее... похожим на того парня, которого описывала Лиза, собираясь в полет. К моему ужасу, мне стала приятна мысль, что я знаю его иным. Что у меня теперь есть свое собственное представление о Кае. Смутившись, я отвернулась.

– Вот это слово означало бы «лес», – Кай потянулся и ткнул пальцем в загогулину, при этом его грудь коснулась моего плеча, и мне пришлось отодвинуться, – если бы хвостик был заведен влево. А он заломлен под прямым углом вверх. Значит, это «зона».

– Первое слово «заповедный», я точно знаю, – пробормотала я.

– В сочетании с «зоной» получается устойчивое выражение, и тогда нужно трактовать как «запретная», – тоном терпеливого учителя пояснил Кай.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

После того как я слышала его произношение, спорить дальше не имело смысла. Он явно знал протурбийский лучше меня.

– Похоже, что мы входим в запретную зону, Белоснежка, – с серьезным видом сообщил Кай.

– Или вышли из нее, – возразила я и указала на его добычу, – животные появились. Пару минут назад я слышала, как поет птица. Прежде ты сам говорил, что в лесу никто не водится. А вообще, этот знак – старый. Может, его оставили еще до того, как планету закрыли на карантин. А может, мы теперь встретим кого-то, кто нам поможет.

Кай задумчиво посмотрел на меня.

– Хотелось бы, чтобы ты была права.

Я тоже была не прочь хотя бы раз оказаться правой, поэтому напустила на себя уверенный вид и кивнула.

– Все будет хорошо. Должно же нам, наконец, повезти.

– Мне уже повезло... – Он задержал взгляд на моих губах, потом моргнул и поднял тушки повыше: – Я нашел крыс.

– Фу! Это крысы! – пискнула я, уставившись на покачивающиеся дохлые морды с черными круглыми носами и длинными усиками.

– Очень вкусные, поджаристые до хрустящей корочки крысы. – Кай плотоядно облизнулся.

– Гадость! – Меня передернуло. – Я не буду это есть!

– Будешь, еще как будешь, Белоснежка. Поверь, мне еще придется у тебя последний кусок отбивать, – рассмеялся он.

Я попятилась. Есть, конечно, хотелось ужасно, но разум вопил при мысли о поедании крыс. Кай пожал плечами, отошел в сторонку, бросил тушки на землю и принялся копать в рюкзаке. Пока он неторопливо обустроивал все для костра, я топталась в нерешительности. Казалось, вот-вот Кай сообщит, что пошутил, и вынет из кармана горсть каких-нибудь съедобных орехов для меня. Но он снова ушел в кусты лишь для того, чтобы вернуться с охапкой сучьев. Сложил их, полил горячей смесью, поджег. Сырое дерево зачатило.

Он на полном серьезе собрался жарить крыс! И пусть они больше походили на упитанных кошек... какая разница! Все во мне взбунтовалось, но рот уже наполнялся слюной, а перед глазами появлялись видения сочного шашлыка на палочке.

В это время из носилок с Катей донесся громкий протяжный стон. Я тут же бросилась к подруге, убрала камни с ветвей, отвела их и увидела, что она открыла глаза. Взгляд оставался мутным, но все равно у меня

вырвался вздох облегчения. Хотя какие-то изменения, и в лучшую сторону. Определенно жизнь налаживалась. Мы вышли из запретной зоны, Катя пришла в себя... я никак не могла отделаться от ощущения, что где-то за ближайшим поворотом нас ждет еще более приятный сюрприз, а то и вовсе счастливое спасение.

– Привет, это я... я... – склонившись над подругой, я стиснула ее холодную, вялую ладонь в своих руках.

Катя посмотрела куда-то поверх моей головы. Затем ее взгляд уплыл, но вдруг снова стал четким, и на этот раз она смогла заметить меня.

– Больно. – Она скривилась и захныкала, вздрагивая всей верхней половиной тела. – Голова болит.

От вида ее страданий мне самой хотелось плакать. Ощущение беспомощности резало без ножа. Нет ничего хуже, чем наблюдать чужие мучения и понимать, что ты абсолютно ничего не можешь поделать, кроме как сидеть рядом, держать за руку и глотать собственные слезы.

– Потерпи, моя хорошая, – прошептала я, осторожно пощупала ее голову, наткнулась на здоровенную шишку и закусила губу, – мы ищем, как отсюда выбраться и найти тебе врача. Мы тебя не бросим...

Легкий ветерок донес до нас дым от костра, заставив меня повернуть голову. Кай сдирал шкуру с тушки. Когда он почувствовал мой взгляд и отвлёкся от занятия, я отвернулась.

– Я тебя не брошу, – принялась втолковывать я Кате, – есть хочешь?

– Нет, – она помотала головой, – пить...

– Пить... – озадачилась я, но тут же заметила, что дождевая вода еще блестит в углублениях листьев, – сейчас.

Когда я собрала воду и аккуратно влила драгоценные капли между приоткрытых губ подруги, та с благодарностью пожала мои пальцы.

– Как... Лиза? Вы ее нашли?

Я замялась. Врать прямо в доверчивые глаза Кати язык не поворачивался, но и сказать правду опасалась. А вдруг самочувствие из-за нервов ухудшится?

– Мы ее ищем, – наконец выдавила я, – знаем, где искать, и идем туда. Все будет хорошо, я обещаю.

Веки подруги опустились. Сначала показалось, что она снова погрузилась в дремоту, но потом я сообразила, что Катя просто смотрит куда-то мимо меня.

– Это все из-за него... не надо было нам лететь... – из-под ее ресниц выкатилась слезинка и скользнула по щеке вниз, – он во всем виноват.

Я знала, о ком речь. Кай уже нанизывал куски мяса на палку. На этот

раз, заметив наши взгляды, он отвернулся первым. Я вздохнула. Надо было согласиться с подругой. Но почему-то вместо этого выпалила:

– Не говори так! Мы с тобой живы сейчас только благодаря ему.

Рука Кати напряглась в моих ладонях.

– Ты что, защищаешь его? – хрипло воскликнула она. – Дана! Почему?..

Подруга не договорила, ее лицо исказила гримаса боли. Невысказанный вопрос так и повис в воздухе между нами.

– Это долго объяснять, – пробормотала я, – когда тебе станет лучше и мы найдем Лизку, обещаю, мы сядем вдвоем, и я вам расскажу, какого страху тут натерпелась. А пока тебе нужно набираться сил. Об остальном я позабочусь.

Взгляд у Кати снова поплыл, глаза закрывались.

– Лизка его простит... это же наша Лизка... – сонным голосом произнесла она напоследок и отключилась.

В воображении возникло счастливое воссоединение ее сестры со своим парнем. Надо ведь радоваться, представляя себе, как подруга, живая и здоровая, бежит нам навстречу, а Кай подхватывает ее на руки и кружит, кружит, кружит...

Украдкой я опять взглянула в сторону костра. С деловитым выражением лица Кай вытирал окровавленные руки пучком травы. Рядом у колена торчал воткнутый в землю нож. Я невольно усмехнулась. Может, девушек, на которых у него романтические виды, он и кружит. А вот соратник по выживанию – потчует дохлыми крысами.

Хорошее настроение тут же испортилось. Я приблизилась к огню, присела неподалеку от Кая и протянула ладони к теплу. Капли жира срывались с кусков мяса и с шипением плавились на углях. Ноздри защекотал аромат, слюну пришлось сглатывать два раза. Но рядом валялись горка потрохов и шкурки, как напоминание, что передо мной совсем не молодой барашек и не нежная курочка. Я задумалась о том, каковы протурбийские крысы на вкус. Наверняка жесткие, как подошва, и вонючие.

– Бизон так и не появляется, – проворчала я.

– Захочет жрать – придет. Как твоя подруга? – Кай потянулся поворошить палочкой угли.

– Тебе правда интересно? – засомневалась я.

– Почему бы и нет? – равнодушно ответил он.

Я вздохнула.

– Кате лучше. Она очнулась, но потом опять уснула. Мог бы и не

спрашивать, если делаешь это просто из вежливости. Но спасибо, что спросил.

Кай нахмурился.

– Не обнадеживайся раньше времени. Иногда больным становится лучше, перед тем как... – он покосился на меня и добавил: – В общем, неоправданные надежды отбирают силы. Думай о хорошем, но готовься к худшему, как говорится.

– Слушай, – не выдержала я, – ты можешь хоть раз просто промолчать и оставить свои советы при себе, а? Моя подруга очнулась! После катастрофы! Я хочу радоваться! Я имею право радоваться! И я буду радоваться! Ты что, удовольствие получаешь, когда говоришь мне мрачные гадости о том, что все умрут? Ты что-нибудь позитивное, настраивающее на приятный лад хоть раз можешь мне сказать?

Кай отложил палку, повернулся ко мне и посмотрел долгим серьезным взглядом. Я стиснула зубы и исподлобья уставилась в ответ, готовая броситься на него, как только попробует еще раз высказаться. Самое умное, что он мог сделать в этой ситуации, – просто промолчать. Но Кай все-таки открыл рот и произнес суровым тоном:

– Крыса вкусно пахнет.

От неожиданности я потеряла дар речи. Даже злость вся прошла, растворилась, как дымок над мясом. Оценив еще раз трагичную гримасу Кая, мою фразу, после которой он это сказал, и дразнящий аромат в одном флаконе, я не выдержала и расхохоталась. По его губам тоже скользнула улыбка, такая быстрая, что мне захотелось протереть глаза.

– Ты это специально, да? – простила я.

– Что специально, Белоснежка?

– Специально про крысу напомнил?

Он пожал плечом, губы продолжали кривиться в ухмылке.

– Ты злишься или смеешься, главное, что не плачешь.

Зря он это сказал. Я почувствовала неловкость, и смех прошел. Просто на секунду показалось, что вот здесь и сейчас, у костра, мы с Каем и крысой на вертеле – так и должно быть. Что это просто и естественно – ржать, как чокнутые, над какой-то глупостью. И плевать, что мир вокруг рушится, что все мы вот-вот умрем. Что жить одним моментом – это даже неплохо. Потому что в следующую секунду этого момента можно уже никогда не испытать...

А еще проклятая крыса на самом деле до одурения вкусно пахла.

Но потом Кай напомнил, что просто отвлекает меня, и очарование пропало.

– Научи меня есть крысу, – зачем-то сказала я.

Он с подозрением оглядел меня с ног до головы, словно ожидал, что вот-вот передумаю. Я только выше вздернула подбородок.

– А не выплюнешь? Я не хочу просто так переводить то, что могу съесть сам, – поддразнил Кай.

– Э-э-э... – растерялась я.

– Ладно, ладно. – Он снисходительно усмехнулся.

Выбрав среди кусков тот, который был поменьше, а следовательно, лучше успел прожариться, Кай аккуратно снял его с огня.

– Иди сюда, – позвал он меня таким тоном, каким мужчина зовет женщину в постель.

Содрогаясь от собственной смелости и уже ругая себя за безумный поступок, я придвинулась. Мясо замаячило перед самым лицом. Вблизи удалось разглядеть волокна, превратившиеся в обещанную поджаристую корочку. Пахло это все лучше, чем самое изысканное жаркое. Но перед глазами снова возникли черные носы и пушистые мордочки. В ответ из глубины желудка поднялся тревожный позыв.

– Да ты не смотри, не смотри, – теплая и пахнущая костром ладонь Кая опустилась мне на глаза, – рот открывай...

Я не успела опомниться, как моих губ коснулось чуть солоноватое мясо. Страдания истощенного организма перевесили отвращение. Я аккуратно взяла зубами за краешек и потянула, отделяя кусочек.

– Осторожно, горячо... – шептал Кай где-то совсем рядом возле моего лица.

Он вел себя как демон-соблазнитель из книжек, и я не выдержала, сорвалась. Подцепила мясо на язык, начала жевать. Сок брызнул, смешался со слюной, заполняя рот. Я застонала от удовольствия. Это был мой второй оргазм на этой планете. Первый случился, когда темной холодной ночью открыла для себя тепло костра.

– Нравится? – слышался тихий и довольный смех Кая. – С голодухи все вкусно. Даже свиные какашки.

– М-м-м! – в знак протеста замычала я и взмахнула руками. Чудесное пиршество снова оказалось поставлено под угрозу.

– Вот ты неженка, – прищелкнул Кай языком и запихнул мне в рот еще кусок. Прямо пальцем, но это меня не остановило.

Я принялась жевать что есть сил, но глаза благоразумно не открывала, даже когда он убрал ладонь от моего лица. Желудок с благодарностью заурчал, переваривая такую долгожданную пищу. Неожиданно я почувствовала, что настроение Кая изменилось. Открыла глаза и поняла,

что веселью пришел конец.

Из дальних кустов за нами наблюдал Бизон. Он изучил обстановку, затем осмелел, раздвинул ветви и вышел. Я увидела, что вся его одежда перепачкана в грязи. Видимо, прятался в какой-то норе, пережидая дождь. В кулаке был зажат нож. Я невольно выпрямила спину, ведь мы трое закончили разговор на неопределенной и не совсем дружелюбной ноте. Если бы не усталость и непогода, неизвестно, чем бы прошлая стычка закончилась. Но Бизон на ходу убрал оружие, и стало понятно, что он, скорее всего, просто пытался найти в округе что-то съестное, поэтому и вооружился.

Взгляд бритоголового намертво прилип к мясу, кадык плясал от произвольных глотательных движений. Я беззвучно усмехнулась, понимая, что при всех наших различиях в чем-то мы абсолютно одинаковые. Бизон опустил на землю по другую сторону костра и уже потянул руку к ближайшему вертелу, когда его остановил голос Кая:

– Это мое.

Верзила переменялся в лице, стал похож на побитую собаку. Плечи ссутулились, взгляд потух. Казалось, он раздавлен необходимостью унижаться и выпрашивать еду. Вся сила, которой запугивал меня, куда-то пропала.

– Я не знал, что мы снова живем по правилам старика, кэп. Ты же сам от них отказался.

– Что ж поделать, – спокойно заметил Кай, глядя на собеседника поверх костра, – если правила работают.

– Правила? Старик? – озадачилась я.

– Это не твое дело, – бросил Кай. – Бизон понимает, о чем я говорю.

Но я уже и сама догадалась, что они имеют в виду некое общее прошлое. Неудивительно, ведь летали на одном корабле. Больше меня поразило, что Бизон не попробовал силой выхватить палку с мясом. Как будто короткое слово «мое» из уст кэпа прозвучало для него самым строжайшим запретом. А сам Кай слишком поторопился замять тему. Не хотел, чтобы напарник о чем-то проболтался?

Они оба уставились друг на друга, как два хищника над растерзанным оленем, и только неясный мне свод правил удерживал их от чего-то большего. Впрочем, я предпочла бы скорее забыть все стычки ради своего и Катиного благополучия.

– По-моему, нам всем нужно поесть, чтобы набраться сил и дойти до реки, – осторожно заметила я, не обращаясь ни к кому в отдельности.

– Кэп просто наказывает меня, – оскалился Бизон, – за то, что я

перестал считать его главным.

– У тебя всегда есть выбор. – Кай кивнул в сторону редколесья.

Бритоголовый насупился, но с места не сдвинулся.

– Так я передумал, кэп. Сам, что ли, лучше? Ты был любимчиком у старика и все равно глазом не моргнул, когда тот сдох. Всякое бывает. Но на ошибках учатся. Кроме того, ты мне еще мою часть от сделки должен. То, что товар пропал, – не моя вина.

Кай мрачно усмехнулся.

– Я не знаю, кто этот старик, о котором вы говорите, – не выдержала я, – но сейчас не о нем надо беспокоиться и не о пропавшем товаре, а о том, как и у кого попросить помощи. Я думала, вы друзья. Может, стоит вспомнить об этом сейчас, вместо того чтобы постоянно делить что-то?

Бизон с удивлением посмотрел на меня, затем рассмеялся, показывая крупные белые зубы. Кай тоже фыркнул:

– Здесь нет друзей, Белоснежка.

Глаза у бритоголового сверкнули.

– Она же не знает, кэп, – добродушно заговорил он, – через что мы с тобой прошли, сколько дел вместе наделали. Сколько шлюх...

Ухмылка сползла с лица Кая.

– Заткнись.

– Но это же хорошо, что не знает, – как ни в чем не бывало продолжил Бизон, – так легче выглядеть героем, который всех нас спасет. Героям положена награда. Это всегда срабатывает.

Кай мрачнел все больше, и эта реакция заставила сомневаться и меня. А вдруг и правда вся его забота – лишь искусная игра? Он сообразил, что Бизон мало чего добился силой, и поэтому решил действовать хитростью. Защитил, обогрел, накормил. Затронул мою женскую сущность, которой в трудный момент требовался кто-то сильный рядом. И ведь это сработало! Я сидела с Каем у костра, ела из его рук и даже в глубине души допустила мысль, что теперь со мной у него гораздо больше общего, чем с Лизой! Засмотрелась на парня подруги!

С ней он, кстати, тоже изображал джентльмена, когда потакал всем капризам ради...

...ради той ночи, когда я слышала звуки их секса.

И Кай сам прямо говорил – он не верит, что Лиза выжила и что мы спасемся в ближайшие дни. Значит, я нужна ему с совершенно определенной целью. С той же самой, с которой они брали с собой девчонок в дальнюю поездку. Чтоб нескучно время проводить. А то, что сразу не начал приставать, – так и правильно. Сначала обустроиться надо,

место потеплее найти, а там уже я сама, благодарная и готовенькая, в руки упаду.

Я очнулась от размышлений. Похоже, Кай прекрасно прочел все мысли на моем лице. Он выглядел недовольным. Еще бы. Зато Бизон, покусывая травинку, оперся на одну руку и ждал, чем все закончится.

В это время снова раздался громкий стон Кати.

– О, – оживился Бизон, – очнулась. Сама пойдет уже?

Намек был более чем прозрачным. Я заерзала на месте и с мольбой взглянула на Кая. Какими бы ни были его намерения, но моя зависимость от него и от Бизона никуда не делась. Я напомнила себе, что не время думать о гордости, когда подруге нужна помощь.

Кай поджал губы и поморщился, потом неохотно проворчал бритоголовому:

– Бери.

Тот не заставил себя упрашивать, с жадностью схватил палку и, обжигая руки и язык, принялся поглощать мясо. Зрелище не для слабонервных, поэтому я предпочла отойти к подруге. Катя с закрытыми глазами металась на носилках.

– Больно, – прохрипела она.

Я пожалела, что у нас нет обезболивающего, а когда пощупала лоб подруги, то испугалась еще больше. Температура, пока небольшая. Чтобы сбить ее без лекарств, требовалась вода. Я вскочила на ноги.

– Нужно выходить. Быстрее.

– Дай доесть, – с полным ртом возмутился Бизон.

Кай молча поднялся и стал собирать вещи в рюкзак. После разговора у костра он, похоже, потерял всякое желание вступать со мной в контакт и предпочитал не провоцировать лишние беседы. Я не стала возражать. Так даже лучше, для меня самой в первую очередь.

Солнце начало проглядывать из-за пелены облаков, воздух ощутимо прогрелся, и я заранее сдернула влажную куртку, чтобы не останавливаться потом, во время перехода. Влажная кофточка липла к телу, я не удержалась и чихнула несколько раз. С завистью посмотрела на парней. Им любая погода была нипочем.

Затушив костер, мы выдвинулись в путь. Сытый Бизон подобрел и не возмущался, что его опять нагрузили. Я выдохнула с облегчением. Хотя одну проблему на время удалось решить. Сколько их еще будет?

Катя тихонько постанывала на носилках. Редколесье постепенно сменилось колючим буйнорастущим кустарником. Я пожалела, что сняла куртку, когда зацепилась рукавом и оставила на иголках клочок ткани. В

прорехе показалось голое тело и багровая царапина. Кожу защипало.

– Долго еще до реки? – в сердцах проворчала я.

Повернулась к Каю, но он отреагировал странно. Бросил на траву свой конец носилок, сделал непонятный знак Бизону. Тот упал на колени вместе с поклажей. Кай схватил меня, прижал к груди, потянул вниз и крепко зажал рот рукой. От испуга затряслись ноги, я рухнула как подкошенная. В висках застучала кровь, все инстинкты кричали о том, что Кай заметил опасность.

Наконец мой взгляд уловил, что так встревожило его: впереди между деревьев бесшумно скользили черные тени.

Я забыла обо всем, уставившись на них. Человеческого роста, с тонкими, слегка удлинненными шеями, они двигались мимо, отделенные от нас всего лишь стеной кустарника, и уже превратились для взгляда во вполне осязаемые фигуры. Тем не менее ни на людей, ни на протурбийцев были не похожи. Что-то неестественное, неправильное сквозило в движениях. Слишком резко, как у птиц, поворачивались головы. Изломанными, отрывистыми взмахами их руки раздвигали ветви. Тела казались лишенными одежды, гладкая кожа лоснилась на свету, выглядела неживой, ненастоящей. словно искусственный материал, которым обтягивали дешевую мебель.

Существа напоминали собой цепочку муравьев, спешащих по своим делам. Не животных, не разумных существ, а именно насекомых. Как бы они отреагировали, появившись мы по неосторожности прямо перед их носом? Если бы я не зацепилась за колючку и не огрызнулась на Кая, а тот не поднял глаза и случайно не заметил их? Почему-то представлять было страшно.

Я слышала, как медленно дышит над ухом Кай. Слишком уж размеренно. Плавный длинный вдох. Пауза. Не менее плавный и долгий выдох. Не в пример моей бешено вздымающейся груди. Я вдруг сообразила, что от волнения дышу очень громко. В такой напряженной тишине, когда проходившие в нескольких метрах от нас черные фигуры умудрялись не хрустнуть ни единой веткой, собственное дыхание оглушало. Я перестала дышать на несколько секунд, а потом постаралась выпустить воздух из легких более осторожно.

Кай почувствовал это, убрал ладонь от моего рта. Я чуть повернула голову и увидела, как он с одобрением кивнул. Другая его рука продолжала обвивать мою талию. Вместо того чтобы убрать и ее, Кай, напротив, ближе притиснул меня к себе. Я показала большой палец, мол, все нормально, первый испуг прошел, но ничего не изменилось.

В этот момент раздался тонкий жалобный звук. Катя! Существа тут же замерли, как по команде. У меня сердце оборвалось. Мы совсем позабыли о больной, а она очнулась, не понимая, что происходит. Кай дернулся, но Бизон успел первым. Он навис, обеими руками запечатав Кате рот, и с ненавистью просверлил ее взглядом. Она испугалась, замычала что-то.

Между лопаток у меня скользнула струйка пота. Наблюдая, как существа крутят головами, пытаюсь определить источник звука, я в то же время понимала, что если бритоголовый будет и дальше закрывать лицо моей подруги, она просто задохнется. Попробовала потянуться, чтобы заставить его расслабить руки, но Кай перехватил мое запястье, грубо прижал к своему телу и вынудил пригнуться еще ниже. Из такого положения я не могла видеть передвижения существ, и от этого стало страшнее.

Катя дергалась в панике, ее безумно блуждающий взгляд остановился на мне. Если бы только я имела возможность утешить и успокоить подругу! Вместо этого пришлось корчить гримасы в надежде, что это переключит ее внимание. Но веки у Кати уже потяжелели, она затихла. Я покосилась на Бизона, который медленно отнял руки и вытер пот со лба. Оставалось лишь надеяться, что он не придушил ее с перепуга.

Чем дольше мы сидели в неудобной позе, тем сильнее затекали ноги. Я пошевелилась, но Кай продолжал придавливать меня собой, а боль становилась все нестерпимее. Ожидание выматывало нервы. Каждую секунду я ждала, что из кустов кто-то выпрыгнет. Картины, как нас всех разорвут на куски, так и вставали перед глазами. Тело начало потряхивать. Наконец, когда захотелось уже орать в голос, давление сверху ослабло, и я почувствовала, что меня больше никто не держит.

– Они ушли? – спросила я шепотом, глядя снизу вверх на Кая, который осторожно поднимался на ноги.

Он сделал знак молчать. Постоял, прислушиваясь и приглядываясь. Потом кивнул. Я выдохнула с облегчением и принялась растирать мышцы. Потом склонилась над Катей. Она тяжело, сипло, но все же дышала.

– Ты мог ее убить! – напустилась я на Бизона.

– А они могли убить нас, Белоснежка, – вмешался Кай.

– Так вы снова напарники ближе некуда? – проворчала я, понимая, что все упреки этим двоим как с гуся вода. Затем поежилась от того, как совпали наши мысли. – Думаешь, убили бы? Может, мы просто натолкнулись на местных жителей? А они только с виду такие... жуткие? А в глубине души – просто белые и пушистые?

– А ты сама ничего необычного не заметила? – Кай сложил руки на

грудь и с вызовом посмотрел на меня.

Я, скорее, не заметила ничего обычного, но поняла, что вопрос – с подвохом. Задумалась.

– У них не было одежды...

– Та-а-ак, – протянул Кай, – но это не показатель. Некоторым дикарям не нужны тряпки, потому что они не стесняются.

– У них не было половых органов! – ахнула я, сообразив, что же не давало мне покоя с самого первого взгляда. – Те фигуры... невозможно понять, мужчины это или женщины!

Кай кивнул.

– Ртов у них тоже не было, – угрюмо добавил Бизон.

– Да... – согласилась я. – Получается... у них нет рта и носа, нет половых органов... как же они питаются? И чем? И как размножаются? Если они не могут размножаться, то рано или поздно вымрут, а в природе так не предусмотрено...

– Я думаю, что их создала не природа, – вдруг тихо произнес Кай.

– А кто? – похолодела я. – Зачем?

Он пожал плечами.

– Кто? Зачем? Какие хорошие вопросы, Белоснежка. Если бы только знать, что творилось здесь последние полвека, с тех пор как объявили карантин! Но пока я могу предположить только одно: твари, которым не надо есть и размножаться, созданы только с одной целью.

– С какой? – поинтересовалась я, подозревая уже самое худшее.

– Они охраняют. Что-то или кого-то. – Кай усмехнулся. – Все еще уверена, что мы вышли из запретной зоны, а не вошли в нее?

Я уже была ни в чем не уверена, но попробовала высказать предположение:

– Может, это последствия пузырьчатой болезни? Судя по вашим рассказам, она уродует кожу. Что, если превращает тела заболевших вот в это?

– Информационная база утверждала, что пузырьчатая болезнь смертельна во всех случаях, – покачал головой Кай.

– Но ты сам сказал, никто не знает, что произошло тут за последние пятьдесят лет, – прищурилась я. – Кто-то вырезал тот знак на дереве, кто-то хотел нас предупредить. Возможно, более адекватные аборигены тоже где-то рядом.

– Знак старый, – возразил Кай. – Кто знает, может, тот, кто его нацарапал, тоже бродил где-то тут...

Он сделал неопределенный взмах рукой и умолк.

– Но если это не последствия болезни, а созданные кем-то существа, – продолжила я, – значит, на планете остались развитые технологии, наука...

– ...Связь, – закончил мою мысль Кай. – Но это не означает, что нам предоставят к ней доступ с распростертыми объятиями. Если планета пригодна для нормальной жизни, но карантин не сняли, значит, это кому-то выгодно. А мы окажемся лишь нежеланными свидетелями. Таких проще уничтожить.

Бизон, который прислушивался к разговору, сплюнул на землю. Мы втроем переглянулись, и я могла поклясться, что выражения лиц у нас не сильно отличались.

– Надо отсюда валить, – сказал бритоголовый.

– Надо попробовать выйти на контакт, если еще раз столкнемся, – рискнула высказаться я.

– Надо быть готовыми ко всему, – подвел итог Кай. – А пока станем придерживаться прежнего плана.

– Чудики могут вернуться в любую минуту, кэп, – напомнил Бизон.

От его зловещего тона по коже побежал холодок. Мы дружно подхватили поклажу. Катя застонала, когда подняли носилки. По телу пробежали судороги.

– Ч-черт, она нас выдаст, – процедил бритоголовый.

– Не выдаст! – шикнула на него я, а сама склонилась над подругой и погладила ее по щеке. – Тише... тише...

Услышав мой голос, Катя, как убаюканный ребенок, притихла. Судороги прошли.

– Я буду идти рядом и следить за ней, – твердым голосом сообщила я Каю, который наблюдал за нами через плечо.

– Бизон прав, – бросил он и отвернулся, – она нас выдаст.

– Мы могли бы идти вооруженными, а вместо этого у нас заняты руки, – поддакнул бритоголовый.

Я подавила вздох раздражения.

Оглядываясь по сторонам, мы двинулись дальше. Стоило хрустнуть ветке под ногой, как парни замирали, с напряженными лицами вслушиваясь в лесные шорохи. Когда с ближайшего дерева вспорхнула птица, я поймала себя на том, что втягиваю голову в плечи. Глаза болели от необходимости постоянно искать в листве черные силуэты.

Как назло, путь до реки тянулся и тянулся. Привалы становились все чаще, все труднее давался переход. В желудке заурчало, язык опять начал прилипать к нёбу. От усталости голод и жажда принялись мучить с новой силой. Впереди показалось невысокое сооружение из валунов. Оплетенное

колючей вьющейся лозой кустарника, оно прилепилось на пяточке между деревьев.

– Колодец! – выдохнула я.

Это действительно был он. Пока парни тащились с носилками, я побежала вперед, попробовала заглянуть внутрь, но стебли растений мешали разглядеть воду. Тогда я принялась, царапая руки, расчищать доступ. За спиной раздался шорох.

– Ножом лучше, – подвинул меня Кай и принялся за дело.

С довольным рычанием Бизон пристроился с другой стороны. Втроем мы быстро раскидали бурьян в стороны.

Колодец оказался неглубоким. Наши изможденные лица отражались на поверхности воды. Пахло сыростью и землей, но разве кого-то из нас могла уже остановить брезгливость? Меня после поедания крысы – точно нет. Руки сами потянулись к долгожданной влаге, чтобы умыть лицо, освежить шею, попить...

Бизон, который уже готовился чуть ли не по пояс занырнуть, вдруг передумал. Не успела я удивиться, как мое запястье стиснул Кай:

– Стой.

Я посмотрела, куда он показывал. На дне, если приглядеться, виднелся трупик какого-то животного. Поначалу, сгорая от жажды, я даже не обратила внимания, убедилась лишь, что на поверхности не плавают мусор, не видно тины или мерзких насекомых. Но наклониться и проверить дно не сообразила...

Бизон отыскал палку покрепче, погрузил ее в воду, пошарил и начал вытаскивать находку на поверхность. Заметив белую шерсть, я отвернулась.

– Собака... – протянул бритоголовый за моей спиной.

– Типа того, – согласился Кай, – горло перерезано...

Послышался плеск воды, будто животное уронили обратно.

– Там еще какие-то кости на дне... – заворчал под нос Бизон.

– Я так понимаю, пить нельзя, – пробормотала я, отошла и опустилась на траву, сложив руки на коленях.

– Колодец отравлен, – пояснил Кай, – причем специально.

– Да уж, – хмыкнул Бизон, – с полуоторванной башкой сами зверюшки в воду не прыгают.

Я обхватила голову руками. Запретная зона, отравленные колодцы... даже мне уже не верилось в случайные совпадения. Неожиданно меня осенило.

– Там есть какой-то знак?

Кай с недоумением уставился на меня.

– Знак, как на дереве! – Не дожидаясь, пока до него дойдет, я встала на колени, подползла к колодцу и принялась раздвигать бурьян.

– Каждый камень будешь ощупывать? – подколот Кай, но тоже начал помогать.

Знак мы нашли на круглобоком валуне у самой земли.

– Ну, следопыт, что скажешь? – невесело ухмыльнулся Кай, разглядывая вместе со мной длинную волнистую линию с загогулиной на конце.

– Змею напоминает... – я пригляделась к разномастным протурбийским символам, – легкий сон.

Кай уже открыл рот, чтобы поправить, но мне и самой перевод показался неточным.

– Легкая смерть! – исправилась я. – Да, точно.

– Да, точно, – эхом отозвался Кай, и в его глазах засветилось что-то вроде одобрения.

– Легкая смерть? – расхохотался Бизон и пнул камни. – Выпить трупного яда – это, по-вашему, легкая смерть?!

Он принялся метаться между нами и носилками, как раненый зверь по клетке.

– Не шуми, – рявкнул на него Кай, но и сам казался озадаченным.

– Кто-то предупреждает нас, – прошептала я, – чтобы мы не входили в эту зону, не пили воду из колодца... если бы он не зарос, мы бы увидели знак, как на том дереве.

– Эти знаки оставлены слишком давно, а животное еще не настолько разложилось... но мы не можем не идти дальше, нам надо добраться до воды, – стиснул кулаки Кай.

– Нам надо идти быстрее, – взмахнул руками Бизон, – посмотри, где солнце, кэп! Мы опять за полдня продвинулись всего ничего!

– Так давайте пойдем! – Я вскочила на ноги.

На этот раз шли быстрее даже несмотря на усталость и поклажу. Словно кипящий от страха адреналин в крови зарядил севшие батареи организма для финального марш-броска. Привал сделали, когда солнце вышло из зенита и потихоньку поползло вниз. По опыту я уже знала, что стемнеет очень быстро, но мы втроем походили на взмыленных лошадей, и передышка требовалась давно.

– Немного осталось, – пробормотал Кай и привалился спиной к стволу дерева. – По крайней мере, кое-где появился рыжий мох, а эта штука любит воду.

– Главное, чтобы в сумерках чудики не повылазили. – Бизон содрал с себя футболку и обмахивался ею.

Я просто легла возле Кати на траву. Разговаривать не хотелось.

– Пойдем... поищем чего-нибудь перекусить. – Отдышавшись, Кай с трудом поднялся на ноги. – Вот, Белоснежка, на всякий случай. Если что – лучше просто кричи. Мы услышим. Бизон, вставай.

По взгляду, которым он окинул меня, я догадалась: понимает, что бросать без защиты двух девушек рискованно, но и по-прежнему не хочет оставлять нас с Бизоном наедине. На траву возле меня упал нож. Как назло, тут же вспомнились слова бритоголового о том, что кэп разыгрывает из себя героя передо мной. Пришлось напустить на себя безразличный вид, протянуть руку и сжать оружие.

Парни ушли, стало тихо. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я села, подтянула колени к подбородку и принялась мечтать о том, как вернусь домой. За прошедшие сутки усиленно отгоняла от себя плохие мысли, боялась, что если начну скучать по родителям, то окончательно расклеюсь, но... мне так их не хватало! Мама, наверно, пришла бы в ужас, если бы увидела меня вот такой: растрепанной, грязной, притаившейся в траве посреди незнакомой планеты на самом краю космоса! И я бы все отдала, чтобы с неба сейчас спустился звездолет отца. Любую трепку бы выдержала.

– Все будет хорошо... – раздался тихий голос.

Я обернулась. Катя смотрела на меня печальными глазами.

– Как ты?! – встрепелась я.

Она слабо улыбнулась.

– Лучше.

– Ничего не болит?

– Болит. Но терпимо пока. Зачем мы прятались в кустах?

Захлебываясь от эмоций, я принялась рассказывать подруге про загадочные символы и страшных существ. Катя слушала, слушала, а потом вдруг всхлипнула:

– Мне страшно.

Я тут же прикусила язык. Вот дура! Вывалила на больную, едва очнувшуюся подругу все ужасы нашего пребывания! Надо было придумать отговорку. По лицу Кати бежали прозрачные слезинки.

– И за Лизку волнуюсь, – запричитала она, – и пить хочется, и есть...

– То, что есть захотелось, – это хороший знак, – попыталась утешить я, – есть хочется, значит, на поправку идешь. – Я потрогала лоб подруги. – Вот и температура вроде снизилась.

Она шмыгнула носом, но успокоилась.

– А я сегодня – представляешь? – ела крысу! – совсем другим, бодрым голосом заговорила я.

– Крысу?! – Катя поморщилась.

Я принялась рассказывать ей про свой опыт как про большое приключение. Словно мы сидели в нашей комнате в общежитии, на полу, с бокалами мартини, и делились историями из жизни. Как раньше, обсуждали мальчиков, встречи и расставания с ними. Вытерев повлажневшие глаза и запретив себе раскисать, я делала все, чтобы Катя хоть слегка улыбнулась.

Как делал Кай, когда смешил меня глупыми фразами, о которых я тоже поведала подруге.

– Он нравится тебе, да? – вдруг спросила Катя, на ее лице читался укор.

– Кто? Кай? – Я фыркнула и покачала головой, но подруга выглядела серьезной.

– Ты говоришь о нем с таким же выражением лица, как моя сестра... – тихо сказала она, – у тебя взгляд такой же... и почти те же фразы...

– Что?! – Я почувствовала, что щеки начинают гореть.

– Он же Лизкин парень, Дана. Мы же поклялись друг другу, что парень подруги – это святое, ты помнишь?!

Я помнила ту клятву, данную как раз на одном из девичников, прекрасно помнила. Чуть ли не слово в слово. Но нарушать и не собиралась.

– Катюш, – начала я и не могла отделаться от ощущения, что оправдываюсь, – он просто помогает мне. По-дружески. Я... чувствую к нему благодарность. Обычную человеческую благодарность. Ничего больше. Правда. Я бы не стала тебе врать.

– Пообещай мне, – Катя неожиданно сильно стиснула мою руку, – что ты никогда не обидишь мою сестру. Лизка любит его. Неважно, сколько раз он там тебя спасал.

Я растянула губы в улыбке, но, похоже, получилось криво.

– Обещаю. Конечно. Что за глупости ты себе придумала?

– Лизка бы никогда так с тобой не поступила, – продолжала хмуриться Катя.

– Я... – не выдержав упрека в глазах подруги, я отодвинулась, – пойду в туалет схожу, пока парни не вернулись. А то вечно неудобно от них прятаться. Вот. – Я вложила в ее руку нож. – Ты зажми покрепче и, если что, кричи. Я мигом.

В туалет действительно хотелось, но и возвращаться обратно из зарослей я не торопилась. Постояла, прислонившись спиной к стволу дерева и откинув голову. Мне понравился Кай?! Ну да, я больше не могла ненавидеть человека, который делал все, чтобы сохранить мне жизнь и здоровье. Но если бы Бизон поступал так же, то к нему бы я испытывала те же чувства. Это простая благодарность, и ничто иное.

Решив так, я заставила себя двинуться обратно. Оставлять Катю надолго было безрассудно с моей стороны. Что-то нервы расшалились, раз не смогла достойно выдержать необоснованных подозрений.

Я выбралась из кустов как раз в тот момент, когда от носилок отходил Бизон. Сначала обрадовалась: парни вернулись, наверняка с добычей. Потом удивилась: Кай отсутствовал.

– Ты один? – окликнула я бритоголового.

– Ага, – он показал мне флягу с горючей смесью, – из дупла кое-какую живность хотим выкурить.

Бизон удалился, но подозрения не отпускали меня. Я присела возле Кати.

– Зачем он подходил к тебе? Что говорил?

– Ничего, – слабым голосом ответила она, – спросил, как себя чувствую, и все.

Я расслабилась и откинулась назад. Нервы точно шалят, от бритоголового постоянно пакости ожидаю, а тот, наверно, просто ждет не дождется, когда моя подруга сможет на ноги встать и пойти самостоятельно.

– А он не плохой, – продолжала заплетающимся языком подруга, – ягодами угостил...

Сухой ком застрял у меня в горле. Я повернула голову, надеясь, что ослышалась.

– Какими ягодами, Катя?!

Все нехорошие подозрения ожили, будто змеи, поднявшие головы из травы.

– Сладкими... – Она разжала ладошку, перепачканную темно-синим соком.

Я схватила руку подруги, словно могла прочесть будущее в засохших пятнах на коже. Кай же говорил, что на планетах протурбийцев полно ядовитых растений. Он сам пришел в ужас, когда я съела тот клубень. Что говорить про ягоды, которые и на Земле-то не всегда считались безобидной едой...

Катя вдруг издала булькающий звук. Ее глаза расширились от ужаса,

на висках выступил пот.

– Нет... – зашептала я, чувствуя, как обрывается сердце и ухает куда-то в пятки, – нет, нет, нет...

Я повернула голову Кати набок, и вовремя: ее вырвало. Под моими ладонями, удерживающими подругу, пробежала дрожь. Сначала это были легкие потряхивания, но уже через пару мгновений все тело Кати выгибалось и колотилось так, что я с трудом удерживала ее на носилках. Не будь она такой ослабевшей, возможно, яд медленнее бы подействовал. Но теперь катастрофа надвигалась с угрожающей скоростью.

Судороги усиливались и усиливались. Наконец затихли. Вспомнив, что делал Кай, я попыталась засунуть пальцы в горло пострадавшей и вызвать еще рвоту, но рефлекс не срабатывал. Я пробовала еще и еще, пока кто-то не обхватил меня сзади и не оторвал от носилок. Почудился знакомый запах костра и мужского пота.

– Все... все... – зашептал на ухо Кай, сильно притиснувшись щекой к моему затылку. – Уже все...

Я обнаружила себя с перепачканными рвотой и пеной руками, а Катю – с посиневшими губами и веками и безжизненным взглядом, устремленным в сторону.

– Нет! Не все!

– Все! – Он встряхнул меня, прижимая плечи так крепко, словно мы опять прятались от черных бесполой теней. – Хватит!

Внезапно я поняла, что и правда все. Еще несколько дней назад мы сидели в нашей комнате в общежитии, готовились к экзаменам, пока Лизка вертелась перед зеркалом, строили планы на лето, на будущий год, на целую жизнь! И вот – все. Сначала я не уберегла Лизвету, не успела перехватить ее, когда та отстегнулась. Теперь оставила Катю одну, убежала, застеснявшись собственных чувств, не уследила, когда к ней подкрался убийца.

Мой взгляд отыскал Бизона, который сидел в сторонке и наблюдал за нами. Пальцы скрючились от желания впиться в эту крутолобую морду и расцарапать ее до крови.

– Ты! – Я вырвалась из рук Кая и кинулась к бритоголовому. – Ты ее отравил.

Тот мигмом вскочил, в руке сверкнул нож.

– Поаккуратнее с обвинениями, мелкая! – взревел он.

Я застыла при виде оружия. Бизон собирается применить его против меня? Но Кай не раздумывал. Все произошло быстро. Бритоголовый только дернулся от удара и схватился за разбитый нос, а нож отлетел в траву.

Сообразив, что преимущество на нашей стороне, я снова бросилась в бой.

К сожалению, Кай решил занять позицию третейского судьи, потому что перехватил меня на бегу. Дернул назад так, что на мгновение земля ушла из-под ног, а пряди волос упали на лицо. Я тряхнула головой, откидывая их, и продолжила рваться вперед.

– Ты дал ей ягоды! Ты ее убил!

– Я хотел подкормить девчушку, чтоб меньше ныла, – расплылся в недоброй улыбке Бизон. По его верхней губе текли струйки крови, придавая лицу зловещий вид. – Тем более кэп разрешил.

Руки Кая на моей талии напряглись.

– Вообще-то я сказал тебе не трогать те кусты, когда мы проходили мимо, – бросил он.

– Да?! – Бизон изобразил изумление и приложил ладонь к груди. – Мне так жаль! А мне показалось, ты сказал: «Собери и угости девчонок». Я сам их попробовал по пути. Ничего, вкусные.

Девчонок. Значит, участь Кати могла постигнуть и меня. Если бы не случай с овощем, я бы, может, тоже не сообразила отказаться. Доверчиво наелась бы, а Бизон тем самым убил бы двух зайцев: избавился от носилок и отомстил бы мне за отказ ублажить его по первому требованию.

– Да черта с два ты попробовал! – фыркнула я от бессильной злобы. – Ты даже корешок из земли попробовать побоялся раньше меня! Ты бы ни за что не стал есть ягоды.

– Так говорю же, показалось, как кэп уверенно заявил, что съедобные, – продолжал косить под дурачка бритоголовый.

– Ты нести ее не хотел! Все время жаловался, что тяжело идти, медленно. Подыскивал удобный момент, чтобы избавиться, да?

– Ну хватит! – рывкнул Кай и оттолкнул меня подальше, а сам встал между мной и Бизоном. Расставил ноги, сжал кулаки и посмотрел на меня исподлобья: – Достаточно пошумели. Ты ему все равно ничего не докажешь. А он все равно будет все отрицать.

– Пусти меня к нему, – оскалилась я.

– Нет. Ему ничего не будет, а ты только поранишься.

Меня поразило, с каким спокойствием Кай воспринял попытку Бизона выставить его виноватым. Словно... ничего другого и не ожидал? Ну конечно, они же, типа, не друзья, их связывают общее темное прошлое и незаработанный навар со сделки. Но мы же с Каем заключили альянс. Он должен был мне помочь!

– Сделай что-нибудь, – я схватила его за руки и с надеждой заглянула в глаза, – дай Кате какую-нибудь траву. Как ты сделал со мной. Дай

противоядие. Пожалуйста. Я прошу тебя!

Он отвел взгляд, между бровей пролегла глубокая складка.

– Не проси меня... ни о чем.

– Ты же все можешь! – умоляла я. – Все знаешь! Для тебя нет ничего невозможного.

– Да я не врач, ясно? – не выдержал Кай. – Не протурбийский лекарь! Я давно уже забыл половину того, что знал когда-то! Не проси меня о том, чего я не могу для тебя сделать! И хватит спорить, солнце садится.

У меня опустились руки. Внезапно я поняла, какой наивной была все это время. Надеялась на лучшее, на какие-то человеческие чувства, которые помогут нам остаться самими собой в этой глухомани. Самообман, иллюзия. Это на благополучной цивилизованной Земле можно неделями, а то и месяцами разбираться в причинах смерти одного человека. Здесь, на краю космоса, правила другие законы. Это то, о чем говорил Кай. Заметил, что кого-то рядом не стало, – встряхнись, соберись и иди дальше. Потому что солнце садится. Потому что есть вещи поважнее чужого горя. Собственная жизнь, к примеру.

– Тебе Катя тоже мешала, – пробормотала я и сделала шаг назад.

– Проклятье, Белоснежка, – скривился Кай, – я такого не говорил.

– Нет. Ты тоже соглашался, что она нас тормозит и выдаст своими стонами.

Он простонал сквозь стиснутые зубы.

– Это не означает...

– Нет, – я остановила его жестом, – все нормально. Дайте мне что-нибудь, чтобы выкопать могилу. А потом нас уже ничто не затормозит.

* * *

На невысокий холмик красноватой протурбийской земли я положила букетик из лесных цветов и трав. Церемония, если у кого-то повернулся бы язык так сказать, прошла быстро. Почва оказалась рыхлой, я легко поднимала ее ножом и руками. Как-то незаметно присоединился Кай, а потом и Бизон, проворчав, что мы так провозимся до следующего утра, взялся за дело.

Когда все закончилось, мне дали пять минут, чтобы проститься, но я все сидела и сидела на корточках у последнего пристанища Кати и никак не могла уйти. Тени становились все длиннее, солнце уползало за горизонт, но мне казалось, что нужно еще немного времени, чтобы отдать последний

моральный долг. Как я объясню все ее родителям? Я горько усмехнулась от этой мысли. А кто сказал, что вообще их увижу? Да и своих, пожалуй, тоже.

На плечи опустилась тяжелая куртка. От неожиданности я вздрогнула. Только теперь заметила вечернюю прохладу, окутавшую тело. За спиной раздавалось недовольное ворчание Бизона, что мы опять тратим драгоценное время. Кай присел рядом, помолчал, глядя на свежевскопанную землю. Я рассматривала в профиль его грязное, заросшее, суровое лицо и думала о последних словах Кати. Мое сердце бьется чаще, когда он заботится обо мне. Между нами иногда возникает даже что-то вроде безмолвного взаимопонимания. Но это неправильно. Так нельзя.

– Она бы все равно умерла рано или поздно, – тихим голосом произнес Кай, не отрывая взгляда от могилы. – Это должно было случиться. Мой схур никогда не ошибается.

– Кто?! – скривилась я.

– Неважно. Просто подумай о черных тварях, которые бродят где-то по этому лесу, и...

– Не надо меня утешать, – я отвернулась и тоже стала смотреть перед собой, – к тому же у тебя дерьмово это получается. Скажи прямо, что нам пора уходить.

– Послушай, Белоснежка, – Кай схватил меня за локоть, чуть повернул голову, – я понимаю, что ты хочешь скорбеть о подруге. Это твое право. Я лишь прошу тебя сделать это позже. Потому что ты все равно не сможешь избавиться от боли за один вечер. От нее вообще невозможно избавиться, если кто-то был тебе дорог. Можно только пережить, чтобы двигаться дальше.

У него был странный голос. И странное выражение лица. Такое, что мне захотелось протянуть руку, провести по строго очерченным скулам, убедиться, что передо мной тот же самый человек, которого уже привыкла видеть рядом.

– Так вот что с тобой случилось, – прошептала я, внезапно увидев его в другом свете, – ты кого-то потерял. Кто-то умирал на твоих глазах, и теперь ты смотришь на меня и видишь очередную мертвячку. Поэтому постоянно твердишь о безопасности. Ты уже мысленно похоронил меня, поставил на мне крест и посчитал слабым!

Кай хотел что-то ответить, но я оборвала его протестующим жестом:

– Но я уже говорила тебе, что не слабая! Я тоже боролась, как и ты! Только пыталась не остаться в одиночестве. И тут ты ничего не можешь со

мной поделать. Я не одна из твоих знакомых, я не Лиза, которая заглядывала тебе в рот по любому поводу!

– Да, ты из тех, кто будет спасать любого больного хомяка, даже когда тот вот-вот сдохнет!

– Катя не хомяк! А ты не осуждаешь Бизона. Ничего ему не сделал. Даже нос разбил только потому, что тот махал ножом передо мной.

– Твоя подруга мучилась, – прищурился Кай, – как ты не понимаешь?

– Так Бизон, оказывается, еще и доброе дело совершил! – усмехнулась я и выдернула локоть из его пальцев. – У тебя тоже руки чесались Кате что-нибудь дать, а? Ты бы тоже так сделал?!

Похоже, я попала в цель. Ему очень не хотелось отвечать на вопрос.

– Я не сделал этого только из-за тебя, Белоснежка, – наконец глухо произнес Кай, – потому что ты хотела ее спасти.

Подобный ответ я и ожидала услышать, поэтому только покачала головой. Что тут можно было сказать?!

– В прошлом я делал много чего, – процедил он, как будто мое молчание задело его за живое, – выбирался из дыр похуже этой. И по-прежнему могу делать все, что потребуется. – Ладонь Кая вдруг несмело поползла по моему рукаву, нашла пальцы и сжала их. – Поэтому, пока ты будешь идти за мной, этого делать не придется тебе самой.

Я с недоверием подняла взгляд. Кай поджал губы и нахмурился.

– Чтобы принимать трудные решения, нужно быть зверем внутри, – процедил он, все сильнее стискивая мою руку, – и я не хочу, чтобы ты стала такой... такой, как я. Моего схура достаточно для нас двоих.

Мои ладони так надежно лежали в его руках. Привычно. Я обратила внимание, какая нежная кожа на моих пальцах и какая огрубевшая у него. Он не хотел говорить, где всему научился, но что-то подсказывало, что его опыт был непростым. И тот факт, что Кай вот так просто готов со мной этим опытом делиться, говорил о многом. Мне никогда не придется убивать животных, строить убежище, обороняться от врагов, если он будет рядом. Но так защищать мужчина может только женщину, которую считает... своей. А это в моем случае – увы! – невозможно. Обещание, данное Кате, так и звучало в ушах.

– Ты же понимаешь, что в ответ получишь от меня только спасибо? – произнесла я, отводя взгляд.

Руки Кая в последний раз стиснули мои, а потом разжались.

– А мне от тебя больше ничего и не нужно, – холодно усмехнулся он и полез в карман. – На. Есть придется на ходу.

В ладонях у меня оказалось что-то теплое и круглое. Увидев пеструю

скорлупу, я поняла, что это яйца.

– Надеюсь, хоть птичьи? – спросила, задрав голову, потому что Кай уже поднялся на ноги.

– Птичьи, птичьи. С гнезда спорхнула, мы с Бизоном не успели поймать. Зато вот это нашли. – Он ловко выхватил из-за пояса нож, наклонился, пробил аккуратные дырочки. Выпрямился, вздохнул: – Пойдем, Белоснежка. Правда, пора.

Я кивнула, бросила прощальный взгляд на холмик, тоже встала. Прошла мимо Бизона, проигнорировав, как пустое место, подхватила с земли свой рюкзак. Пошагала вперед, предоставив парням догонять. Услышала бормотание бритоголового:

– Что ты ей сказал, кэп, что она так припустила?

Кай промолчал. Мне не требовалось оборачиваться, чтобы представить угрюмое выражение его лица.

Яйца оказались вкусными и сытными. Они приятно наполнили желудок. Жаль, что дыру в душе заполнить не могли. И то мерзкое ощущение, когда я обнаружила, что без носилок идти действительно гораздо быстрее.

С последним лучом заходящего солнца мы добрались до реки.

* * *

Журчание бегущей воды переливалось в вечернем воздухе, белая пена пузырилась вокруг больших, обросших зеленоватым илом валунов, разбросанных вдоль пологого берега. Я не смогла на глаз определить глубину, но решила, что противоположной стороны вполне можно достигнуть хоть вброд, хоть вплавь. Деревья в этой местности изменились, стали более высокими и широкими в обхвате, кустарники тоже возвышались в человеческий рост. Они мешали рассмотреть берег вверх и вниз по течению, но у воды оставалось достаточно пространства, чтобы разбить лагерь.

– Кажется, все спокойно, – сказал Бизон, повертев головой и прислушавшись.

Кай только кивнул. Его глаза изучали каждую деталь пейзажа, ноздри втягивали воздух. Когда он, наконец, снял с плеча рюкзак, я не выдержала. Сбросила свою поклажу, подбежала к реке, кое-как отыскала удобное место, чтобы встать на колени. Слушать, как бежит вода, и не утолить жажду больше не оставалось сил. Я наклонилась, опустила ладони в

небольшую заводь у валуна.

Течение оказалось не только быстрым, но и ледяным. У меня даже пальцы свело, а когда поднесла руку к губам и сделала глоток – заломило зубы. Но все-таки это была свежая, вкусная вода, которую не требовалось экономить. Такая роскошь в нашей ситуации! Я зачерпнула еще и плеснула в лицо, вздрогнув от соприкосновения разгоряченной после ходьбы кожи с холодным.

Рядом со мной присел Кай. Он склонился, чтобы тоже напиться, поднес ко рту ладонь, поверх нее продолжая изучать местность вокруг. Спокойный, но осторожный. Как хищник на водоем. Мы находились с ним плечом к плечу, и это минимальное расстояние тревожило меня необъяснимым образом. Хотелось отодвинуться, лишь бы перестать испытывать беспокойство от того, что он нарушил мою зону комфорта. Но вместо этого я осталась сидеть рядом и выпалила:

– Пей аккуратно, а то горло заболит.

Кай медленно повернул голову, по его подбородку текли капли.

– Спасибо. За заботу.

В тоне мне послышалась усмешка. Не презрительная, скорее добродушная, но все же я почувствовала себя глупо. Зачем только брякнула это? Теперь кажется, будто сама ему в друзья набиваюсь. А ведь еще по дороге твердо решила держаться подальше от обоих парней!

Смутившись, я отошла обратно к рюкзакам, а мое место тут же занял Бизон, который принялся шумно фыркать и хлебать. Упав на траву, я раскинула руки и подняла взгляд к небу. Как же мне не хотелось находиться в одной компании с бритоголовым! Сама виновата, уговорила Кая не срываться на него, чтобы тащил носилки, хотела миром все решить, глупая. В итоге Бизон убил Катю. Я вздохнула. И не защищать бритоголового тогда не могла. Потому что иначе моя подруга осталась бы лежать у звездолета или посреди леса. Получается, выхода не было? Как Кай и говорил?

Звезды равнодушно мерцали с вышины небес. Мне вдруг подумалось, что пройдет день, два, год, миллионы лет – а они так и будут смотреть сверху вниз на тех, кто умоляет их о чем-то или доверяет самые сокровенные желания. Кто-то другой будет стоять на моем месте и плакать от горя или смеяться от радости, а этот тусклый холодный свет не изменится, не засияет ярче. Поэтому нельзя надеяться на их помощь, на счастливый случай, на судьбу. Полагаться можно только на себя.

– Опять грустишь, Белоснежка?

Кай присел рядом. Я почувствовала на себе его взгляд и ответила:

– Каждый человек считает себя центром Вселенной, но это не так. На

самом деле мы – микроскопическая ее часть. Мы никому не нужны.

– Неправда, – он произнес это так, что заставил меня невольно отвлечься от созерцания небес, – это только так кажется. Ты нужна...

Он не договорил. Взгляд скользнул куда-то поверх меня, а в следующую секунду Кай повернул голову в сторону и прошипел:

– Бизон! На деревьях кто-то есть!

Усталости как не бывало. Мы вскочили. Бритоголовый тут же оказался рядом. Его руки судорожно шарили на поясе в попытке нащупать нож. Я вгляделась в темные ветви, с замиранием сердца ожидая увидеть там... даже не знаю, чего именно ожидала. Бесполох черных существ? Кого-то еще страшнее, за пределами воображения? На мгновение подумала, что лучше вообще не смотреть в таком случае, чтобы ужас окончательно не сковал по рукам и ногам.

Но с болезненным любопытством я продолжала напрягать зрение и наконец разглядела темные силуэты. Вполне себе человеческие, с головой и, кажется, с руками. Чудилось, что фигуры присели на ветках на корточки, сгорбились и наблюдают за нами с высоты. В сумерках наступающей ночи не удавалось разглядеть ни лиц, ни тел.

Неожиданно стало тесно, и я обнаружила, что мы втроем сбились в кучку. Инстинкт подсказывал, что держаться вместе – надежнее. Пришлось даже закрыть глаза на то, что бритоголовый трется под боком. Наоборот, прикрываясь его мощным телом, я чувствовала себя не столь уязвимо. Перед лицом новой опасности вся ненависть отошла на второй план.

Толкая меня плечами, Бизон и Кай медленно поворачивались, оглядывая деревья вокруг. Прохладный воздух раскалился и звенел при каждом вдохе и выдохе.

– Кто это такие? – услышала я сдавленный шепот бритоголового.

Кай не торопился с ответом.

– Они нас не трогают, – пробормотала я, – может, все обойдется?

– Проклятье... – вдруг процедил Кай.

В следующую секунду ночную тишину разорвал пронзительный крик. Он был таким гортанным и полным ярости, что я уже не сомневалась – на нас напали местные аборигены. Одичавшие, забывшие язык и какие-либо правила общения, разозленные тем, что чужаки зашли на их территорию. Вопль был подхвачен множеством голосов и разнесся далеко по лесу. Такой, что разбудил бы и мертвого.

В траву у ног что-то шлепнулось. Кай тут же нагнулся, дернул меня за рукав, крикнул Бизону поверх моей головы:

– Прячьтесь за рюкзаками!

Мои руки схватили поклажу быстрее, чем голова сообразила, что я делаю. Взвалив рюкзаки на себя, мы закрылись ими, как щитами, – и вовремя: сверху обрушился настоящий град. Удары получались нешуточными. Они сопровождались бешеным визгом, ревом и гоготанием. Когда что-то твердое стукнуло меня по бедру, перед глазами красные мушки от боли запрыгали. Я уставилась себе под ноги, стараясь разглядеть предмет.

– Это камни!

– Речные обезьяны, – прорычал Кай, – похоже, мы им понравились.

– Речные?!

Теперь я поняла, почему силуэты только напоминали человеческие. В движении, во время беспорядочных прыжков с ветки на ветку, стало заметно, что руки гораздо длиннее обычного и с них свисает косматая шерсть. Ноги, наоборот, выглядели непропорционально короткими. Я гадала, откуда они там, наверху, берут метательные снаряды, пока не заметила, что маленькие обезьяны, наверняка детеныши, с ловкостью белок спускались по стволам на землю, находили в траве камни и, придерживая одной рукой, на трех конечностях утаскивали ввысь. Старшие принимали груз и продолжали бомбардировку.

– Они живут в земляных норах, – выкрикнул Кай сквозь какофонию воплей, – всегда у воды. Видимо, мы зашли на их территорию.

Я усмехнулась бы, если бы не была занята тем, что втягивала голову поглубже в плечи от смертоносного града. Вот и мои предположения подтвердились. Мы действительно разозлили аборигенов, диких и неспособных на иное общение.

– Гребаные обезьяны! – матерился с другой стороны Бизон. – Гребаная планета! Гребаная Вселенная!

Жаль, что это произносил именно бритоголовый, а то бы я согласилась, причем вслух. Чужая земля преподносила нам сюрприз за сюрпризом. В темноте, среди незнакомого леса мы попали в засаду и не могли сделать ничего, кроме как вертеться на месте, получая ощутимые удары по неудачно подставленным конечностям, и беспомощно выкрикивать ругательства, вспоминая всех праотцов вплоть до создателя галактики.

Боль в ушибленном бедре пульсировала и разливалась вниз до колена, но я понимала, что если свалюсь на траву – стану еще более уязвимой. Поэтому, припадая на ногу, заставляла себя держаться.

– Когда ж они заткнутся... – слышалось недовольное ворчание Кая.

И тут же стало тихо. Только шорох листвы и глухое шлепанье

многочисленных лап по ветвям и стволам деревьев подсказали, что обезьян как ветром сдуло. Я недоверчиво выглянула из-под рюкзака. Ни звука вокруг.

– Да неужели... – протянул Бизон, опуская руки с поклажей, – что ж их согнало, мать их?

Мы вертели головами, пытаясь разглядеть причину, но не находили. Я выдохнула с облегчением, но ойкнула, увидев, как зашевелился ближайший к бритоголовому куст.

– Не что, а кто, – мрачным голосом подвел итог Кай.

– Проклятье... – теперь уже выдохнула я, ощущая, как воздух резко кончился в легких.

Из темноты послышалось глухое рычание. Низкие вибрирующие нотки говорили о том, что новый визитер настроен не менее враждебно предыдущей ватаги. Видимо, это обезьяньи крики привлекли хозяина леса, и он отправился посмотреть, что за непорядок.

Кусты раздвинулись, показалась большая голова, два горящих глаза. Следом появилась широкая, покрытая серебристой шерстью грудь, толстые передние лапы. Собака? Не совсем, но что-то очень похожее, только размером с упитанного пони.

Я попятилась. Раненая нога дала слабину, заставив пошатнуться. В ответ на мой произвольный взмах руками в попытке сохранить равновесие чудовище оглушительно рявкнуло и выскочило на пологий берег.

– Ты что творишь? – зашипел на меня Кай. – Не шевелись!

– Надо бежать...

– Куда? Он тебя в два прыжка догонит.

– Гребаная планета! Гребаная протурбийская глушь! – бубнил под нос Бизон, нервным движением перехватывая нож в поднятой руке.

Я только успела заметить, как монстр подобрал под себя задние ноги, моргнула – а тот уже оказался на стволе соседнего дерева. Мощные когти с треском впились в кору. Неудивительно, что обезьяны удрали, если эта тварь не только по земле бежит, но и по веткам скачет. Следующая мысль напугала еще больше – прыгая на нас сверху, пес обладает преимуществом.

Так и случилось.

– Да ну на... – не своим голосом воскликнул Бизон и повернулся, чтобы дать деру.

Тяжелое тело, источая смрадный запах гнилого мяса, обрушилось на бритоголового. Я не устояла на ногах и плюхнулась на пятую точку. Тут же поползла, отталкиваясь пятками от земли. Боль в бедре странным образом

растаяла, во всем теле появилась легкость, кровь забурлила в венах, в голове зашумело.

В полутьме трудно было рассмотреть, что происходит. Слышалось только натужное дыхание бритоголового и рычание зверя. Кай прыгнул сверху, послышался чавкающий звук. Пронзительный вой вырвался из груди пса. Чудовище встряхнулось всем телом, сбрасывая с себя человека, который отлетел к кромке воды.

Я ахнула. Там валуны! Судя по тому, что Кай остался лежать на месте, в лучшем случае его оглушило. Пес снова принялся за Бизона. Раздался треск разрываемой ткани и оглушительный вопль боли. Я даже не знала, что взрослый человек может так кричать. Внезапно поняла: мы все здесь ляжем. Когда монстр доест бритоголового, он возьмется за неподвижного Кая, а может, переключится на меня.

Это придало сил. Надо делать что-то, пока мы все можем более-менее сопротивляться! Если нападать вместе, то будет легче справиться с чудовищем.

Рюкзак так и валялся неподалеку. Я нащупала застежку, но ладони вспотели, пальцы соскальзывали. Бизон тем временем умудрился несколько раз взмахнуть свободной рукой. Услышав знакомый чавкающий звук, я догадалась, что бритоголовый вспомнил о ноже. Кай издал стон и начал вставать, потряхивая головой, как будто пытался проснуться.

Моя рука наконец проскользнула в недра рюкзака. Я натыкалась на разные вещи, но с перепуга никак не могла понять, что и как можно применить против зверя. Зато парни успели скооперироваться. Кай снова прыгнул на спину монстру, перехватил морду, потянул на себя, отрывая от Бизона. Бритоголовый не растерялся, продолжая вонзать в тело зверюги нож куда ни попадя.

Пес сообразил, что проигрывает, и снова стряхнул с себя человека. На этот раз Кай успел сгруппироваться. Упав на траву, он перекатился и хоть с трудом, но встал на ноги. Монстр отпихнул от себя Бизона, сделал гигантский прыжок, опять повис на дереве, рыча на нас.

Мы замерли. Бизон – на спине, вытянув шею, чтобы следить за передвижениями зверюги. Кай – в боевой стойке. Я – на четвереньках у рюкзака. Чудовище выжидало. Я не понимала чего, пока два горящих глаза не уставились прямо на меня. Оно выбирало жертву послабее, на которую легче напасть!

– Дана! – сквозь грохот крови в ушах услышала я встревоженный крик. – Беги!

Бежать?! Кай же говорил, что нельзя убегать...

Дальше все закрутилось с невероятной скоростью. Я только успела развернуться в сторону кустов, как на меня словно бетонная плита упала. Нос уткнулся в землю, грудную клетку сдавило так, что не вздохнуть. Приоткрыв глаза, я успела заметить, что совсем рядом от моего лица в землю уперлось мужское колено. Челюсти зверя клацали в нескольких сантиметрах от уха, на волосы и лицо мне капала вонючая слюна, но кто-то продолжал удерживать голову пса, не позволяя укусить.

Послышалось натужное рычание, только не зверя. Это определенно был мужской голос. К нему присоединился еще один. Тяжесть исчезла. Первый вдох отдался болью в ребрах, но я уже вскочила на четвереньки. Рядом барахталась темная масса. Приглядевшись, я различила, что пес молотит воздух всеми четырьмя лапами, лежа сверху на Кае, а Бизон уже навалился и усердно вонзает нож в незащищенное брюхо.

Битва шла с попеременным успехом. Когти зверя нет-нет да и цепляли Бизона, и тогда слышался треск ткани. О том, что Кай продолжает удерживать на себе зверюгу, обхватив руками ее шею и не позволяя подняться, мне было страшно думать.

Я бросилась к рюкзаку. Заставила себя выдохнуть и успокоиться. Запустила руку глубже. Нащупала гладкий продолговатый предмет. Сигнальный огонь! Мы берегли их на случай, если придется подать знак спасателям. Но, похоже, его час пришел.

Дрожащими руками я зажгла огонь. Красные искры с шипением полетели во все стороны. Пятачок у воды стал хорошо виден. Бизон повернул голову и понял все без слов. Он выждал, пока я доползу до зверя, протянул руку, выхватил огонь и запихнул глубоко в раззявленную пасть. Изрыгая искры не хуже дракона, чудовище взвыло и раскинуло лапы в стороны. Точный удар ножом – и Кай со стоном сбросил с себя бездыханное тело. Бизон повалился в траву и замер. Я тоже упала, задыхаясь от пережитых волнений.

– Все живы? – хриплым голосом произнес Кай.

– Да, – отозвалась я еле слышно.

– Ты как, Бизон?

– Гребаная планета!

Это ворчание было преисполнено такой обидой, что я вдруг фыркнула и рассмеялась. Нервы окончательно сдали.

– Чего ржешь, мелкая? – еще больше надулся бритоголовый. – Молись, чтобы еще черные друзья по нашу душу не пришли.

Смех тут же застрял в горле. Наш маленький отряд понес большие потери, нас можно было с легкостью взять голыми руками.

– Надо разжечь костер. – Кай сел.
– Не надо, – вздохнула я, – нас могут заметить из-за огня.
– Нас уже не заметил только слепой и глухой, – с раздражением возразил он. – А огонь может не только приманить, но и отпугнуть.

– Не надо, кэп, – вдруг поддержал меня Бизон, – девчонка права.
Кай посидел немного, покачал головой, а потом вдруг рухнул на спину. Никто не стал возражать.

Не знаю, сколько мы так лежали. Я перестала что-либо видеть, впала в прострацию. Очнулась оттого, что все тело начало потряхивать. С удивлением подняла голову и поняла, что это от холода. Без костра мы могли замерзнуть. Нащупав рюкзак, я вытащила оттуда все тряпки, какие могла, и утеплилась. Но спать на земле все равно не получалось. Руки и ноги начали дрожать, а зубы стучать.

Я посмотрела на Кая, неподвижно лежавшего в траве. Поползла к нему, волоча за собой тряпичный шлейф. Наклонилась, прислушалась к дыханию. Подумала, что спит, но он вдруг повернул голову. Наши лица оказались так близко, что мне пришлось отпрянуть. Кай посмотрел на меня, и показалось, что взгляд у него такой же, как в ту ночь у звездолета, когда мы грелись у костра.

– Ты ранен? – спросила я шепотом.
– Не сильно, – прошептал в ответ он.
– Почему ты лежишь так? Не боишься замерзнуть?
– Я устал.

После долгого перехода, полного переживаний дня, а потом битвы с собакой я его прекрасно понимала. Что-то внутри дрогнуло, и я прижалась к нему, положила голову на грудь, закрыла себя и его накидками, как смогла. Сейчас было не до каких-то смущений или романтических мыслей. Просто я должна была остаться с ним, потому что так было лучше для нас обоих, и Кай наверняка тоже понимал это.

Сзади почудилось шевеление, а потом к моей спине пристроилось еще одно тело. Я дернулась, сообразив, что это Бизон, но бритоголовый заворчал, перекинул лапу через мою талию, удерживая на месте.

– Лежи. Так теплее, – тихо сказал Кай, но его грудь под моей щекой заметно напряглась.

Я поняла, что он прав. Между ними двумя, под покрывалом, холод меньше доставал. Я пообещала себе, что обязательно расцарапаю Бизону морду, если он попробует еще раз коснуться меня. Но не сегодня. Завтра с утра. Обязательно. Если не замерзнем до рассвета, конечно же.

А пока я смирилась.

Говорят, перед восходом солнца сон у человека особенно крепок. Мне снилась Катя. В сознании не отложилось, о чем мы говорили, но, когда я проснулась, на душе осталась горечь. Сразу нахлынули мысли о прошлом вечере. Я чувствовала себя предательницей за то, что объединилась с убийцей подруги, действовала слаженно, как в команде, а потом еще и спала, согреваясь теплом его тела. Мне пришлось это сделать, потому что неожиданным образом наши жизни оказались связаны и друг без друга мы бы не справились. Но это были лишь оправдания, которые не могли заглушить мук совести.

Я поняла, что если вернусь домой, то уже никогда не стану прежней. Наверно, та девочка во мне тоже погибла одновременно с Катей. Вместо нее постепенно рождался другой человек. И это пугало.

Не открывая глаз, я вдохнула терпкий запах сырой травы. Ощутила, что лицо влажное от ночной росы, как и волосы и одежда. Все тело ломило от боли, поджатые руки и ноги свело судорогой. Ужасные, некомфортные условия тем больше причиняли страдания, что никогда прежде, до крушения, я не проводила ночи не в мягкой постели. Привыкну ли когда-нибудь? Научусь не испытывать такие мучения? Хотелось надеяться, что нет. Потому что это хотя бы напоминало, что где-то есть цивилизация, к которой я принадлежу. Что спать на жесткой земле для меня – ненормально и никогда нормальным не станет.

Я пошевелилась, поняла, что рядом никого нет, и выдохнула с облегчением. Неловкий момент пробуждения, которого так боялась, миновал. Рискнула оглядеться, с трудом разогнула заоченевшую спину, села. Небо было пасмурным. Поле вчерашней битвы представляло собой жуткое зрелище: трава оказалась нещадно притоптана, а кое-где и вывернута с землей, тут и там валялись набросанные обезьянами камни.

Поодаль лежал труп чудовища, серебристая шерсть превратилась в серую паклю. А может, только ночью от испуга казалась мне серебристой? Припомнив, как горели во тьме глаза монстра, я поежилась. Чем окончился бы поединок, если бы нас было не трое? Над псом как раз присел на корточки Бизон. Рукав его куртки висел лохмотьями, испачканный в крови, на плечах и спине тоже виднелись длинные порезы на ткани. Мысли снова вернулись к бритоголовому. Как бы ни хотелось избавиться от его ненавистной компании, но он снова доказал свою необходимость. Без него бы Кай не смог оторвать монстра, когда тот прыгнул на меня сверху. Не

сумел бы в одиночку и держать, и наносить удары ножом. Значит, я обречена до конца наших скитаний по этой планете лицезреть живое напоминание, почему моей подруги нет рядом.

Затем я подумала о Лизе. Из груди вырвался вздох. Кай сразу говорил, что у нее нет шансов выжить. Теперь и мне в голову закрадывались такие мысли. Она же где-то там, в лесу, без защиты и каких-либо навыков. Даже костер вряд ли развести сумела бы! Ее некому согреть холодными ночами. Как долго Лизка продержалась бы в таких обстоятельствах? Я бы протянула недолго.

Я тут же спохватилась. Почему эти мысли пришли именно сейчас? Уж не ищу ли новых оправданий для совести? Тех, которые помогли бы объяснить, почему рядом с Каем мне хочется забыть обо всем? Почему вчера, когда он упал, мое сердце тоже замерло? Почему я начала рыться в рюкзаке, думая не только о собственной гибели, но и о том, что чудовище может напасть на Кая, пока тот без сознания?

Повернув голову, я столкнулась с ним взглядом. Кай сидел на речном валуне, подтянув одно колено к груди, а другую ногу в закатанной штанине опустив в воду, и пытался бриться ножом. Ничем не обоснованное стремление сохранить человеческий облик, но я не смогла отвести глаз. Было что-то волнующее в близости острого лезвия от кожи, в уверенных, но вместе с тем аккуратных движениях Кая.

Внезапно я представила его в другом утреннем антураже: после душа, с полотенцем через плечо, в собственной ванной. Картинка выглядела такой реалистичной, что меня бросило в жар. Рука Кая дрогнула. Он отдернул ее, тут же резким движением вытер тыльной стороной запястья капли крови со щеки. Я заставила себя отвернуться.

– О, наша спящая красавица проснулась, – ухмыльнулся Бизон.

Я сделала вид, что не замечаю его, поднялась, сбросила с себя влажную куртку. Скоро станет очень жарко и тело согреется – это мы уже проходили. Вспомнила, что неплохо бы и себя привести в порядок. Вода холодная, но зато ее много! Кто знает, насколько длинным будет следующий переход, а на мне уже собралось слоя три грязи, не меньше. Выбрав из тряпок ту, что почище, я перекинула ее через плечо и с независимым видом похромала вдоль берега.

Наученная опытом, уходила от лагеря осторожно. Прислушалась, взгляделась в листву. Все казалось спокойным. Забравшись подальше в кусты, я совершила утренние процедуры, потом вернулась к реке. Над ней еще клубилась туманная дымка. Лезть в ледяной поток ужас как не хотелось, даже мурашки по рукам побежали. Закрыв глаза, я помечтала о

душистой пене для ванны, горячей воде, согревающей мои продрогшие косточки, мягком белоснежном полотенце. Ноздри, как наяву, защекотали пары ароматических масел. Вот это была бы красота!

Призвав на помощь все свое мужество, приступила к гигиене. Постелила на камни тряпку вместо полотенца, стянула штаны до колен и присела. Со стоном оглядела бедро. Под кожей наливался багровый синяк. Здорово меня вчера камнем приложило. Я потыкала пальцем по краям фиолетового пятна. Больно. Мартышки оказались неожиданно сильными.

Поблизости хрустнула ветка. Я вскинула голову, но это оказался Кай. Он медленно вышел из-за кустов и остановился, сложив руки на груди. На щеке алел порез.

– Что, так и будешь вечно за мной хвостом ходить? – огрызнулась я и быстро опустила голову, чтобы скрыть румянец.

Сколько он стоял там, приглядывая, а точнее, подглядывая за мной? Наверняка успел увидеть, как начала раздеваться. Хорошо хоть, появился до того, как продолжила.

– Я же говорил, не ходи одна.

– Что, даже в туалет? – Я снова посмотрела на него и стиснула зубы.

Кай нахмурился.

– Если появится такой зверь, как вчера, ты и пикнуть не успеешь, как тебя съедят.

– То есть я теперь при вас с Бизоном все делать должна?! Мы теперь как одна семья? Спим вместе, в туалет ходим друг при друге, да? А если я помыться хочу? Мне вам бесплатное шоу устраивать?

Он сжал кулаки и упрямо повторил:

– Ходить одной опасно.

Я покачала головой. Он не понимает, что своей бесконечной опекой привязывает меня к себе все крепче. Так, что я не могу оторваться. Что уже воспринимаю присутствие Кая рядом как нечто само собой разумеющееся. Считаю нас едва ли не одним целым. Представляю его... так, как не должна представлять.

А ведь нам нельзя. Ничего нельзя. Сближаться, спать в обнимку, бесконечно искать друг друга взглядом в течение дня, утешать в моменты слабости. Между нами пропасть, стена, мы не созданы друг для друга. Так получилось, такова наша судьба. Если бы он был аккуратнее в своих половых пристрастиях, если бы я не потеряла обеих подруг...

Я закрыла глаза, понимая, что кусаю губы, чтобы не заплакать. Кай заботится обо мне, он признался, что ему ничего не надо взамен. Но он не понимает, что мне самой хочется ответить, а это только все усугубляет.

Поэтому нужно сделать так, чтобы он не подходил.

Скользнув руками по лодыжкам, я спустила штаны до щиколоток и сняла их. Вскочила на ноги, вытянувшись перед Каем во весь рост.

– Посмотреть, значит, хочется? – прошипела я. – Позови друга, а то он все пропустит.

– Успокойся, – скрипнул зубами он, но от меня не укрылось, как жадно взгляд скользнул по моему телу. Быстро и словно ощупывая каждый изгиб. И кадык подпрыгнул. И губы невольно приоткрылись.

– А что такого? – продолжила я, вздернув подбородок. – Ты был не против, когда Бизон прижимался ко мне ночью.

– Ради тебя! Чтобы согреть тебя! – тут же зарычал Кай, словно я задела его за живое.

– А не много ли ты на себя берешь? Решаешь, кто будет меня греть, где я буду в туалет ходить. – Я принялась расстегивать пуговицы на кофте.

– Что ты творишь? – Он поморщился.

– Собираюсь мыться! – Я сдернула кофту с плеч, оставшись в майке и лифчике.

В глазах Кая появилась угроза. Он с вызовом прищурился, будто ждал, что в любую минуту мой запал кончится и я передумаю. Но не тут-то было.

Подхватив края майки, я рывком стянула ее через голову. Бросила под ноги. Подумала, что заспанная и лохматая, в несвежем белье, вряд ли покажусь ему соблазнительной, зато хотя бы отпугну агрессией.

– Остановись, – приглушенным голосом произнес Кай.

Я завела руки за спину, нащупывая застежку лифчика. Ответила прямым взглядом.

– Ты провоцируешь меня... – Он отвернулся к реке, напряженный, как натянутая струна, с крепко стиснутыми кулаками, но выдержал так лишь пару секунд. С потемневшим лицом медленно повернул голову обратно, приник ко мне взглядом, будто устал с собой бороться. – Ты понимаешь, что я хочу с тобой сделать?

Трудно было не понять. Глаза Кая обжигали меня. Здесь не требовалось никаких пояснений. Я понимала, что играю с огнем. Если бы на его месте оказался Бизон – не стала бы даже рисковать. Но Кай был другим. Он относился ко мне по-другому, я чувствовала это. Поэтому мысленно попросила у него прощения за то, что пользуюсь его слабостью.

– Ты ничего не сделаешь мне, – процедила вслух, – потому что я этого не хочу. Если тронешь хоть пальцем – буду отбиваться до последнего. Я не просила тебя ходить за мной. Я имею право побыть хоть несколько минут одна и спокойно привести себя в порядок. Перед тем как выбрать это

место, я огляделась. Мне не нужен постоянный конвоир! Тем более о котором не просила!

С этими словами я сбросила к ногам лифчик и осталась стоять, прикрывая грудь рукой. Кай снова отвернул голову в сторону. И снова, не в силах совладать с собой, посмотрел на меня. Почему-то я знала, что так и будет.

На долю секунды меня охватило дикое желание, чтобы он сделал то, что легко читалось в его взгляде. Подошел. Лишил способности сопротивляться. Поцеловал...

Чтобы потом я могла обвинять его, а не себя в недостаточной выдержке.

И он даже шагнул вперед, будто прочел мои мысли. Но потом замер на месте, часто и шумно дыша. Коснулся ремня на поясе. Я напряглась. Кай вытащил нож и бросил его в траву к моим ногам.

– Надеюсь, ты умеешь с этим обращаться.

Смерив меня взглядом напоследок, он развернулся и ушел, ни разу не оглянувшись. Я выдохнула и только теперь поняла, что все это время дрожала. Опустилась на корточки, обхватила руками голову. Что ж, мне удалось оттолкнуть Кая. Вот только облегчения это не принесло.

Я заставила себя успокоиться. Если хочу продержаться на этой планете подольше – надо учиться сдержанности и хладнокровию. Посмотрела на серебристо-серую поверхность реки. И закаляться придется тоже.

Когда сняла оставшееся белье и вошла в воду по щиколотку, дыхание перехватило. Дно оказалось скользким, покрытым мелкими камушками. Показалось, что промелькнула стайка рыбешек. Опираясь рукой на ближайший валун, чтобы сохранить равновесие и не шлепнуться, я продвинулась дальше. Сразу же провалилась по колено. Углубляться не рискнула. Принялась зачерпывать воду и протирать себя. Икры уже свело судорогой от холода, пальцы ног покалывало болью. Прикосновения заледеневших ладоней вызывали мурашки на коже. Соски затвердели. Нежные теплые места под мышками и внизу живота было особенно неприятно морозить.

Зато появилось ощущение свежести и бодрости. Казалось, кровь быстрее побежала по венам, и неожиданно мне стало горячо там, где влажная кожа высыхала на воздухе. Я умылась, немного промыла волосы, жалея, что без шампуня не уберу с них жир. Может, натереть голову золой? Где-то читала про подобные ухищрения...

Сзади слышался шорох. Я обернулась так резко, что едва не плюхнулась на пятую точку. Бизон! Он не скрывал похоти во взгляде. С

ленивой улыбкой бритоголовый остановился поодаль от воды и принялся изучать мое тело. Я обратила внимание, что куртку он снял, а обрывками футболки перевязал пораненную руку. На мощном торсе поигрывали мышцы. Татуировки спускались по шее на грудь. Ему удивительно шла его кличка. Тупое, но сильное животное.

Я пожалела, что не взяла нож с собой. Кай наверняка не расставался с оружием ни на секунду, что бы ни делал. Я же оказалась беспечной, хоть и доказывала ему с пеной у рта обратное. Теперь стальное лезвие, едва приметное в траве, осталось вне досягаемости для меня. Рядом валялось мое белье и вся остальная одежда. На мне не осталось ни нитки, чтобы прикрыться. Я попала в ловушку по своей же вине.

– Убирайся! – прошипела я и прикрылась руками. – А то закричу!

– А я еще подумал, что это наш кэп как ужаленный отсюда выскочил и подальше ушел, – прищурился Бизон и принялся неторопливо расстегивать штаны. – Да ты не бойся, я тебя не трону. Ты вроде как девочка кэпа, и он не хочет делиться. А мне пока не с руки с ним ссориться. Он умеет добывать еду, знает, что да как на этих дрянных планетках. – Звякнула пряжка ремня, тихонько прожужжала застежка. – Ты знала, что он жил с протурбийцами долгое время? Изучил этих выроdkов как свои пять пальцев, пока старик его не забрал.

Так как я не отвечала, Бизон продолжил:

– В общем, он нам пока нужен, наш кэп. Поэтому будь умницей, постой тихо. У тебя такие сладкие грудки...

Засунув руку в штаны, бритоголовый принялся недвусмысленно ею двигать. Его взгляд ощупывал мое тело хуже самых цепких пальцев. Когда первый шок прошел и я сообразила, что происходит, меня вдруг пробрал нервный смех. Бизон замер и нахмурился.

– Что это ты улыбаешься?

Но я уже не могла остановиться. Так устала бояться всего вокруг! Каждую секунду мы не знали, на кого или на что наткнемся, засыпая ночью, не были уверены, что утро выдастся спокойным, рисковали жизнью, поедая незнакомую пищу. А все, чем пытался меня напугать теперь Бизон, – лишь достать свой член!

Не переставая смеяться, я сделала шаг к берегу. Нога поехала по камням, пришлось выставить руки и упереться в валун. От этого меня разобрало еще больше. Бизон покраснел, его глаза налились кровью.

– Хватит жрать! Здесь нет ничего смешного!

Задышавшись от смеха, я упала на четвереньки на траву. Очень удачно – рукоять ножа оказалась под ладонью. Я подняла голову, но, увидев, что

бугор в штанах бритоголового заметно опал, разразилась еще большим приступом смеха. Я смеялась и смеялась, всхлипывая и постанывая, не заботясь уже о том, что он видит меня голой. Смеялась так, как не плакала во время похорон Кати. И теперь слезы выступили на глазах, они мешали видеть, но когда я почувствовала движение в свою сторону, то успела сморгнуть их и выпрямиться.

Бизон замер, он так и не схватил меня, как намеревался. Острие ножа, крепко зажатого в моей руке, уперлось ему прямо в кадык. Бритоголовый остался в полусогнутой позе, потому что другой рукой я держала его за повязку на плече. Неожиданно в голове возникла страшная мысль: если убью Бизона сейчас, мне за это ничего не будет. Здесь нет законов. Единственное, что связывает нас троих выживших, – мы все друг другу зачем-то нужны. Что станет с нами, когда эта нужда по каким-то причинам отпадет?

– В следующий раз воткну его тебе между ног, – произнесла я с ледяным спокойствием.

Спровоцируй меня Бизон в тот момент – я бы не преминула выполнить угрозу. Дикая ярость заполнила изнутри. Она же заставила прошипеть:

– Что, никто не дает, да? Устал завидовать своему кэпу? Поэтому тайком зажимаешь девчонок, чтобы убедить себя – ты ничем не хуже? Только и можешь, что рукой работать, на большее с тобой никто не соглашается?

Лицо бритоголового исказилось и стало... обиженным. Он вырвался и отошел подальше. Теперь здоровый амбал больше походил на ребенка, у которого отобрали мороженое. Бизон открылся для меня с новой стороны. Благодаря горе мышц он выглядел большим и сильным, но вот внутри у него сидел маленький мальчик, который недополучил в свое время игрушек. Моя произвольная реакция – смех – ударила по его больному месту. Даже совестно стало, хотя я тут же запретила себе жалеть убийцу Кати.

Тем более что Бизон уже совладал с собой и снова набычился:

– Ты все равно сдохнешь.

– Ты тоже, – оскалилась я.

В зарослях что-то хрустнуло, будто ногой наступили. Бритоголовый тут же весь подобрался и юркнул прочь, на ходу застегивая штаны. Боялся, что это идет Кай? Или кто похуже? Я вгляделась в темно-зеленую листву, по-прежнему стоя на коленях и сжимая в руке нож, но никого не дождалась. Тогда наспех оделась. Не отпускало ощущение, что в спину кто-то смотрит, поэтому мечта о свежевystиранном белье осталась мечтой. Уютное

местечко у реки перестало таким казаться. Стиснув оружие, я бросилась к лагерю.

К счастью, Бизон, видимо, спрятался, чтобылизать раны, нанесенные его самолюбием. Кай как раз выходил из воды. Его штаны были закатаны до колен. В руках я разглядела сеть, в которой трепыхалась рыба. Рыба! Кай бросил добычу в траву, гибкие золотистые тела запрыгали по земле, ударяя хвостами. Позабыв обо всем, я подбежала и уставилась на это чудо. Свежие рыбешки! Они открывали рты, пучили глаза, постепенно затихали. А у меня во рту уже чувствовался вкус их восхитительной плоти.

– Так вот почему с утра ты был такой спокойный! – воскликнула я. – Не ушел никуда на поиски еды, как в прошлый раз. Ты расставил сети!

– Обрывки от тормозного парашюта пригодились.

Обрывки? Да, что-то такое висело на деревьях позади звездолета, и теперь я порадовалась, что Кай счел нужным взять их с собой. Что бы мы без него делали в этой глуши?

– Классно! Я так боялась, что нам придется есть то чудище!

Я чуть не бросилась Каю на шею, но тут вспомнила, как совсем недавно пыталась его оттолкнуть. Остановила себя на полпути. Кай почувствовал мой порыв, посмотрел настороженно. Словно мелодия лилась между нами и вдруг оборвалась на звенящей ноте.

– Собака воняет, – произнес он, а я не могла отделаться от ощущения, что это сказано просто для того, чтобы заполнить невыносимую пустоту.

Пожала плечами. Кто бы спорил. Смердное дыхание и запах шерсти запомнились мне еще с прошлой ночи. Есть мясо пришлось бы через силу и без особого удовольствия.

– Бизон ходил за тобой? – ровным голосом поинтересовался Кай.

Конечно, он не мог не заметить отсутствия бритоголового, с его-то наблюдательностью. Но мне не хотелось провоцировать новый конфликт. Только не сейчас, когда нам предстояло до отвала наесться. Да и что изменит моя жалоба? В конце концов, я сама смогла решить проблему.

– Ходил, – опустила я взгляд, – но все обошлось.

– Дана...

– Все обошлось, – на этот раз я посмотрела на него. – Говорю же.

Он отвернул голову и кивнул уже знакомым мне движением. Волею-неволею все больше узнавая Кая, я начала понимать смысл его жестов. Так он кивал, когда уступал или сдавался по необходимости. Теперь пустоту отчаянно захотелось заполнить мне.

– Я почищу, – тихонько предложила я и показала на рыбу.

– Я пока разведу огонь.

Мы занялись каждый своим делом. Вскоре вернулся и Бизон. Походил вокруг, попинал тушу чудовища. Выжидал. Посматривал то на меня, то на Кая. Бросал жадные взгляды на рыбу. Потом осмелел, подсел ближе, чтобы помочь заворачивать рыбин в плотные большие листья и укладывать запекаться. Мы действовали слаженно и молчаливо, каждый делал вид, что ничего особенного не произошло там, у реки. Так было проще, спокойнее, потому что время нашего привала подходило к концу, впереди ждал новый путь, новые опасности, а разногласия внутри группы... ну что ж, здравый смысл подсказывал, что их лучше отложить на потом.

Вскоре в моих руках оказался исходящий паром кусок рыбы. Белая в разломе мякоть обжигала пальцы, крошилась, падала на колени. Легкий запах ила совсем не портил пиршества. Я подбирала все крошки и отправляла в рот. Не хотела, чтобы даром пропала хоть малая часть божественно вкусной пищи. Конечно, мы могли наловить еще, не требовалось экономить, но что-то внутри оказалось сильнее доводов разума.

Бизон кусал по полрыбины за раз. Кай ел медленно, то и дело поглядывая по сторонам. Мне показалось, что он витает мыслями где-то далеко. Не очень хороший знак. Я задрала голову, оглядывая деревья. Задумалась.

– Почему обезьяны не вернулись?

– Да кому нужны эти макаки! – отозвался Бизон с полным ртом. – Ты что, по ним соскучилась?

– Нет, – я пожала плечами, – просто странно. Если это их территория, а монстр убит, то почему они не пришли снова посмотреть на нас?

Он хмыкнул и потянулся за добавкой.

– Да в штаны наложили, вот и не пришли! Сидят по норам, дрожат от страха.

– И почему мы больше не видели предупреждающих знаков? – не унималась я. – Можно считать, что вышли из запретной зоны? Или она еще не закончилась?

Вопросы так и повисли в воздухе. Но что-то подсказывало, что ответы, если найдутся, мне не понравятся.

– Надо идти дальше... – пробормотала я и поежилась.

– Сразу не получится, – возразил Кай, – нужно дождаться еще улова, чтобы взять с собой. Немного, иначе протухнет, но все-таки это поможет нам продержаться минимум день.

Бизон доел порцию, облизал пальцы, прищурился.

– Послушай, кэп, не слишком ли мы торопимся? – непривычно

миролюбивым голосом начал он. – Здесь райское местечко. Еда под боком. Вода тоже. Местного хозяина мы завалили. – Он кивнул в сторону туши. – Давай сдерем шкуру, утащим труп подальше, чтоб не вонял, и переждем тут еще ночку. С меховым покрывалом будет теплее спать.

– Мы не можем оставаться! – возмутилась я. – Нам надо найти Лизу, забыл?

Судя по лицам парней, довод не имел весомой силы. Подавив глухое раздражение, я изменила тактику:

– А если правильнее сказать, то нам надо найти хвостовую часть. Со спасательным маячком, возможными остатками питания и аварийного снаряжения и даже вашим драгоценным алкоголем! Разве это не поможет нам спастись?

– Переход был долгим, – не остался в долгу Бизон, но смотрел не на меня, а на Кая. – Мы все устали. Отлежимся денек, набьем желудки плотнее, пока есть чем, а потом двинемся. Нельзя забывать, что среди нас девчонка.

– Что-то ты так не рвался отлежаться, когда Катя была с нами, – прошипела я, уязвленная тем, как ловко он повернул разговор на псевдозаботу обо мне. Совсем как прикрывался ложью тогда, когда накормил мою подругу отравленными ягодами.

– И я ранен, – бритоголовый пропустил мои слова мимо ушей, – и у тебя, кэп, случаем, сотрясения нет? Надо восстановить силы.

Все время, пока мы спорили, Кай поглядывал на небо. Когда аргументы обеих сторон иссякли, он с неохотой произнес:

– Мы останемся. Но не потому, что устали. Буря надвигается.

* * *

Буря грянула, но не сразу.

Сначала солнце еще пыталось проглядывать из-за облаков. Правда, серое марево над головой становилось все плотнее. Я гадала: по каким признакам Кай догадался о непогоде? Потом сообразила: днем не потеплело. Привычной жары не было. Порывы ветра усиливались. Вскоре захотелось даже надеть куртку. Я порадовалась, что так и не постирала белье. Оно бы не просохло на теле, и пришлось бы щеголять во влажной одежде по холоду.

Бизон с деловым видом освежевал тушу. Похоже, получал удовольствие от того, что сдирал шкуру с убитого врага. Я представила, как

он повесит ожерелье из зубов на шею, завернется в мех и окончательно превратится в дикаря. Может, так и будет, если нас никто не спасет.

Что же все-таки творилось раньше на этой планете? Наблюдая, как Кай вынимает из реки сеть с новым уловом, я продолжала размышлять. Насколько Н-17 была заселена? До сих пор мы не встретили каких-либо явных признаков цивилизации, за исключением непонятных черных фигур. Конечно, это еще ни о чем не говорило. Мы могли просто упасть в глуши и бродить по лесу, не зная, что прямо под носом кто-то обитает. Но на родной Земле давно не осталось подобных уголков. Всю доступную сушу плотно заселили, научились бороться с недостатками почвы, осушать болота, превращать пустыни во вполне пригодные для жизни города. Раньше я и не представляла, что можно вот так затеряться.

Тут же стало любопытно – а пропадал ли тут кто-либо до нас? Может, какая-то другая девушка так же бродила, натываясь на непонятные пугающие символы и ежеминутно опасаясь за свою жизнь? Что, если она сгинула, не оставив и следа после себя, а мне теперь суждено повторить ее путь? А вдруг мы не последние, кому «посчастливится» упасть сюда?

Схватив нож, я направилась к дереву. Бизон поднял голову и удивленно проводил меня взглядом. Выбрав участок коры поровнее, я принялась царапать ее, складывая черточки в буквы, а буквы – в слова. Через какое-то время на видном месте красовалось:

«Здесь проходила Дана».

Я отошла в сторону, полюбовалась плодом своих трудов. Покусала губы и продолжила царапать:

«Кай».

Рука уже болела от напряжения, но с неохотой и после некоторых колебаний я все же завершила фразу:

«И Бизон».

– Что ты там делаешь? – хохотнул бритоголовый. – Наскальной живописью решила заняться?

Я только фыркнула. Тоже мне, шутник. Назло Бизону продолжила надпись ниже:

«Осторожно, обезьяны!»

Ведь кто-то же предупреждал нас о колодце и запретной зоне. Пусть я не знаю протурбийского в совершенстве, но хотя бы продолжить добрую традицию мне по силам.

– Не трогай ее, ей это нужно. – Кай подошел, встал за моим плечом, проворчал под нос: – Чтобы справиться со схуром. Ведь так, Белоснежка?

Рука с ножом дрогнула. Почему он так понимает меня? Как ему это

удается?!

– Это знак... для спасательной экспедиции... если станут нас искать... – вырвалось невнятное оправдание. – И просто... если кто-то так же попадет в беду...

– Я так и понял.

Я обернулась.

– Кто такой схур? Ты уже упоминал это название раньше.

– Не кто, а что, – в улыбке Кая мелькнула то ли усталость, то ли грусть, – то, что не даст тебе погибнуть просто так.

– Как случилось с тобой?

Он медленно и неохотно кивнул.

– В тебе это тоже есть, Белоснежка. Я вижу. Но лучше держи его под контролем. Не давай расти. Пиши мантры для успокоения. – Кай указал на мою надпись. – Это поможет немного.

– Почему не давать расти? – удивилась я.

Кай поджал губы.

– Потому что все имеет свою цену. Схур заставит тебя выжить, но сожрет изнутри. Ты его не прокормишь, как ни старайся.

Кажется, я начинала что-то понимать в этих загадочных объяснениях.

– А у тебя он много сожрал внутри?

– Почти все.

Слова прозвучали коротко и хлестко. Неумолимо. Как в те моменты, когда Кай кричал мне в лицо, что я умру, если буду слабой. Как удары, которые он наносил Бизону, собираясь убить в неконтролируемом порыве. Как раскат грома, который прогремел вдали.

Я вздрогнула и подняла голову. Небо стремительно темнело.

– Пора прятаться, – оборвал разговор Кай.

Вскоре разыгралась настоящая непогода. День только клонился к вечеру, но из-за набежавших туч быстро сгустились сумерки. Свет померк. Казалось, что наступает ночь. Как из ведра на землю хлынул ливень. Это был не тот благодатный дождик, который спас нас, умирающих от жажды, и даже не более серьезные осадки, заставившие Кая делить со мной укрытие. Вода стояла стеной. Я не могла рассмотреть ничего вокруг дальше вытянутой руки.

Мы устроили в кустах что-то вроде палатки, но, как нарочно, поднялся шквалистый ветер. В мгновение ока укрытие сорвало и унесло. В лицо больно хлестнули струи. Волосы и одежда тут же промокли – хоть выжимай. Я только успела пожалеть о потере такого нужного в походе куска брезента, как позади нас, в лесной чаще, раздался протяжный низкий

стон и треск.

– Это ураган! – прокричал Кай в ответ на мой испуганный взгляд. – Сухостой падает!

– Кэп! У нас проблемы похуже! – Бизон, выпятив челюсть, тыкал пальцем перед собой.

С замирающим сердцем я увидела воду, подступающую к нам со стороны реки. Проливной дождь так наполнил русло, что она вышла из берегов.

– Надо уходить подальше! – вскочила на ноги я.

– Куда?! – Кай схватил меня за куртку, отчего за воротник по спине полился холодный поток, и я взвизгнула. – Тебя падающей веткой прибьет.

– Но тут нас затопит!

Несколько секунд мы напряженно переглядывались, пригибаясь под ударами ветра и дождя. Без укрытия, без надежды куда-то пойти нам предстояла веселенькая ночь.

– На дерево! – вдруг приказал Кай.

– Нас оттуда сдует, как пташек, кэп! – отозвался Бизон.

– Не сдует. – Тот порылся в рюкзаке, вытащил обрывки веревок. – Садимся ближе к стволу и привязываем себя к ветке. Вода не должна подняться так высоко.

Я только покачала головой. Илистый берег хлупал под ногами, обувь уже промокла. От мыслей, что придется сидеть под дождем на ветке дерева и созерцать под собой бушующий поток, становилось несладко.

Но парни уже начали претворять план в жизнь. Бизон посадил Кая, стал подавать ему рюкзаки, а тот крепил поклажу в ветвях, чтобы не сорвало. Внезапно издалека донесся рокот. Он нарастал и приближался. Я поняла, что боюсь оборачиваться. Спину сковало холодом. Нет. Лучше не видеть источник этого звука. Лучше зажмуриться и просто не видеть...

Но зажмуриться я не успела. Кай, который с высоты посмотрел в ту сторону, заметно побледнел.

– Бизон! Быстро подсаживай ее!

Он схватился одной рукой за ветку, наклонился, протягивая мне другую как можно ниже. Я все-таки посмотрела назад. Проклятье. Где-то вверху по течению будто дамбу прорвало, потому что огромный поток воды, пенный и бурлящий, со стремительной скоростью надвигался на нас, грозя затопить все вокруг.

Бизон тем временем подпрыгнул и сам подтянулся на ветке, но Кай грубо спихнул его обратно.

– Я сказал, посади сначала ее!

Осознав, что прорваться вперед не получится, бритоголовый скрипнул зубами, подхватил меня и легко, как пушинку, закинул наверх. Я едва оседлала толстую ветвь, а Кай уже протягивал руку Бизону.

– Давай теперь сам!

Того не пришлось упрашивать дважды. Поморщившись от боли в израненной руке, бритоголовый сумел вскарабкаться за секунду до того, как место, где мы стояли, захлестнуло бурным потоком. На поверхности воды плавали сломанные ветки, листья, прочий мусор, трупки мелких животных... я отвернулась, не в силах на это смотреть.

– Забирайтесь выше! – Кай продвинулся на соседнюю ветвь, предлагая нам сделать то же самое.

В этот момент опора подо мной покачнулась. Даже сквозь завывания ветра и грохот грозы до слуха донесся треск. Пришлось схватиться за листву, чтобы не поехать вниз, так как ветка из горизонтальной превратилась в наклонную.

Бизон, который сидел ближе к концу, встретился со мной взглядом.

Ветка хрустнула снова и наклонилась еще сильнее.

– Она не выдержит нас двоих! – воскликнула я, уже читая в его глазах момент истины.

Тот момент, которого так боялась. Мы потеряли общую цель. Теперь стали двумя конкурентами на одно место. Счет шел на доли секунды. Бритоголовый бы не успел перебраться к стволу, не обломив наш насест окончательно. Он улыбнулся. Почудилось, что с долей сожаления. А может, именно что почудилось? Ведь я отказала ему, унизила, а значит, уже была не нужна.

– Да. Не выдержит, – согласился он.

И кинулся вперед. Мощная оплеуха выбила из меня воздух. Перед глазами все перевернулось. Я успела услышать протестующий крик Кая, а потом с размаху рухнула в ледяную воду.

Мышцы тут же свело судорогой озноба. Как безвольную травинку, вода подхватила и потащила меня. Течение потянуло вниз. Раз – и изо рта с пузырьками воздуха вырвался крик от удара о камни. Боль пронзила спину. В инстинктивном порыве я рванулась вверх, чтобы выплыть. Удалось лишь сделать короткий вдох вперемешку с брызгами. Меня закрутило и перевернуло. В уши, нос, рот хлынула вода.

Силы быстро истощились. Низкая температура реки сковывала, навешивала на руки и ноги непреодолимую тяжесть. И снова удар. На этот раз о ствол дерева, мимо которого несло течение. И вдруг мне стало не холодно и даже не страшно...

Кто-то звал меня по имени:

– Дана! Дана, очнись! Посмотри на меня!

Вода продолжала хлестать, острые камни впивались в спину, но я почувствовала, что больше не плыву. Кажется, кто-то вытащил меня на берег. Правда, все тело сотрясало, будто пружину внутри скручивали все сильнее. Из груди вырвался стон: там, в забытии, мне нравилось больше. Здесь опять хлестал дождь и пронизывал до костей ветер.

Кто-то подхватил меня и понес, бережно прижимая к мокрой груди.

– Кай... – прошептала я и заплакала сквозь стиснутые от озноба зубы.

– Все будет хорошо, – скороговоркой ответил он, касаясь губами моего уха.

Мужские руки стиснули крепче. Я зарылась носом в сильное плечо. Обхватила за шею.

– Мне холодно... больно... страшно!

– Я знаю. Знаю. Посиди здесь.

Кай с трудом оторвал меня от себя и пристроил под деревом на илесте пригорке. В порыве дикого страха я принялась цепляться за его руки, одежду, лишь бы не бросал снова одну.

– Тише, тише. – Он обнял, тоже сотрясаясь от холода. – Сейчас я что-нибудь найду для нас.

– Нет! Не уходи!

– Дана! – Кай резко схватил меня за подбородок. – Будь сильной. Ты сможешь.

Кое-как, стуча зубами, я кивнула и заставила себя успокоиться. Он не бросит меня. Никогда. После того, как прыгнул за мной в смертельный поток, – точно.

Я принялась терпеливо ждать. Вот только чего? Что еще может с нами случиться? Ради чего мы боремся? В дикой природе невозможно выжить. Эта планета нас погубит. Даже если переждем непогоду, кто знает, с чем столкнемся в следующий раз?

– М-мы ум-мрем, – процедила я Каю, когда тот вернулся.

– Обязательно, – проворчал он, – но не сегодня. Вставай.

Пригибаясь от дождя и ветра, скользя в мокрой траве, мы добрались до возвышения. В центре чернела дыра. Размеры позволяли пролезть внутрь взрослому человеку.

– Обезьянья нора. Залезай, – подтолкнул меня Кай.

Темный провал скорее пугал, чем манил.

– А в-в-вдруг... там...

– Я проверил. Если там до сих пор никто не спрятался, значит, хозяева уже не придут. Быстрее.

На нетвердых руках и ногах я вползла внутрь. Тут же рухнула во что-то мягкое. Провалилась довольно глубоко – по самые локти. Пахло чем-то мускусным, похожим на мочу животных. Поднявшиеся в воздух ворсинки защекотали нос, и я чихнула. Следом появился Кай. Вдвоем в земляном мешке стало тесновато.

– Ч-что з-здесь? – Я подвинулась, насколько позволяло пространство.

– Пух. Шерсть. Мелкий хворост для настила. Нам будет тепло.

Тепло? Это то, чего мне хотелось больше всего на свете. Я свернулась калачиком, поджала ноги, надеясь, что облегчение скоро наступит, но судороги не проходили. В темноте отчетливо прожужжала застежка куртки Кая.

– Дана... – позвал он непривычно слабым голосом.

Вместо ответа я промычала. Не смогла разлепить стиснутые зубы.

– Я должен тебя раздеть...

Долгих объяснений не требовалось. Озноб пробрался слишком глубоко в меня, а мокрая, прилипшая к телу одежда только ухудшала положение. Я разомкнула челюсти и прохрипела:

– Х-хорошо.

Кай на ощупь нашел мои ноги, снял и откинул подальше ко входу сырую обувь. Прошелся пальцами вверх по лодыжкам, бедрам, отыскал пояс брюк, потянул их вниз. Я помогала ему, как могла. Подняла одну ногу, другую. Сама стащила куртку. Кай был уже рядом. Когда я поднялась на локтях, чтобы позволить ему снять с себя майку, то нечаянно уткнулась носом в его голую грудь. Мы оба замерли. Лишь на секунду. Потом я вскинула руки, а он сдернул с меня майку вместе с лифчиком.

Даже несмотря на грохочущую снаружи бурю, в тесном убежище слышалось наше сбившееся дыхание. Я ощущала Кая рядом. Он был обнажен. Я тоже. Комок застрял в горле от этой мысли. Не от страха или стыда. От радости, что мы вместе и мы живы.

Ладонь Кая огладила мое плечо нежным движением. Губы коснулись уголка глаза.

– Можно тебя согреть?

С замирающим сердцем я кивнула. Чуть помедлив, он отодвинулся, поймал одну мою ногу, принялся растирать с силой. Кожу защипало. Круговыми движениями Кай поднимался все выше, пока не добрался до

колена. Тогда вернулся к ступне, размял пальцы, свод, снова принялся двигаться вверх от щиколотки. Кровь прилила, сразу стало легче. Кай засунул мою уже разогретую ногу себе под мышку. Чтобы греть дальше, догадалась я. Он тем временем повторил все с другой. Потом отпустил обе, обвел пальцами колени.

Чем выше Кай поднимался, тем медленнее становились его руки. Словно решимость греть в нем таяла, уступая другим желаниям. Между бедер у меня сладко потянуло, когда он скользнул под них ладонями и сжал ягодицы. Горячее дуновение воздуха защекотало пупок. Кай навис сверху, уже не растирая, а лаская кожу. Не принося губами, но согревая дыханием. Движения стали чувственными, дразнящими. Он словно поклонялся моему телу, наслаждался возможностью трогать меня. Я жарко выдохнула раскрытым ртом, сообразив, что уже не трясусь, как раньше.

Это было на грани эротической пытки. Кай не касался моих интимных мест, старательно обошел грудь, отчего тут же заняли соски. Занялся руками и плечами, а я могла думать лишь об одном: дрожит он сейчас от холода или от чего-то другого? Стоит ли давить в себе желание согреть его так же, как он греет меня? Потянувшись, я погладила его грудь, бока и спину. Кожа оказалась прохладной. Тогда я обхватила Кая и прижалась к нему.

Все произошло как-то просто и естественно. Он вдруг подался вперед. Я оказалась на спине с его коленом между моих раздвинутых ног. Мужские губы обожгли кожу ниже уха.

– Кай... – прошептала я, повернула голову... и мы поцеловались.

Сначала лишь прижались губами, стискивая друг друга в объятиях. Необъяснимая потребность. Каждая клеточка в тех местах, где наши тела сплетались, горела от удовольствия. Подумать только, совсем недавно я могла умереть. Ни капли не сомневалась в этом, особенно когда поняла, что не справлюсь с течением. А теперь я лежала в тесном и темном убежище, в руках Кая, и понимала, что его губы дарят мне новые силы, чтобы жить. Для меня это был самый сладкий поцелуй из всех возможных. С капелькой исступленности, с долей осторожности, потому что мы в первый раз делали это. Еще не страсть, хотя некоторые ее отголоски уже зарождались внутри. Скорее, бешеная эйфория, от которой кровь быстрее бежала по венам.

Затем губы Кая приоткрылись и отпустили мои. Он дал мне возможность глотнуть воздуха и замер совсем близко.

– Так теплее? – прошептал он.

– С тобой мне всегда тепло, – призналась я и порадовалась, что в темноте не видно, как краснеют щеки.

Кай помолчал. Я гадала, о чем он думает. Сама не могла собрать мысли в кучу. Словно забыла себя и все, что знала раньше. Самым кошмарным сейчас казалась необходимость отпустить Кая. Самым желанным – ощущать его поцелуи.

– Течение было очень быстрым... – сдавленным голосом проговорил он. – Не знаю, как успел догнать тебя.

Я потянулась и сама прижалась к его губам. Вот так спокойнее. Так хорошо. Так все страхи отступают на второй план. Не хочу вспоминать, как тонула. Не хочу слышать завывания бури и ждать новой беды. Хочу. Его.

Я раньше не испытывала такого чистого потока нежности, заботы и стремления доставить удовольствие, каким окутал меня Кай. Я просто жила для него в тот момент. Наслаждалась им. Растворялась в его руках. Впитывала губами его стоны. Кричала его имя. Вонзала ногти в его спину, заставляя ускорить темп.

Даже грохот бури затих, оставив нас под толщей земли в полном вакууме, лишенном других звуков, кроме шумного дыхания, других запахов, кроме страсти наших тел, и других ощущений, кроме острейшего соприкосновения кожи с кожей. Кай наполнял меня, окружал меня всю, шептал что-то неразборчивое. Так, что мне хотелось продлить это навсегда.

Напряжение достигло апогея и схлынуло. Через пару мгновений Кай оставил меня, рухнул в изнеможении, придавив наполовину своим телом. Пошевелил рукой, загребая и накидывая на нас подстилку. Вскоре мы оказались вдвоем в уютном гнезде. Я повернула голову, уткнулась носом в щеку Кая. Почувствовала, как он придвинул меня за плечи к себе. Так просто и естественно.

Сон еще не пришел, но и говорить не хотелось. Слова казались лишними. Я знала, что Кай тоже не спит. Так мы и лежали долгое время в тишине и темноте, слушая ровное дыхание друг друга.

* * *

Проснулась я, задыхаясь от жары. На лице даже капли пота выступили, я слизнула их с верхней губы и открыла глаза. В просвет норы заглядывало яркое солнце. От бури не осталось и следа, разве что засохшие потеки грязи тянулись от самого лаза до моей импровизированной постели. Я заработала руками, раскидывая слипшийся и скатавшийся клочьями войлок. По влажной коже скользнул прохладный воздух. Захотелось чихнуть.

Вчера как-то не озадачилась мыслью, что же это за подстилка, но теперь напряглась, потеряла ворсинки между пальцами. Достаточно длинные, разных цветов – от песочно-бежевого до бурого. Ну точно, шерсть. А насекомые? Я принялась судорожно разгребать пух и уже приготовилась содрогаться от отвращения. Но, как ни странно, подстилка оказалась чистой.

Зато в ней обнаружились сухие веточки со странным запахом, чем-то напавшим лавровый лист. Я поднесла одну к лицу, повертела. Может, это своеобразный отпугиватель паразитов? Кто бы ни построил эту землянку, он был достаточно умен, чтобы не гадить тут, содержать гнездо в чистоте. Так почему бы и от кровососов не защититься?

Потянулась и потрогала пальцем стену – гладкую, блестящую, вымазанную то ли глиной, то ли еще каким природным материалом, укрепляющим землю, чтобы не осыпалась. Неплохое жилище. Что же стало с его обитателями? Почему они не спрятались тут в грозу? Хотя если бы спрятались, то мы с Каем, наверно, замерзли бы насмерть...

Я откинулась на спину, сложила руки на животе и уставилась в потолок. Пусть Кай отсутствовал рядом, но, зная его привычки, нетрудно было представить, что он сейчас или готовит нам завтрак, или исследует территорию. Но то, что мы сделали вчера...

Я закрыла глаза. Дура! Идиотка! Сама во всем виновата. Вела себя как последняя дебилка. Сначала раздевалась перед ним у реки. Потом сама набросилась с поцелуями. И это после того, как торжественно пообещала себе, что буду держаться от него подальше!

А самое ужасное – что мне понравилось. Между ног приятно саднило там, где он входил в меня вчера. Когда я вспоминала, как все случилось, то вновь, как наяву, ощущала поцелуи и прикосновения Кая на своей коже, его плавные движения и то, как плотно он помещался во мне.

Но в груди закипали отнюдь не приятные чувства. Я же побывала на месте Лизы! Сколько дней прошло с той памятной ночи, когда она спала с ним? Два? Три? Здесь, на протурбийской земле, казалось – вечность, но если хорошенько посчитать... волосы вставали дыбом.

А еще я пообещала Кате и нарушила это обещание. Клятва, данная умирающему человеку, – это святое. И я – еретичка, преступница, потому что ни разу о ней не вспомнила. Совсем недавно горевала над могилой подруги, а потом пустилась во все тяжкие.

Кая я не винила. Только себя. Почему-то была уверена – если бы сказала «нет», он бы не стал настаивать. Ведь ушел же там, у реки, увидев меня голой. Просто я совсем потеряла надежду, что та буря, а вместе с ней

и все наши несчастья когда-нибудь закончатся, вот и прожила ночь с ним как последнюю, а он не удержался от соблазна, как и любой мужчина на его месте. Как мне ему теперь все объяснить? Как восстановить душевное равновесие, когда самой от себя противно?

Но прятаться вечно в норе тоже нельзя. Рано или поздно мне придется выйти и продолжать жить с тяжелым грузом на сердце. Это никак не исправить. Не отмотать время назад, да и если могла бы, то до какого момента? До того, где не сопротивляюсь поцелую? Или до того, когда открыла рот, чтобы успокоить обещанием умирающую Катю? Ну вот, уже докатилась до того, что мечтаю забрать свое слово обратно.

Стряхнув с себя остатки шерсти, я поползла к выходу. Вчерашнее барахтанье в воде не прошло даром. Спина болела, ноги тоже, в голове гудел похмельный набат.

Лужайка, куда привел выход из норы, оказалась забросана мусором из реки. Сама серебристая лента воды сверкала примерно в десятке метров ниже. Над верхушками деревьев виднелось чистое безоблачное небо. Я прищурилась от яркого света, огляделась. На раскидистых колючих кустах в художественном беспорядке висела одежда. Я почувствовала, что краснею, увидев свое белье, реющее победоносным флагом на ветке. Представила, как Кай развешивал его для просушки. Сглотнула, попутно отметив боль в горле.

Сам Кай, к счастью, одетый, сидел поодаль в тени дерева и обстригивал ножом тонкие и длинные ветки. Его куртку я тоже успела заметить на кустах, из-за жары она пока не требовалась. Кай поднял голову, ответил мне лучезарной улыбкой. Его глаза сияли. Я отвернулась, закусил губу, чтобы сдержать рвущиеся наружу эмоции.

Вместо приветствия сделала вид, что не замечаю его. Перебежкой бросилась к кусту, сорвала одежду, натянула ее на себя, мысленно повторяя, что ничего нового он уже не увидит. Потом поковыляла к реке. От прохладной воды стало меньше гореть лицо. В этот раз она показалась мне не такой ледяной. Может, начинаю привыкать? Превращаюсь из цивилизованной девушки в лесную дикарку? Человеческий облик уже потеряла — доказательством тому служило не только взлохмаченное отражение, но и тот факт, что от одного взгляда на Кая мне снова захотелось все с ним повторить.

Когда я привела себя в порядок и вернулась, Кай уже не улыбался. Продолжал возиться с ветками, даже головы не поднял. Несколько отточенных колышков лежали в ряд возле его колена. Тут же, в траве, я увидела горсть длинных коричневых стручков.

– Это можно есть? – Я опустилась в тень, стараясь держаться не очень близко к Каю.

– Я уже ел, – пожал плечами он, – значит, можно.

Стручки оказались покрыты плотной кожицей, пришлось даже надкусить краешек зубами, чтобы разорвать. Внутри в ряд, как жемчужины в раковине, покоились молочно-белые круглые плоды. Я засунула один в рот, ощутила сладковатый привкус.

– Ты не должен был есть это первым, – пробормотала с полным ртом, так как голод оказался сильнее правил приличия, – если ты отравишься, я тоже рано или поздно погибну здесь. Надо, чтобы сначала я пробовала. Все равно не проживу самостоятельно.

Кай поднял на меня глаза, его рука с ножом замерла.

– Я знаю, – сказал он, а затем вернулся к делу. – Но я помню, что это за орехи. Не сомневался, что съедобные.

Это слегка царапнуло меня. Разочарование? Да, похоже, я привыкла, что Кай все делает ради моей защиты, и не ожидала, что он может первым съесть орехи просто потому, что не боится их есть.

Расправившись с тремя стручками, я взяла два оставшихся и отнесла в нору. Положила у входа на видном месте. Кай наблюдал за моими действиями, но не остановил.

– Это в знак благодарности, – пояснила я, когда вернулась, – хозяева придут, найдут подарок за то, что мы воспользовались их жилищем. Им будет приятно.

– Я так и понял. – Он сделал резкое движение ножом, щепка описала в воздухе дугу и улетела далеко в траву.

Злился? Похоже на то. Я сцепила руки, потому что не знала, как начать главный и очень нужный разговор.

– Как ты думаешь, что с ними стало? – поинтересовалась я, чтобы хоть как-то сгладить неловкость.

– Наверно, сдохли.

– Думаешь, сдохли? – верить в такое не хотелось. – Может, просто буря застала их где-то еще? Нора чистая, ухоженная, большая. Может, не успели добежать.

Кай стрельнул в меня взглядом.

– Белоснежка, каждый зверь в непогоду возвращается в свою нору. Обезьяны живут в таких целыми семьями. Раз никто не вернулся, значит, сдохли. Ты зря оставила орехи, которые мы могли бы взять с собой.

Мысль о бедных животных не добавляла оптимизма, и я решила сменить тему:

– Как ты думаешь, нас далеко отнесло течением?

– Я не знаю. Если будем идти вверх по реке, то рано или поздно вернемся на прежнее место. Заблудиться при таком раскладе трудно.

– Думаешь, Бизон нас там ждет?

– Даже не знаю, что для него лучше, – Кай ядовито усмехнулся и покачал головой, – чтобы ждал или чтоб свалил восвояси. Но на месте стоянки остались наши вещи. Это гораздо важнее.

Я кивнула. Похоже, тот нож, который был у Кая в руках, находился при нем в момент прыжка в воду. Топорик, все для разведения костра, сигнальные огни, другая мелочь – все осталось в рюкзаках. Если не найдем их, придется куковать практически с голыми руками, а это взвинчивает градус опасности до самого предела.

– Для чего это? – Я указала на тонкие острые ветки.

– Что-то типа кольев. Может, пригодится кого-то поймать или от кого-то защититься. Они не прочные, ломаются. Но лучше пусть будут.

Я взяла один колышек, потрогала острие кончиком пальца.

– Значит, мы будем идти против течения, попытаемся найти вещи, а потом продолжим путь к хвостовой части?

– Угу.

Разговор иссяк. Я поняла, что дальше оттягивать неприятную тему невозможно, и скрепя сердце выдавила:

– Кай... нам надо поговорить. О вчерашнем.

– Ну давай поговорим, – равнодушным голосом отозвался он.

Я вздохнула.

– Вчера... мы выживали. Я думала, что умру, а ты прыгнул за мной, рискуя своей жизнью.

Украдкой взглянула на Кая, но никакой реакции не дождалась. Казалось, подготовка кольев интересует его больше моих чувств.

– В общем... – с трудом продолжила я, – наверно, нам лучше поскорее забыть то, что случилось. Мы сделали это на адреналине. Я была в состоянии шока, а ты... ты так заботился обо мне все это время. И снова оказался рядом. Я была так тебе благодарна. И мне не стоило провоцировать тебя вчера утром. Конечно, сама дала тебе повод думать... А ты, конечно, заслужил награду. И, наверно, я сама виновата...

– Награду?! – Он отбросил ветку в траву и сердитым движением спрятал нож за пояс. Медленно повернулся ко мне. Процедил: – Ты думаешь, я достал тебя из реки за награду в виде секса?!

Под его напором я растерялась. Вроде не так хотела поставить вопрос, но Кай все воспринял по-своему.

– Ты сам сказал, что хочешь со мной кое-что сделать... когда увидел раздетой на берегу... – пролепетала я. – Но если один раз я позволила, это не значит...

– Позволила, – Кай вскочил на ноги, уставился на меня сверху вниз, – да неужели секс с тобой – это самый лучший приз на свете? Я, по-твоему, только и думаю о том, как бы тебе вдуть? Что, у меня других занятий здесь больше нет, кроме как мечтать о тебе? – Его голос становился все более громким и злым. – Ты привыкла, что раз ходила в жилеточке престижного университета, то все вокруг должны на тебя слюни пускать? Да что в тебе такого особенного? Без одежды вы все одинаковые.

Я вздрогнула на последней фразе, потому что он сравнил меня с Лизой.

– Бизон говорил...

– «Бизон говорил», – передразнил он, – и ты решила, что мы с ним соревнуемся, кто первый тебя поимеет? Да?

– Ты не мог бы говорить тише? – Я огляделась. – Вдруг на шум придет кто-то хищный.

– Так и пусть приходит! – специально еще громче воскликнул Кай. Он принялся расхаживать туда-сюда, сжимая кулаки. – Я ему тебя скормлю. Зачем ты мне теперь нужна? Я же тебя поимел. Больше не надо тратить на тебя силы. – Он с вызовом оглядел кусты, словно там и правда кто-то прятался. – Ну? Кто готов упростить мне задачу?

– Не говори так! – Я тоже вытянулась перед ним в полный рост. – Не говори! Не говори! Не хочу слышать, как ты называешь меня обузой!

– Да зачем ты вообще полетела? – прошипел Кай, сузив глаза и ткнув меня пальцем в плечо так, что я невольно сделала шаг назад. – Говорил же, от тебя одни проблемы. Но тебе жожа под хвост попала. Тебе непременно захотелось что-то доказать. Доказала? Ты что-то кому-то доказала кроме того, что ты настолько тупая, что оставляешь еду обезьянам, которые давно сдохли?!

От этих слов у меня слезы на глаза навернулись, но я заставила себя проглотить обиду. Кай просто неправильно понял мои слова.

– Я Кате пообещала, – призналась дрожащим голосом, – что никогда не посмотрю на тебя. Потому что Лизка еще может быть жива. И сама же обещание нарушила...

– Значит, ты еще глупее, чем кажешься! – рявкнул Кай, продолжая наступать на меня. – Кому здесь нужна твоя мораль? Мертвым все равно! Да здесь вообще всем все равно, переспишь ты со мной, с Бизоном или с сотней местных обезьян!

– Мне нужна! – не выдержала я и заорала ему прямо в лицо: – Моя мораль нужна мне! Потому что я не из тех, кто прыгает в кровать к парню подруги, стоит той отвернуться. И я не дикарка, которая действует только на инстинктах.

– Да Лизка твоя тоже мертва! Ей тоже уже все равно. Я уже вообще про нее забыл! – Он смерил меня взглядом. – А если и жива – так мне плевать! Я сам выбираю, с кем заняться сексом. Не ты и не твоя подруга. Твоя мораль не заставит меня быть с ней, если я больше не хочу! Как не заставит быть с тобой, если я больше не хочу. Мои инстинкты, в отличие от твоих, всегда при мне.

Последние слова Кай произнес с особой злостью. Подхватив с земли колья, он подошел к кусту, сдернул свою куртку и перекинул через плечо.

– Ты что, уходишь? – обомлела я.

– А что мне с тобой делать? – фыркнул он. – Я добился, чего хотел. Можно теперь не напрягаться.

Похоже, Кай не шутил. Он собрался уйти.

– Ты не можешь меня бросить вот так! – У меня опустились руки.

– Еще как могу. Ты меня с каким-то другим благородным рыцарем перепутала, – ответил Кай через плечо и скрылся за кустами.

Я опустилась на землю, не веря своим глазам. Всего лишь хотела попросить его сделать вид, что ничего не было, а вместо этого Кай разозлился и оставил меня на произвол судьбы! Я беспомощно огляделась. Ветер зашуршал в листве, и показалось, что это кто-то шевелится там, в ветвях, наблюдает за мной и готовится вот-вот напасть.

– Кай... вернись... – тонким жалобным голосом протянула я и ударила кулаками по траве, – вернись... пожалуйста... ты мне нужен!

Я надеялась, что он все-таки хочет меня проучить. Что постоит за кустами, увидит, что мне плохо, и вернется обратно, чтобы утешить. Это же Кай! Он прыгнул за мной в ледяную воду навстречу неизвестности! Он согревал меня каждую ночь! Был готов выбрать меня, а не Бизона, если бы встал вопрос жизни и смерти!

Но время шло, а Кай не возвращался. Я вытерла мокрые щеки. Что же я сделала не так? Чем его разозлила? Ведь сказала правду – мы оба поддались эмоциям и адреналину. Это было неосознанно, здесь не стоит даже спорить. Почему он так обиделся на меня? Я задела его лучшие чувства? Но он тоже задел мои. Наговорил кучу гадостей, опять прошелся по болевым точкам, напомнил о потере подруг, хотя это он, он был виноват в крушении! Из-за него мы все находимся на грани гибели!

И все-таки я хотела быть с ним. Но не так. Не переступая через

собственную совесть. По-честному.

– Кай! – Я вскочила на ноги, сгребла в охапку свою куртку и побежала, прихрамывая и почти не разбирая дороги, в ту сторону, куда он ушел. – Кай!

Кустарник оцарапал голые плечи, но я спешила, боясь, что упущу одну секунду – и опоздаю навсегда. В лесу ведь нет хоженных троп. Стоит Каю немного сменить направление – и мы потеряемся.

Я догнала его, когда сердце готовилось уже выскочить из груди от напряжения и бега по пересеченной местности.

– Кай! – крикнула что есть сил, увидев его широкую спину. – Пожалуйста, не бросай меня!

Он не остановился, хотя шел достаточно медленно. Мне не составило труда преодолеть несколько метров и схватить его за локоть.

– Кай!

Он с силой вырвался и продолжил идти. Не обернулся и не ответил. Тогда я уронила на землю куртку, бросилась вперед, заступила Каю дорогу и с размаху прижалась к груди, затормозив весом своего тела. Мои ноги проехали по земле, щека плотно впечаталась в его плечо.

Кай остановился и тоже выронил свою поклажу. Его руки вытянулись вдоль тела, кулаки сжались.

– Пожалуйста, – прошептала я, стискивая его так крепко, будто от силы объятий зависела вся моя дальнейшая жизнь, – нам надо это забыть. Чтобы начать снова. Потом. С чистого листа. После того, как узнаем судьбу Лизы.

– Я не могу... просто забыть... – слышался его тихий голос, от которого замерло сердце.

– А я не могу идти на сделку со своей совестью. Не знаю, как буду смотреть Лизке в глаза, если окажется, что она жива, а я... а мы...

Я всхлипнула, а Кай обхватил мое лицо ладонями и поднял. Посмотрел прямо в глаза серьезным взглядом.

– Ты не виновата. Я видел, что ты в пограничном состоянии, но не стал сдерживаться. Воспользовался тобой. Как бы ты ни храбрилась, Белоснежка, но ты слаба, как котенок. Стоило тебя раздеть и немножко погладить, как ты поплыла. Я знал, что так будет. Специально соблазнил. Думаешь, это так сложно, если хоть немножко вас, женщин, изучить? Я не дал тебе одуматься, чтобы ты не успела сообразить, что происходит. Ты была напугана, искала утешения. Я хотел секса. Если вдруг твоя подруга окажется жива, я отвечу на все вопросы сам. Тебе не придется.

– Но это же не так, – пробормотала я, – ты не должен брать всю вину

на себя. Потому что это не так.

– Для меня эта вина ничего не значит. А вот ты ее вряд ли выдержишь, – покачал головой Кай. – Поэтому давай ее понесет тот, кто может.

Он отпустил меня и собирался наклониться за вещами, но я не позволила. Теперь уже сама обхватила его голову и заставила встретиться взглядом.

– Зря ты говоришь, что у тебя внутри почти ничего не осталось, Кай. У тебя там очень много настоящих человеческих качеств. Не думай, что этого никто не видит.

С минуту он недоверчиво смотрел на меня. Потом нахмурился, будто разговор стал ему неприятен.

– Иногда лучше, чтобы их и правда никто не видел. – Кай убрал мои руки и стал собирать вещи. – Пойдем, надо поторопиться.

Он не стал ждать, пока я подниму свою куртку, и мне пришлось догонять. Слова Кая не давали покоя.

– Почему лучше, чтобы я их не видела? – Шагая след в след за ним, я пыталась не отставать. Признаваться, что все тело ломит после вчерашнего заплыва, не решилась. Внезапно меня осенила догадка: – Или ты кого-то другого имел в виду? Бизона? Вот уж кто получил бы премию в номинации «Козел года»! Как ты вообще решил взять его в команду, если он на каждом шагу норовит тебя подставить?

Кай резко остановился и обернулся.

– Я делал много разных вещей. Понятно? И Бизон уже тогда был со мной. По крайней мере, я точно знаю, чего от него можно ожидать.

– Это касается тех непонятных правил, да? – прищурилась я. – И того непонятного старика, о котором вы говорили?

Он кивнул и пошел дальше.

– И что вы делали? – не сдавалась я, ускорив шаги. – Почему ты занимаешься контрабандой? Неужели больше ничего не умеешь? Что хорошего в том, чтобы постоянно болтаться в космосе?

– Потому что мне это нравится.

– Но разве ты не скучаешь по дому? – У меня вырвался тяжелый вздох. – Я вот очень скучаю.

Кай пожал плечами.

– Мне не по кому скучать. У меня нет дома ни среди землян, ни среди протурбийцев. Все, что у меня было, валяется теперь разбитое в хлам здесь.

Я вспомнила, что, убегая от патруля, он беспокоился о потере всего

имущества, но тогда и подумать не могла о буквальном значении этих слов.

– Но ты же где-то родился...

– Я родился в колонии на маленькой планетке, Белоснежка. Ее тоже закрыли на карантин. Позже я узнавал: никто не выжил. Мне повезло, что пришлось улететь до того, как там все закончилось.

– А я вот родилась на Земле и очень ее люблю, – призналась зачем-то я, – и улетать не хотела. И теперь, наверно, когда вернусь, больше никогда никуда не полечу. Ни за что. Буду сидеть дома как привязанная.

С этими словами я посмотрела в ясное голубое небо. Стоило вспомнить о доме, как нехорошие мысли снова полезли в голову.

– Кай... – позвала тихонько.

– Что? – недовольным голосом отозвался он.

– А что, если... – я сглотнула тугой комок в горле, – что, если за нами все-таки никогда не прилетят? Ты думал об этом всерьез?

– Да. С самого первого дня.

– Что мы тогда будем делать?

Кай чуть замедлил шаг, перекинул куртку на другое плечо, не глядя протянул мне свободную руку. Я вложила в нее свою ладонь и почувствовала, что он крепко сжал ее.

– Тогда мы будем жить здесь. Долго и счастливо.

* * *

Еще много времени, пока мы шли, то и дело останавливаясь передохнуть, последняя фраза Кая будоражила мое сознание. Что, если так все и будет? Может, мы – единственные люди на этой планете? Я не сомневалась, что Кай нашел бы нам убежище, приноровился добывать еду и остаток дней мы провели бы вместе. Если не думать о том, что где-то там остались родные, и смириться с участью, все вполне реально.

Но реальная перспектива – не значит, что не страшная. А как же черные тени? А как же Бизон? Пусть планета не населена людьми, но это не значит, что она необитаема. А что, если однажды кто-то из нас серьезно заболеет? Что, если я захочу родить ребенка? Нас ожидала ежедневная борьба за место под солнцем. От этих мыслей все романтические мечтания тут же испарялись.

К тому же идти становилось все труднее. Несмотря на то что Кай выбирал дорогу в тени деревьев, сам воздух, плотный из-за влажности, которая испарялась с земли после обильных дождей, с трудом проникал в

легкие. Майка липла к спине, а волосы – ко лбу. Солнце в зените нещадно поливало яркими лучами все вокруг. Мы держались параллельно реке, но я старалась пореже смотреть в ту сторону: блики на воде танцевали перед глазами.

Кай по-прежнему держал меня за руку. И если поначалу мы просто шли рядом, то теперь, спустя какое-то время, ему приходилось уже тащить меня, как на буксире. Он скрипел зубами, но молчал, поэтому я не выдержала первой.

– Давай привал сделаем. Не могу больше.

Я выдернула ладонь и, не дожидаясь разрешения, присела в траву, а потом упала на спину, раскинув руки. Голова кружилась, в теле ощущалась слабость. Кай склонился надо мной, окинул встревоженным взглядом, пощупал лоб.

– У тебя температура.

Ну вот. Как говорится, стоило лишь подумать о болячках, как они тут как тут. Удивительно, что это случилось только сейчас, если учесть, сколько ночей я уже провела, дрожа в ознобе.

– Нет, – поморщилась я, понимая, что отрицаю очевидное, – просто устала. А еще очень жарко. И мы идем уже полдня.

Лицо Кая стало еще более взволнованным.

– Мы идем не так уж долго. И жара вполне терпимая. – Он снова приложил прохладную ладонь к моей голове. – Что-то болит?

– Горло, – пожаловалась я. – Но не думаю...

– Давай-ка. – Кай потянул мою майку вверх, я послушно вскинула руки. – Полежи здесь.

С большим удовольствием я прикрыла глаза. В тени трава оставалась прохладной, она приятно остужала спину. Листья убаюкивала шелестом над головой. Да и сама минутка покоя благодатной негой растеклась по венам. Я почувствовала, как начинаю проваливаться в сон.

В этот момент холодная и мокрая ткань опустилась на мой лоб, заставив взвизгнуть от перепада температур.

– Тихо! – скомандовал Кай и принялся обтирать мои лицо, шею и грудь.

Касания были аккуратными. Я догадалась, что он сходил к реке, намочил мою майку и вернулся обратно. Мужественно вытерпела неприятную процедуру. Кай снова оставил меня в покое, но позже потормошил за плечо.

– Вставай. Попей немного и надень ее.

Я открыла глаза. Одной рукой он протягивал мне майку, с которой

капала на землю вода. В другой находился широкий лист, свернутый в виде чаши. Как узнал, что у меня во рту пересохло? Я с благодарностью схватила питье и осушила до дна. Затем покосилась на майку.

– Мокрую надевать?!

– Да. Это немного охладит тебя.

Натянув одежду и поеживаясь, я попыталась встать, но руки и ноги совсем ослабли.

– А можно, мы еще немножко отдохнем? – взмолилась тогда. – Хоть еще пять минуточек.

– Дана, – Кай приподнял мое лицо за подбородок, в его взгляде сквозило сочувствие, – ты больна. Тем более нам надо убираться отсюда. У реки я видел свежие следы.

– Какие следы?! – Мне даже спать перехотелось.

– Человеческие. Там у воды ил еще не весь просох. Кто-то недавно тоже подходил напиться.

– Бизон?!

– Подошва не с протектором. Не его ботинки. По-моему... – Кай помолчал, как будто раздумывал, пугать меня окончательно или пожалеть, – по-моему, это вообще не та обувь, к которой ты привыкла.

– А какая?!

Он сделал неопределенный жест.

– Может, и самодельная. Трудно понять. Но это не звериные следы, я уверен.

– Аборигены, – выдохнула я. Подняла взгляд на Кая. – Может, они мирные?

Слабая надежда затеплилась в груди. Чужая помощь нам бы сейчас не помешала. Но Кай по привычке оказался более скептически настроенным.

– Нельзя рисковать сейчас, – отрезал он и потянул меня за руку. – Вставай. Давай. Вставай. Пока в округе все спокойно. Может, абориген уже давно ушел восвояси. Но не будем это проверять на себе.

Со стоном я поднялась на ноги. Кай успел связать колья в охапку и закрепить на поясе. Он повернулся ко мне спиной и чуть наклонился вперед.

– Забирайся. Я подсажу.

– На тебя?! Верхом?!

– Если сможешь сама пройти еще километр и не упасть – вперед, – Кай сделал приглашающий жест, – буду только счастлив за тебя.

– Тебе будет тяжело...

Он обернулся через плечо и смирил меня взглядом.

– Мне тяжело с тобой с первой секунды, как мы сюда рухнули. Особенно тяжело спорить. Забирайся, спиногрызка.

Я фыркнула и покачала головой. Каждый раз думала, что нет уже ничего, что Кай бы не сделал для меня, – и каждый раз он делал еще больше. Но выбора не было. Я опустилась грудью и животом на его спину, обхватила руками за плечи, кое-как закинула ноги. Подкинув меня повыше, Кай двинулся дальше. Я положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Покачивание напоминало чем-то мерный ход верблюда, на котором однажды доводилось кататься. Из стороны в сторону, из стороны в сторону. Постепенно шум в голове становился все громче, а сознание стало уплывать. Опасность столкнуться с аборигеном казалась уже не такой вероятной. Зато мне снился довольно забавный сон.

– Когда мы спасемся, я всем расскажу, какой ты герой, Кай, – сообщила я в нем своему спасителю.

– Угу. – Он снова подкинул меня, отчего клацнули зубы, но я не стала возмущаться.

– Мой папа даст тебе награду за мое спасение. Он у меня такой, он может. Очень влиятельная личность.

– Белоснежка, – послышался стон, – ты бредишь. Замолчи, а?

– Не замолчу. Ты спас меня и теперь несешь на себе, как верный конь.

Кай проворчал что-то неразборчивое.

– Только ты не конь, а мужчина. Очень симпатичный, – я спохватилась, что сказала это вслух, – но не в плане прямо влюбиться в тебя хочется, а так. Просто.

– А с виду такая худая... – зачем-то отозвался Кай и подкинул меня в третий раз.

– А нам долго еще идти? – поинтересовалась я из вежливости.

– Долго. Там впереди возвышенность, придется ее обойти. Это будет легче, чем карабкаться вверх с тобой в охапке.

– Ты опять напоминаешь мне, что я – обуза, – огорчилась я и, кажется, даже надула губы.

– Ты она и есть. – Он вздохнул.

– Когда тебе будет плохо, я так не скажу.

– Мне уже плохо, Белоснежка! Помолчи, а?

– Тебе не может быть плохо, потому что ты герой. Герои всегда идут вперед.

– Да чтоб тебя.

Сквозь покачивание я потерлась щекой о крепкое плечо и улыбнулась.

– И тебя.

Досмотреть, чем все закончилось, не успела. Отчаянный вопль выдернул из сна и заставил поднять голову. Кай застыл как вкопанный, и от того, как напряглась его спина подо мной, я поняла – это не к добру. Разжала руки, сползла и встала на ноги, пошатываясь. Он не возражал.

Я огляделась. Похоже, мы успели достаточно удалиться от реки, потому что по левую руку теперь поднималась поросшая деревьями гора. Справа между крупными стволами с коричневой корой виднелись низкорослые кустарники. В этой части местность хорошо просматривалась. Кружевная тень от листвы трепетала на земле, когда ветерок покачивал ветви. Ничто не предвещало беды. Может, показалось?

– Ты тоже это слышал? – шепотом спросила я у Кая.

Он кивнул, приглядываясь к местности. Я затаила дыхание. Сначала Кай нашел следы у реки, теперь мы слышали крик... Значит ли это, что некто третий в беде? Или он, наоборот, сам на кого-то напал и мы слышим голос его жертвы, которой лишь по воле случая не стали сами?

Вопль повторился. В нем звучали боль и ужас. Голос походил скорее на мужской, хотя, когда сорвался на визг, я уже ни в чем не была уверена. Но кое-что удалось уловить.

– Он... приближается? – похолодела я.

– Да, – лицо Кая превратилось в суровую маску, – похоже, он бежит на нас.

Я затравленно обшарила взглядом кусты в поисках укрытия. Пугал не сам вопящий, а то, что наверняка гналось за ним и заставляло так вопить. Как назло, ни одно место не выглядело подходящим, чтобы спрятаться нам обоим.

И снова крик. Он прозвучал гораздо громче и ближе, чем вначале. Кай схватил меня за локоть.

– Залезем наверх. Сможешь? Я помогу.

Кивком головы он указал в сторону ближайшего дерева с широкими развесистыми ветвями. Я оценила шанс. Если никому не придет в голову разглядывать кроны, то нас могут и не заметить...

– Хорошо. – Я схватила куртку и обвязала ее рукава вокруг талии, показывая, что готова.

Во взгляде Кая мелькнуло одобрение. Он тоже закрепил свою одежду, подошел к нижней ветке, подпрыгнул, подтянулся и ловко оказался на ней. Сцепив ноги в замок, перегнулся и протянул мне обе руки. Я вложила свои ладони, почувствовала, что Кай тянет вверх, уперлась ногами в ствол, чтобы хоть как-то облегчить ему задачу и распределить вес. От волнения в голове прояснилось, шум ушел, зато нервная дрожь пробежала по телу,

ослабляя и без того ватные мышцы.

Положение ухудшалось тем, что уже слышался треск кустарника. Кто-то бежал сюда, продираясь сквозь него, а я до сих пор болталась сосиской между небом и землей. Наконец Кай поднапрягся, сделал рывок. Я тоже извернулась и закинула ногу на ветку, но от этих телодвижений неплотно завязанный узел на куртке распустился, и вещь с тихим шелестом спикировала на траву.

Я обомлела. Это же нас выдаст! Но Кай схватил меня за шиворот, заставил полностью заползти на ветку, прижал к себе.

– Оставь уже. Некогда, – услышала я тихий шепот над ухом, – надо забраться выше.

С его помощью я переместилась на другую ветку, где Кай прилип спиной к стволу, подтянул меня к себе и крепко обхватил двумя руками, чтобы не свалилась вниз. В порыве волнения я вцепилась в его бедра, вжалась затылком в плечо. Мы затаили дыхание и, казалось, практически растворились среди листвы, неподвижные, как каменные истуканы.

Через некоторое время внизу показалась фигура. Сначала я подумала, что это человек – очень уж походили очертания. Черные, как смоль, волосы беглеца были длинными, до пояса, и собранными в перевитый бечевкой хвост. Но внимание привлекла странная одежда, словно сплетенная из тонких и гибких прутьев и образующая каркас вокруг широких плеч и крупного торса. Следом взгляд зацепился за желтую кожу на обнаженных руках с сильными мускулами. Протурбиец! На бедрах висели лохмотья грязно-рыжих меховых штанов, что-то вроде унт из того же меха было повязано на ступнях. Я подумала, что в жару носить такую обувь наверняка некомфортно, но потом вспомнила про холодные ночи и даже позавидовала, что сама не имею таких теплых сапожек.

Незнакомец бежал так быстро, что споткнулся и упал на четвереньки. Я плотно сжала губы, чтобы не запищать от ужаса, когда он повернул голову и уставился прямо на мою куртку в траве. Несколько секунд стоял в такой позе, видимо, соображая, что к чему. Затем обернулся через плечо. Взгляд скользнул по дереву выше, еще выше, пока светло-золотистые глаза с вертикальными зрачками не уставились прямо на меня.

Кажется, я прокусила губу. Не только оттого, что нас обнаружили. Лицо протурбийца оказалось обезображено. Вся левую сторону покрывали огромные волдыри, наполненные мутноватой жидкостью. Приглядевшись, я заметила подобные и на его плечах...

Незнакомец открыл рот, словно силился что-то выкрикнуть. Хотел просить о помощи? Или собирался выдать нас преследователям, чтобы

отвлечь от себя? Казалось, я сама вот-вот закричу, стоит ему издать хоть один звук. Но протурбиец вдруг дернулся, посмотрел назад. Другая половина его лица, не тронутая пузырями, перекосилась. Он перевернулся на спину, пополз, отталкиваясь руками и пятками от земли. На нас уже не смотрел, только туда, откуда на него кто-то надвигался.

Я скосила глаза, с замирающим сердцем приготовилась увидеть преследователей, но все равно вздрогнула, когда черная масса заструилась между деревьями. Те самые безликие тени, которых уже доводилось встретить ранее! Прежними ломаными движениями, абсолютно беззвучно, они стекались вокруг ползущего протурбийца, окружали его, напоминали собой темные воды, захлестнувшие маленький остров.

Беглец широко открыл рот и закричал. Как я уже слышала ранее – пронзительно, до истерики резко переходя на визг. Он вертел головой, искал выход из ловушки, но напрасно – кольцо смыкалось все теснее. Лоснящиеся черные спины закрыли протурбийца от меня, сверху навалились новые ряды. Масса постоянно двигалась, напоминая кипящий муравейник. Крики затихли. Дальше все происходило в полнейшей тишине. Но в моем сознании так и отпечатался последний момент, когда вертикальный зрачок незнакомца расширился от ужаса, встретившись со мной взглядом.

Сердце оборвалось. На наших глазах только что произошло убийство. Но что мы могли сделать? Разве что молиться, чтобы нас миновала та же участь, потому что моя куртка по-прежнему лежала в нескольких метрах от кошмарных фигур. А вдруг кто-то из них отвлечется от жертвы и заметит? Если уж перепуганному до паники беглецу хватило ума сообразить посмотреть на дерево, то загадочные фигуры вполне могли сделать так же.

Я поняла, что дрожу и только руки Кая не дают свалиться вниз.

Внезапно черные тени расступились. Двое из них схватили бездыханное тело протурбийца за ноги и потащили прочь. Руки бедняги волочились по земле, на обезображенном лице навсегда отпечатался ужас. Странно, но нигде не появилось ран или крови. Тем не менее незнакомец был, несомненно, мертв. Его глаза уставились в небо, голова подпрыгивала на кочках. Остальные бесполые существа выстроились вереницей и последовали стройной процессией за своей добычей.

Еще долго после того, как они ушли, я не решалась пошевелиться. И как теперь заставить себя выйти из укрытия? Как вообще спокойно спать под открытым небом после увиденного? Мне отчаянно хотелось забиться, как зверю, в нору. Да хотя бы вернуться в то обезьянье убежище. Потому что все надежды на постороннюю помощь рухнули. Да и любые мало-

мальски радужные мысли тоже исчезли. Не только из-за того, что единственный встреченный нами абориген быстро распрощался с жизнью на наших глазах.

Потому что я убедилась в двух вещах, о которых старалась прежде не думать.

Пузырчатая болезнь существует.

Черные бесполое существа убивают тех, кого встретят на пути.

* * *

– Похоже, они не вернутся. Можно слезать, – тронул за плечо Кай.

Я вздрогнула от неожиданности. Кивнула. Спускаться вниз было легче, чем забираться на ветки. Я подобрала куртку, отряхнула и... замерла, сжимая ее в руках. Взгляд сам собой притягивался к тому месту, где совсем недавно лежал протурбиец. Теперь не осталось ни следа, разве что трава немного примялась. Как такое возможно? Сколько еще жертв полегло в этих лесах? Кто знает, может, я стою сейчас как раз на таком участке, где тоже кого-то лишили жизни? Сколько тут безымянных могил? Не хотелось бы оказаться в такой же...

– Дай мне нож. – Я протянула руку.

Кай приподнял бровь.

– Дай. Пожалуйста.

Он вынул оружие и вложил в мою ладонь. Я подошла к дереву и задумалась.

– Я не знаю его имени.

Похоже, Кай догадался, что собираюсь сделать.

– Нужен вот такой значок. – Он подошел и пальцем начертил на коре загогулину. – Она означает «уважаемый господин». Относится к тем, кто носит три слоя одежды и более. Сойдет, если хочешь оказать кому-то честь.

Я воткнула острие, нервно перехватила рукоятку. Никак не решалась надавить, чтобы оставить первую полосу.

– Как ты думаешь, зачем они его поймали? Чтобы съесть?

Кай помолчал.

– У них нет рта, чтобы есть. Но раз существа забрали тело, значит, их цель не просто убийство. Он им для чего-то нужен.

– Может, и хорошо, что забрали. Ты видел его лицо?

Наши взгляды встретились. Кай неохотно кивнул.

– Мы на пороховой бочке, да? – вздохнула я. – Мы же ели животных и

пили воду здесь. Первое разумное существо, которое встретили, оказалось заражено пузырьчатой болезнью, а она передается и по воздуху, и по воде.

Вместо ответа он накрыл своей рукой мою, надавил, глубоко погружая лезвие в древесную кору. Я не сопротивлялась, просто наблюдала, как черта за чертой появляется рисунок. Уверенно, четко, без исправлений и неровных штрихов. И снова, как в прошлый раз, мне оставалось лишь гадать, откуда берутся все знания Кая.

– Сколько слоев одежд ты носил? – вырвалось у меня против воли.

– Что? – Рука у Кая дрогнула. Кусочек коры откололся и упал к нашим ногам.

– Кем ты считался, когда жил на протурбийской планете? Ты умеешь читать и писать. Тебя обучали их грамоте. Я думаю, ты был кем-то вроде вот этого? – Я указала на знак. – Уважаемым господином?

Он отдернул руку и спрятал нож. Взял мою куртку и сам повязал мне вокруг талии. Надежно затянул узел. Потрогал лоб и майку.

– Пойдем, пока солнце высоко. Нам нужно вернуться к воде. Твой жар немного спал, но одежда почти высохла. Эффект будет недолгим.

Не дожидаясь ответа, Кай повернулся, схватил меня за руки и закинул на себя, потом ловко подсадил под бедра и встряхнул, устраивая поудобнее.

– Я думаю, ты попал туда по обмену, – пробормотала я, прижимаясь к его спине. – К протурбийцам. Ты родился в колонии, но переехал жить туда в качестве какой-то дипломатической миссии.

Кай продолжал идти, изредка вскидывая голову, чтобы сориентироваться по солнцу.

– Наверно, – продолжала рассуждать я, – ты ходил в местную школу? Там было интересно? Как тебе удалось выучить такой трудный язык? Почему уехал оттуда? Почему связался с тем гадким стариком и с Бизоном? Поссорился с кем-то, как я с папой?

При мысли о собственных родителях тоска сдавила горло. Кай споткнулся и выругался, но смог удержать равновесие и не уронить меня. Наш путь между деревьев все не кончался. Я ощутила, как жар снова начинает усиливаться. Кровь пульсировала в висках. Все стало казаться глупым: наши попытки спастись, партизанское молчание Кая.

– Но все-таки ты уехал и стал возить протурбийцам алкоголь, – выпалила я, – они научили тебя языку, разным знаниям, приняли за своего, а ты подался в контрабандисты и начал их травить. Зачем?!

Неожиданно он выпрямился, стряхнув меня на траву. Провел ладонями по лицу, отбросил руки вдоль тела, смерил яростным взглядом. Я заметила то, чего не могла видеть раньше: крупные капли пота на его лбу,

пересохшие и потрескавшиеся губы. Конечно, я не весила столько, чтобы здоровый мужчина не мог меня унести, особенно после нескольких дней голодовки. Но и Кая эта вынужденная диета ослабила. С утра мы перекусили разве что орехами, половину из которых я в душевном порыве опрометчиво оставила, а потом он тащил меня на себе по жаре, и привал мы не делали, стараясь как можно дальше убраться от черных существ.

Стало стыдно за свою наивность и болтливость. Я подошла и ткнула его пальцем в грудь.

– Дальше пойду сама.

– Проклятье, Дана... – Кай недоверчиво поморщился, но я уже гордо развернулась на пятках.

Правда, с трудом удержалась на ногах – так все поплыло перед глазами. Но я понимала: Кай будет продолжать разыгрывать из себя героя, упрямо тащить меня и ни за что не признается, что сам выбился из сил. Поэтому решила притвориться строптивой девицей, чтобы не задеть его гордость.

– Ты сейчас упадешь, – мрачно предрек он мне в спину.

– Нет, – я вздернула подбородок и успела схватиться за дерево, – я вполне способна идти без твоей помощи.

– Героиня хренова... – В два счета Кай догнал меня, подхватил на руки.

На миг я потеряла ориентацию в пространстве, а когда открыла глаза – его лицо оказалось совсем рядом, вся злость из взгляда уже испарилась, остались лишь снисходительная насмешка и нежность.

– Ты думаешь, что можешь меня перехитрить? – произнес Кай, крепче прижимая меня к груди. – Что ты опять доказываешь?

Я закусила губу и отвела взгляд.

– Доказываю, что мы оба хреновы герои.

Он фыркнул.

– Я не герой. Я контрабандист, который травит протурбийцев. Забыла?

Я спрятала лицо у Кая на плече.

– Я еще хуже. Мне подумалось, что черные существа могли добраться до Лизы. И я смирилась с этой мыслью. Понимаешь?

Ну вот. Высказала то, в чем боялась признаться самой себе. Я не хочу делить его больше ни с кем.

Кай снова споткнулся. Я испуганно вскинула глаза, но поняла, что на этот раз он просто не смотрел себе под ноги. Только на меня. Я попалась – и уже не могла отвести взгляд. Что-то подобное происходило между нами ночью. То, что подтолкнуло нас заняться сексом вопреки всем доводам

разума. Я поняла, что среди кошмаров незнакомой планеты, голода, холода, усталости и физической боли именно это и дает нам силы держаться. Потребность в ком-то близком? Моральная поддержка? Любовь?!

Что бы это ни было, оно напоминало крохотный огонек свечи, едва затеплившийся между нами. И мы с Каем оба, похоже, отчаянно боялись его задуть.

– Мы найдем ее, – прошептал он, – и потом...

Я быстро приложила руку к его губам.

– Спасибо.

Лучше не произносить этого вслух. Загаданные желания имеют свойство не сбываться.

Кай сделал еще несколько шагов и вздрогнул. Что-то в его лице изменилось. Он наклонился, медленно поставил меня на землю.

– Что случилось? – Я опустила взгляд вниз и ахнула: по обе стороны от его лодыжки из земли торчали железные скобы. Обе они сходились вместе, впиваясь штырями в ногу Кая.

Капкан?!

– Это из-за меня... – я рухнула на колени, схватилась руками за скобы, пытаюсь их разжать, – ты не смотрел под ноги... из-за меня... прости... прости... нельзя было отвлекаться...

Я чуть не заплакала, когда увидела, как ткань штанов начинает пропитываться кровью. Ну как можно было так витать в облаках! Зачем только начала мечтать о любви? Здесь нет подходящего времени для нее! Только боль! Только опасность!

– Белоснежка... отойди... – странным, приглушенным голосом ответил Кай.

– Подожди, я помогу!

К счастью, капкан оказался хорошо смазанным и не ржавым, потому что даже мои ослабевшие руки смогли развести скобы в стороны и помочь Каю освободиться. Он сделал шаг, упал на колени, по всему телу пробежала судорога. Расширившимися от ужаса глазами я следила за ним.

– Отойди... подальше... только осторожно... – Кай повернул голову, попытался улыбнуться, но получился звериный оскал.

Я уже начала догадываться, что обычное ранение не вызвало бы такого эффекта.

– Что с тобой? – прошептала, ощущая, как ухает в груди набат.

– Думал... что никогда уже не почувствую этого... – он отрывисто усмехнулся, пальцы скрючились, загребая траву вместе с землей, спина выгнулась, – ты только не пугайся сильно...

Поздно. Так я не боялась, даже когда Бизон сбросил меня в поток.

– Пожалуйста, – я обхватила голову Кая руками. Как раз чтобы увидеть, как закатываются его глаза, – скажи, что происходит?

– Капкан... смазан... – из-под его побелевших губ вырвался мучительный стон, – парализующим ядом... не думал, что когда-нибудь... снова испытаю это...

Я перевела взгляд на торчащие окровавленные железки.

– Откуда ты знаешь? Ты уверен?

Тело Кая начало сотрясаться в мелких конвульсиях. Зубы стали клцать.

– Д-да... – прохрипел он, – так протурбийцы... наказывали... рабов...

Рабов? Он был рабом?! Из всех версий и догадок эта казалась самой невероятной. Интересно, Кай признался бы мне, если бы не роковая случайность? Я и подумать не могла, что протурбийцы могут использовать людей в таком качестве. А как же мирные соглашения между нашими цивилизациями? Как же многочисленные дипломатические миссии по освоению протурбийских планет?

Разве что нелегально. Такое могли проворачивать нелегально, особенно в отдаленных уголках космоса, до которых не всегда доставало строгое око закона. Так же, как оно не всегда охватывало торговлю алкоголем. Теперь понятно, почему Кая не мучила совесть за контрабанду. Глупый, почему сразу все не рассказал!

Стон Кая перерос в крик. Мышцы резко обозначились под кожей. Когда я коснулась его, то ощутила в них стальное напряжение. Болевой спазм. Кая словно разрывало изнутри, он то выгибался, то скручивался в клубок, подтягивая колени к лицу. Крики рвались из горла, хоть было заметно, что он пытается их сдержать.

Я не могла наблюдать за его мучениями и просто сидеть в сторонке. Прижала к груди его голову с влажными от невольно проступивших слез щеками, склонилась к уху.

– Ш-ш-ш... я с тобой, – прошептала, всеми силами стараясь удержать дергающееся тело хоть в каком-то подобии покоя, – все будет хорошо, Кай.

Твердила и сама себе не верила. А вдруг он сейчас перестанет дышать у меня на руках?! Что я тогда буду делать?

– Только не умирай! – взмолилась я, кусая губы. – Только не бросай меня одну!

– Уходи... – через силу прохрипел Кай. – Услышат...

– К-кто услышит?

Я оглядела безмолвные деревья и кусты. Вспомнила о черных

существах. Конечно, крики далеко разнеслись по лесу. Неужели нас обнаружат? Стало нехорошо. Тревожно.

– Уходи! – Кай оттолкнул меня, уткнулся лицом в землю, стискивая в кулаках пучки вырванной травы.

Показалось, что вдалеке между деревьями мелькнуло что-то темное. Только ли показалось? Чем больше я напрягала зрение, тем сильнее уверялась в обратном.

– Не уйду! Здесь никого нет, – соврала дрожащим голосом.

Потянулась, нащупывая на поясе Кая нож. Схватила обеими руками и выставила перед собой. Ну не сдаваться же тепленькой и беспомощной, в самом-то деле!

Черные фигуры приближались. Я уже могла разглядеть их глаза: мертвые, пустые, неподвижные. Они смотрели на меня в упор. Я прижалась к Каю, стискивая оружие. Он весь сотрясался мелкой дрожью, но уже не кричал, лишь постанывал. Нас окружили. Куда бы я ни поворачивалась, всюду натыкалась на плотную стену и жуткие взгляды.

Страшно было даже пошевелиться, не то что слово сказать. Каждую секунду я ожидала нападения и боялась спровоцировать его неосторожными действиями. Существа, как нарочно, медлили. Почему не торопились атаковать? С протурбийцем все произошло не так. Черные тени обволокли его, едва настигли. Теперь же они словно решили понаблюдать.

Внезапно из головы одного существа начал расти бугорок. Он удлинялся, пока не превратился в длинный тонкий щуп, увенчанный шариком. Я с ужасом уставилась на эту штуку. Может, именно такой убили протурбийца на наших глазах? С высоты мы видели только спины. Кто знает, что там происходило на самом деле?

Шарик, покачиваясь в воздухе, потянулся ко мне.

В глазах потемнело. Они просто не оставили мне выбора. Загнали в угол. На пороге гибели, с умирающим Каем за спиной я поняла, что терять уже нечего. С диким яростным криком размахнулась, полоснула ножом. Лезвие рассекло воздух, прошло по касательной мимо щупа. Шарик, как спелая груша с ветки, шлепнулся в траву.

На миг воцарилась тишина. Существа уставились на меня, а я на них. Только раненный мной бесполой мутант вдруг начал извиваться, втягивая обратно кусок щупа.

В следующую секунду с десятков шариков одновременно выдвинулись и протянулись ко мне. Я взвыла, размахивая ножом направо и налево, и, кажется, умудрилась срубить еще парочку щупов. Но поздно. Незащищенного плеча уже коснулось что-то тугое и гладкое, как резиновый

мячик. Взвизгнув, я отшатнулась, посмотрела на Кая – над ним склонилась еще одна фигура, шарик скользнул по обнаженной спине...

– Нет! Нет! – Я принялась отбиваться так отчаянно, как могла.

То ли от температуры, то ли от испуга закружилась голова, ноги подкосились. Я упала рядом с Каем, спрятала лицо в ладонях, приготовилась к ужасной смерти.

Но больше ничего не происходило. Когда я осторожно убрала руки, бесполох существ и след простыл. Только в траве остались сморщенные, как чернослив, крохотные черные шарики, которые удалось срубить ножом. Я вскочила, брезгливо распинала их подальше. Огляделась. Неужели нас оставили в покое?!

Похоже, что так.

Но почему? Что означали эти настойчивые касания? Может, именно черные твари являются разносчиками пузырьчатой болезни? Может, они сейчас нас заразили? Может, они так свои личинки в людей откладывают, а когда те проявятся в виде пузырей – забирают готовые ходячие инкубаторы обратно?! Какие только версии не лезли в голову, одна хуже другой.

– Гребаная планета! – не выдержала я.

В порыве слепой ярости бросилась к капкану, который и стал причиной новой беды. Откуда только силы взялись? Помогая себе ножом, я раскидала землю, поднатужилась, вырвала железку вместе с цепью, закопанной поглубже. Отшвырнула конструкцию так далеко, как могла. Кто бы ни установил капкан здесь, попадись он мне в ту секунду – глотку бы разорвала.

– Гребаные твари!

Потом упала на землю, глотая слезы. Подползла к Каю, вытянулась рядом с ним, разглядывая перепачканное грязью лицо. Его черты разгладились. Дыхание было ровным.

Кай спал.

* * *

Я лежала и смотрела на него так долго, что сама не заметила, как задремала. Когда очнулась – тени от деревьев стали длиннее, солнце начало клониться к закату. В горле нещадно першило. Зато совершенно не хотелось есть. Из-за болезни пропал аппетит.

Кай оставался в прежней позе, на животе, прижимаясь щекой к траве, но его глаза приоткрылись. Я выдохнула, не скрывая облегчения.

Обошлось.

– Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

Его мутный взгляд встретился с моим, уголок губ чуть дрогнул в полуулыбке. У меня от этого даже в груди защемило.

– Привет, Белоснежка, – голос у Кая вышел хриплым, сорванным от криков. – Ты еще здесь?

– Конечно, здесь, – я погладила его по колючей щеке, – говорила же, что никуда не уйду.

– Глупая... – Кай нащупал мое запястье, снял с себя руку, стиснул мои пальцы в своих, – кто-то же мог прийти...

– Приходили. Я отбилась.

В двух словах я пересказала случившееся. Теперь его глаза распахнулись от удивления.

– А ты ожидал чего-то другого? – обиделась я. – Я бы не смогла уйти, зная, что тебе плохо. Ты бы поступил так же.

Кай слабо усмехнулся, подтянул мою руку, коснулся пальцев сухими губами.

– Девочка, которая жалеет хомяков.

– Не хомяков, – возразила я, не в силах оторвать взгляда от его лица, – а тех, кто мне дорог. Мне не важно, кем ты был раньше, Кай. Рабом, контрабандистом или просто засранцем. Ты нужен мне. Не только как способ выживания. Как близкий человек. После того, что мы пережили вместе, иначе просто быть не может.

Он прикрыл глаза, задумался. Затем выдохнул:

– Хорошо.

Я приподнялась.

– Ты можешь встать? Что это был за яд? Как твоя нога?

Кай медленно принял сидячее положение. Задрал штанину, продемонстрировав мне раненое место. Кровь успела подсохнуть коркой.

– Вроде бы кость не раздробило. А яд... им надсмотрщики смазывали пики для устрашения непокорных.

– Значит, капкан поставил протурбиец?

– Похоже на то.

Меня осенило. Поднявшись на ноги, я принялась обшаривать стволы деревьев. Как сразу не подумала? Кай, сидя на траве, наблюдал за мной.

Знак в виде острозубых челюстей нашелся через три дерева от того места, где мы находились. Я потрогала старые засохшие царапины на коре.

– Предупреждение есть. По виду такое же старое, как и предыдущие символы.

– И что с того? – Кай пожал плечами.

– А то, – я подошла к нему, – что капкан был смазан. Поэтому я сумела тебя освободить. Понимаешь? Кто-то ухаживает за ловушками. Иначе железки бы давно проржавели и мне не хватило бы сил их разжать.

– И собака в колодце была свежая, – нахмурился он.

– А знак на камнях – старый, – поддакнула я. – Значит, тот, кто вырезал эти знаки, еще жив! Он зачем-то ставит ловушки, но о них же и предупреждает! Надо только быть внимательными.

– Или это его затрепали черные существа, – обломал мои надежды на корню Кай. – Не нравится мне все это, – он посмотрел на небо, – а еще не нравится, что мы опять потеряли уйму времени. Похоже, скоро стемнеет. Придется искать ночлег.

Меня тоже это беспокоило. До реки мы так и не дошли, да и вообще передвигались теперь медленно. Кай сумел встать, но так стискивал зубы и припадал на пострадавшую конечность, что нести меня в любом случае бы не смог, а я ползла бледной тенью, собрав последние силы. Кроме того, приходилось все время смотреть под ноги, чтобы не попасть в очередную хитро спрятанную ловушку. Держась за руки, мы наверняка напоминали со стороны два полутрупа.

Стало холодать. Без огня, теплой норы или чего-то подобного ночь таила для нас новые опасности.

– Залезем на дерево, – наконец остановился Кай.

– Упадём с ветки во сне, – возразила я.

– Привяжем себя чем-нибудь. Надо только поискать...

В это время между деревьев блеснул огонек. Я схватила Кая за руку, не веря своим глазам.

– Смотри!

Он послушно повернул голову, пригляделся. Разочарованно вздохнул.

– Мы туда не пойдем, Белоснежка.

– Но почему?! Там огонь!

– Мы с тобой сейчас слишком легкая добыча.

– Но мы можем притаиться и понаблюдать! Если что-то не понравится, тихонько уйдем. – Я уставилась на Кая умоляющим взглядом. – Пойдем, а? После сегодняшней стычки с бесполоыми тварями мне уже ничего не страшно.

Он поморщился. Видимо, не хотел тратить силы на спор.

– Ну ладно.

Кай двинулся первым. Осторожно пробрался между деревьев, застыл. Стоял так долго, что меня начало глотать любопытство.

– Ну что там? – позвала я.

Он не ответил. Тогда я сама подошла и вытянула шею. Тут же тихонько ахнула. Неудивительно, что Кай дар речи потерял. Увиденное казалось просто миражом.

На поляне среди леса стоял дом из грубо отесанных бревен. Крышу устилала солома. В окнах теплился уютный желтый свет. Вот что за проблеск я заметила среди деревьев. Он так и манил, обещая комфорт и уют.

Сбоку к строению прилепился сарайчик. Оттуда доносилось бление. Позади, на фоне стремительно темнеющего неба, на вышке вращались лопасти ветряной мельницы.

– Да чтоб меня, – пробормотал Кай.

– Мы должны туда пойти, – выдохнула я и стиснула его руку.

– Мы можем об этом очень сильно пожалеть. – Он покачал головой.

Конечно, я понимала его осторожность. Но при мысли о ночлеге не под открытым небом разум напрочь отключался и отказывался рассматривать другие варианты. Все мое существо любой ценой стремилось туда, под крышу, в потерянный и такой желанный уют человеческого жилья.

– Кай, посмотри на меня, – я заставила его повернуться, – ты думаешь, у меня осталось еще о чем жалеть? Я уже забыла, как выглядит кровать! Я боюсь смотреть на себя в зеркало! Нас сегодня чуть не убили черные монстры! И ты считаешь, что я буду жалеть, что отказалась от единственного пока шанса заночевать в тепле? Должно же нам повезти хоть когда-то!

Я произнесла речь с таким жаром, что почти не сомневалась: Кай не откажет. Но он открыл рот и, судя по лицу, все-таки собрался возразить.

– Посмотри на себя, – перебила я, – ты сам едва держишься на ногах. Сколько нам еще идти до хвостовой части? Мы должны воспользоваться удачей.

Кай перевел тяжелый взгляд на жилище.

– Я не верю в удачу. – Он помолчал и добавил: – Но если ты хочешь кровать, она у тебя будет.

Вне себя от счастья, я едва не захлопала в ладоши. Кай жестом оборвал мои восторги.

– Держись тихо. И если что, готовься к любому исходу.

Он выхватил нож, дал мне знак идти следом. Пересекая открытое пространство между деревьями и домом, я постоянно оглядывалась по сторонам в ожидании подвоха. Но ни подозрительного шевеления в кустах,

ни посторонних звуков не заметила. Только в сарайчике продолжал кто-то бляеть и звякала пустая жестянка.

Кай привалился спиной к стене, заглянул в окно. Постоял так некоторое время. С неистово колотившимся сердцем я ждала вердикта и мысленно просила судьбу, чтобы та хоть ненадолго улыбнулась нам. Взгляд сам собой поднялся в небо, нашел красную точку среди других, едва проклюнувшихся. Я знала, что звезды не слышат молитв, но прошептала одну, совсем коротенькую. Пусть им все равно, но мне так было легче.

– Там старик, – едва слышно сказал Кай.

– Один?

Он кивнул.

– Это ведь безопасно? – Я с надеждой стиснула пальцы обеих рук. – Мы можем войти?

Но Кай уже повернулся к двери и постучал. Мы выждали некоторое время, но никто не торопился открывать и впускать нас. Кай снова ударил кулаком по дереву. Ничего.

– Может, хозяин умер? – предположила я, стгорая от желания ворваться внутрь и закончить это ожидание.

– Он сидит за столом.

– Ну и что? Сидя тоже умирают. От сердечного приступа, например, – возразила я. – Или он глухой. Поэтому не открывает.

Прежде чем Кай успел придумать еще какой-то аргумент, я сделала шаг и сама толкнула дверь. Изнутри пахло теплом, ароматом еды, у меня голова закружилась от удовольствия. Схватив Кая за руку, я ввалилась в помещение, залитое желтоватым подрагивающим светом от толстых, неровно вылепленных свечей. Сквозняк, ворвавшийся следом за нами, едва не погасил огоньки, поэтому пришлось срочно захлопнуть дверь.

Старик действительно сидел за столом. Его тело покрывало цветастое одеяние с длинными рукавами и полами, напоминающими халат. Из-под низа выглядывал еще подол. Ткань показалась мне потрепанной временем, но когда-то наверняка смотрелась богато. Седые волосы с редкими черными прядками в них стояли торчком. На столе перед хозяином дома находилась тарелка с горкой чего-то белого и деревянная кружка. Похоже, мы застали его за ужином.

В очаге, устроенном под дымоходом в дальнем конце комнаты, потрескивал жаркий огонь. Вдоль стен на многочисленных столах или верстаках – я не сумела с ходу разобрать – вперемешку валялись разные вещи, бытовые предметы, меховые шкурки, посуда, какие-то свертки. Деревянный пол устилала жесткая соломенная подстилка с налипшими

кое-где комочками земли. В доме давно не делали уборку, здесь царил скорее хаос, чем порядок. Но тем не менее в тот момент для меня это были райские кущи. Я заметила еще одну дверь, ведущую в соседние помещения, и уже представила там мягкую постель и такой же горячий очаг.

От одного взгляда на еду у меня свело живот. Старик наконец почувствовал наше присутствие, повернул голову. Продолговатые, ничуть не помутневшие от прожитых лет зрачки уставились на меня. На морщинистом лице клочьями росла седая борода, придавая древнему протурбийцу еще более жуткий вид.

– 3-здравствуйте, – выпалила я.

Он молчал, продолжая гипнотизировать меня взглядом. Неожиданно заговорил Кай. Он произнес несколько слов, я запоздало сообразила, что это приветствие на протурбийском. В университете учила простейшие фразы, просто от волнения не подумала их применить.

Хозяин дома и ему не ответил. Уперся ладонями в стол, с видимым трудом поднялся. Шаркая ногами, обутыми в подобие тапок, направился к одному из верстаков. Принялся с шумом разгребать утварь. Мы с Каем переглянулись. Я все больше убеждалась, что старый протурбиец глухой или не в себе.

Вдруг он повернулся, обеими руками прижимая к себе на уровне бедра... пневмоавтомат. Я не особенно хорошо разбиралась в оружии, но инстинкт подсказал: это не подделка и не игрушка. Почувствовала, как Кай подтянул меня ближе, загоразивая собой. Старик бросил несколько слов на протурбийском.

– Ч-что он хочет? – Я сглотнула.

– Он говорит, что ты больна. Пузырчатой болезнью, – вполголоса пояснил Кай, – и что тебя надо убить.

У меня рот так и открылся.

– Скажи ему, что это не так! Скажи ему, что я болею, но простудой! Да, у меня температура, мне плохо... но... – Я говорила это и сама холодела от мысли, что могу ошибиться.

Что, если черные существа все-таки заразили нас? Или мы сами подхватили вирус из окружающей среды? Точнее, я подхватила, подозрение ведь пало только на меня.

Но Кай и без подсказок уже начал спорить с протурбийцем. Прислушиваясь к чужой речи, я с замирающим сердцем ждала решения своей участи. Старик явно возмущался, тряс головой, тыкал в меня дулом автомата. Кай говорил уверенно, выставив одну руку вперед в

примирительном жесте, но я чувствовала, с какой силой он стискивает другой рукой мои пальцы, и понимала, что внутри у него не так спокойно, как кажется.

Наконец протурбиец фыркнул и опустил оружие. Прошаркал к столу, положил автомат на край, направился к очагу. Повернувшись к нам спиной, наклонился над огнем, возле которого на камнях притулилась кастрюлька. Принялся ворошить угли.

– Мы можем отобрать автомат, – наклонилась и шепнула я Каю.

Он оценил предложенный мной вариант, мотнул головой:

– Нет. Подождем.

Протурбиец выпрямился, в его руках я заметила пылающую головешку. Прожигая взглядом, он направился ко мне. Тут же захотелось сжаться в комок и спрятаться за широкую спину Кая, но тот, как назло, выдвинул меня перед собой и еще придержал за плечи.

– Доверься мне, Белоснежка, – скороговоркой пробормотал на ухо, – если не получится, я просто его убью.

Я уставилась на приближающегося жуткого старика. Убить его? Я не хотела, чтобы Кай его убивал, пачкал свои руки в крови. Предлагая отобрать автомат, всего лишь собиралась дать деру. А оружие бы пригодилось нам в скитаниях. Но Кай, похоже, был настроен решительно. Я догадалась, что им движет. Он пообещал мне приют на ночь и приготовился добыть его любой ценой. Только от меня зависело, какова она будет.

Подняв факел повыше, протурбиец схватил меня за подбородок. Я застыла, как кролик перед удавом. Стоило взглянуть в эти зрачки с близкого расстояния, как оторваться стало невозможно. Две темные полосы на блекло-янтарном фоне радужки притягивали к себе, как два магнита. Казалось, собственное тело уже не принадлежит мне, а руки и ноги сейчас начнут двигаться по воле нового господина. Только дыхание Кая над ухом отвлекало и не давало окончательно свихнуться от ужаса.

Протурбиец надавил на мой подбородок, вынудил открыть рот. Поднес огонь так близко, что чуть не опалил лицо. Заглянул в горло. Прищурился. Миг – и ткнул туда пальцем. Я поперхнулась и выпучила глаза, когда заскорузлая кожа скользнула по слизистой оболочке. С отвращением сплюнула кисловатый привкус, стараясь не думать, что теперь могу умереть не от простуды или пузырчатой болезни, а от банальной дизентерии. И вообще, это было мерзко.

Старик поднес палец к носу, внимательно рассмотрел «мазок», понюхал. Вытер руку об одежду, пощупал мой лоб, изучил кожу на щеках и

шее, оттянул воротник куртки, заглянул за пазуху. Зачем-то проделал те же манипуляции с Каем, который покорно вытерпел все. Лицо старика прояснилось. Похоже, осмотр его удовлетворил. Отвернувшись и бормоча что-то под нос, протурбиец пошаркал к очагу, бросил головешку обратно, поставил кастрюльку на огонь. Рядом повесил на крюк закопченный котелок. К нам он, казалось, совершенно потерял интерес.

Я посмотрела на Кая.

– И что дальше?

– Он убедился, что ты не больна. Мы остаемся.

Кай приблизился к столу, положил руку на автомат. Старик обернулся через плечо, смерил его взглядом и снова вернулся к своим кастрюлькам. Я только головой покачала. Похоже, протурбиец точно свихнулся. Только что считал нас опасными гостями и вдруг доверчиво позволил хозяйничать в доме.

Правда, Кай старался не злоупотреблять гостеприимством. Он переложил оружие обратно в кучу хлама на верстаке, подозвал меня жестом. Я немного осмелела, подошла, но старалась держать протурбийца в поле зрения.

– Здесь есть карты, – тронул Кай за плечо.

Я посмотрела туда, куда он показал. Да, прямоугольник голографической карты, в данный момент выключенной, валялся рядом с засаленной тряпкой и пустым стеклянным графином.

– И не только, – продолжил Кай, – тут, если порыться, можно найти много полезного, что стоит взять в дорогу.

– Думаешь, мы можем попросить эти вещи? – Я покосилась на старика.

– Или просто взять, – сжал Кай губы в суровую линию, – когда отдохнем и наберемся сил.

– Нет, – вздохнула я, – так нечестно. Если он не станет нас обижать, то и мы его не должны.

– Посмотри на него, Белоснежка. Завтра он забудет, что мы вообще тут были.

– И все равно, – я ответила ему упрямым взглядом, – если он доверяет нам оружие, мы не можем воспользоваться его слабостью. Мы попросим по-хорошему. Если не отдаст – значит, брать не будем.

На скулах Кая заиграли желваки. Наверняка он мысленно снова обзывал меня дурочкой и вот-вот готов был высказать это вслух. Наш спор прервал протурбиец, который грохнул на стол две плоскости с дымящейся едой. Грубовато ткнув меня в плечо, он протянул кружку, на дне которой

плескалось что-то темное, прокаркал несколько слов.

– Что он хочет? – снова испугалась я.

– Это отвар из листьев, которые помогают при ангине, – сообщил Кай.

Я с недоверием приняла напиток.

– И... мне стоит это выпить? – понюхала и поморщилась. – Ты уверен, что это можно пить?

– Если отвар действительно тот, о котором я думаю, то он тебе просто необходим, Белоснежка, – с сомнением ответил Кай. – Но если старик что-то перепутал...

Решительным жестом он показал, что мы отказываемся от напитка. Косматые брови протурбийца нахмурились. Старик принялся что-то доказывать и возмущаться. Кай бросал резкие короткие ответы. Протурбиец стукнул по столу кулаком, отчего тарелки подпрыгнули и кусочки еды выпали на столешницу. Кай кивнул в сторону автомата, и я поняла: он намекает, что стоит ближе и может легко дотянуться до оружия.

В который раз уже мне приходилось совершать опрометчивый поступок, чтобы закончить чужой спор? Я схватила кружку и проглотила отвар, скривившись, когда горячая жидкость обожгла больное горло. Кай умолк на полуслове и уставился на меня круглыми глазами. Протурбиец довольно захихикал, потирая желтые ладони.

– Что? – проворчала я и подвинула к себе тарелку. – Давай уже поедим, пока дают.

Присела на один из колченогих табуретов, стоявших вокруг стола. К еде прилагалась двузубая вилка. Поначалу я никак не могла приловчиться, чтобы подцеплять ей кусочки пищи, но потом все-таки справилась и закинула теплый слипшийся комок в рот. Особого вкуса или аромата не ощутила, хотя в целом угощение было вполне съедобным. А главное, его было много – наедайся до отвала.

С неодобрительным видом Кай снял куртку и отцепил от пояса связку кольев, сложил вещи в сторонке, устроился рядом и взялся за свою миску.

– Сейчас бы соуса. – Я мечтательно прикрыла глаза.

– Протурбийцы ничего не едят с соусом, – буркнул он, все еще сердитый на меня, – и вообще они не стараются искусственно улучшить пищу. Вместо этого добавляют к гарниру либо мясо, либо зелень. Только ее здесь, видимо, нет. Придется есть так.

– Ладно, и без соуса сойдет, – пробубнила я с полным ртом. – Все лучше, чем крыса.

Но Кай на шутку не поддался и продолжать тему не стал. Принялсяковырять свою порцию. Протурбиец тем временем заинтересовался его

вещами. Потыкал пальцем в куртку, осмелел, понюхал ее. Тихонько ахнул при виде заточенных колец. Схватил их, как ребенок – желанную игрушку, сверкнул глазами, заговорил. Кай ответил что-то.

– Хочет забрать себе? – догадалась я.

– Говорит, что они как раз нужны ему, чтобы вырыть яму и утыкать днище, – он пожал плечами, – да пусть берет. Будет проще взять взамен что-то полезное.

Он покосился на меня, очевидно, намекая на мою просьбу не брать ничего без спроса.

– Зачем ему яма? – насторожилась я.

Кай спросил и затем перевел:

– Он бредит. Говорит, что борется против ашров – демонов, которые уносят проклятые души своей королеве.

– Что?! – Таких сказок я, пожалуй, не слыхивала с самого детства, когда увлекалась всякими легендами и мифами. – И что, ашры попадутся в яму и напорются на кольца?

Кай внимательно слушал ответы старика и, в отличие от меня, воспринимал их серьезно.

– Нет. Это помощь для тех, за кем гонятся ашры. Лучше броситься на острия, чем попасться в их власть, когда они настигают. Ашры будут очень злы, что не смогли сами растерзать добычу.

– Постой-ка... – я даже жевать перестала, – а ты спроси, эти, как их, ашры, они случайно не черного цвета? – Я отбросила вилку и принялась показывать старику жестами. – И у них рта нет? И носа? И двигаются они вот так? Вот это ашры?

Протурбиец ахнул и закивал с такой силой, что показалось – голова оторвется. Я повернулась к Каю.

– Ты понимаешь, кто хозяин всех ловушек?

– Да, – вздохнул он.

– Я-то думала, что он предупреждал об опасности, рисуя знаки. Но он предупреждал о другом, – я чувствовала, как у самой кровь стынет в жилах от догадок, – помнишь колодец? «Легкая смерть»? Я-то считала, что он спасает других! А он лишь предлагает способы самоубийства! Попей отравленной воды, чтобы тебя черные тени не настигли. Только непонятно, почему капкан не со смертельным ядом и что значит «запретная зона» в новом понимании.

– Яд не смертелен, если организм здоров, – задумчиво проговорил Кай, – но если организм ослаблен болезнью... сердце может просто не выдержать шока.

Это походило на правду. Судя по тому, какие мучения перенес он сам, другой человек на его месте: старик, ребенок, слабая женщина, к примеру, – мог бы просто погибнуть. Или... тот протурбиец, пораженный пузырьчатой болезнью. Вдруг он бы тоже не выжил?!

– Он предлагает убить себя тем, кто уже заразился вирусом... – прошептала я.

Внезапно старик посмотрел в угол и зашипел. Когда повернулся к нам, от прежнего добродушного выражения не осталось и следа.

– Что еще случилось?.. – простила я.

– А теперь к нему явился воображаемый друг, – сообщил Кай, тоже поглядывая в пустой угол, – и говорит, что нас надо убить, потому что ашры придут сюда за нами и тогда убьют всех.

– Опять убить?!

– Не волнуйся, автомат разряжен. Я проверил, когда его убирал.

Значит, Кай убедился, что оружие не опасно, но не стал разубеждать полоумного старика. Хитро. Вот только резкие перепады настроения безумца все равно пугали.

– Похоже, «запретная зона» – это просто страшилка, чтобы сюда никто не приходил, – приуныла я. Почему-то слегка кольнуло разочарование оттого, что доброжелатель, оставлявший предупреждения, на поверку оказался выжившим из ума затерянным в глуши одиночкой. – Скажи ему, что ашры уже встречали нас и не тронули! Скажи, что если бы хотели, они бы давно были тут!

Протурбиец отчаянно затряс головой.

– Он не верит, – подвел итог Кай. – Ашры не оставляют в живых никого. Такого не может быть.

– Но нас же почему-то оставили!

Кай вдруг прищурился. Я сразу поняла: что-то задумал. Так и получилось. Он продолжил беседу с протурбийцем, и тот заметно успокоился. Покачивая головой, сложил колья в кучу остального хлама, подошел, подсел к нам за стол.

– Что ты ему сказал? – удивилась я.

– Я сказал, что мы – друзья его вымышленного друга, просто тот сразу нас не признал.

– И он поверил?

Протурбиец подвинул свою тарелку с остатками еды и принялся жевать. Улыбнулся мне миролюбивой улыбкой.

– Как видишь, – вздохнул Кай.

Я покачала головой. Разум старика вряд ли отличался от разума

ребенка. Но вместе с тем это делало его опасным. Сколько путников он сгубил своими ловушками? Чутье подсказывало, что мы напоролись не на все западни. И сгубил-то из-за чего? От боязни черных существ? Хотя... поживи я тут столько лет в одиночестве, может, тоже бы свихнулась.

Кая, похоже, волновали иные мысли. Он потянулся, взял из груды барахла голографическую карту. Повертел в руках, провел кончиками пальцев по запыленной боковой панели с кнопками.

– Старая... тысячу лет таких не встречал.

– Ровесница твоего звездолета, – не удержалась я от черного юмора.

– Старше, – не поддержал шутку Кай, – космический флот землян уже давно использует более современное оборудование.

Он сказал это уверенным голосом, будто только и делал, что стоял на капитанском мостике какого-нибудь космического линкора наподобие тех, которые отправлялись покорять новые галактические просторы, а не бороздил звездное полотно на развалюхе, не выдержавшей гиперпрыжка. Но удивиться я не успела. Кай положил карту на стол между тарелками и нажал кнопку.

По экрану разлилось слабое свечение. Сначала ничего не происходило, подсветка то усиливалась, то почти угасала. Но затем все же набрала полную силу, и над столом развернулась трехмерная проекция местности. Кай двинул рукой, уменьшая масштаб, чтобы охватить большую площадь для просмотра. Прежде я могла лишь догадываться об окружающем ландшафте, но теперь уставилась во все глаза на изображение.

Вот, кажется, та река, где мы чуть не погибли в потоке... вот равнина с редколесьем... наверно, там рухнул наш звездолет... а вот это что? Двугорбая гора? Похоже на то...

Кай повернул картинку, чуть склонил голову набок, изучая ее, бросил пару фраз старику. Тот оживился, вытер руки об одежду, тоже потянулся к карте, ткнул в несколько участков, загоревшихся другим цветом.

– Я спросил, откуда приходят ашры и куда уходят, – вполголоса пояснил мне Кай. Участок с равниной и рекой подсветился бледно-желтым. – Это мертвые земли.

– То место, где мы находимся, – кивнула я в знак согласия.

Интересно, почему протурбиец назвал их мертвыми? Из-за того, что тут стояло множество опасных ловушек, или все-таки потому, что почти не встречалось животных?

Взгляд сам собой двинулся дальше, за пределы реки и цветной границы. Казалось, там, на холмистом рельефе, вот-вот загорится маленькая точка – обломок звездолета, в котором упала Лиза.

Протурбиец сдвинул карту дальше, исчезла река и холмы, вдалеке заблестел водоем... море? В центре возвышался одинокий остров. Вулканический, судя по всему, так как мне померещилось жерло кратера.

– Здесь обитает королева проклятых, – сообщил Кай.

– Так далеко... – ахнула я, прикинув расстояние. – Почему же ашры бродят тут?

Кай спросил у старика, и, похоже, ответ ему не понравился.

– Он говорит, что ашры бродят не только тут.

Протурбиец закивал, щелкнул пальцами, распластал пятерню над изображением. Мелкие белые пунктирные линии начали заполнять пространство. От острова, ставшего их средоточием, они, подобно паутинкам, расползлись во все стороны, заполняя черные воды, красное побережье, зеленую равнину, желтые холмы с рекой.

– Они ходят везде, – вздохнул Кай.

Везде? К такому я не была готова.

– Откуда это известно? Я имею в виду... как старик, сидящий посреди леса, может иметь точную карту с передвижениями иных существ?

– Это данные со спутника, – перевел Кай.

– На орбите есть спутник?!

Похоже, он понял мою мысль без слов.

– Да, Белоснежка. Но у нас нет оборудования, чтобы передать через него сигнал.

– Пока нет, – я стиснула кулаки, – то есть... ты же не воспринял всерьез, что где-то тут живет настоящая королева? Скорее всего, кто-то живет, просто более вменяемый, и...

– У них может быть оборудование, – подхватил Кай. – Но, как я говорил ранее, они могут не захотеть делиться им с нами.

– Но это не значит, что мы не будем пытаться! Посмотри! – Я перевела взгляд на карту, переливающуюся перед нашими лицами. – Здесь есть, по крайней мере, еще два населенных участка. Кто-то да захочет нам помочь! На орбите продолжает вращаться действующий спутник! Это наш шанс. Знать бы, когда и за что закрыли эту планету... здесь, похоже, осталось еще достаточно населения, несмотря на карантин. Значит, пузырьчатая болезнь не так уж смертельна?!

– Сейчас узнаем. – Кай повернулся к старику.

Протурбийцу вопрос не понравился. Он принялся хмурить косматые брови, ворчать что-то под нос. Каю приходилось вслушиваться, чтобы разобрать слова.

– Роберт не хочет общаться на эту тему.

– Кто такой Роберт? Имя вроде не протурбийское?

Кай перевел взгляд в угол.

– Его вымышленный друг. Он запрещает рассказывать о прошлом.

Я скрипнула зубами. Заморочки старика уже не пугали, а раздражали.

– Значит, Роберт что-то знает? Можно что-то придумать, чтобы его разговорить?

Протурбиец задумчиво посмотрел на меня. Прищелкнул языком, сузил магнетические глаза. На губах заиграла улыбка предвкушения. Рука с черными ногтями потянулась через стол, и я невольно отпрянула.

– Он хочет прядь твоих волос, – пояснил Кай, пока палец старика дрожал в воздухе, указывая на меня. Потом добавил тихим голосом: – У протурбийцев нет светловолосых женщин. А таких волос, как у тебя, нет ни у кого, Белоснежка.

Я вздрогнула. Не так давно Кай и сам с подобным вождением тянулся к моим волосам. Мне еще тогда показался странным его повышенный интерес. Ведь у себя дома я не только не гордилась, но и, наоборот, недолюбливала эту особенность своей внешности. А теперь он не удивился желанию протурбийца, а, кажется, его... понимал. Как я не обратила раньше внимания, сколько в нем протурбийских повадок? Чем больше погружалась в обстановку чужой планеты, тем больше общих черт находила. Похоже, Кай догадался, о чем я думаю. Его глаза тоже сузились, как у старика.

– Если я дам волосы, это его разговорит? – Я тряхнула головой, чтобы сбросить наваждение.

– Вполне, – кивнул он.

– Дай нож.

Взяв у Кая оружие, я отделила от основной массы волос прядку. Полоснула по ней острием, протянула в сжатом кулаке старику. Тот выхватил добычу, благоговейно провел кончиками пальцев, поднес ближе к глазам, чтобы рассмотреть.

– Для него это как золото, – произнес Кай, отбирая нож обратно.

Что-то мне подсказывало, что слова касались не только старика...

Но протурбиец, просветлев, заговорил, и я вся обратилась в слух.

– Его зовут Тхассу, он прилетел сюда много лет назад, когда тут вовсе уже хозяйничали люди. Тут была колония, созданная при шахтах по добыче ториевой руды.

– Мы проходили это по истории развития космоса, – вспомнила я, – эпоха освоения соседних галактик началась с того, что наша цивилизация активно заключала с протурбийцами партнерские договоры и

разворачивала добычу ценных ресурсов на их второстепенных планетах в обмен на секреты полезных технологий.

– Да, Белоснежка, – не стал спорить Кай, – похоже на то. В колонии, где я родился, активно разрабатывали залежи драгоценных камней. Но ториевая руда... это главный источник топлива для звездолетов. Ее всегда будет мало.

– Как же они решились закрыть планету с таким ценным ресурсом? – озадачилась я.

– Протурбийцы не использовали ториевую руду для своих кораблей, – снова прислушался к старику он, – но их послали учиться и наблюдать. Перенимать опыт соседей. Тхассу был инженером-технологом, он познакомился и подружился с Робертом, который приехал сюда надолго со своей семьей: женой и дочерью.

Я похлопала ресницами, глядя на старика, нежно сжимающего в ладонях прядь моих волос.

– Он – инженер-технолог? Сейчас по нему так не скажешь...

– Тш-ш, не отвлекай. – Кай сделал предупреждающий жест. – Люди и протурбийцы успешно наладили здесь быт. – Он мельком глянул в сторону хлама и добавил уже, очевидно, от себя: – Вот почему здесь так много вещей землян. Я все ломал голову, откуда старик их натаскал, они совершенно не в ходу у протурбийцев. Думал, что просто обчистил еще какой-то корабль, упавший ранее. Но, похоже, он давно привык ими пользоваться.

– Поэтому карта старая, – согласилась я, – может, еще со времен человеческой колонии. Видимо, от Роберта досталась.

Я уже начала понимать, что вымышленный друг присутствует в воображении протурбийца не просто так. Когда-то он существовал в реальности. Потом умер, а протурбиец, чтобы избежать одиночества, продолжил его представлять рядом. Я слышала о таком. В груди кольнуло от жалости. Старик обхватил себя руками и слегка покачивался. Его глаза подернулись дымкой воспоминаний.

– Никто не понял, в какой момент все изменилось, – продолжил Кай. – Но пузырьчатая болезнь пришла из шахты. Подняли новый пласт. Когда его уже обрабатывали на поверхности и подготавливали к транспортировке, все, кто работал с партией, заболели. Поначалу их отправили на карантин. Груз придержали с отправкой на Землю, но саму добычу руды не остановили.

Я прикрыла ладонью рот, понимая, что дальше услышу самую худшую часть истории. Вирус пришел из земли? Сколько времени он дремал там,

пока, потревоженный, не взвился в воздух, которым дышали люди?

– Протурбийцы старались помочь больным соседям, – пересказывал Кай, – но начали заражаться сами. Болезнь разлеталась со скоростью ветра. А главное, смертность наступала так же быстро. За несколько дней оба поселения опустели наполовину. Когда об этом узнали «наверху», все транспортное сообщение прекратилось. Даже на связь перестали выходить.

Он перевел на меня мрачный взгляд.

– Это то, что случилось с моей колонией, Белоснежка. Не думаю, что старик врет. В случае подобной необъяснимой эпидемии на помощь рассчитывать просто не приходилось.

– И протурбийцы тоже бросили своих? – закусила я губу.

– По межгалактическому соглашению, если одна из сторон объявляет планету закрытой с высоким кодом опасности, вторая сторона незамедлительно придерживается статуса объявленной угрозы.

– И колонисты просто остались все здесь? Умирать?!

Кай обратился к старику, глаза которого влажно блестели в неясном свете свечей.

– Люди и протурбийцы – все разбежались кто куда, спасая свои жизни. Кто-то баррикадировался, не пуская к себе никого. Кто-то уходил в лес, как Тхассу с Робертом и его семьей. Они очень подружились и держались вместе. Построили этот дом.

Протурбиец обвел взглядом помещение, вздохнул.

– Ашры пришли в тот день, когда умерла жена Роберта. Она заразилась без видимой причины. Просто заболела. Все понимали, что она обречена, но и не могли бросить без помощи. Держали во дворе в специально построенном шалаше. Ашры появились без предупреждения, никто не знал, откуда они взялись. Они схватили женщину, убили и унесли с собой.

Меня передернуло, слишком уж живо картина вставала перед глазами. Наверно, потому, что я уже видела, как подобное произошло с беглецом в лесу.

– Следом заразилась дочь Роберта. С ней случилось примерно то же самое.

– А с Робертом? Что с ним стало? Тоже заразился? – ахнула я.

Кай посмотрел на меня долгим взглядом.

– Я не могу спросить это, Белоснежка. Для Тхассу Роберт до сих пор жив.

Помедлив, я кивнула. Обезумевший старик потому и разговорился, что мы поддерживали его фантазии. К сожалению, рассеивать их было опасно.

– Тогда Тхассу и Роберт стали мстить ашрам, – переводил Кай финал

страшной истории. – Они строили ловушки. Иногда со случайными путниками, которые забредали сюда, получали новости о том, что происходит за пределами мертвых земель.

– Но кто такие ашры на самом деле? Откуда они взялись, если ни люди, ни протурбийцы их не создавали и не видели раньше? – озадачилась я.

– Тхассу этого не знает. Все, что он знал, он нам поведал. – Кай перевел взгляд на карту, где красовался вулканический остров, и пробормотал: – Но, похоже, не только вирус пришел из-под земли.

– И ашры тоже? – Я задумалась над предположением.

Действительно, ведь еще в первую встречу с монстрами мы размышляли, что бесполые существа странно выглядят. Так, может, вирус родился вовсе не из земли? Там, во тьме, обитали те, кто не хотел, чтобы их тревожили. А отыскав путь на поверхность, они превратились в хозяев планеты. Теперь стало ясно, что они ловят и уносят тех, кто заразился. По крайней мере, нас с Каем не тронули. Если, конечно, сами не разносят заразу. Неспроста же были те настойчивые прикосновения. В который раз я ощутила приступ страха от подобной мысли.

Старик тем временем поднялся и спрятал прядь моих волос в складках одежды. Вернувшись к очагу, порылся среди склянок, расставленных на полке, высыпал содержимое одной в чашку, перетер ступкой и залил кипятком. Размешал пальцем вязкую и густую кашицу, со стуком поставил новое снадобье на стол перед Каем.

– А это что? – заинтересовалась я.

– Мазь, – перевел Кай пояснения старика, – он заметил, что я хромаю, а на одежде кровь.

Тхассу кивнул, взял свою тарелку с остатками еды, пошаркал прочь, скрылся в соседнем помещении. Послышался плеск воды. Я вскинула голову. Вода? Тут имеются даже такие блага цивилизации?

Плеск затих, шарканье возобновилось. Скрипнула то ли половица, то ли дверь. Наступила тишина.

– Тхассу ушел? – подняла я бровь.

Кай, который продолжал задумчиво поворачивать и разглядывать карту, ответил не сразу.

– Мы расстроили его. А может, просто пошел спать. Кажется, он боится только ашров. А вот своих случайных гостей – нет.

– Если они, конечно, не заражены пузырчатой болезнью, – возразила я, – это второе, чего наш хозяин боится больше всего на свете.

– Думаю, он не ошибается. Жизнь научила его выделять главную

опасность.

Кай выключил карту и отложил ее. Вернулся к еде. Мне же кусок не лез в горло. Заметив мое состояние, Кай расценил его по-своему. Протянул руку, коснулся моего лба тыльной стороной кисти.

– Ты как? Жар вроде спадает.

Я тоже пощупала свой лоб. Как ни странно, лекарство помогло. Исчезли тяжесть в голове и боль в теле. Даже горло стало меньше першить. Но история Тхассу новым грузом легла на плечи.

– Как видишь, он не собирался меня травить. – Я вскочила на ноги и принялась перебирать хлам, сама не понимая, что ищу. Хотелось просто занять чем-то руки.

– Я и не говорил, что он собирается тебя травить, – спокойным голосом ответил Кай за моей спиной, – я боялся, что он может что-то напутать.

– Как видишь, не напутал, – я неосторожно дернула за кусок ткани, на пол тут же упала и разлетелась вдребезги глиняная бутылка. Из темно-зеленой лужи, которая растеклась по доскам, пахнуло чем-то специфическим.

Кай поднялся с места, нагнулся, втянул в себя воздух.

– Поздравляю, Белоснежка, – вздохнул он, – ты только что разбила адский огонь.

– Адский огонь? – Я с огорчением уставилась на беспорядок. Уже пожалела, что дала волю нервам.

– Жидкость, которую трудно потушить, если поджечь. Так ее называют протурбийцы. Поэтому и не хранят в пластиковых или металлических емкостях. Только в глине. Очень уж химически активная. Она бы могла нам пригодиться для костра или в качестве самозащиты. – Кай взял меня обеими руками за плечи и усадил обратно на табурет. – Лучше тебе тут ничего не трогать. Я принесу земли с улицы, чтобы засыпать это, а потом убрать.

Он надел куртку и, прихрамывая, вышел. Я подперла рукой подбородок и пригорюнилась. Перспективы радовали все меньше. Одно дело – упасть на необитаемую планету, где главной проблемой стал бы вопрос, что поест и куда спрятаться от дождя. Другое – суметь не напороться на неведомых существ, вышедших из-под земли, попутно рискуя жизнью, чтобы наладить контакт с местным населением. Как наивна я была, когда в первый день считала холод и голод самыми большими неприятностями! И как вдвойне оказалась наивна, когда придумала себе благодетеля с предупреждениями. Совсем как Тхассу

нафантазировал себе друга.

Вопреки наставлениям Кая я снова поднялась и начала разбирать хлам, только теперь уже аккуратно. На глаза попалась допотопная пластиковая фоторамка. Наугад я ткнула в нее пальцем. Включился экран. Я всмотрелась в счастливые лица на изображении и почувствовала, как воздух выходит из легких.

В таком виде и застал меня Кай, который притащил кучу земли и засыпал ею жидкость на полу. Специфический запах сразу исчез. Отряхнув руки, Кай подошел и наклонил голову, чтобы тоже посмотреть. Даже не стал ругать за то, что не послушалась и рылась в вещах.

– Кажется, вот это Роберт, – выдавила я, указав на молодого белобрысого парня с круглым румяным лицом, одетого в военную форму. – А вот это Тхассу.

На снимке протурбиец был примерно того же возраста, что и его друг. Колоритные одежды обтягивали крепкую грудь, янтарные глаза блестели, как это бывает в минуты веселья. Они с Робертом положили руки друг другу на плечи. Рядом стояла женщина с девочкой лет пяти. Обе – темноволосые, с широкими улыбками. Обе – с бледно-желтыми глазами и охристой кожей. Обе – протурбийки.

– Это не у Роберта жена умерла. – У меня вдруг так задрожали руки, что рамка чуть не выпала, и Каю пришлось ее подхватить. Наши пальцы соприкоснулись, а затем и взгляды пересеклись. – Это была семья Тхассу. Он придумал целую историю, в которой все потери приписал другу.

– Значит, это был его способ справиться и выжить, – сильнее стиснул мои руки Кай. – Иначе бы его схур съел его изнутри.

– Но куда делся Роберт? Он ведь жил. Он есть на фото!

Кай осторожно вытащил из моих пальцев рамку, выключил и отложил ее подальше. Прикрыл тряпьем. Меня тронула его забота. Он прятал от хозяина напоминание, которое могло ранить того сильнее.

– Когда я пошел за землей, то на всякий случай обогнул дом, заглянул в сарай.

Я грустно улыбнулась. Кай был бы не Кай, если бы не сделал этого.

– У хозяина там дикие козы, есть птицы, – продолжил тот, – утром будут яйца и молоко.

Угощение обещало порадовать мой истосковавшийся по нормальной еде желудок, но следующие слова Кая напрочь отбили аппетит.

– Там, в сарае, на балке веревка... огрызок, но очень характерно повязанный...

– Роберт не выдержал и покончил с собой, – пришла к выводу я.

Кай потер лоб.

– Похоже на то.

– Почему Тхассу этого не сделал? Он потерял все: жену, дочь, друга...

Кай пожал плечами.

– У протурбийцев свои понятия. Они верят в силы природы, в интуицию, во внутренние ресурсы. Верят, что когда что-то калечится, природа сама находит способ все исправить. Она и исправила. Тхассу живет.

– Но он не в своем уме! – не выдержала я.

– Но он живет! – сверкнул глазами Кай. – Живет, несмотря ни на что. И заметь, совсем неплохо по местным меркам. Он в безопасности, тепле, у него свое хозяйство, еда.

– Но это не жизнь! Он не соображает, что происходит! Разговаривает с вымышленным другом! Не понимает, какой сейчас день и век на дворе!

– Но он живет. Когда остальные уже нет.

– Ты его оправдываешь? Одобряешь? – Я не могла поверить своим ушам.

– Я просто... – Кай скривился, словно боролся с сомнениями: продолжать или не стоит, – был на его месте. И если бы не свихнулся, то не выжил бы.

Я смерила его недоверчивым взглядом.

– Ты не похож на психа.

– Потому что я был не один, – он взял меня за подбородок, – тебе страшно, Белоснежка. Я вижу это в твоих глазах, в том, как дрожат твои руки. Но пока ты со мной, ты не свихнешься. Не бойся.

Я вдохнула поглубже и заставила себя успокоиться. Кай был прав: я банально запаниковала. Но он, как всегда, смог найти такие слова, чтобы остудить меня и призвать к здравому смыслу. Откуда только сам брал силы? Ведь наверняка тоже испытывал и тревогу, и страх, и обреченность. Что со мной творится? Я же не нытик! Не размазня!

Я тряхнула головой и открыла глаза.

– Сядь. Надо обработать твою ногу.

Кай с видимым облегчением отпустил меня. Качнул головой.

– Это царапина. Я уже про нее забыл.

– Сядь, – настойчиво повторила я. – Раз ты помогаешь мне не свихнуться, в моих интересах позаботиться, чтобы не остался без ноги.

Со вздохом, словно делал мне одолжение, он опустил на табурет, подтянул штанину. Я взяла одну из свечей, поднесла ближе, но из-за запекшейся крови ничего не смогла разглядеть.

– Подожди, поищу воды в другой комнате.

Соседнее помещение оказалось полутемным, но я предусмотрительно пошла со свечой. Складная перегородка делила комнату на две части. Справа я разглядела три одинаковые постели, заброшенные шкурами. Настоящие кровати! Такие, о которых и мечталось все последние дни!

Я приблизилась, провела пальцами по черному меху. Откинула шкуру. Белье выглядело старым, но не очень грязным. Да и выбирать не приходилось. Никто не обещал мне тут атласных простыней. Зато возможность полежать на кровати, пусть и закрыв глаза на некоторые нарушения гигиены, манила и притягивала. А этот теплый мех! Завернувшись в такой, можно спать без задних ног, даже если очаг погаснет!

С трудом оторвавшись от созерцания благодати, я поспешила за ширму. Там оказался большой деревянный чан, служивший вместо ванны. Рядом стояли ведра и тазы, один из них переполняла грязная посуда. Виднелся темный провал очага. Если развести огонь, то получится самая настоящая купальня! Я подняла свечу повыше, разглядывая обстановку. В стене обнаружился кран с ручным насосом. Когда я подставила ведро и покачала тяжелую скрипучую ручку, на дно с напором брызнула вода. Да здесь практически водопровод имеется. Видимо, инженеры-технологи строили дом на славу.

Постель, да еще и ванна...

Меня разрывало на две половины. Одна твердила, что я слишком устала, чтобы качать воду, разжигать огонь, греть ее, а затем купаться. Другая – блаженно жмурилась от фантазий, в которых я после теплой ванны шла в теплую постель. Почти как дома, на Земле. Ведь помечтать хоть минутку никто не запрещал?

Но тут я вспомнила о Кае и отложила грезы до лучших времен. Отыскала тут же, на крючке, вбитом в стену, подобие полотенца, намочила его в ведре и вернулась в комнату. Присела перед Каем, принялась протирать его израненную лодыжку.

– Больно? – спросила с сочувствием, когда тряпка окрасилась кровью.

– Нет. Говорю же, что уже забыл об этом.

Склонив голову, я застыла. В голосе Кая звучало столько нежности. Он заботился обо мне, я заботилась о нем. Самое прекрасное из всего, что случилось с нами на планете. Может, это он и имел в виду, когда говорил о том, что вместе мы не свихнемся? Я бережно провела полотенцем по его коже. Вокруг ран налились синяки от ушиба. К счастью, воспаление не началось.

– У этого яда дезинфицирующий эффект, – сказал Кай, будто подхватил мои мысли, – поэтому его так удобно применять среди рабов. Пугающая болевая атака – и затем никаких проблем с порезом.

Он говорил это спокойно, с легкой иронией в голосе, а у меня мороз пробежал по коже. Я подхватила чашку и принялась намазывать еще теплую пасту на пострадавшее место. Кай терпел, не дергался и оказался на редкость покладистым пациентом.

– Я б умерла, если бы стала чьей-то рабыней... – пробормотала я, сгорая от непонятного смущения.

– Нет, – усмехнулся Кай, – ты бы выжила. Я понял это, когда после крушения нашел тебя пристегнутой в кресле по всем правилам безопасности.

Стоя перед ним на коленях, я невольно вскинула глаза. Свет от свечи, стоявшей на краю стола, падал на лицо Кая, погружая одну его половину в тень, а другую – наоборот, ярко выделяя. Вспомнились первые минуты после падения, когда он вот так же склонился надо мной и пытался вернуть к жизни. Он боролся за меня уже тогда.

И впервые коснулся моих губ.

Кай нагнулся и перехватил мою руку, которой я машинально продолжала водить по его ноге. На миг показалось – сейчас все повторится. Он поцелует меня, а я смогу лишь шумно втягивать воздух и растворяться в его прикосновениях. Потому что он близко, мы одни, и я стою перед ним на коленях. А еще потому, что наши чувства – это единственное, что не дает сойти с ума нам обоим.

– Этот дом выглядит замечательно, – произнес Кай, глядя мне в глаза.

Мое дыхание перехватило. Я медленно поставила чашку на стол. Понимала, что он хочет сказать больше, чем эти несколько слов. Но не решается. А я не решаюсь даже думать о таком.

– Здесь есть даже ванна, – ответила слабым голосом.

Пока Кай медлил, мое сердце отбивало оглушительный ритм в висках.

– Тебе нравится? – наконец спросил он и сглотнул.

Я робко кивнула.

– Благодаря стараниям Тхассу в округе сравнительно безопасно, – продолжил Кай.

– Хорошо, что он не прогнал нас.

– Видимо, не против чьей-то компании. Но судя по тому, как он стар, – долго не протянет. Не думаю, что после его смерти сюда прибежит толпа наследников для раздела имущества.

– Это грустно, я не хочу такое представлять.

Кай прикрыл глаза в знак согласия. Потом снова посмотрел прежним пронзительным взглядом.

– Мы могли бы остаться и жить здесь, Белоснежка.

– Надолго? – Я почувствовала, как ком встает в горле.

– Навсегда.

Он отпустил мою руку и зарылся пальцами в волосы, удерживая перед собой. На переносице прорезалась складка. Отблеск свечи трепетал в зрачках. Ожидание ответа буквально повисло в воздухе между нами.

Мое воображение уже пустилось вскачь, стоило обвести взглядом помещение. Я представляла, как мы выкинем весь ненужный хлам, а полезные вещи уберем по местам, наведем чистоту и каждый вечер будем вот так сидеть за столом при свечах и ужинать. Дикая фантазия.

И на пару секунд я сдалась, представила, что для нас возможно счастье на двоих в крохотном домике на задворках космоса. Одна ночь с Каем, тщательно запрятанная в сокровенный уголок памяти, причиняла мне боль, потому что была украдена у судьбы. А у нас могли быть тысячи ночей. Долгих, полных неторопливого наслаждения. И тысячи дней бок о бок и рука об руку. То, что вряд ли получится при ином раскладе. Я не питала надежд, что в случае счастливого спасения мы по-прежнему останемся вместе. Все-таки слишком разные у нас дороги. Получается, лишь совместная беда нас объединяла и давала шанс на отношения.

Но секунды истекли, и наступила пора возвращаться в реальность.

– А как же Лиза и поиски хвостовой части? Как же Бизон? – проговорила я каким-то чужим, сиплым голосом.

– Бизон сам выбрал свою дорогу.

Веки Кая дрогнули, и он отвел взгляд.

– А Лиза? – не позволила я уйти от ответа. – Ты обещал, что мы найдем ее.

– Послушай, Белоснежка, – он раздраженно выдохнул, – я обещал это, когда у нас не было другого выхода, кроме как идти вперед. Но теперь есть выбор. Ты слышала рассказ старика и видела карту. Чем дальше мы пойдем, тем больше опасностей нас будет ждать.

– И что? Значит, мы бросим Лизу наедине с этими опасностями? Не узнаем ее судьбу? Просто спрячемся здесь, как эгоисты?

Складка между бровей Кая углубилась.

– Я уже говорил тебе насчет терзаний совести. Они мучают тебя напрасно. Но если надо, я запру тебя здесь силой. А через неделю в любом случае будет уже поздно за кем-то идти...

Я отшатнулась в испуге и сбросила его руки с себя.

– Ты не посмеешь!

Он, видимо, и сам сообразил, что перегнул палку. На лице проступила тревога.

– Дана...

– А как же спасательный маячок? – перебила я. – Как же мои родители?

– Когда я в первый раз попал на чужую планету, то тоже надеялся, – с сочувствием покачал головой Кай. – Но это меня только убивало. А когда надежда ушла, я вдруг огляделся по сторонам и понял, что вокруг есть масса преимуществ. И жизнь наладилась.

– Тебе проще искать в нашем положении преимущества, – возразила я, – тебя никто не ждет. Ты сам говорил, что привык болтаться в космосе между двух галактик и больше ничего не имеешь.

– Дана... – в его голосе мне почудилась боль, но я запретила себе поддаваться.

– Но меня любят и ждут! У меня там мама, папа. Я не хочу состариться тут и всю жизнь прятаться от ашров! Я хочу выбраться!

– Дана... мы будем пытаться. Если подвернется случай.

– А если не подвернется? Станем мужем и женой поневоле?

– Послушай, – Кай неожиданно скрипнул зубами, – не надо думать, что для меня все сводится к постели.

Он заметил, что я снова собираюсь перебить, и заговорил быстрее:

– Конечно, я не отказался бы делать это с тобой снова и снова. И не только потому, что ты – единственная девчонка во всей округе. Ты нужна мне не только для секса, Дана. Но если тебя этот вопрос беспокоит... мы могли бы просто остаться и жить, как друзья.

Окончание фразы далось Каю с трудом. Я видела, как все внутри его протестует против подобного варианта.

– И ты скажешь то же самое через месяц? – усмехнулась я. – А через год? А через два? Когда я по-прежнему останусь рядом и мы будем делить одну крышу, одно помещение, одно жизненное пространство? Только мы – и никого больше?

– Я не трону тебя! – прорычал он, с силой встряхнув меня.

В другой раз я бы обиделась на такое обращение или испугалась. Но эмоции Кая затронули что-то внутри, и теперь лишь призналась тихонько:

– А я вот не уверена, что сама тебя не трону.

Глядя, как у него приоткрылся рот, не знала, то ли плакать, то ли смеяться. Сумасшедший, пытающийся убедить меня в том, во что и сам не верил! Неужели он не понимал, как абсурдно наше положение? После той

ночи, когда мы горели в руках друг друга, прожить всю жизнь друзьями? Даже моя наивность не помогала поверить в эту сказку.

Кай опустил голову, на меня он больше не смотрел.

– Нам придется рисковать собой. Будет опасно. Мы можем больше никогда не найти такое хорошее убежище. И можем больше никогда не вернуться обратно, даже если очень захотим.

Из моей груди вырвался вздох и сожаления, и облегчения оттого, что моя борьба не только с Каем, но и с самой собой окончена.

– Я знаю, – сказала я.

– Это глупо.

– Я знаю.

– Ну скажи, почему ты такая упрямая?

– Я не знаю.

Я поднялась, обхватила его за шею, прижалась губами к щеке. Коротко, всего на один миг, но Кай тут же напрягся, словно закаменел в моих объятиях. Его руки стиснули мои плечи в железной хватке. Он повернул голову, я едва успела увернуться от поцелуя. Потупилась с виноватым видом.

– Прости, я не могу. Не надо.

Кай закрыл глаза, его ноздри раздувались, веки трепетали. Я закусила губу, понимая, что если бы сейчас уступила – мы снова зашли бы слишком далеко.

– Ты куда?! – воскликнула, когда он разжал пальцы, одернул штанину и поднялся, с грохотом отодвинув табурет.

– Ложись спать. Я еще раз проверю, все ли тихо.

С дуновением ветерка из распахнувшейся двери и трепетом огня на столбиках свечей Кай ушел. Я не знала, какой из моих отказов разозлил его больше: остаться жить или ответить на поцелуй. Но то, что Кай покинул меня не в лучшем расположении духа, поняла совершенно точно.

Я убрала со стола посуду, отнесла ее в «умывальню», как окрестила тот закуток за ширмой. Прополоскала и повесила полотенце. Выпрямилась, прислушиваясь к звукам. Остаться одной в доме было жутко. Без Кая черные тени по углам казались притаившимися чудовищами. И как тут ложиться спать?

Крепко стиснув в кулаке оплывающую свечу, я приблизилась к кроватям. Примостила источник света на подоконник узкого окна. Ночь выдалась тихой, здесь, в полутьме, пахло выдубленной кожей и пылью. Я откинула меховую полость, подумав, что ее не мешало бы хорошенько выбить и проветрить. Поправила подушку, разгладила простыни. Сбросила

куртку. Прикоснулась пальцами к верхней пуговице кофточки, но так и осталась стоять.

Мои мысли то и дело возвращались к Каю. Что он делает сейчас? В прошлый раз вернулся быстрее. За это время можно было уже два круга возле дома сделать. Только зря нагружает больную ногу вместо того, чтобы отдыхать.

Я представила, как он просто сидит где-нибудь на пригорке, смотрит в небо и тянет минуты, чтобы не возвращаться и не сталкиваться опять со мной, и почувствовала обиду. В конце концов, почему все всегда должно быть, как он сказал?! Почему, если я не хочу с ним соглашаться, это сразу глупо?! И как он представляет наше совместное житье, если мы не можем спокойно разрешить хоть одно разногласие?

Я поняла, что даже если лягу в постель, то не усну. Буду ворочаться и прислушиваться, не скрипнет ли дверь. К тому же как сомкнуть глаза, оставшись наедине с полубезумным стариком? Тхассу не желал мне зла, но мог причинить невольно. Я взяла свечу и вернулась за ширму. Как всегда, лучший способ унять нервы – это найти себе занятие.

Вскоре в очаге уже весело трещал огонь. Имея под рукой все необходимое, развести его не составило труда. Пересиливая боль в спине, я накачала холодной воды в чан, а затем снова наполнила ведра и поставила греться. Теперь требовалось лишь подождать. Поражаясь собственной смелости, я прокралась в дальний конец комнаты, где нашла маленькую дверку. Прислушалась. Почудилось мерное посапывание. Немного воспрянув духом, осторожно толкнула створку. Старик, поджав ноги и повернувшись ко мне спиной, лежал на топчане, который едва уместился в небольшом пространстве. Все остальное место занимал уже привычный мне старый хлам. Спальня походила на гнездо или логово. Видимо, в такой обстановке Тхассу чувствовал себя уютнее. А может, просто не обращал внимания на беспорядок.

Убедившись, что старик отдыхает, я плотно закрыла дверь и приставила к ручке железяку, подвернувшемуся под руку. Если Тхассу решит выйти, мое приспособление грохнется и послужит сигналом. Ну и кто теперь не может о себе позаботиться? Я гордо распрямила плечи.

Вода все не закипала, а Кай – не приходил. Я принялась слоняться по углам и позевывать. Попробовала поискать что-то из банных принадлежностей: шампунь, мыло. Увы, единственной добычей стал пустой флакончик из-под духов. Видимо, парфюмерная жидкость если и оставалась, то выветрилась много лет назад. Я покрутила бесполезную стекляшку в руках. А вот налить бы туда адского огня, получилась бы

мини-бомба. Если бросить такую в костер, то можно вызвать огромный сполох. Пригодилось бы, например, чтобы отпугнуть дикого зверя. Я подкинула флакончик на ладони, поймала его и улыбнулась своим мыслям.

Наконец послышалось бульканье кипятка. Его хватило, чтобы разбавить воду в чане лишь до степени приятного тепла, но не горячего пара. Я махнула рукой: сойдет и так. Лучше, чем вообще ничего. Скинув одежду, быстро влезла в свою купальню и замычала от блаженства. Как же хорошо! Гораздо, гораздо комфортнее, чем купание в ледяной реке. Я принялась оттирать кожу от грязи, умыла лицо, но потом сообразила, что если отмокнуть, придется тратить меньше усилий, и блаженно откинулась на деревянный бортик.

Закрыла глаза. Кай, конечно, знал, чем меня зацепить, расписывая «прелести» дальней дороги и то, что мы можем сюда никогда не вернуться. Сердце дрогнуло при мысли, что опять придется ночевать на земле и носить на теле три слоя грязи, но я приказала себе не поддаваться сомнениям. Никто не знает, как все будет. Этот дом мы тоже не чаяли найти, но ведь нашли же! Может, дальше мы найдем что-то еще лучше. Дворец со вкусной едой. Добрых и милых людей. Новый звездолет...

Задумавшись, я постепенно задремала. Проснувшись от ощущения, что кто-то на меня смотрит. Свечи, расставленные мной вокруг купальни, из высоких столбиков превратились в коренастые пеньки, залитые восковыми слезами. В помещении стало заметно жарче, огонь весело трещал, будто кто-то добавил в него дров. Кай стоял в проходе между ширмой и стеной, привалившись плечом и сложив руки на груди. Он смотрел на меня, и я поняла, что он делает это уже неизвестно сколько времени. Невольно подтянула колени к груди и вжалась в бортик чана.

– Я думал, ты уже спишь, – произнес Кай.

– Спала. – Я обхватила себя руками и отвернулась, чтобы скрыть румянец на щеках. – Ты долго не возвращался. Я думала, что до утра уже не придешь.

– Я ждал, пока ты уснешь.

Значит, мои догадки подтвердились. Он специально тянул время.

– Ну... я и уснула, – смутилась я еще больше.

Его присутствие накаляло атмосферу. Если бы Кай просто пошел спать, я бы тихонько вылезла, оделась и пробралась в постель. Но он стоял и смотрел так, что мне становилось не по себе. Нет, я не боялась, что он причинит мне вред. А чего тогда опасалась? Сама не знала. Просто внутренности скручивало в тугий узел.

– Ты болеешь. Тебе спать надо, а не в воде плескаться, – бросил Кай.

– Чистота – залог здоровья, – осторожно возразила я. – Тебе вот тоже надо спать после перенесенного болевого шока и ранения. И ногу беречь. А ты по улице шляешься. Какое у тебя оправдание?

Удар попал в цель. Кай открыл рот, но не нашел что возразить и умолк. Я надеялась, что теперь-то он развернется и уйдет, но чаяния не оправдались. Только позу сменил, переставив опорную ногу. Внезапно стало ясно: Кай не уйдет. Как тогда, у реки, когда я провоцировала его на эмоции. Он хочет уйти, понимает, что так надо и так будет лучше. Но не может. А я, как последняя мазохистка, упиваюсь каждой секундой его присутствия.

– Ты на меня больше не сердишься? – решила спросить я.

Он медленно покачал головой.

– Не хочу портить, возможно, единственный спокойный вечер.

Я выдавила улыбку.

– Я тоже.

– Хорошо, – Кай вдруг отлепился от стены и принялся расстегивать на себе одежду, – значит, ты не будешь возражать.

Стоило ему шагнуть ближе, как меня словно ледяной водой из ведра окатили.

– Что ты делаешь?

Он фыркнул.

– Собираюсь тоже помыться. Ты же сама говоришь, что чистота важнее всего. А я хочу сэкономить силы, раз уж ты сама приготовила воду.

Увидев обнаженную грудь Кая, я крепко зажмурилась. Ну и что, что мы уже один раз занимались любовью?! В темноте ничего не было видно! А теперь, в приглушенном желтоватом свете, мои тактильные воспоминания начали сливаться с увиденной картинкой, заставляя щеки пылать еще жарче.

– Я вообще-то голая! – предприняла я слабую попытку отвратить неизбежное и сжалась в комок.

– Да уж вижу, что не в шубе.

– У тебя мазь смоемся!

– Новую нанесу. Она все равно почти впиталась.

Раздался плеск, поднятая волна ударила мне в грудь, сразу стало тесно. Ноги Кая бесцеремонно прижались к моим. Очень крепкие, мускулистые, волосатые конечности. Я заерзала, отползая дальше, хоть места для маневра уже не оставалось.

– Успокойся, – миролюбиво позвал голос Кая, – я слишком устал, чтобы сегодня посягать на твою девичью честь. И у меня для тебя подарок.

Примирительный. В знак моих добрых намерений.

Я приоткрыла глаз и увидела, что он сидит очень близко от меня. Вода доходила Каю чуть ниже груди, но сквозь нее прекрасно просматривался его живот и темный треугольник волос между расставленными ногами. Я вспыхнула, начала хватать ртом воздух, понимая, что точно так же он видит меня, и тут заметила, что на протянутой ладони Кая лежит кусок розового мыла.

– Где ты это нашел?! – На миг я позабыла про смущение и вцепилась в добычу.

– Нашел, – с хитрецей ответил он.

– А я искала и не нашла! – Я поднесла мыло к лицу. Ноздри защекотал приятный аромат ромашки и розы.

– Значит, плохо искала, – хмыкнул Кай, наблюдая за мной сияющими глазами.

Опомнившись, я быстро сунула кусок в воду и принялась яростно мылить, взбивая пену. Через несколько минут напряженной работы вся поверхность скрылась под пенной шапкой. Почувствовав себя увереннее, я откинулась на бортик и выдохнула.

Кай тоже положил руки на края чана, его мышцы бугрились и влажно блестели от пены и воды.

– Трудный выдался денек, а?

Я усмехнулась и закатила глаза.

– Гребаная планетка.

– Ты ругаешься, как пьяный грузчик. – Его губы растянулись в ленивой улыбке.

– Или как Бизон... – я закусила губу от неожиданной мысли, – только представь, он дрожит сейчас где-нибудь под кустом от холода и не подозревает, что мы тут, почти что в президентском люксе, в шикарной горячей ванне, полной ароматной пены, сытые и спокойные. Хотела бы я увидеть его лицо в этот момент!

Представив перекошенную от зависти рожу бритоголового, я покачала головой.

– Ну кто в этом виноват? – пожал плечами Кай.

– Мы вообще должны быть ему благодарны, – улыбнулась я, – если бы не его эгоистичность, мы бы сейчас тоже дрожали от холода под кустом. И не нашли бы этот дом, карту, не узнали бы много полезной информации...

И не переспали бы. Я не произнесла этого вслух, но все было понятно и без слов. Улыбка сползла с лица Кая.

– Давай останемся, Белоснежка, – попросил он, – пожалуйста...

– Нет, Кай, – я покачала головой, – нет.

Он отвернул лицо, на скулах заиграли желваки. Ну что такое опять? Договорились же не портить вечер! Если он думал, что задобрит меня куском мыла и сможет уговорить, то жестоко просчитался. Но ссориться сейчас мне хотелось меньше всего. Намылив ладони, я потянулась... и соорудила у него на голове шикарную белую корону.

Кай покосился на меня со свирепым выражением на лице.

– Что ты делаешь?

Злой, в короне из пены, он представлял собой такое непередаваемое зрелище, что я не выдержала и расхохоталась.

– Ты как ребенок, честное слово, – проворчал он, повернулся... и допустил тем самым роковую ошибку, потому что я одним движением пенных рук украсила его уши пышными серьгами.

От смеха у меня из глаз потекли слезы. Кай со скептическим видом наблюдал за этим приступом веселья. За это я добавила ему круглый клоунский нос.

– Ты сам ко мне полез... я не виновата... – стонала я, наблюдая созданный шедевр.

– Ну и на кого я, по-твоему, похож? – рявкнул он.

– На королеву! – Я уже буквально рыдала.

Раздался грохот. От неожиданности я взвизгнула и прижалась к груди Кая. Услышала шарканье ног. Выглянула из-под его подбородка. В проеме ширмы показалась взлохмаченная голова Тхассу. Похоже, мы слишком шумели, разбудили его, и моя охранная сигнализация сработала. Моргая спросонья, старик уставился на нас. Его глаза тут же расширились. Я сдавленно хрюкнула, когда сообразила, что Кай до сих пор сидит в полном «ювелирном» наборе: короне, серьгах и украшении для носа.

Продолжая обнимать меня, Кай бросил старику несколько отрывистых слов на протурбийском. Тхассу почесал в затылке, посмотрел на нас еще немного и пошаркал обратно. Послышался стук двери.

– Что ты ему сказал? – еще подрагивая от смеха, спросила я.

– Ничего. Извинился за беспокойство, – Кай провел ладонью по моему мокрому плечу и вдруг добавил: – Сказал, что королева проклятых приказывает ему убраться отсюда.

Меня скрутил новый приступ. Я лежала щекой на его груди и дрыгалась от хохота, пока не сообразила, на чем именно лежу и как именно дрыгаюсь. Смех тут же застрял в горле. Я отстранилась, виновато пряча глаза.

– Прости. Сама не знаю, что на меня нашло.

– Да ничего. Приятно иногда побыть королевой.

Я зажала рот ладонью.

– Не начинай. Пожалуйста.

Сделав губы трубочкой, я выдохнула. Намочила руки и провела ими по волосам Кая, смывая покосившуюся башню из пены. Когда мои пальцы прошли по его щекам с еще не смытыми полосками грязи, он закрыл глаза. Я тут же отдернула руки.

– Нет, – Кай нахмурился, но веки не поднял, – сделай так еще раз. Я не буду шевелиться.

Его ладони и правда вцепились в бортики, словно хотели их смять. Я замерла в нерешительности. Потом подняла руку и осторожно стерла грязное пятнышко со скулы Кая, готовая в любой момент отпрыгнуть и пожалеть, что не отказала сразу. Но он не двинулся, как и обещал. Просто сидел с закрытыми глазами и ждал, что будет дальше. Тогда я набрала еще пены, скользнула руками по шее Кая, по сильным жилам, идущим от уха к плечу, добралась до затылка, запустила пальцы в волосы.

– Это забавно, – тихо сказал Кай, – когда тебя кто-то моет.

– Никогда не пробовал этого раньше? – так же вполголоса спросила я.

Он покачал головой под моими руками.

– А я в детстве очень любила, когда мама мыла мне голову, – призналась я, жадно впитывая каждую черточку его мужественного лица.

Уголки губ Кая дрогнули в улыбке. Я набрала еще мыла и принялась ерошить его волосы, вымывая из них пыль и грязь. Провела большими пальцами по лбу, стирая въевшийся пот. Поскребла подбородок с жесткой щетиной. Кай жмурился от удовольствия. Мне нравилось чувствовать, что ему приятно. А особенно нравилось, что никто прежде не додумался до такой простой вещи, способной порадовать его.

– Неужели твои женщины никогда так тебя не ласкали? – прошептала я.

Кай открыл глаза. Застал меня врасплох. Его светло-серый взгляд обжег, как огонь.

– Я спал с ними. А не играл в королеву.

Горло перехватило. В голове снова пронеслись стоны, услышанные мной ночью в отсеке звездолета. Конечно, он не играл. Это со мной у него странные недоотношения, из-за которых мы творим какие-то глупости. Я не сомневалась, что в других, более привычных обстоятельствах Кай бы уже воспользовался случаем. То ли усталость и ранение его удерживали от последнего шага, то ли нежелание потом снова бороться с моей совестью.

Я отпрянула, отползла на свою половину тесного чана и закусила губу.

Откинув голову на борт, Кай продолжал сверлить меня глазами. Он словно предоставлял мне возможность самой решить, что будет дальше. Тягостное молчание действовало на нервы.

– Что ты будешь делать, когда вернешься на Землю? – невпопад спросила я, лишь бы как-то развеять напряженную обстановку.

Он ответил не сразу.

– Куплю новый звездолет.

– А я заберу документы из университета, – зачем-то призналась я, хоть Кай и не старался поддержать беседу. – Космос – это все-таки не мое.

Он коротко кивнул. Я поиграла с хлопьями пены, старательно пряча взгляд.

– Знаешь, если бы мне кто-то разрешил загадать одно желание, я бы, наверно, пожелала вернуться во времени назад и все-таки уговорила тебя остановиться по требованию патруля. Тогда бы мы не упали. И ничего бы этого не было. А ты?

– Я не знаю, чего бы мне пожелать.

Смирившись, что светской беседы не получится, я принялась мыть голову. А что еще оставалось делать? Когда закончила и откинула влажные пряди на спину, Кай наконец пошевелился.

– Кажется, вода совсем остыла. Пора выходить.

Я едва успела отвернуться, когда он поднялся на ноги. Сидела так, пока он вытирался.

– Иди сюда, – позвал Кай, – вставай, не бойся. Я не смотрю.

Я несмело повернула голову. Он, уже одетый, протягивал мне ткань, чтобы вытереться. Я выхватила полотно и быстро в него завернулась. Просушила краем мокрые пряди волос. Кай повернулся, едва успела закончить.

В следующую секунду он подхватил меня на руки и прижал к себе. Чуть пошатнулся, припадая на больную ногу, но удержал равновесие. Я тихонько ахнула от этого ощущения беспомощности и неги. Было приятно не одеваться, а плыть по воздуху навстречу мягкой кровати.

– Твоя рана... – напомнила тихонько.

– Что, никто раньше не носил тебя в постель на руках? – усмехнулся Кай, пропустив мои слова мимо ушей.

– Никто... – я сообразила, что значит его намек, и все блаженство мигом слетело, – только не говори мне, что ты вот так всех подряд таскал!

– Ну... не всех подряд... – Он уложил меня на постель и ушел, чтобы задуть свечи за ширмой.

Я завернулась в меха, как в кокон. Усталость разлилась по всему телу.

Как же хорошо, что Кай все-таки не дал мне стряхнуть с себя расслабленность после ванны, а заботливо уложил отдыхать! Веки сами собой смыкались. Кровать за моей спиной прогнулась под чужим весом. Кай вытянул из-под меня край меховой шкуры, одним движением придвинулся ближе, прижал к груди. Я ощутила, как между моих ягодич уткнулся его твердый мужской орган. Невольно напряглась.

– Не бойся, – пробормотал Кай над моим ухом, – это... ничего не значит. Ты голая... красивая... я старался не смотреть. Но ты очень красивая... я обещал, что не трону.

– Зачем... – только и смогла выдать я.

– Вдвоем спать безопаснее, вдруг Тхассу выйдет. Не стоит выпускать друг друга из поля зрения.

Кай развернул меня лицом к себе. Я оказалась в кольце его рук, прижатая губами к его плечу, но зато наши бедра больше не соприкасались. Пространство под меховой шкурой нагрелось, стало тепло, даже жарко. Я лежала и вдыхала аромат розового мыла, оставшийся на мужской коже. Чувствовала биение крохотной жилки под своей щекой. Прокручивала в голове события вечера. Неожиданно вспомнила, что показалось мне неправильным.

– Ты понял мое желание, Кай? Я загадала, чтобы мы не падали. Я не загадывала, чтобы мы никогда не встречались.

Губы Кая прижались к моему виску в нежном поцелуе.

– Спи, Белоснежка.

* * *

Утром я нашла на подушке цветок. Дикий, лесной, с желтой головкой и неказистыми крохотными листиками. Он не источал аромата, кроме терпкого травяного запаха от стебля, но мне хватило того, что от подушки пахло розовым мылом. Я невольно улыбнулась, вспомнив окончание прошлого вечера, но тут же поморщилась от боли в горле. Похоже, действие лекарства прекратилось и симптомы болезни вернулись вместе с температурой. К счастью, не такой высокой, как прежде.

С улицы доносились голоса. Завернувшись в простыню, я перебралась в купальню, где оделась и немного навела порядок. Было бы свинством оставлять тут бедлам после того, как воспользовались гостеприимством хозяина. Тем временем Кай и Тхассу вернулись в дом. Они принесли кувшин молока и миску, полную яиц. Вскоре на сковороде аппетитно

зашипел омлет.

– На, выпей это, – Кай, который хромал уже не так заметно, подошел и вручил мне кружку с уже знакомым отваром, – как твоя температура?

– Есть немного. – Я с благодарностью приняла лекарство и пригубила, поглядывая на Кая поверх кружки.

– Тхассу даст нам с собой бутылочку отвара. Тебе надо попить еще день или два, чтобы все окончательно прошло.

Я ожидала, что он добавит что-то еще, например, спросит, понравился ли мне цветок, но Кай сделал вид, что ничего особенного не случилось.

– А как твоя нога? – поинтересовалась в свою очередь я.

– Идти смогу, не волнуйся. Мазь действует, как и твое лекарство.

За завтраком он опять крутил карту, перекидывался короткими фразами со стариком. Продумывал маршрут. У меня руки так и чесались отобрать все, чтобы спокойно поел, но я заставляла себя жевать и не вмешиваться. В конце концов, речь шла о нашей безопасности.

Потом наступила пора собирать вещи. К счастью, Тхассу жадничать не стал. Что-то изменилось в нем за ночь. Старик всячески нам помогал, подсовывал то одно, то другое и все время как-то по-особенному заискивающе смотрел. Кто бы мог подумать, что прошлым вечером он бросался на меня и хотел убить?

Наблюдая, как Кай пакует в узел две теплые шкуры, топор, сверток с едой, приспособления для розжига костра, я заметила, что он бросил туда и оставшийся кусочек мыла. К предметам первой необходимости добавилась найденная аптечка с бинтами и дезинфицирующими средствами. Карту он тоже прихватил с собой. С такой экипировкой мы могли не бояться ни случайных ушибов и царапин, ни ночного холода, ни голода. Я воспрянула духом. Почему-то не отпускало ощущение, что теперь у нас все получится.

Хорошая ясная погода только укрепила мой настрой. Щурясь от яркого солнца, я оглядела поляну, повернулась, отошла на пару шагов, чтобы окинуть взглядом уютное жилище, в котором было так безопасно. Тхассу стоял на пороге, веки набрякли, нижняя губа дрожала. Я подошла, пожалала его трясущуюся сухую руку, произнесла, как умела, по-протурбийски:

– Спасибо. За все.

Он издал жалобный звук, схватил меня и сгреб в объятия. Я даже пискнуть не могла. Старику так не хотелось с нами расставаться, что его эмоции передались мне, и в глазах зашипало от непрошенных слез.

– Мы никогда вас не забудем, – добавила я уже на родном языке, – правда. Вы нас спасли. Пусть у вас все будет хорошо. Берегите себя. От ашров. И вообще.

Неизвестно, понял ли он мои слова или просто кивнул в ответ на сочувствующий тон. Только я выбралась из объятий, как та же участь постигла Кая. Тот похлопал Тхассу по спине, тоже пробормотал что-то на прощание.

Перекинув через плечо узел, Кай взял меня за руку. Вид у него был едва ли не мрачнее, чем у старика, когда мы двинулись в путь.

– Тхассу будет без нас одиноко. – Я обернулась и махнула старику, провожавшему нас взглядом.

Кай промолчал. Он шел, глядя прямо перед собой.

– Эй! – Я дернула его за руку. – Разве с таким лицом уходят навстречу спасению?! Тем более все складывается не так уж плохо. Мы должны радоваться, что у нас есть все необходимое в дорогу. Мы встретили хорошего друга, который нам помог! – Я снова помахала Тхассу. – У нас все получится. Вот увидишь.

– Угу, – только и сказал Кай.

Назад он ни разу не оглянулся.

* * *

Через некоторое время идти в молчании стало скучно. Я озиралась по сторонам, с удивлением открывая для себя планету заново. Почему раньше не обращала внимания на то, как красиво здесь? Какие исполинские встречаются деревья, какая яркая зелень у травы, в которой то и дело проглядывают пестрые точки – цветы. И воздух какой! Особенный, совсем не похожий на привычный, земной. Нет, наверное, обращала, но как-то мимоходом, попутно. Рассматривала окружающий мир лишь с точки зрения «съедобное-несъедобное, опасное-неопасное». А теперь первый шок прошел, и глаза будто по-другому открылись. А может, так повлияло предчувствие скорого возвращения домой? Я даже продумала небольшую речь, с которой встречу отца и спасательную команду, когда те прилетят за нами.

Мне нравилось идти бок о бок с Каем, держать его за руку. Не цепляться, как раньше, из последних сил, когда он тащил меня за собой, а именно идти вместе. Это делало нас одним целым. Я украдкой взглянула на него. Сурово поджатые губы, прямой взгляд. Даже учитывая его больную ногу и необходимость делать частые привалы для отдыха, теперь мы двигались быстрее, пробираясь не наугад, а по заранее составленному маршруту, и Кай выглядел более уверенным, меньше озибался по сторонам.

Ну почему он сказал, что купит новый звездолет, когда вернется?! Эта мысль не выходила у меня из головы. Как будто совсем не боялся снова попасть в подобную передрагу! Разве не безопаснее было бы остаться на Земле и найти себе другое занятие? Я бы попросила отца помочь в этом вопросе. Попросила бы, если бы Кай хоть намекнул, что рассматривает подобный вариант. Но что-то внутри подсказывало: не рассматривает и мое предложение отвергнет.

– Расскажи мне о протурбийцах, – нарушила я молчание, понимая, что если не отвлекусь, начну накручивать себя неприятными думами.

– Мм? – Кай чуть повернул голову. Похоже, он также задумался о чем-то своем.

– Ну, нам в университете начали преподавать введение в культуру соседей по космосу, – пояснила я, – но ты-то видел все своими глазами! Вживую! Это гораздо интереснее, чем скучные отфильтрованные истории из учебников.

Он пожал плечами.

– Главное, что тебе нужно знать, чтобы раз и навсегда понять протурбийцев: они считают людей примитивными созданиями.

– Да?! – удивилась я. – Никогда бы так не подумала. Мне казалось, это мы, то есть наша цивилизация считает их примитивными. Подумай сам: у кого более продвинутые технологии? Кто активно пользуется гиперскачками в пространстве? У них такого нет. Это мы открыли их галактику, а не они нашу. Мы стали осваивать космос, когда Земля исчерпала свои ресурсы. Ты слышал Тхассу. Мы используем богатство их планет, а они только посылают своих специалистов смотреть и учиться. Мы – дружественная нация, мы не завоевываем, а соседствуем, и они должны быть этому рады.

На губах Кая заиграла легкая снисходительная улыбка. Я не поверила своим глазам: он слушал мою пламенную речь, но не разделял мнения!

– Ты говоришь как настоящий примитивный человек, Белоснежка.

– А ты не согласен?!

– Я согласен с тем, что протурбийские корабли не используют такое топливо, которое позволило бы им совершать гиперускорение. Их звездолеты тяжелые и неповоротливые, потому что перегружены системой экологической фильтрации. У них практически нет синтетических лекарств, их болезни не излечиваются так быстро, как у людей. На Земле бы твоя ангина прошла за сутки, не так ли?

– Да, – уверенно кивнула я, – пара уколов, и все.

– С настойкой, которую дал тебе Тхассу, придется повозиться

подольше.

– Ну... она тоже помогает... просто не так эффективно.

Кай усмехнулся.

– Она щадит твою печень.

– Печень можно укрепить синтетическими клетками.

– А можно не укреплять, – он повернул голову и встретился со мной взглядом, – если не разрушать синтетическими лекарствами.

– Ну хорошо, – сдалась я, – и поэтому протурбийцы считают нас примитивными? Из-за лекарств? Да, во всем мире уже признали, что в этом вопросе нам тоже есть чему у них поучиться. Но на Земле просто не существуют многие виды их растений! Поэтому мы не можем их использовать.

– Может, росли когда-то? – задумчиво протянул Кай. – Просто вымерли из-за плохой экологии?

Он остановился и спустил узел с вещами на землю. Ослабил горловину, достал пластиковую бутылочку с водой, протянул мне.

– Передохнем немного. Мы взяли хороший темп, можем себе позволить.

Я с готовностью приняла ее. Дневной зной давно вступил в свои права.

– Протурбийцы считают нас примитивными, – продолжил Кай, пока я пила, – потому что они считают себя детьми природы, а нас – детьми камня и железа. Я уже говорил тебе, как у них все сводится к самопознанию и интуиции. У них нет мощного топлива для кораблей, потому что они не строят шахты по его добыче, не извлекают радиоактивные материалы на поверхность. Даже на этой планете вирус бы не вышел наружу, если бы колонисты не начали разрабатывать недра. У протурбийцев автомобили и дома на солнечных батареях. У них нет мощных машин, а на стройке, в каменоломнях они по старинке используют ручной труд. Считают, что так бережнее относятся к природе.

– Ручной труд?! – ахнула я. – Но это вообще кошунство! Нигде в мире уже давно не используется ручной труд на тяжелом производстве! Все делают машины!

– У каждого своя правда. – Кай отобрал у меня бутылочку, сделал несколько глотков и закрыл крышку. Потом убрал на место и взвалил ношу на плечо.

– Они должны радоваться, что мы их не поработили, а предложили дружбу... – пробормотала я и покачала головой. – Наш уровень развития все-таки намного ушел вперед.

– Наши цивилизации просто развиваются в разных плоскостях,

Белоснежка, – возразил Кай и снова взял меня за руку, чтобы двигаться дальше. – Не надо считать других умнее себя. Это ошибка, которая может однажды стоить тебе жизни. То, что ты считаешь слабостью, на самом деле – хитрость или даже мудрость, если угодно. Ни один протурбиец открыто не скажет тебе, что с чем-то не согласен. Но ни один протурбиец не работает в каменоломнях, за исключением самых опустившихся личностей.

– А кто там работает? – Прежде, чем Кай успел ответить, я догадалась сама: – Люди?! И ты там работал? Да? Ты упоминал, что был рабом...

– Да.

– И что? Куда смотрят наши власти? Наши военные? Разве это не нарушение прав человека? Разве это не нарушение межгалактического соглашения...

– Нет, Белоснежка. Не нарушение. Потому что люди соглашаются туда пойти добровольно. А волеизъявления свободного разумного человека еще никто не отменял и не имеет права оспорить.

В голосе Кая послышался сарказм.

– Как они могут добровольно на это пойти?.. – не могла поверить я своим ушам.

– Я же говорю: не стоит недооценивать других. Протурбийцам прекрасно знакомы как сильные стороны людей, так и их слабости. Их интуиция ведет их и никогда не обманывает. Люди не слушают интуицию.

– Но только не ты, – прищурилась я, – ты всегда ее слушаешь. И еще этого... схура, да? Ты всегда прислушиваешься к нему.

– Меня научили.

– Хорошо, – потрянула я головой. Чтобы свыкнуться с услышанным, требовалось время. – А меня ты можешь чему-нибудь научить? Ну, помимо схура, про которого мы уже говорили.

– Могу, – равнодушно отозвался он, – но для этого ты сама должна захотеть чему-то научиться.

– А я и хочу! Хочу научиться!

– Чему, например?

– Да хоть протурбийскому! Ты так здорово на нем болтаешь, а я, кроме «здрости», «до свиданья» и «спасибо», мало что запомнила. – Я загорелась этой идеей. – А что? Куда нам тратить свободное время, пока идем? Научи меня каким-нибудь полезным фразам!

Кай фыркнул.

– Ладно, учись. Повторяй.

Он произнес слово, и на слух оно звучало достаточно просто. Но когда я попробовала его повторить, оказалось, что язык, как тряпка, болтается во

рту и то, что должно было звучать как резкое отрывистое «ш», на самом деле так не звучало.

– Еще раз. – Кай снова произнес слово.

– Как ты складываешь язык, чтобы получалось?! – возмутилась я.

– Если повторишь тысячу раз, у тебя тоже получится, – «вдохновил» меня он.

Я простонала. Но делать нечего, сама напросилась. Повторила.

– Не «ш», а «ш», – заметил Кай.

– Для меня все твои «ш» звучат одинаково! И все они непроизносимы!

– Пока ты не научишься хотя бы говорить, как протурбиец, даже не надейся стать в их глазах кем-то выше примитивного существа. Их язык сложен, они этим гордятся и всегда с удовольствием наблюдают за попытками его копировать.

Теперь я уже зарычала. Стиснула кулаки и повторила слово пять раз.

– Все равно это не «ш», – безжалостно издевался надо мной Кай.

– Да что это хоть значит? – рассвирепела я. – Надеюсь, какое-нибудь ругательство. Хоть будет мотивация его выучить и практиковать на всех шибко грамотных!

– Нет, не ругательство, – неожиданно рассмеялся он. – Это означает «пощадите».

– Пощадите?! – Я даже дар речи утратила на несколько секунд. – Ты учишь меня говорить «пощадите»?!

– А что такого? – с невозмутимым видом ответил Кай. – Очень полезное слово в нашей ситуации.

– Но... «пощадите»... – я собралась с мыслями, – это унижительно! Я думала, ты научишь меня другому! Если уж речь зашла о возможной опасности, то хотя бы это должно быть «не подходи, а то хуже будет!».

– Белоснежка, – Кай смерил меня взглядом, – тебя можно сломать одной левой. И ежу понятно, что в случае опасности хуже будет только тебе.

– Но лучшая защита – это нападение, – парировала я. – И вообще, почему сразу о плохом? Ты мог бы начать с нейтральных фраз типа «где тут у вас рация, чтобы связаться со спутником?» или «помогите нам вернуться домой».

– Ты это не выговоришь, – покачал он головой.

– А «козлиная рожа» выговорю? – надулась я.

– «Козлиная рожа» выговоришь, – чересчур уж покладистым тоном заявил Кай, – но я тебя такому учить не буду.

– Это еще почему?!

– Девушкам некрасиво ругаться, как пьяным грузчикам.

– Гребаный протурбийский язык!

Кай рассмеялся. Я отвернулась, чтобы он не заметил мою собственную улыбку. Ну а что еще оставалось делать? Ссориться из-за каких-то фраз на протурбийском было бы глупо. Но чтобы он не расслаблялся, я сделала вид, что обиделась всерьез.

Неожиданно Кай дернул меня в сторону и прижал всем телом к стволу дерева. На его лице не осталось и следа от веселья. Поймав мой взгляд, он с очень серьезным видом приложил указательный палец к губам. Я кивнула. Все это мы уже проходили. Кай убрал руку, потянул меня вниз, на землю. Ползком по траве мы забрались в ближайший куст и затаились.

Вдалеке черным ручейком потекли ашры. Я сжалась в комок, вспомнив, как беспечно болтала с Каем. Вот тебе и выброс из фантазий в реальность. Один приятный вечер так затуманил мой разум, что я забыла, как это страшно – встретить бесполох существ. Больше не хотелось шутить и смеяться. Да и отважный марш-бросок к хвостовой части вдруг, как раньше, стал казаться невыносимо долгим путешествием.

Несколько минут – и все закончилось. Последняя фигура мелькнула среди листвы и исчезла. Не сговариваясь, мы с Каем не торопились вставать. Полежали так еще какое-то время, пока не убедились, что ашры не вернутся. Наконец я позволила себе дышать ровнее и только теперь заметила, что все это время крепко цеплялась за руку Кая. На тыльной стороне его кисти остались красноватые лунки от моих ногтей. Он посмотрел долгим взглядом на это «украшение» и вздохнул:

– Учи лучше «пощадите», Белоснежка. Мне так будет спокойнее.

Я не спорила. Я вообще поняла, что с Каем лучше не спорить. Если бы не природное упрямство, иногда игравшее внутри, – давно была бы тише воды, ниже травы. Когда мы двинулись в путь, начала послушно бормотать под нос это слово. В конце концов, надо же с чего-то начинать.

На место у реки, где Бизон сбросил меня с дерева во время бури, мы вышли во второй половине дня. Я заметила на ветвях знакомые фигурки обезьян и напряглась.

– Макаки вернулись.

– Вижу, – вполголоса ответил Кай, – давай не делать резких движений.

Животные покрикивали резкими голосами, но пока предпочитали не нападать. Медленными, аккуратными шагами мы продвинулись по берегу и остановились, чтобы оглядеться. Землю тут основательно подмыло, на кусте висели лохмотья одного из наших бывших брезентов. К сожалению, уже непригодного к использованию. Я вспомнила, как мы прятались от

бури, и поежилась.

– Как ты думаешь, Бизон где-то тут?

Кай изучал что-то под ногами.

– Вижу следы. Вроде его ботинки. Был тут, когда вода схлынула. Наверно, пересидел на дереве, потом слез, – он вскинул голову, – рюкзаков на ветвях нет. Видимо, забрал с собой.

– Или утащили обезьяны. Они ведь могли? – предположила я.

– Могли. Но Бизон бы не сдался им без боя. Тогда бы мы наткнулись на следы борьбы. Но их нет.

– Чудища тоже нет, – спохватилась я.

– Его могло унести течением, когда река вышла из берегов, – Кай повернулся ко мне, – ну не ожило же оно, Белоснежка!

– Ну кто его знает... – протянула я. – От местного контингента всего можно ожидать. Так что, Бизон просто ушел? Собрал вещи и отправился восвояси?

– Возможно, пошел дальше к звездолету. – Кай посмотрел на противоположный берег. – Думаю, он считает нас мертвыми. Я бы точно на его месте так считал.

Я тоже взглянула в том направлении.

– Что же будет, если Лиза до сих пор там и жива? Он же убьет ее! Даже без особого повода! Просто чтобы ему досталось больше еды!

Кай не ответил. Хотя так было даже лучше. Слушать его очередные мрачные прогнозы по поводу будущего Лизы я бы не выдержала. И так спасалась лишь тем, что гнала от себя дурные мысли.

– А вдруг... Бизона унесли ашры? – прошептала я. – Не зря же мы опять на них наткнулись неподалеку.

Руки Кая легли на мои плечи и бережно, но твердо развернули меня.

– Мы этого никогда не узнаем, Белоснежка, – он погладил меня по щеке. Я точно знала: чтобы успокоить и утешить, – если будем просто стоять вот так.

Над нашими головами пронзительно заверещала обезьяна. Хор голосов подхватил ее вопль.

– Пойдем, – Кай переменился в лице, схватил меня за руку и потащил в воду, – быстрее, пока они не начали кидаться или не позвали сюда кого-то еще.

– Прямо так?! – взвизгнула я, когда с разбега вступила в ледяную воду.

После чудесного спасения из потопа страх еще жил внутри. Я понимала, что сейчас нет бури и поверхность реки спокойная, но воспоминания о том, как тонула, возвратились с прежней силой. От этого

все мышцы одеревенели, и если бы Кай не тянул за собой, я бы так и стояла истуканом.

– Нам все равно надо на ту сторону! Давай! – рявкнул он, и в это время в траву позади меня со свистом приземлился первый камень.

Я по инерции сделала несколько шагов, чтобы избежать очередного удара. Но как только течение коснулось ног, обволокло колени, снова застопорилась. Обезьяны скакали по веткам и вопили. Несколько камней, брошенных с особой меткостью, подняли фонтанчики брызг у самой кромки воды.

– Нельзя стоять долго! – дернул меня за руку Кай. – Хочешь второй раз ангину подхватить?

Ступни и правда стали замерзать, не говоря уже о том, что я промочила обувь и низ штанин. На жаре невелика беда, но чтобы высохнуть, требовалось для начала выбраться на сушу. А я только и могла думать о том, как погружаюсь в пучину с головой.

– Мы не можем вернуться назад! – скрипнул зубами Кай. – Уже не можем!

Зачем он продолжал это втолковывать? Я и сама все прекрасно понимала. Но одно дело – мысленно согласиться, а другое – заставить непослушное тело двигаться. Что там говорилось про инстинкты? Мои, например, отчаянно вопили, чтобы я оставалась на месте.

– Т-там глубоко... – пролепетала я.

– Ну как хочешь, – со свирепым выражением лица Кай потянулся ко мне, но я с визгом отпрыгнула и едва не плюхнулась на спину: илистое дно под ногами оказалось скользким.

– Мы упадем оба! Не надо! – закричала я.

Кай хотел что-то ответить, но вдруг охнул и согнулся в три погибели.

– Что такое? – У меня внутри все оборвалось.

– Нога... – с мучительным стоном он схватился за колено, – от холодной воды рану разбередило... ох, твою ж налево...

Я едва успела подставить плечо, чтобы Кай не упал. Он крепко стиснул челюсти, аж зубы заскрипели.

– Больно, да? – Я так разволновалась, что забыла о своих собственных бедах.

Оглянувшись, но обезьяны продолжали караулить нас. Посмотрела вперед. Всего каких-то несколько метров. Вроде и немного, но кажется – непреодолимое расстояние.

Кай снова застонал, на этот раз громче. Выдохнув, с полной обреченностью в душе, я шагнула вперед, помогая ему передвигаться.

Наши ноги скользили по дну, по мере погружения течение так и норовило принять в свои объятия. Я чувствовала, как бьется сердце: мелко-мелко, как у птицы. Но Каю было гораздо хуже, без моей помощи он давно бы упал, а ведь еще умудрялся держать узел с вещами!

Вода поднялась выше бедер. Когда обжигающий холод добрался до пупка, я втянула живот. Но теперь берег стал ближе, и, как раненый зверь, из последних сил я рванулась к спасительной суше. Еще один шаг заставил ахнуть от ледяных мурашек по коже, но потом стало легче. Уровень воды снижался. Кай, видимо, тоже ощутил облегчение. Он меньше опирался на меня и больше – на свою ногу. Поднимая брызги, мы уже почти без помощи друг друга преодолели последние сантиметры и упали на траву.

Я стянула обувь, вылила из нее воду, кое-как отжала штаны. Посмотрела на реку, все еще не в силах поверить, что сумела преодолеть это препятствие. И на нас даже никто не напал! Редкая удача! Обезьяны на том берегу утихли, потеряв к нам интерес.

– Ну как ты? – вспомнила я о Кае и повернулась к нему.

Он выглядел странно. Откинулся назад, на локти, и совсем не казался пострадавшим. На губах играла виноватая улыбка.

– Уже лучше. Спасибо. Ты меня спасла.

– Что? – До меня медленно доходило, что же на самом деле случилось. – Так у тебя ничего не болело! Ты притворялся! Ах ты... да ты специально это сделал! А я... а ты...

– Тише, тише. – Он перехватил мои запястья, когда я со сжатыми кулаками готовилась отомстить за обиду. – Моя храбрая победительница ашров. Ты становишься смелой, только когда надо спасти того, кого тебе жаль.

Несколько мгновений я еще смотрела ему в глаза, а потом опомнилась, отобрала руки и отвернулась. Кай не стал удерживать. Я не знала, злиться на него или благодарить. Если бы не его уловка, мы бы по-прежнему топтались посреди реки. Но использовать мои слабости против меня! Сам же недавно говорил, что так поступают протурбийцы с примитивными людишками! Так вот какой он меня считает? Примитивной?!

Я фыркнула в ответ на собственные мысли.

– Бизон тоже проходил здесь, – отвлек меня от размышлений голос Кая. – Вон его следы на берегу.

– Обнови мазь на ране после купания, – только и проворчала я в ответ.

После небольшого отдыха мы двинулись дальше. Местность на этой стороне реки изменилась. Лес стал гуще, и наш путь лежал под заметным уклоном вверх. Мы поднимались на возвышенность. Я припомнила, что на

карте где-то в этом районе видела горы, но из-за густой растительности не удавалось что-то рассмотреть.

Через некоторое время на небольшом пятачке под деревом обнаружилось кострище. Кай опустился на колени, потрогал золу.

– Едва теплая. Почти остыла.

– Бизон? – напряглась я и на всякий случай огляделась.

– Скорее всего. Что-то мы не встречали в местных лесах кострища ранее. Только разводили сами. А у него остались все вещи. – Кай пошарил в траве и хмыкнул: – Рыбьи кости. Видимо, запекал тут рыбу и ел.

– Это точно Бизон, – кивнула я, – вот же зараза! Трескал то, что ты наловил!

Похоже, встреча с бритоголовым была неминуема. Мы шли по его следам к той же цели, что и он. Что случится, когда мы, наконец, посмотрим в глаза друг другу? Испытает ли он стыд за то, что натворил? Вряд ли, ведь после убийства Кати только паясничал и притворялся невиновным. Спустить еще одно преступление Бизону означало развязать ему руки. Он почувствует вседозволенность. На Земле бы его посадили за решетку и изолировали от общества, чтобы больше никому не причинил вред. Но здесь не было решеток или властей. По суровым законам чужой планеты существовал лишь один выход – мы должны его убить.

Кай не говорил об этом, но я понимала все без лишних слов. После найденного кострища он вынул нож и держал его в руке, пока мы шли дальше. Немедленная готовность к бою сквозила в каждом движении.

Еще через некоторое время впереди в траве замаячило что-то серое. Придержав меня, чтобы не рвалась на амбразуру, Кай осторожно приблизился.

– Шкура...

Он нагнулся и поднял ее за край.

– Это шкура того монстра! – воскликнула я. – Бизон содрал ее и хотел взять с собой. Странно, почему вдруг бросил?

– Может, и не бросил, – задумчиво протянул Кай, поглаживая мех большим пальцем. Поднял голову и посмотрел вокруг. – Смотри. Вон как на кустах ветки изломаны. Словно кто-то продирался. Шкура могла выпасть, если он... бежал.

– От кого? – Я сглотнула. – От ашров?

Кай лишь пожал плечами. Он пошел вперед, волоча находку за собой. Я поспешила следом.

Один из рюкзаков мы нашли шагов через пятьдесят от этого места так же брошенным в траву. Мне все больше начинало казаться, что я

поторопилась выносить Бизону смертный приговор. Кто-то более расторопный сделал это за нас.

Кай присел, подергал застёжки, заглянул внутрь.

– Все на месте. – Он выпрямился и бросил находку к моим ногам. – Придется тебя нагрузить, Белоснежка.

Без лишних слов я взвалила ношу на спину. Если Бизон не взял ничего, значит, тоже бросил впопыхах? Словно скидывал груз, чтобы было легче уносить ноги? Мое воображение разыгралось, подкидывая одну картинку за другой.

– Мы по-прежнему идем по его следам? – спросила, когда мы преодолели еще какое-то расстояние.

– Мы идем к звездолету, – отрезал Кай.

– То есть... мы не ищем Бизона? Не хотим своими глазами убедиться, какая судьба его постигла?

– У нас теперь есть все вещи. Их даже больше, чем раньше. Зачем нам Бизон?

– Но... тебе не любопытно узнать, что с ним случилось?

– Нет.

– А вдруг это все-таки ашры?!

– Тем более хочу побыстрее убраться из этого квадрата.

Я вздохнула и смирилась. В конце концов, так будет лучше. Бизон сам виноват в том, что с ним случилось.

Неожиданно Кай замедлил шаг.

– За нами кто-то наблюдает.

– Что?! – Я невольно прижалась к его руке, выискивая взглядом опасность.

– Не знаю. Не могу отделаться от этого ощущения уже минут пять.

Мы замерли, слушая свое учащенное дыхание и шелест листвы над головой.

– Скоро закат, – сказал Кай зачем-то. – Нам бы поторопиться.

– Д-давай поторопимся, – откликнулась я.

Но не успели мы припустить дальше, как раздался рев. Скорее даже воинственный клич. Что-то темное прыгнуло слева. Кай оттолкнул меня, развернулся, взмахнул ножом. Клич перерос в вопль боли. Широко распахнутыми глазами я уставилась на низкорослое и коренастое мохнатое существо, отпрыгнувшее назад. Человек? Кровь из рассеченного запястья потекла вполне настоящая, темно-красная. Нет, протурбиец! Просто руки настолько покрыты грязью, что желтая кожа кажется серой, но длинные черные ногти ни с чем не перепутать.

В то же время он совсем не походил ни на Тхассу, ни на того, больного пузырчатой болезнью. Волосы спутанной паклей торчали вокруг головы. То, что поначалу я приняла за мех на теле существа, оказалось всего лишь одеянием. Ноги были босыми, выражение глаз с тонюсенькими зрачками – диким. Их взгляд то и дело с ненавистью возвращался к шкуре, которую Кай тащил за собой и отбросил в момент нападения.

Открыв рот, дикарь затараторил что-то. На лице Кая отразилось удивление. Не успела я и глазом моргнуть – как чужак изловчился и снова прыгнул на Кая. Меня он словно не замечал. Все произошло стремительно. Только что они оба стояли на ногах – и вдруг оказались в плотном клубке на земле. А в следующую секунду рука Кая со стиснутым в кулаке ножом оказалась у его собственного горла, а дикарь с перекошенным от злобы лицом нависал над ним, удерживая в таком положении.

Меня словно кипятком окатили.

– Нет! – Не помня себя, я бросилась на колени. Вцепилась в мохнатое, источающее смрад плечо. Спасительное слово на протурбийском пришло на ум само собой: – Пощадите! Пощадите!

Оскалив кривые желтые зубы, дикарь принялся еще глубже вдавливать лезвие в кожу Кая. Тот напряг мышцы, чтобы преодолеть сопротивление, но коротышка оказался на удивление силен.

– Пощадите! – снова крикнула я в отчаянии.

– Он... не понимает, – прохрипел Кай, продолжая бороться за жизнь, – он... не говорит по-протурбийски.

Не понимает?! Я чуть не плюнула от горькой досады. Теперь стало ясно, почему Кай так удивился, услышав тарабарщину. Но времени раздумывать не осталось. В любой момент могла пролиться кровь. Не придумав ничего лучше, я схватила собственные волосы и затрясла их кончиками прямо перед жуткой рожей дикаря.

– Смотри! Видишь? Смотри! Нравится?

Уловка сработала. Нападающего удалось отвлечь. Я специально погладила прядки, поиграла ими, позволяя вдоволь налюбоваться. Для Тхассу же мои волосы показались настоящим сокровищем, а я сделала ставку на то, что протурбийцы, даже полудикие, вряд ли так уж сильно отличаются друг от друга.

– Смотри, красиво? – продолжила я, сама едва дыша от страха. Любое неверное действие могло стоить жизни не только Каю, но и мне. – Хочешь, подарю?

Дикарь издал гортанный звук, в котором почудилась заинтересованность. Помогая себе жестами и мимикой преодолеть

языковой барьер, я принялась торговаться.

– Не надо убивать. Не надо. Друзья. Понял? Мы – друзья, – помахивая одной прядкой, я протянула свободную руку и положила ее поверх сплетенных в твердой хватке пальцев Кая и дикаря. Только бы не сделать хуже... только бы...

Дикарь едва уловимо дернулся, будто хотел сбросить мою ладонь. Кай со свистом втянул в себя воздух.

– Смотри, – позвала я чужака ласковым голосом, – дарю. Красиво? Дарю.

Нащупав лезвие, я просунула пальцы между руками обоих и попыталась добраться до рукоятки. Бросила взгляд на Кая. С ножом у горла, на волоске от смерти он не мог сделать ничего, кроме как положиться на меня. Решится ли? Доверит ли свою жизнь моим неумелым дрожащим рукам? Без слов, без договоренности, просто как единственный шанс на спасение?

Кай тоже посмотрел на меня. Его глаза умоляли не творить глупостей. Но пальцы слегка разжались, позволяя перехватить нож. Медленно и осторожно я вытащила лезвие. Так, чтобы дикарь видел, поднесла к своим волосам. Отсекла прядку. Тот следил как замороженный. Я протянула подарок на ладони.

– Друзья. Бери. А мы уходим, – показала на Кая, – убивать нельзя. За подарок.

Дикарь взял прядь волос из моих рук. С благоговением поднес к носу, понюхал, высунул бледно-розовый язык и кончиком попробовал на вкус. Его лицо озарилось радостью.

– Давай, Белоснежка! – шепнул Кай.

Одним движением я сунула нож обратно в его пальцы. Но нанести удар он не успел. Вскинув голову, дикарь закричал что-то и отбил его руку. С разных сторон, как тараканы из коробки с печеньем, на нас повыпрыгивали и повыбегали такие же, как он, мохнатые полурослики. Кай сделал рывок, но его перехватили еще двое. Дикарь повернулся ко мне. Грязная пятерня просвистела в воздухе, накрыла мое лицо. В следующую секунду мой затылок пронзила боль, зубы клацнули, все вокруг дрогнуло... и растворилось.

* * *

Первым, что я почувствовала, когда очнулась, была боль. Она

охватывала всю голову, спускалась вниз от затылка и тошнотворной волной подкатывала к горлу. А затем я открыла глаза и обнаружила, что стою, точнее, подвисяю на веревках, крепко привязанная к столбу.

Впереди открывалась широкая площадка, обрамленная кустарником и деревьями. Над головой раскинулась россыпь звезд. Справа чернело что-то крупное, похожее на статую. У подножия подмигивали красные угольки остывающего костра. Приглядевшись, я заметила, что это массивная фигура того самого волкоподобного чудовища, то ли вырезанная, то ли высеченная из какого-то природного материала.

Я тихонько охнула, заметив, что к двум ближайшим столбам тоже кто-то привязан. Пошарила взглядом в поисках мохнатых коротышек. Вроде бы никого. А вдруг поблизости сидят, и я их просто не вижу? Но при виде Кая, обездвиженного рядом в такой же позе, все остальное перестало иметь значение. Его руки были заведены назад вокруг толстой колонны и связаны там. Он стоял, опустив голову, и, казалось, даже не дышал.

– Ты жив? – горячо зашептала я. – Пожалуйста, скажи, что ты жив!

Кай пошевелился. Даже в полумраке я видела темную запекшуюся кровь на его виске, разбитый уголок губы.

– Пока... да.

В это время фигура у соседнего столба задергалась.

– А... ты еще жива... – послышался не очень внятный голос Бизона. – Мы с кэпом тебя уже похоронили.

– Не слушай его, – произнес Кай, чуть повернув ко мне голову.

Я кивнула. И так старалась не слушать. Вот только крепко затянутый узел на плетеной из жесткого волокна колючей веревке никак не желал развязываться, как ни пыталась я его растянуть и ослабить.

– Как это не слушай? – свирепым шепотом возмутился бритоголовый. – Надо быстрее отсюда драпать! Они убьют меня... я не хочу умирать... вы не знаете, что они со мной делали...

Мои руки опустились. По спине пробежал холодок. Внутреннее чутье убеждало меня не доверять Бизону, но если это отчаяние – игра, то он – гениальный актер. – Они резали меня... пытали меня... – бритоголовый шмыгнул носом, – и будет еще хуже...

Я не сомневалась, что будет. Судя по тому, каким диким выглядело племя, нас готовили к жертвоприношению. То, что жертв оставили связанными здесь, означало, что время ритуала просто еще не подошло. Нет уж, не так мне хотелось закончить свои дни! Чем больше я об этом думала, тем сильнее билась в путях.

– Дана... – позвал Кай безжизненным голосом.

Я не ответила. Только скрипнула зубами, продолжая бороться.

– Дана...

– погоди минутку. Не отвлекай.

Он покачал головой.

– Бесполезно. Я пробовал. Побереги силы.

– И сколько нам стоять так? – сдалась я. – Что с нами будет?

Кай грустно улыбнулся мне краешком разбитой губы.

– До утра. Если я правильно понял, они ждут, пока на небе останется лишь Сшат-Ацхала.

Восход всегда ассоциировался у меня с началом чего-то нового, чистого. С пробуждением нового дня. Заметив, что стало светать, я поймала себя на мысли, что больше так не считаю. Краешек белесых облаков на востоке, чуть подсвеченных бледно-розовым, ежесекундно напоминал о грядущей смерти. Если бы могла, я отложила бы восход, а лучше – отменила бы его совсем.

Ноги подкашивались от усталости. Неизвестно, сколько мы простояли так, опустив головы, в полном молчании, потому что обсуждать тут было нечего. Холод пробирал до костей. Я дрожала, повиснув на веревках, и поглядывала на небо. Каждая звезда, померкнувшая над головой, как еще одна песчинка в древних часах, упавшая из одной половины в другую.

Вдалеке раздались монотонные глухие удары. Барабан. Разве еще не рано? Еще очень, просто непозволительно рано! Полнеба еще усыпано крохотными мерцающими точками! Полнеба! Это же почти целая жизнь!

– Они идут, – упавшим голосом заговорил Бизон.

Теперь, когда сумерки рассеялись, я могла видеть, что с ним сотворили. Глаз заплыл и налился фиолетовым, одежда превратилась в лохмотья, залитые кровью. Если Кая просто избили, очевидно, чтобы подавить сопротивление, то бритоголовому досталось не на шутку. Странно, но закономерного злорадства я не почувствовала. Вообще ничего не чувствовала. Кроме страха перед грядущей судьбой.

– Заткнись, – пошевелился Кай, – ты уже достаточно наскулился.

– А я не с тобой говорю, кэп, – ответил Бизон и позвал: – Дана...

Я вздрогнула. Кажется, бритоголовый впервые назвал меня по имени? От этого стало только хуже. Если он отложил свои прошлые издевки, значит, совсем потерял надежду.

– Дана, ты слышишь меня?

– Д-да, – неохотно откликнулась я.

– Ты ведь меня ненавидишь, да? Признайся. Ты меня ненавидишь.

Грохот барабанов приближался. Я прикрыла глаза. Мне хотелось

поговорить с Каем. Хотелось, чтобы это он со мной заговорил. Сказал хоть что-нибудь... хотя бы спросил что-нибудь неуместное, как Бизон.

Но он молчал.

– Ненавидишь, я знаю, – продолжил бритоголовый. – Ведь это я убил твою подругу. Я накормил ее теми ягодами. Она нам мешала. Мешала идти. Выживать. Ты бы сама сказала мне спасибо. Потом. Тебя я убивать не хотел. Просто... так вышло. Остались ты и я. Кто-то должен был...

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Не хочу умирать непрощенным. Прости меня, – его голос дрогнул. – Прости за все.

Я фыркнула. Как будто одним «прости» можно было перечеркнуть все, что он сделал! И как будто сейчас это уже имеет какое-то значение. Прощу я его или нет – наша судьба не изменится. Будущее не станет другим. Я повернула голову. Единственный уцелевший глаз Бизона смотрел на меня с мольбой. Внезапно до меня дошло: это важно для него. Он верит, что если получит прощение, то станет легче. И только от меня зависит, как распорядиться его последними минутами. Надавить на рану сильнее или облегчить боль?

Но каково будет мне самой? Переступить через себя, через память Кати, чтобы очистить совесть ее убийцы? Или остаться непреклонной до последнего, хотя эта месть выглядит мелкой и не приносящей особого удовлетворения?

Всего на миг я засомневалась в правильности решения, а потом выдохнула:

– Хорошо. Я тебя прощаю.

На склоне показались пылающие факелы. Барабан оглушительно отбивал ритм. Много дикарей... целое племя двигалось к нам. Бизон уронил голову на грудь. Его лицо сморщилось, все тело сотрясилось будто в конвульсиях. Я перевела взгляд на Кая. Он наблюдал за мной исподлобья. Видимо, если какие-то важные слова и должны быть сказаны, то произнесу их только я.

– Прости меня! – повысила я голос, чтобы перекрыть барабанный грохот. – За то, что не послушалась и не осталась в хижине. И за то, что постоянно говорила, что ты во всем виноват. И за капкан. И за ледяную реку. И за...

– Я бы убил тебя сейчас, если бы мог, – вдруг перебил он, и его зрачки пульсировали, затмевая собой радужку. А может, это просто играли отблески факелов.

Дар речи на миг оставил меня, а Кай продолжил:

– Чтобы ты не видела, что будет дальше. Чтобы ничего не почувствовала. Я бы дал тебе яд. Я вспомнил, что где-то видел поблизости такое растение. Ты бы даже не заметила, как уснула...

По моему лицу потекло что-то теплое, и я с опозданием сообразила, что это слезы. Барабан замолчал. Все вокруг затихло, только пламя потрескивало на утреннем ветру. Из толпы дикарей вперед выступила низкорослая косматая женщина.

Ее скуластое лицо резкостью черт напоминало скорее мужское, но тяжелые груди под меховым одеянием без рукавов не позволяли усомниться в половой принадлежности. В волосах я заметила прядки другого цвета, а присмотревшись, поняла, что это шерсть животных, вплетенная в качестве декора. Руки дикарки были сплошь покрыты белесыми шрамами, словно кто-то долго полосовал ее ножом от пальцев и до локтей. За ее спиной осталась свита с факелами. Чуть дальше – дикари всех возрастов, от стариков до детей. Последние выглядывали из-за спин взрослых, совсем малыши с любопытством ковыряли пальчиками во рту, изучая нас.

Шаманка – а по-другому я не придумала, как окрестить ее, – приблизилась ко мне. Протянула свою жуткую изуродованную руку. Длинные ногти на пальцах загибались книзу. Всегда недоумевала, почему протурбийцы предпочитают отращивать их? Я только начала изучать культуру другой цивилизации, но уже успела наслушаться о некоторых привычках. Теперь, увидев вблизи эти ороговевшие пластинки, кажется, поняла. Они выглядели очень прочными и толстыми. По крайней мере, вдвое прочнее человеческих. Должно быть, обрезать такие каждый раз доставляло много хлопот, не говоря уже о спиливании. Животные же не обгрызают когти, данные природой. Вот и здесь ногти скорее напоминали дополнительное средство обороны.

Глаза шаманки с узкими зрачками внимательно разглядывали меня. Зловонное дыхание вылетало из приоткрытых сухих губ. Кончики ногтей коснулись щеки. Я вытянулась в струнку. Больше ничего не могла сделать. Острые, как лезвия, края вонзились в кожу, оставляя длинные полосы до самого подбородка. Я с трудом сдержала стон, не из безумной храбрости, а от страха, что этим только раззадорю ее. На краю сознания билась мысль: мне расцарапали лицо! С удовлетворением оценив свою работу, женщина захватила мои волосы, в ее взгляде проснулся интерес. Да она не шаманка – ведьма! Перебирая локоны меж пальцев, дикарка что-то произнесла.

– Я не понимаю... – простонала я. – Не понимаю...

И проблема тут крылась даже не в языковом барьере. Как договориться

с теми, кто изначально существует по иным законам? Цивилизация бессильна перед дикой природой, рациональные правила не работают, вызывать к человечности бесполезно.

Внезапно женщина сжала кулак и дернула. Я невольно вскрикнула от боли, но она уже отступила, наматывая на указательный палец вырванные волоски. Повернулась к Каю. Он откинул голову назад, но разве мог избежать прикосновений? Шаманке пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться, но она добилась своего. Черные ногти вонзились в незащищенную шею, сдавили кадык. Казалось, еще миг – и шаманка распоросует свою жертву. Кай уставился на нее сверху вниз, и если бы не связанные руки, я бы не сомневалась, что он бы уже избавился от угрозы. С недобрый видом дикарка усмехнулась, потянулась выше, резко рванула за волосы над ухом. Кай выругался сквозь зубы.

Бизон в ожидании своей очереди трясся всем телом. Он шумно задышал, вздев глаза к небу и раздувая щеки, когда женщина остановилась перед ним. Лысый череп бритоголового вряд ли подходил для пополнения коллекции волос, но шаманка и тут нашлась. Она засунула пальцы в прореху на его одежде, расширила дырку. Запустила уже всю руку внутрь. Бизон дергался и извивался, а под конец взвыл, когда необходимый материал был взят с его живота.

Скатывая волосяной шарик в ладонях, шаманка направилась к статуе божества. В свете зари были заметны уже мельчайшие детали: злобно оскаленные клыки, воссозданные в точности с натуры громадные когти, безумные глаза. Похоже, монстра высекали из камня, долго, упорно, если учесть отсутствие у племени современных инструментов. И, несмотря на жуткий вид, получился настоящий шедевр скульптуры. Я бы с удовольствием любовалась на него в музее. Или поразглядывала на страницах учебника. Но вот так, вживую, понимая, что именно этому куску камня отдадут мою жизнь... все внутри бунтовало против подобного.

По сигналу шаманки двое дикарей бросились разводить почти угасший огонь в ногах идола. За спиной фигуры возвышалась глыба, расписанная схематичными рисунками. Вот монстр рвет когтями животное, напоминающее лошадь. Вот придавливает к земле обезьяну, громко орущую, судя по раскрытому рту и выпученным глазам. А вот смачно давит в пасти человеческую фигуру. Всюду сцены, где чудо-волк выходит победителем. Наверно, для племени стало настоящим шоком, что их божество убили чужаки в странных одеждах, а потом еще разгуливали в шкуре.

Огонь в ритуальном кострище разгорался все ярче. Шаманка бросила

туда наши волосы, воздела руки вверх, обращаясь к морде чудища, нависшей над ней. Один из дикарей с поклоном поднес длинный и острый камень. Женщина приняла оружие, завопила еще громче и полоснула себя по левому предплечью. В жаркие языки пламени с шипением упало несколько капель крови. Я поняла, откуда взялись все шрамы на ее руках. Это сколько же жертвоприношений она успела совершить!

Снова грянул барабан. Шаманка наклонилась, подняла с земли кусочек угля, давно остывший. Повернулась со сверкающими глазами. Крикнула, и в этом вопле мне почудилась вся ненависть ее народа. Трое дикарей подступили к нам. Я зажмурилась, понимая, что совершенно бессильна. Искушенные губы запеклись от учащенного дыхания. Мою кофту вместе с майкой и нижним бельем с треском разорвали на груди. Точно такой же звук разрываемой ткани послышался рядом. Прохладный воздух коснулся ребер, вызвал мурашки на коже.

Когда я открыла глаза, все смотрели наверх. Мой взгляд невольно тоже устремился к небу. Даже не смущало, что стою теперь с голой грудью перед толпой. Сшат-Ацхалу, похожую на капельку крови, нашла почти сразу. Но неподалеку еще оставались и другие мерцающие точки! Я повернула голову к Каю, желая поделиться с ним радостью.

– Еще не сейчас! Ты видел? Еще есть время.

– Да, – он улыбнулся мне одними губами, – еще немножко есть.

Первые лучи выстрелили вверх из-за горизонта. Небо светлело, постепенно растворяя в себе свет чужих звезд. Скоро и Сшат-Ацхала погаснет. Но, наверно, мы этого уже не увидим.

Раздался вопль. Бизон вжимался в столб и дрожал, а шаманка стояла перед ним и чертила углем на его груди полосы. От правого плеча вниз, к поясу. Затем от левого – то же самое. Получалась галочка или буква «V». Другой рукой, в которой держала острый камень, повторила движения. Хоть и не касалась жертвы, но стало понятно: это метки для будущих надрезов. Оставив бритоголового, дикарка повторила знак на груди Кая. Я отвернулась, когда шершавый кусочек угля вдавился в мою собственную кожу. Не буду об этом думать. Не буду! Я и так уже на грани.

Зачем только посмотрела вверх? На небе, кроме Сшат-Ацхалы, осталась лишь одна звезда. Совсем одна, а солнце поднималось, вступало в права, щедро разливало золото по редким облакам. Горло перехватило. Мне столько хотелось сказать! Каю, своим родителям, друзьям и подругам. Будто одновременно тысяча голосов забормотала в голове. Вот только в слова мысли не облекались.

– Кай! – позвала я в отчаянии и умолкла.

Он повернулся. Понял все без слов.

– Я знаю, Белоснежка. – Кай снова улыбался мне, только теперь не из чувства поддержки, а той самой улыбкой, которую я видела промелькнувшей на его губах, когда мыла ему голову. – Я знаю. Береги силы.

В воздухе запахло чем-то сладким. Шаманка медленно обходила нас, держа в руках чашу, из которой валил дым. Он першил в глотке, туманил голову. Я отвернулась, сморщила нос, не желая вдыхать глубоко, но услышала голос Кая:

– Дыши. Это обезболивающее. Ты ничего не почувствуешь.

Повинуясь ему уже на уровне инстинктов, я сделала вдох. Земля ушла из-под ног, в груди словно кто-то откупорил бутылку шампанского, и легкие пузырьки защекотали желудок.

– Зачем? – услышала я будто издалека свой голос. – Зачем они вдруг стали такими добрыми?

– Чтобы мы дольше продержались. Чтобы видели, что с нами делают, и оставались в сознании, – ледяным тоном пояснил Кай.

В сознании?! Я широко распахнула глаза в попытке сфокусировать взгляд. Ни рук, ни ног больше не ощущала. Просто дрейфовала по воздуху, а столб был моим якорем, не позволяющим улететь далеко.

Чашу унесли. Раздался громкий хохот. Я тряхнула головой, поначалу решив, что это слуховая галлюцинация. Но он не затихал. Тогда я вытянула шею, чтобы шикнуть на весельчака, решившего посмеяться над нами. Им оказался Бизон. Шаманка стояла перед ним и медленно вела по его груди острым камнем, а он смотрел на это и безудержно хохотал, хохотал, хохотал...

– Дана! – снова позвал меня Кай. – Закрой глаза. Закрой глаза. Закрой...

Я честно выполнила его просьбу. Показалось, что дунул ветер и зашелестела листва. Странно, ведь на лице и теле не ощущалось движения воздуха. Шелест превратился в шепот, усилился и сменился визгом и воплями. Из праздного любопытства я приоткрыла один глаз. Так удивилась, что распахнула и второй.

Побросав факелы, толкая друг друга, унося на руках детей, племя улепетывало со всех ног. Позабыли и про божество, с оскаленной пастью взирающее на этот беспредел, и про нас, недобитых пленников. Только Бизон продолжал хохотать, когда шаманка, уронив камень к его ногам и переменившись в лице, бросилась вдогонку за своим народом. В мгновение ока площадка опустела.

Меня тоже вдруг разобрал смех. В унисон с бритоголовым я дергалась, всхлипывала и содрогалась от хохота. Кто бы мог подумать, что мы составим такой идеальный дуэт? Кай стоял между нами с мрачным видом. Его взгляд был прикован к противоположной стороне площадки.

Я туда не смотрела. Зачем? И так знала, что станет нашим главным спасением и проклятием на этой планете.

С той стороны к нам шли ашры.

Они охотились. Все как в тот раз, когда убили больного протурбийца в лесу. Черные существа не просто бесцельно слонялись по окрестностям. Они точно знали, куда идти. Сколько раз мы ни сталкивались – их действия никогда не выглядели хаотичными. Вот и теперь ашры уверенно и достаточно быстро следовали за волчьим племенем. Они почти не смотрели по сторонам. Не принюхивались, не замедляли шаг, чтобы оценить обстановку. Будто их вел какой-то... маячок? Они и по лесу так же бродили – деловито перетекая к лишь им известной цели. Казалось, сейчас их не интересовали ни скульптура, ни пылающий огонь, ни мы, три беззащитные жертвы.

Обманчивое впечатление. Когда основная масса прошла, и я уже хотела выдохнуть с облегчением, один из них, самый последний, вдруг отделился и, нелепо переставляя ноги, повернул к нам. Что ж, этого и следовало ожидать.

Бизон перестал хохотать. Резко, будто ему в рот сунули кляп. Да я и сама уже не смеялась. Гладкие бесполое тела производили гипнотическое действие. В их присутствии страшно было двигаться, дышать. Краем глаза я заметила, как дернулся Кай в напрасной попытке освободиться от веревок. Его борьба лишь привлекла монстра. Склонив голову набок, тот устремился напрямик к Каю.

– Не шевелись! – спохватилась я. – Может, повезет, как в прошлый раз.

– Ты уверена? – Он прижался к столбу, когда ашр остановился прямо напротив. Из головы существа начал расти щуп.

– Нет, – честно ответила я.

Действительно, то, что мы один раз благополучно пережили столкновение с чудиками, еще ничего не означало. Кай скрипнул зубами, пока черный шарик, покачиваясь, тянулся к нему. Монстр гипнотизировал его взглядом. Даже со стороны было не по себе наблюдать за этим, а уж пережить на собственной шкуре...

– Эти твари точно нас убьют, – забормотал Бизон. – Вот они точно убьют!

Едва коснувшись Кая, существо тут же повернулось к бритоголовому.

Тот выругался, дрожа всем телом.

– Отзови его, кэп! Отзови обратно!

– И как, по-твоему, я это сделаю? – процедил Кай.

– Не сопротивляйся! – снова не выдержала я. – Просто дай ему себя потрогать!

– Откуда ты знаешь? – сорвался Бизон. – С чего ты вдруг такая умная?

– Просто видела это уже, – уговаривала я, пока ашр подбирался все ближе, – мне кажется, мы вроде избранных. Может, потому, что не с этой планеты? Они трогают нас, но почему-то не могут убить.

Доводы немного успокоили бритоголового. Он вздрогнул всем телом, когда шарик ткнулся в его щеку, но бесполое существо уже отступило и направилось ко мне. Я просто закрыла глаза. Эти ощущения уже были знакомы. Войдя в контакт со всеми троими, ашр потерял к нам интерес. Бесшумно ступая, он устремился вдогонку за братьями.

Наконец мы остались одни. Некоторое время я не могла поверить собственному счастью. Вот уже и солнце полностью взошло, затмив лучами все звезды! Мы пережили восход! И мы живы! Только как теперь освободиться? Я начала извиваться и бороться с узлами. Кай тоже оживился. Но громче всех пыхтел Бизон. Перебирая руками, плотно заведенными вокруг широкого столба, он умудрился спуститься вниз и присесть на корточки. Начал отталкиваться ногами, поворачиваясь вокруг оси. Сначала я не поняла его маневр, но потом, когда пальцы бритоголового растопырились, сообразила.

Камень! Тот самый, брошенный дикаркой. Острый. Он лежал совсем рядом, Бизону требовалось лишь изловчиться. Я заметила, как странно торчит его мизинец. Сломан? Впрочем, в такой момент, испытывая адреналин от пережитых потрясений, бритоголовый вряд ли помнил о своих ранах. Он ухватил камень, но тут же выронил его.

– Кинь его мне, – приказал Кай, который тоже наблюдал за попытками спасения.

Бизон повернул голову и осклабился так, что и без того изуродованное лицо перекошилось.

– Нет, кэп. Не кину.

– У тебя руки трясутся. Ты не удержишь, а время идет.

– Чтобы ты бросил меня здесь? – хохотнул тот. – Оставил в отместку за прошлое? Я не дурак, кэп. Не дурак.

Застонав от боли, Бизон вцепился в камень мертвой хваткой. Просунул под веревки и начал их пилить.

– Ты возишься, – рывкнул Кай, с беспокойством поглядывая по

сторонам, – я бы сделал это быстрее.

Бритоголовый на мгновение остановился.

– Хорошо. Брошу, если пообещаешь, что возьмешь меня с собой дальше.

– Нет.

– На нет и суда нет.

Бизон сделал еще несколько рывков, потом напряг мышцы, зарычал – и веревки с треском порвались. Он упал на спину и остался так лежать. Похоже, борьба с узлами отняла его последние силы. По груди продолжала струиться кровь из пореза.

– Он слабеет, – вполголоса сказала я Каю.

Тот кивнул. Но бритоголовый услышал тоже. Повернулся на бок, встал на четвереньки, пошатнулся. Стиснул камень в кулаке и исподлобья посмотрел на меня.

– А мы снова одна команда, – прохрипел он с недоброй ухмылкой, – похоже, это наша судьба – жить одной командой или помереть так же.

Я похолодела. Совсем недавно Бизон чуть ли не рыдал перед лицом скорой гибели. Как же быстро все поменялось! Осознав, кто хозяин положения, он вернул прежнюю браваду и спесь. Страшный, измученный, пополз ко мне, ткнулся лбом в колени. Меня передернуло. Волчье племя могло в любой момент передумать и вернуться, нам следовало бежать, а вместо этого я была вынуждена стоять и бороться со смесью жалости и отвращения, пока бритоголовый терся у моих ног.

– Отстань от нее! – рявкнул Кай.

– Или что, кэп? – усмехнулся Бизон. – По стенке меня размажешь? Голову оторвешь? Ты ведь хочешь этого. Ты видел, что со мной сделали эти гады, и злорадствовал. Признай это.

Он обхватил мои бедра, подтянулся выше и прижался щекой к моему обнаженному животу. Сделал паузу, чтобы отдышаться. Я уставилась на его блестящую от пота макушку.

– Наша драгоценная Белоснежка... – Со стоном Бизон встал на ноги и зыркнул на мою грудь. Под его взглядом тут же захотелось прикрыться. – Ты ведь уже поблагодарила кэпа за то, что он тебя спас после того, как я скинул? Поблагодарила?

Я стиснула зубы. Внезапно Бизон перестал цепляться за мою талию и потянулся к разорванным лохмотьям одеяния жадными, трясущимися руками.

– Ну хватит! – вышел из себя Кай.

Пропустив угрозы мимо ушей, бритоголовый ухватил концы моей

кофты... а затем связал их узлом, прикрыв мою грудь. Я подняла на него изумленный взгляд. Ожидала чего угодно, но только не этого. Бизон это понял и фыркнул.

– Он ведь убьет меня, если я вас развяжу. Сразу же.

Его изувеченное лицо находилось совсем близко от моего. Разбитые губы прошептали:

– Попроси его за меня. Попроси. Пожалуйста.

Я пыталась разглядеть в нем подвох – и не могла. Все, что видела: загнанного в угол, никем не любимого отщепенца, который, как умел, боролся за жизнь. Напускная наглость – ширма для Кая, попытка выглядеть не хуже. Потому что самому Каю этого не требовалось. Он кричал от боли, попав в капкан, и все равно в тот момент не выглядел слабым. Вместе со мной он отсчитывал секунды до казни и умудрялся находить силы, чтобы поддержать меня если не словом, то хотя бы взглядом. Наверняка Бизон все понимал и поэтому, продолжая играть для кэпа роль, тянулся за спасением именно ко мне. Безошибочно прощупал мое слабое место и даже почти не скрывал этого. Я не была слепой. Мотнула головой в знак того, что не поддамся на уговоры. И все-таки... что-то внутри дрогнуло.

Криво ухмыльнувшись мне в лицо, Бизон сделал шаг, дернул веревки. Я услышала, как он пилит их. Щелчок – и, не удержавшись на ногах, упала на колени. От перенапряжения и усталости мышцы не слушались, раскалывалась голова. Где-то позади бритоголовый занялся освобождением Кая. Они оба почти одновременно рухнули возле меня. Бизон был прав: снова, как и несколько дней назад, нас объединило общее испытание.

Почти не глядя, я протянула руку в сторону. Пальцы Кая накрыли мою ладонь, сжали в безмолвном порыве. Нам не требовались слова, только реальное подтверждение, что наше спасение – не мираж, что мы есть друг у друга. Я бы бросилась ему на шею, мне действительно этого хотелось. Потому что объятия нужны не только в знак утешения, когда плохо. Когда все внутри рвется на части от радости – тоже необходим кто-то близкий. Но пришлось довольствоваться лишь таким прикосновением.

Рука Кая стискивала мою до побелевших костяшек, наши пальцы переплелись. Я повернула голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Он слегка кивнул. Протяжный стон Бизона вырвал нас из оцепенения.

– Пойдем. – Кай рванулся вперед, потянул меня за собой.

– Нет, подожди... – я повернулась к Бизону. Он лежал, зажимая рукой грудь, и ждал вердикта. – Даже если попрошу, это не значит, что меня кто-то послушает, – начала я без всяких предисловий.

Его губы растянулись в понимающей улыбке.

– Я открою тебе один секрет, мелкая. Может, ты еще не поняла... кэп сделает все, что ты попросишь, – шепнул он, – потому что ты делаешь нас обоих лучше. И тебе это нравится. Ты – мой последний шанс стать лучше. Видишь? Я открыл тебе глаза на кэпа. А мог бы и не открывать.

– Пора идти, – вырос над нами Кай.

Я ухватила за предложенную руку и поднялась, но не выпустила его пальцы, а, наоборот, удержала. Кивнула на Бизона:

– Пусть идет с нами.

– Что?! – скривился Кай.

Я вздохнула.

– Он развязал нас. А мог бы этого не делать. Мог бы удрать в кусты, а мы бы остались тут дожидаться волчьего племени.

Кай смерил бритоголового презрительным взглядом.

– Он бы далеко не ушел в таком состоянии.

– Но мог бы попытаться! – возразила я. – Мы бы остались привязанные тут, и дикари, возможно, выместили бы на нас все зло за его побег.

Кай склонил голову к плечу. Его лицо стало недовольным.

– Он впервые сделал что-то хорошее! – Я пожала его руку. – Он нас не бросил, как в прошлый раз!

На скулах Кая заиграли желваки.

– В прошлый раз он бросил тебя. Я мог бы остаться. Тебя, Белоснежка! И ты не учишься на своих ошибках?

– Я... – я понимала, что переступаю через себя, но не могла иначе, – я надеюсь на лучшее.

Резким движением Кай выдернул руку из моих пальцев.

– Пусть идет, – сердитым голосом бросил он. – Только если отстанет – его проблемы. Никто на себе его не потащит.

Бизон словно только этого и ждал. С трудом поднявшись на ноги, он проковылял мимо меня вслед за удаляющимся Каем и пробормотал на ходу:

– Бойся своих желаний, мелкая. Он выполнит их все.

Я только руками развела. В итоге еще и виноватой осталась! Но выяснять отношения дальше мы не могли. Пришлось стиснуть зубы и присоединиться к парням.

Подгоняемые страхом погони, мы едва ли не кубарем скатились с холма. Постоянно озираясь, углубились в лес. Пожалуй, так плохо мне было, только когда мы умирали от жажды и тащили носилки с Катей. Бессонная ночь, нервное и физическое истощение отнимали последние

силы. А ведь надо было двигаться, и не просто идти – бежать, чтобы скорее убраться подальше с земель волчьего племени.

– Почему Тхассу не предупредил нас, что тут живут дикари? – вспомнила я давно мучавший вопрос.

– Тхассу давно не пересекал реку. Он знает только свою территорию. Все остальное – по слухам, – процедил Кай.

– Подождите! – простонал за спиной Бизон. – Не так быстро!

– Ему нужно обработать раны, – заметила я, – он потерял много крови.

Внезапно Кай остановился как вкопанный. Я посмотрела ему под ноги и вспыхнула от радости:

– Наши вещи!

В траве валялся нетронутый мешок. Дикари не распотрошили его то ли из безразличия, то ли по какой-то иной причине. Значит, мы уже вернулись на прежний путь? Кай присел, развязал горловину, порылся внутри. Выпрямился и швырнул Бизону какой-то предмет. Бритоголовый едва успел подхватить то, что ударило его по груди. Я тоже взглянула. Аптечка!

– На! – У меня в руках оказалась бутылочка с настойкой. – Пей.

Жажда мучила давно. Я приложилась к горлышку и осушила все до дна. Кай протянул другую бутылку, на этот раз с простой водой.

– Еще.

Вторую бутылку я осушила наполовину. Больше не влезло. Кай выхватил бутылку, швырнул ее на землю под ноги Бизону. Завязал узел с вещами.

– Пойдем.

– Спасибо, кэп. – С раболепной улыбочкой бритоголовый схватил воду, начал жадно пить.

– Куда мы пойдем? – обратилась я к Каю.

– Дальше.

– Дальше – это к хвостовой части?

– Да.

Он отвечал резко, отрывисто, взвалил на плечо вещи и пошагал. Я едва догнала, коснулась плеча.

– Кай...

– Если ты передумала и хочешь вернуться к Тхассу, то поздно, Белоснежка, – со злостью вдруг обернулся он, – я не поведу Бизона в такое райское местечко. Не проси.

– Я и не собиралась... – растерялась я, – всего лишь хотела спросить, когда сможем сделать привал?

– Когда будет безопасно.

На этом разговор закончился. Кай не собирался ждать. Я побрела за ним. Бизон, засунув аптечку под мышку, ковылял рядом. На ходу он, естественно, не мог воспользоваться ни бинтами, ни дезинфицирующими средствами, поэтому лекарства в его руках выглядели как кость перед носом голодной собаки.

Чуть дальше мы нашли рюкзак Бизона. Я хотела поднять, но Кай остановил:

– Брось. Ты его не унесешь. Свалишься.

– Но там же вещи!

– Придется чем-то жертвовать.

Я схватилась за шкуру.

– Тогда возьму хотя бы это! Моя куртка куда-то делась.

Он смерил меня равнодушным взглядом, пожал плечами.

– Валяй.

– Кай... – из последних сил я ускорила шаги, чтобы поравняться с ним, – если ты так сердишься на меня, почему тогда разрешил Бизону идти с нами? Мог бы отказаться.

Он с раздражением выдохнул.

– Лучше я буду сердиться на тебя, чем ты на меня.

Я поморгала, а потом едва не фыркнула.

– Что? Что ты такое сказал?

Но пояснить Кай не успел. Издали донеслись разъяренные крики.

– Похоже, дикари обнаружили пропажу, – выдохнул он и схватил меня за руку. – Бежим!

Бежим?! Да мы едва ползли без сна и отдыха! И все-таки, непонятно каким чудом, я побежала. За спиной раздавалось пыхтение Бизона. Сердце колотилось как сумасшедшее. Я понимала, что долго мы так не продержимся. Как назло, путь пролегал по узкому ущелью. Справа и слева возвышались покатые склоны. Нам некуда было спрятаться, чтобы пересидеть погоню. Только двигаться дальше.

Впереди раскинулся глубокий овраг с отвесными стенами. Подбежав к краю, я вытянула шею и разглядела на дне торчащие острые глыбы. Извилистой змеей этот провал тянулся по обе стороны от нас. Он казался непреодолимым препятствием, если бы не веревочный мост, переброшенный через пропасть чуть поодаль от того места, где мы стояли. Резные столбы, вбитые в землю на этом краю, точь-в-точь походили на те, что красовались на противоположном. Две веревки по бокам образовывали что-то вроде перил. Горизонтально подвешенные доски, плотно связанные

друг с другом, предназначались в качестве пешеходной дорожки.

Кай почти втолкнул меня туда, и в первые мгновения я замерла оттого, что хлипкая опора едва не ушла из-под ног, но следом уже прыгнул Бизон, и мост стал раскачиваться сильнее. От каждого шага доски под ногами подпрыгивали. Я закрыла глаза, думая о том, что Кай идет последним и мы должны успеть миновать препятствие, пока нас не нагнали дикари. Мышцы на руках заболели от напряжения. Выдержит ли хлипкая подвесная конструкция вес троих людей? Наконец я сделала последний шаг и ступила на твердую землю. Узкая тропинка уводила от моста дальше в чащу и терялась там.

Волчье племя осталось по ту сторону обрыва. Они дико вопили, трясли кулаками и камнями, но следовать нашему примеру и переходить пропасть не решились. В облегчении я упала на траву, чтобы отдышаться. Теперь, когда испытание осталось позади, все тело стало влажным от пота, а сердце заколотилось, как от быстрого бега.

– Наверно, здесь заканчиваются их владения, – предположил Кай, опустившись на землю рядом со мной и поглядывая на злобных дикарей, которые решили устроить засаду и тоже уселись по ту сторону моста.

– Или мы попали в другую запретную зону, – угрюмо буркнул Бизон. Получив передышку, он смог заняться аптечкой.

Другого выхода не оставалось, и, отдохнув, мы двинулись по тропинке. Когда среди зарослей показался просвет, остановились. Стала видна открытая ровная площадка и вымазанные оранжевой глиной стены домов.

– Обойдем? – спросил Бизон вполголоса.

– Пока не знаю, – ответил Кай. – Здесь тихо. Непохоже, что кто-то живет.

Действительно, до нас не доносились ни голоса жителей, ни бытовой шум, ни крики домашних животных. Даже у Тхассу бляла в сарае коза. А здесь – ничего.

Как назло, погода испортилась и начал накрапывать дождь. Пока не сильный, но если учесть, как быстро могла меняться протурбийская погода, нам следовало позаботиться об укрытии. Мне тоже не нравилась зловещая тишина в поселении, но и попадать в еще одну бурю, когда ветер ломает деревья как спички и все вокруг ревет, не хотелось.

Кай подобрал камень, размахнулся и швырнул. С гулким стуком тот отскочил от стены ближайшего дома и упал на землю. Это должно было привлечь внимание тех, кто мог находиться внутри, но никто не появился.

– Если это заброшенная деревня, – пробормотал он, – то почему ее

забросили?

– Может, черные ашры тут всех пожрали, – мрачно предположила я.

– Тогда они и нас пожрут! – поежился Бизон.

– Спокойно, – Кай остановил его взглядом, – мы уже сталкивались с ними. У нас к ним иммунитет или что-то вроде того.

– Давайте попробуем войти и поискать укрытие. – Я покосилась на тучи.

Осторожно раздвинув кустарник, мы выбрались на площадку. Домов тут оказалось около десятка. Они выстроились кругом, образовав в центре свободную площадку. Крышу каждого устилала солома, с торцов щетинились в сторону леса острые колья. Окон не имелось. У ближайшего входа валялись черепки глиняной посуды. Чуть дальше я увидела выдолбленное в большом куске дерева корыто. На дне темнела вода. Рядом торчала опора, словно тут привязывали домашний скот.

Но ни животных, ни людей здесь не наблюдалось.

– Что же тут случилось? – прошептал Кай. – И пожара вроде не было...

Дома, как он правильно заметил, стояли нетронутыми.

– Может, все спрятались внутри? – подсказала я.

Кай чуть повернул голову в мою сторону, обдумывая версию. Потом кивком подозвал Бизона. Скинул с плеч свою поклажу к моим ногам и дал бритоголовому знак поступить так же.

– Побудь здесь, – приказал Кай мне, – мы пройдемся по домам.

Оставив мне вещи, крадучись, парни начали обход. Они разделились по разные стороны. Сначала останавливались у входа, выжидали. Потом толкали дверь, заглядывали внутрь. Когда последний, десятый, дом был осмотрен таким образом, Кай заметно расслабился.

– Здесь чисто! – крикнул он мне через площадку.

Осмелев, я заглянула в проем ближайшего жилища. В глаза бросился очаг в его центре. Вытяжкой служило отверстие в потолке прямо над ним. Похоже, во время непогоды жителям приходилось мириться с неудобствами в виде проникающих капель. На полках толкались боками пузатые горшки. Свисали стручки каких-то плодов и связки сушеных растений. У Тхассу тоже имелось нечто подобное. Я прошла дальше в глубь комнат.

Нашлась тут и постель, ничуть не хуже, чем в доме старика протурбийца. Многочисленные шкуры покрывали ее широкую основу. Деревянный пол устилал тростник вперемешку с травами. Изучив помещение, я вышла наружу, чтобы встретиться с парнями.

– Выглядит так, будто все просто испарились, – хмурился и озирался

бритоголовый. Его лысая макушка блестела от капель дождя.

– Они оставили здесь все вещи, – поделилась я наблюдениями, – кажется, даже подгнившая еда валяется. Нет следов борьбы. Просто взяли и ушли?

– Или не просто, – прищурился Кай. – Их кто-то или что-то выгнало.

– Так стоит ли нам тут оставаться? – забеспокоился Бизон.

– Я бы тоже не оставалась, – поморщилась я, – будем надеяться, что дождь прекратится?

– Пожалуй, да, – кивнул Кай. – Что-то мне здесь неспокойно...

Не успел он договорить, как дверь в одном из домов с треском распахнулась. Оттуда вывалилось нечто на двух ногах. Оно захрипело и протянуло к нам руки. Только приглядевшись, я поняла, что это, наверно, протурбиец. На нем еще болтались лохмотья одежды. Лицо и тело раздулись до ужасающих размеров. Пальцы на босых ногах походили на слоновьи. Желтая кожа растянулась и стала прозрачной. Пузырчатая болезнь! Теперь, кажется, стало ясно, что выгнало отсюда местных жителей. Они бежали, опасаясь заражения. Но кто-то из больных остался...

– Ты же проверял ту сторону! – заорал Кай на Бизона.

Но спорить было поздно. Среди огромных уродливых кожистых пузырей сверкнули глаза, а в следующее мгновение зараженный издал дикий рев и побежал на нас.

– Берегись!

Кай оттолкнул меня и сам отпрыгнул следом. Выставив опухшие руки, обезображенный кинулся на Бизона, который успел лишь ткнуть нападающего подхваченной с земли веткой. По инерции больной полетел на Кая.

Я невольно охнула, но Кай увернулся и наподдал ногой зараженному. Больной дернулся, но, кажется, рассвирепел еще больше. Сколько он будет так кидаться? Протурбиец напоминал бешеного пса, желающего порвать все, что встретит на своем пути. Кай и Бизон кружили возле него, стараясь не попасть под опасное прикосновение. Поединок мог длиться бесконечно. С новым витком ярости больной бросился в атаку, и тогда Бизон выхватил нож и выскочил вперед.

Взмах руки – и вдруг все закончилось. Из перерезанного горла – точнее, мне казалось, что там должно быть горло, – брызнула темная кровь вперемешку с жидкостью из вспоротых пузырей. Кай отшатнулся, но поздно. Тело рухнуло между ним и Бизоном, дергаясь в последних конвульсиях. Они оба растерянно оглядели друг друга, забрызганные кровью поверженного врага. Я вся закаменела, понимая, что это означает.

– Мы что, заразились, кэп? – Бритоголовый смертельно побледнел. – Мы заразились?!

Кай провел рукой по щеке, взглянул на ладонь, растер влагу между пальцев. Кажется, он задумался так глубоко, что не слышал взволнованного голоса Бизона. Капля дождя упала мне на ресницы, заставив вздрогнуть, и я опомнилась.

– Вот! – Я нагнулась к вещам, выхватила бутылку с водой и бросила Каю. – Смой это! Быстрее!

Пластиковая емкость шлепнулась прямо к его ногам. Он поднял, плеснул на руки, вытер лицо. Тут же бутылку выхватил Бизон, который принялся щедро поливать себя и оттираться.

– Снимайте одежду! – Я показала на пятна, но когда сделала шаг, Кай тут же вскинул руку в предупреждающем жесте.

– Не подходи, – с угрозой произнес он.

Я споткнулась на полпути, уставилась на него, понимая без слов и не желая верить, что все это происходит на самом деле.

– Почему ты не даешь ей подойти? – в тоне Бизона прорезались визгливые нотки.

С треском он содрал и откинул свои лохмотья. Весь как-то подобрался, прижал руки к груди, по телу пробежала крупная дрожь, на лбу выступили капли пота. Наши взгляды встретились, и я могла поклясться, что он мысленно умоляет меня убедить его, что это – шутка.

– Послушай меня, Белоснежка... – со вздохом начал Кай. Свою майку он снимать не стал.

Мое сердце оборвалось от того, как он это произнес. С таким видом люди прощаются навсегда. Расстаются в порту, зная, что их рейс без обратного билета, или сообщают о смертельном диагнозе. И он так на меня смотрел... словно пытался напоследок запечатлеть в памяти.

– Вы не заражены, – перебила я, стараясь не дать ему продолжить, – мы же ели на этой планете животных, пили сырую воду! А вирус тут везде! И он не тронул нас. Значит, и теперь все обойдется.

– Возможно, вирус не везде, – спокойно заметил Кай, – Тхассу же не заразился. Возможно, без непосредственного контакта он не передается. Но теперь... ты сама видишь, что случилось.

Похоже, он уже все для себя решил и смирился. Только вот я так поступать не собиралась.

– Кто такой Тхассу? – насторожился Бизон.

– Это не важно, – отмахнулась я, – важно то, что можно принять какие-то меры. Протереться дезинфицирующим раствором из аптечки. Главное,

действовать быстро.

– Если контакт произошел, то вирус уже внутри, – покачал головой Кай. Видимо, я выглядела очень напуганной, потому что его лицо вдруг смягчилось. – Послушай меня...

– Кай, я не хочу тебя слушать, – пробормотала я.

– Мелкая права, – оживился Бизон. – Почему мы должны считать себя зараженными? – Он протянул мне руку. – Иди сюда. Дай аптечку. Я протрусь.

– Стоять на месте! – прорычал Кай, мгновенно вклиниваясь между нами. Одной рукой он оттолкнул Бизона подальше, другую выставил в мою сторону. – Не смей приближаться!

Я сделала маленький шагок, пересиливая собственную панику.

– Кай, я не боюсь зарази...

– Слушай меня! – сорвался он на крик. Скулы резко обозначились, глаза потемнели. Я растерялась, и тогда Кай добавил тише: – Слушай меня, пожалуйста. Не усложняй все еще больше. В моих вещах лежит карта. Ты ее видела, узнаешь. Я внес туда примерные координаты хвостовой части. Идти осталось не так далеко, ты справишься. Старайся, чтобы солнце было немного позади левого плеча, тогда точно не заблудишься.

– Кай, я никуда не пойду без тебя, – жалобно протянула я.

– Точно. Мы пойдем вместе. – Бизон предпринял еще одну попытку прорваться, но Кай снова оттолкнул его.

Повернулся ко мне.

– Пойдешь! Пойдешь, – уголки губ Кая дрогнули в печальной улыбке, – ты справишься, Белоснежка. Я в этом уверен.

Я закусил губу, едва сдерживая рыдания. Нет! Нет! Мир не должен катиться в пропасть вот так! Я не смогу остаться одна. Кай старается обезопасить меня, но мы слишком нагнетаем панику, никто не заболит. Все, что угодно, но мы не должны разделяться.

– Все, кэп, – Бизон сбросил с себя руку Кая, – мне это надоело. Почему мы должны отдавать карту или что-то еще? Пойдем вместе дальше!

Бритоголовый рванул вперед, ко мне. Видимо, считал, что если коснется, то мы уже никуда друг от друга не денемся и это ему как-то поможет. Я видела, что страх почти лишил его способности мыслить ясно, включилось противоречие, что если Кай не пускает, значит, надо любой ценой добиться. Но не успел он сделать и пары шагов, как получил рукоятку ножа в затылок.

Глаза у Бизона закатились, он рухнул на колени, а потом и на землю, распластавшись неподалеку от меня. Кай опустил руку.

– Продолжим, – мрачно сказал он. – Слушай внимательно. Когда ты придешь к кораблю, нужно найти маячок. Там, скорее всего, будет полное месиво, но ты уж постарайся найти. Ты его тоже видела раньше. Я пытался починить первый, еще у головной части. Включается он просто, разберешься. Больше ничего делать не надо. Просто включи. Сигнал сам найдет путь. Но сильно не надейся, Белоснежка. Возьми все, что уцелело и может пригодиться. Будь осторожна.

– Я не уйду без тебя, – прошептала я.

– Пока будешь идти, – он будто не слышал моих слов, – не торопись. Лучше двигаться медленно, но вовремя заметить опасность, чем торопиться и не смотреть по сторонам. Если услышишь голоса или заметишь кого-то – затаись. Первым порывом будет просить о помощи, но поверь мне: не стоит.

– Кай! Я не уйду без тебя!

Он оставался непреклонен.

– Помни, что ты девушка, и одна. Тебя могут посчитать легкой добычей.

– Но почему? – простонала я и бессильно уронила руки вдоль тела. – Почему ты сразу отправляешь меня? Ты не можешь быть на сто процентов уверен, что заразился. Это покажет только время. Зачем сразу так все обрубать?! Мы могли бы подождать и посмотреть, что будет.

Кай молчал. Приподнял брови. Почувствовав его неуверенность, я сделала еще один небольшой шаг. Сложила руки перед собой в знак мольбы. Бизон ведь говорил, что Кай выполнит все, о чем попрошу. А я очень отчаянно просила. Но в ответ он снова покачал головой.

– Как ты не понимаешь, Белоснежка? Я не могу гадать, заразился или нет, пока ты рядом. Уходи. Не могу рисковать тобой.

– Так не рискуй! Разделяться – это тоже риск!

Он скрипнул зубами, когда я расплакалась.

– Я пойду параллельно. Если все будет хорошо. Все равно ты идешь медленно. Если болезнь не проявится, я тебя догоню.

– И сколько ты будешь ждать?! – воскликнула я сквозь слезы. – Да со мной может что угодно случиться через следующие полкилометра!

– День. Может, два. Посмотрю по обстоятельствам.

Я поняла, что спорить бесполезно. Бизон ошибался. Может, Кай и уступал мне в чем-то, но оставались моменты, в которых он был непреклонен. Нас разделяло всего несколько метров, а я смотрела на него и думала, что если все правда и подозрения подтвердятся, то получится, что наши с ним последние дни я потратила на ссоры и сомнения. За короткое

время, под гнетом обстоятельств, мы с Каем стали ближе некуда. Ни с одним своим парнем, даже самым первым, я не ощущала такого единения. Не верилось, что все закончится вот так, почти не начавшись.

Отвернувшись, я подошла к вещам, но пальцы не держали. Выронив поклажу обратно, упала на колени и закрыла лицо ладонями. Кай выругался за спиной. Я отчаянно хотела, чтобы он подошел, присел рядом, обнял меня и утешил. Чтобы все пошло по-прежнему. Но я понимала, что этого не будет.

Дождь, который усиливался, начал утихать. Похоже, буря отменялась. И зачем мы только полезли в эту деревню? Почему сразу не обошли стороной? Если бы знали, что погода не ухудшится, пересидели бы морось под брезентом.

– Дана... – позвал Кай.

Даже не видя его лица, я могла себе его представить. Он не может смотреть на мои слезы. Это же слышно по голосу.

– Я сейчас уйду, – пробормотала я и дрожащими руками вытерла мокрые щеки. – Сейчас. Уйду.

– Не торопись... – он замялся, словно пересиливал себя, – есть вариант. Мы с Бизоном закроемся в одном из домов. Мне так проще будет контролировать его. Если через какое-то время симптомы не проявятся...

– Правда? – Я обернулась, не скрывая радости. – Мне можно остаться?!

– Обещай, что, если нам станет хуже, ты уйдешь. Сразу же. Не дожидаясь исхода.

Чуть помедлив, я кивнула. Нам повезет. Нам обязательно повезет, и после вынужденного карантина мы продолжим путь. Вместе.

– Ты могла бы оказаться у хвоста уже к вечеру, – ровным голосом заметил Кай.

– Мы так долго к нему шли. Еще пара дней ничего не изменит.

Он вздохнул и покачал головой.

– Ты – удивительная девушка. Никогда такой не встречал.

По-прежнему сидя на земле, глядя на него снизу вверх, я улыбнулась.

– Больше никаких «сам за себя». Только «друг за друга». Договорились?

Несколько мгновений Кай обдумывал мои слова. Потом наклонил голову в знак согласия. Развернувшись, он еще раз быстро прошелся по домам, проверив, что больше никто там не затаился. Потом вынес несколько шкур, накрыл тело протурбийца и утащил куда-то в лес. Подхватил Бизона под мышки и заволок в дом, соседний с тем, который я

успела осмотреть.

Прежде чем он закрыл дверь, я подроспела с еще одной бутылкой воды.

– Возьми. Думаю, жидкость вам не помешает. Я найду еще.

– Спасибо, Белоснежка. – Кай сделал знак бросить ее на порог. Брать что-то из моих рук он избегал.

Я окинула его взглядом напоследок: в перепачканной майке, с почти зажившим порезом на щеке, который он сделал, когда во время бритья у реки поймал на себе мой заинтересованный взгляд. Кажется, это было тысячу лет назад. А вот ссадины, доставшиеся от волчьего племени, выглядели свежими. Положив руку на створку двери, Кай приготовился ее захлопнуть. Я спохватилась.

– И еще последнее слово...

– Да, Белоснежка?

Я набрала в грудь побольше воздуха.

– Если все обойдется, я устрою тебе самый изнурительный секс-марафон в твоей жизни. Понял, Кай? У тебя теперь есть очень весомый повод не заболеть и выйти оттуда как можно скорее.

Глаза у Кая расширились. Он усмехнулся, покачал головой. Я закусила губу, глядя, как он смеется. Миг – и дверь захлопнулась перед носом, отсекая меня от него.

Началось самое мучительное ожидание в моей жизни.

* * *

Первым делом я запретила себе думать о плохом. Мы спасемся – и точка. А чтобы не тонуть в пессимистичных мыслях, нужно просто найти занятие. По очереди я осмотрела заброшенные жилища. Брать остатки еды опасалась, а вот нехитрая деревянная мебель вполне подошла на дрова для очага. Впереди ждала ночь, мне требовалась крыша над головой для ночлега. Я решила остановиться в том самом крайнем доме по соседству с импровизированным изолятором для Кая и Бизона. Перетаскав туда вещи и деревяшки, проверила засов на двери, чтобы запереться на ночь.

Идею спать на чужой постели тоже отвергла. Здесь меня охватывала большая брезгливость, чем в домике Тхассу. Возможно, потому что я не знала хозяев. К счастью, экипировка позволяла соорудить неплохое и достаточно теплое гнездо на полу, поближе к очагу. Так я не боялась замерзнуть после наступления темноты. Перебрала запасы еды. По моим подсчетам, ее хватило бы до завтра, а потом следовало подумать о

пополнении провианта. Проблема, к решению которой я не была готова. Никогда не охотилась и не умела этого делать. Обычно подобными вопросами занимался Кай. С новой остротой я ощутила свою беспомощность без него.

Еще мы нуждались в воде. Я обошла поселение, но так и не увидела колодца. Только корыто с дождевой водой на дне. Ничтожно мало! Интуиция подсказывала, что вся деревня не сумела бы прожить, пользуясь только этим скудным запасом. Тем более в некоторых домах нашлись кувшины, кое-где даже не пустые, но ту воду я тоже побоялась брать.

Собрав емкости, которые имелись у нас при себе, я отправилась на поиски. Проходя мимо двери «изолятора», прислушалась: тихо. Мысли все время возвращались к Каю и тому, чем он сейчас занимается. Сидит и обреченно ждет своей участи? Прилег отдохнуть, пока есть возможность? Ломает голову, как справиться с бедой? Я потопталась, сверля серые доски взглядом и сжимая кулаки, но окликнуть его так и не решилась.

Выходить за пределы деревни было страшно. Под ногой хрустнула ветка, и я замерла, прислушиваясь. Понимала, что перестраховываюсь, но... слишком устала от внезапных нападений. Почему-то стоило расслабиться, как обязательно происходило нечто плохое. Поэтому теперь я предпочитала не расслабляться, даже если все вокруг дышало тишиной и спокойствием.

Ветер зашуршал в листве, качнулись широколапые ветви деревьев. Узкая, не очень приметная в зарослях тропа напоминала ту, что привела нас сюда от подвесного моста. Не придумав ничего лучше, я пошла по ней. Вскоре взгляд зацепился за небольшие деревянные колышки, торчавшие сбоку от тропинки. Я присела, расчищая траву руками. Силок! Старый, с перепутанными петлями, но все-таки вполне пригодный! Кто-то неаккуратно вынимал добычу, не потрудившись привести его в прежнее состояние. Изучив плетение, я наладила силок. Еда бы нам не помешала.

Тропинка бежала далее, и еще через некоторое время донеслось едва различимое журчание. От радости я ускорила шаг, перепрыгивая через ухабы и выступающие камни. В природном желобе, проторенном водой, бежал ручеек с каменистым дном. Достаточно глубокий, чтобы опустить в него бутылку и наполнить ее. Вода была холодная – пальцы свело до боли. Но чистая и вкусная: я попробовала немного из ладони, сложенной лодочкой. Освежила разгоряченное от слез лицо. Ничего. Мы выберемся. Все получится.

Когда раздалось протяжное блеяние, я подпрыгнула и выронила бутылку. Звук не повторялся. Сердцебиение и паника понемногу улеглись,

мысли прояснились. Я сообразила, что этот звук издавало животное. Может, оно тоже принадлежало жителям деревни? Ведь на глаза попадалась привязь для скота...

Выловив со дна ручья бутылку, я закрутила крышку, отложила к ряду уже наполненных, а потом двинулась на разведку. За шипастым кустом с мелкими белыми цветочками мелькнуло что-то серое. Это оказалась коза. Точнее, я так ее окрестила из-за маленьких желтых рожек на голове. Морда напоминала, скорее, лошадиную, да и хвост спускался почти до земли.

Заметив меня, животное открыло рот и громко заблеяло. Жалобный крик ударил по ушам. Черные глаза смотрели на меня будто сквозь слезы. Коза очень исхудала, ее длинная шерсть клочьями свисала с боков и ног. Кое-где даже облезла, виднелись проплешины. Шея была обмотана грубой толстой веревкой, другой конец которой обхватывал ствол ближайшего дерева. Я увидела, что вся растительность вокруг животного съедена. На голой земле под ногами не осталось ни травинки. Кусты торчали обглоданными прутами. Даже кора со ствола исчезла, а вместо нее на оранжевой разлохмаченной древесине виднелись следы зубов. Зелень осталась только там, куда веревка не позволяла козе дотянуться.

– Бедная... – прошептала я, – сколько же ты тут простояла?

Похоже, коза голодала давно. Наверняка подбирала губами каждую травинку, заново проклеивающуюся в почве, тем и держалась. Я подошла и развязала веревку. Животное тут же рванулось к нетронутому участку зелени. Пока коза ела, жадно перемалывая челюстями траву, я присела и подперла щеки руками. Смотрела на страдальцу и думала о том, что если другой еды для нас не найдется, мне придется ее убить. Перерезать горло доверчивому беззащитному существу, которое глядит благодарными за спасение глазами... для этого надо потерять последнее чувство жалости. Потерять все чувства вообще. Это то, о чем мне говорил Кай. Не думать о других, только о себе. Не позволять слабости взять верх. А еще я поняла наконец, кто такой схур. Это то, что просыпается внутри, когда жалость исчезает.

Когда коза наелась, я намотала на кулак веревку и повела к ручью. Позволила животному напиться, подобрала бутылки с водой и пошла обратно. На подходе к деревне услышала дикие крики. Они исходили от «изолятора». От волнения чуть руки не разжались. Стиснув бутылки плотнее под мышкой и потянув за собой козу, я бросилась к заветной двери.

– Кай! – Я отложила поклажу и принялась стучать по деревянной поверхности. – Кай! Что у вас там происходит?!

– Все в порядке, – отозвался он, а я закрыла глаза и выдохнула,

ощутив, как дрожь облегчения пронеслась по телу. За несколько мгновений успела представить самое плохое и сильно испугаться.

– Кто это кричит? Бизон?

– Да.

– Он заболел? Ему плохо?!

– Нет. Он не хотел сидеть на месте, и тогда я его привязал.

Несколько мгновений я обдумывала услышанное, а потом засмеялась. Ну и пусть смех больше походил на нервное рыдание, удержать эмоции уже не могла.

– Дана? – послышался удивленный голос Кая.

– Я в норме, – поторопилась успокоить я, – главное, что ты пока в порядке. А Бизон... ну покричит и перестанет.

– Ну вот и я так подумал, – раздалось из-за двери.

Пока я привязывала козу и подливала в корыто воды для нее, голос бритоголового стал хриплым, а потом и вовсе затих. Я принесла охапку свежесорванной травы для животного, а из «изолятора» уже не доносилось ни звука. Но стоило вернуться в приготовленное для ночлега жилище, как самой захотелось вопить и орать не хуже Бизона. Уходя, я оставила дверь неплотно прикрытой. За время отсутствия внутрь пробрались зверьки. Размером с кошку и такие же полосатые, они имели приплюснутые морды с круглыми блестящими глазенками и хищными острыми зубами.

Едва я вошла, как застала мохнатых воров за пиршеством. Распоров когтистыми лапами наши сумки, они с наслаждением поедали запасы провианта. С отборным ругательством я разогнала их, присела над разграбленным имуществом, отчаянно стараясь не шмыгать носом. Перспектива спать на голодный желудок не радовала. Но и козу я пока не готова была резать. Лучше уж потерпеть.

* * *

Когда солнце начало опускаться за верхушки деревьев, я вернулась к двери «изолятора». В одной руке у меня была тарелка с остатками еды, которую удалось отбить у воришек, в другой – вода в бутылке. Поставив снесь на землю, я робко постучала. Сердце гулко забилося, пока слушала напряженную тишину за дверью. Сколько же нервов надо, чтобы каждый раз вот так подходить и гадать, что там происходит!

– Кай... – не выдержала я.

– Я здесь, – глухо отозвался он из-за преграды.

– Как ты?

– Пока так же. То есть нормально.

Это немного приободрило. Прошло полдня, а симптомы не проявились. Может, и не проявятся?!

– А Бизон?

– Вроде бы тоже нормально. Сказал, что убьет меня, как только развяжу, и дрыхнет теперь.

Я представила огромную тушу бритоголового, обиженно сопящего в углу, и улыбнулась.

– Я принесла вам поесть. Откроешь дверь?

Он помолчал.

– Нет. Внизу доски рассохлись. Просунь туда.

В подтверждение слов из-под щели показались пальцы Кая. Он ухватился за нижний край доски, раздался треск, и образовалось небольшое окошко, в которое пролезли и бутылка с водой, и тарелка с едой. Последней я вынула из кармана зажигалку.

– Возьми. Там есть чем развести огонь? Или мне принести деревяшек?

Кай снова ответил не сразу.

– Да. Найду. – Он добавил чуть тише: – Спасибо, Белоснежка. Ты себе-то оставила?

– Да, еды еще полно! – соврала я, прижимая ладонь к урчащему от голода желудку. – И я нашла ручей с водой. И козу. Вряд ли она даст молоко, но если что – пустим на мясо.

– Ты молодец, – послышался добродушный смешок.

Мне вот смеяться не хотелось. И возвращаться обратно в унылое одинокое жилище – тоже. Я сползла спиной по доскам и уселась под дверь. Сложила руки на коленях, откинула голову, наблюдая, как стремительно темнеет небо. Яркая красная точка уже появилась на нем.

Кай не говорил больше ничего, но я знала, что он не отошел и находится там, по другую сторону, совсем рядом со мной. Молчит вместе со мной. Ему тоже несладко сидеть взаперти. Если бы я ушла – не пришлось бы. Он мог бы свободно передвигаться. Тем более что чувствовал себя хорошо. Но Кай обрек себя на добровольную изоляцию, потому что я плакала и не хотела уходить одна.

– Мы выберемся, – сказала я, – вот увидишь. Звезды любят тебя, Кай. Сколько раз нам уже везло? Сколько раз везло тебе? Это просто очередное испытание, которое мы должны перетерпеть. Мы уже были не раз на волосок от смерти и каждый раз умудрялись выжить. Выживем и сейчас.

– Звезды – это просто холодные куски дерьма. Ты сама так говорила,

Белоснежка. Никого они не любят. Меня – тем более. – Он усмехнулся, на этот раз со злостью. – Ты все время спрашивала, кем я был прежде. Откуда все знаю, где научился. Так вот: я был никем. Я ничему не учился, потому что считал, что эти знания никогда не пригодятся. Запомнил только то, что пытались впихнуть в меня чуть ли не силой. И ты права, люди вокруг умирали из-за моих ошибок. Потому что я считал, что мне никто не нужен, что одному проще.

И он вдруг начал рассказывать мне все. Я слушала о маленьком мальчике, ставшем протурбийским рабом. Об Айшасе и его дочери Цхале. О старике, взявшем найденыша под свое крыло. Невероятное везение и невероятное несчастье шли рука об руку в этой истории. Но страшно мне было не от этого. От тона, которым говорил Кай. Спокойным, отстраненным, будто повествовал о совершенно постороннем человеке. Без боли, без надрыва от перенесенных испытаний. И тогда я догадалась, что он на самом деле не чувствует ничего. Он умеет не чувствовать, когда нужно. Стало жутко от мысли, что может настать тот день, когда он осознанно не захочет ничего чувствовать ко мне. Это должна быть очень сильная боль, чтобы поступить так.

Я никогда не причиню ему ее.

– Я скучаю по своей семье, – призналась я в ответ. – Мы с отцом не понимали друг друга. Теперь я подозреваю, что это из-за одинаковых характеров. Он у меня слишком прямой и слишком принципиальный. И строгий. Всю жизнь я считала, что он подавлял маму и потому она сбежала. Но, наверно, они не подходили друг другу. Ведь так бывает? Ты встречаешь кого-то, заводишь отношения и веришь, что это правильно. Но оказывается, он – не твое счастье. Оказывается, что ты – счастье кого-то другого. А он просто занимает чужое место. И никогда не знаешь, где найдешь свою настоящую... любовь.

Я покраснела и смутилась, хоть Кай и не мог меня видеть.

– Прости, сама не знаю, зачем это тебе говорю.

– Нет, все правильно, – вдруг перебил он. – Я скучаю по Цхале. Не как по девушке. Как по другу, которому было не все равно. Среди целого мира, в котором всем все равно, встретить такого человека – редкость. Я и не думал больше, что встречу. До тех пор пока...

Кай осекся и не стал продолжать. Но мне и так все стало понятно.

– Мне не все равно. Ты прав. Но я думала, что тебя это бесит...

Показалось, что он усмехнулся.

– Может, стоит почаще мне об этом напоминать, и тогда я привыкну, Белоснежка.

Его настроение улучшилось, это чувствовалось по тону. Прижавшись щекой к двери, я закрыла глаза и улыбнулась.

* * *

Ночь прошла беспокойно. Несмотря на разведенный в очаге огонь, я мерзла и ворочалась на жестком полу. Любой звук, доносившийся извне, – будь то крик ночной птицы или редкое блеяние козы, – мигом срывал с меня и так хрупкий покров сна. К рассвету я ощущала себя еще более измученной и разбитой, чем раньше. Горло продолжало болеть. Желудок мучительными спазмами требовал еды. Запив голод водой из бутылки, я встала, привела себя в порядок и заставила выйти навстречу новому дню.

Если не считать стайки крохотных птиц, вспорхнувших от корыта с водой, в деревне было тихо. Солнце поднималось над деревьями, делая все вокруг розовым и золотым. Воздух казался свежим и чистым. Ожидался чудесный день.

Коза снова смотрела голодными глазами и требовала еды. Ну и как поднять руку на нее? Я подумала, что проще снова отвести ее в лес, и отвязала веревку. Проходя мимо двери «изолятора», замедлила шаг. Хотела постучать и даже занесла кулак, но что-то остановило. Вчера мы с Каем разговаривали по душам. Наверно, в первый раз со времени нашего знакомства. Все недопонимания разрешились. Не поздно ли?

Зажмурившись, я выдохнула и постучала.

– Кай! Я собираюсь готовить завтрак. Как ты себя чувствуешь?

Пятнадцать ударов сердца. Он ответил через пятнадцать. Наверно, столько занимает дорога от кровати до двери.

– Я – нормально, – слышался чуть хриловатый голос Кая. – У Бизона – температура.

Веревка выпала из моих рук, и коза удивленно переступила ногами, получив свободу.

– Высокая?

– Очень. Так и не проснулся со вчерашнего вечера. Уходи. Ты обещала.

– Воды... я принесу воды. – Мне казалось, что розовый и золотой мир за секунду стал черно-серым. – И еды. Тебе нужны силы.

– Дана! Ты обещала!

– Уйду, – соврала я, стиснув кулаки, – только воды и еды вам найду на первое время. И сразу уйду.

На ватных ногах я принесла бутылки и просунула их под дверь. Все,

что остались. Подхватив веревку, потянула козу за собой. Привязала к дереву сразу за пределами деревни. Вынула из-за пояса нож. Черные глазенки с любопытством уставились на лезвие. Я постояла так и уронила руку. Не могу. Но и оставить голодным Кая не могу тоже. Зачем она смотрит, будто все понимает? Зачем? И никого нет рядом. Никого, кроме этой дурацкой козы. И почему мне не все равно? Какая же я глупая, что мне до сих пор не все равно! Пусть это нравится Каю, но какая от этого польза? Ему? Нам?

В сердцах я сунула нож обратно и пошла к ручью. Ком стоял в горле. Злые слезы застилали глаза. Вспомнив про силок, я вытерла их, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и не паниковать раньше времени. Ну и пусть Бизон заболел. Это еще ничего не значит.

Словно сами звезды решили поддержать меня в трудный час, потому что в силке я обнаружила добычу. Один из тех зверьков, которые разграбили нашу еду, попался в веревки. Наверно, любопытство сгубило. Петля крепко затянулась на тонкой шейке. Он был еще теплым, но уже не дышал. Прилив жалости накатил и тут, но пришлось его подавить. По-другому никак.

Я выпутала зверька и натянула ловушку обратно. С мохнатым тельцем в руках вернулась в деревню. Может, все не так уж плохо?

Примерно через полтора часа в найденном и хорошо прокипяченном горшке у меня забулькал наваристый бульон. Мясо оказалось вкусным, оно легко отделялось от костей и таяло во рту. Я старалась не думать о том, кого ем, отнесла порцию Каю. Мне не понравилось, что он не удивился, не спросил, где взяла добычу. Но мы оба были подавлены состоянием Бизона, который так и не пришел в себя. Зато аппетит Кая не оставил, и я посчитала это еще одним хорошим признаком. Пообещав, что ухожу, отошла от двери. Мы не попрощались. Кай не стал, а я и не собиралась. Забравшись в дом, притаилась как мышка. Пусть до поры до времени думает, что ушла, если ему так легче.

Бульона хватило и на ужин. Я разогрела остатки, перелила в чашу и понесла к «изолятору». Снова подняла руку, чтобы постучать, и снова пришлось пересиливать себя, чтобы сделать это. С каждым новым визитом все сложнее было узнавать о новостях. Или молиться, чтобы никаких новостей не было.

– Кай! Как ты себя чувствуешь? Я принесла еще поесть.

Десять ударов сердца. Пятнадцать. Двадцать...

– Кай! – Стук в дверь получился нервным, отрывистым и чересчур громким. – Не сердись, что я не ушла. Ты же знаешь, я тебя не брошу. Ты

меня слышишь? Как вы там?

Двадцать пять... тридцать... проклятье, пусть он ответит хоть что-нибудь!

Горячий бульон выплеснулся на пальцы, и тогда я поняла, как дрожит рука.

Сорок пять... пятьдесят... он не откроет. Я почему-то в этом не сомневалась. Чаша полетела на пол, расплескав содержимое по земле. Со всей силы я грохнула кулаками в дверь.

– Кай!

Я перестала считать. Замерла, уставившись на серые доски. Потом тряхнула головой, понимая, что сидеть и ждать больше не стану. Хлипкий дверной засов поддался со второго удара плечом. Потирая ушибленное место, я ввалилась в дом. Взгляд тут же выхватил массивную фигуру Бизона на постели, которая виднелась в проеме, ведущем в соседнюю комнату.

Кай лежал у очага в центре помещения. Его глаза были закрыты, руки крепко обхватывали плечи. Мне показалось, что его зубы стиснуты. Все тело тряслось в мелком ознобе. У меня закружилась голова. Я подошла, с замирающим сердцем опустила на колени возле него. Коснулась лба – и тут же отдернула руку, будто обожглась. Он весь горел.

Действовать требовалось быстро. Я сбегала за водой и чистым лоскутом ткани. Затем перевернула Кая на спину, мельком отметила, как покраснелось его лицо и потрескались губы. Попробовала перетащить на более удобное место, но он оказался слишком тяжелым для меня. Пришлось оставить как есть.

Кай застонал, он все время порывался свернуться клубком. По сильному мужскому телу прошла судорога. Я прижалась к нему, поглаживая и бормоча слова утешения. Кай затих, доверчиво ткнулся пылающим лбом в мою руку. Ощущать, как он горит, было больно.

С пряжкой ремня на его штанах пришлось повозиться, но я справилась и сняла всю одежду. Смочив ткань, принялась обтирать Кая. На каждый его болезненный стон старалась ответить успокаивающим шепотом. Вспомнила, как он заботился обо мне, когда простудилась. Что бы мы друг без друга делали?

Раз за разом я проводила по его шее, плечам, груди, стараясь не задевать ссадины и царапины от стычки с дикарями. Здорово же ему досталось. Но даже такой: охваченный лихорадкой, израненный, он выглядел лучше всех, кого я когда-либо встречала.

– Ты справишься, слышишь? – тихо произнесла я. – Обязательно

справишься. Я просто не разрешаю тебе не справиться. И звездолет покупать не разрешаю. Хватит с нас приключений. Ты обещал меня слушать. Вот и слушай.

Правда, эти слова больше поддерживали меня саму. Кай на них никак не отреагировал. Вскоре вода, в которой смачивала ткань, стала теплой. Я сменила ее и принялась за работу снова. Не чувствовала ни усталости, ни боли в руках. Периодически останавливалась, чтобы вылить несколько капель жидкости в рот Кая. Он глотал их, облизывал губы. Тогда я позволяла себе улыбнуться и немного порадоваться тому, что он продолжает бороться.

Мы продолжаем бороться.

Наконец Каю стало легче. Его кожа немного остыла, беспокойные метания прошли, уступив место крепкому сну. Он даже начал посапывать, и я несколько минут не могла пошевелиться, слушая этот звук. Потом принесла шкуру и укрыла Кая. Выпрямилась, только теперь осознав, как затекло и болит все тело. Помещение освещалось лишь отблеском угасающего очага. За дверью опустилась тьма. Как быстро наступила ночь!

Едва переставляя ноги, я отправилась за дровами. Ночь предстояла нелегкая, и мне не хотелось отвлекаться на пустяки, если чего-то не окажется наготове. Попутно заглянула в свою поклажу. Пластиковая коробка аптечки, к счастью, не приглянулась зверькам, и ее не разграбили. Я подняла крышку. Три одноразовых медицинских пистолета носили известное мне название на прозрачных боках. Антибиотик. Но подействует ли он? Насколько я знала, его применяли, чтобы избежать инфекции в ранах. От пузырьчатой болезни антибиотиков не изобрели. Да и помогли бы они? Все-таки это неизученный подземный вирус...

Я раздумывала несколько мучительных минут, а потом решительно сгребла шприцы в кулак. Разве в нашей ситуации может быть хуже? Когда нечего терять, все средства хороши. Вяло перебрала остальные лекарства, но, судя по пояснениям к названиям, там остались лишь средства от дизентерии, против сердечных приступов и кровоостанавливающие.

Когда вернулась обратно в «изолятор», услышала стоны. Испугалась, что это мог быть Кай, но звук шел из дальней комнаты. Бизон! В панике я совершенно про него позабыла, а он лежал тихо и не напоминал о себе до поры до времени. Сбросив в угол дрова, я запалила факел и отправилась к бритоголовому.

Бизон метался в бреду. Его глаза были открыты, взгляд устремлен в потолок. Губы бессвязно шевелились. Я потрогала его, чтобы лишний раз убедиться: жар поглощает его тело и разум. Выдохнула, призывая на

помощь всю силу воли. Но слушать, как он стонет, и не помочь не смогла бы. Не выдержали бы нервы. Укрепив факел в подставку, я принялась раздевать массивную тушу бритоголового. И снова все по кругу: отпаивания водой и обтирания.

На шее Бизона, чуть пониже уха, мои пальцы наткнулись на твердый узелок. По спине пробежал морозец. Я отложила тряпку, взяла факел, поднесла поближе, чтобы разглядеть странный нарост на татуированной коже. Это был пузырек. Плотный, непрозрачный, так что нельзя было определить, наполнен он жидкостью или нет, но пузырек. Едва не выронив факел, я отшатнулась. Заставила себя собраться и успокоиться. То, что Бизон заболел первым, – это хорошо. На нем я могу практиковать способы лечения, и если поможет – делать то же самое с Каем. Да, это жестоко – рассматривать бритоголового в качестве подопытной свинки, но... помоги нам всем звезды, если я уже не стояла на грани!

Рука сама собой полезла в карман и вытащила один из медицинских пистолетов. Разумно ли тратить порцию драгоценного лекарства? Я понятия не имела, какая дозировка поможет, будет ли того, что есть, достаточно, чтобы вылечить двоих, или не хватит одному. Когда голова заболела от сомнений и страхов, я решительно подступила к Бизону. Сняла защитный колпачок с иглы и с размаху вонзила шприц в плечо больного. Лекарство с шипением автоматически впрыснулось в тело. Отбросив использованный кусок пластмассы, я взгляделась в лицо Бизона. Сама не знаю, чего ожидала. Улучшений в первые же секунды?

Послышался стон Кая. Я кинулась к нему. Он успел сбросить шкуру, ноги беспокойно ерзали, лицо исказилось. Жар вернулся. И так быстро... я буквально разрывалась, не зная, за что хвататься. Схватила за новый шприц. Поняла, что не могу ждать и гадать: поможет – не поможет. Впрыснув лекарство и Каю, взялась за обтирания.

Так длилось несколько часов. Едва я успевала сбить температуру у одного, жар возвращался к другому. И все-таки мне казалось, что у Бизона дела обстоят хуже. Его кожа стала бледной, под глазами набухли фиолетовые мешки. Он выглядел жутко. Каких-то изменений после укола я не заметила. Меня очень беспокоил его пузырек. При очередном осмотре он вроде бы стал больше.

Тогда я решилась на следующий шаг. Прокалила на огне нож. Сжимая рукоять вспотевшей ладонью, приблизилась к Бизону. Аккуратно отвернула его голову, открывая доступ к пузырьку. Поддела острием кожистый мешочек, надавила...

Жидкость брызнула на постель. Еще немного вытекло, а затем все

прекратилось. Снова докрасна раскалив нож, я вернулась и прижгла пораженный участок. Бизон даже не вскрикнул от боли. Так и остался лежать в прежней позе с повернутой головой. Нехороший признак. Но я не позволю пузырям расти. Вот что казалось самым страшным. Уже несколько раз доводилось видеть обезображенных больных. Нет, я не допущу, чтобы Кай и даже Бизон превратились вот в это.

Перед рассветом удалось подремать. Совсем недолго, потому что Кай начал метаться. Протирая воспаленные от трудной ночи глаза, я подползла к нему. Откинула шкуру, подумав, что ему стало жарко. Тогда-то и заметила первый пузырек у него. На левом боку, под нижним ребром. Я даже провела пальцами по нему, убеждая себя, что померещилось от усталости. Но если глаза могли обмануться, то руки – нет. Выступающий бугорок красноречиво подтвердил мои подозрения.

Я схватилась за нож. Все это время убеждала себя, что Бизону хуже и его пузыри означают, что дело плохо, а вот с Каем все обойдется. Не обошлось.

С наростом я разобралась уже опытными движениями. Отложила нож, поднялась. Бизон опять бормотал что-то со своей кровати, но мне требовался хотя бы глоток свежего воздуха. Глоток, или я просто сойду с ума и перережу этим ножом собственное горло.

И снова снаружи поднимался розовый и золотой рассвет. Я постояла, глядя на светлое небо и покачивающиеся верхушки деревьев. Вспомнила о козе. Как она там, бедняга?

Коза оказалась прожорливой. Зелень вокруг нее словно исчезла. Я отвязала веревку, отвела животное на новое место, постояла и уронила привязь. Друзей ведь не привязывают, верно? Коза заблеяла. Я опустилась на колени перед ней, обхватила за шею, уткнулась лицом в грязную шерсть и долго-долго плакала. И мне даже было плевать, что, потянувшись через мое плечо, она принялась жевать ближайший куст.

По возвращении я обнаружила еще два пузыря на теле Бизона. Расправилась с ними прежним образом. У Кая новых образований не нашлось, но его жар поистине устрашал. Я не успевала бегать к ручью за водой и сбивать температуру. За весь день оба парня так и не пришли в себя.

К вечеру вспомнила, что ничего не ела. Но сил искать еду, а тем более готовить ее, уже не осталось. Я вколола последнюю дозу антибиотиков Каю после того, как нашла на его ключице второй пузырек. Бизон к тому времени уже «цвел» ими.

Поздней ночью, положив смоченную влажную ткань Каю на лоб, я

упала и почувствовала, что больше не смогу пошевелиться, даже если очень захочу. Взяла его руку и переплела пальцы со своими.

– Я буду бороться дальше, – прошептала я, – буду. Только немного посплю... дождись меня, ладно?

* * *

Каю приснился старик, который забрал его от Айшаса и Цхалы и привел на свой корабль. Вечно пьяный – кажется, он никогда не просыхал и даже не думал этого делать, – с косматыми седыми волосами, которые подвергались стрижке, только когда дорастали до уровня плеч. С виду безобидный пропойца, старик и одеваться предпочитал соответствующе: серые мешковатые штаны, такого же цвета рубаха, сверху – черный кожаный жилет и потертая куртка. Но вид бывает обманчив, в этом Кай тоже смог убедиться.

В звездолете, притаившемся на лесной опушке за протурбийским городом, ждала целая команда. Шесть человек, среди которых двое самых младших были ровесниками Кая, а самый старший готовился отпраздновать сорокалетие. С насмешками и высокомерными взглядами они собрались, чтобы встретить новичка.

– Знакомьтесь, пацаны, – сказал старик, выступая в центр круга и раскидывая руки в жесте настоящего шоумена, – это Крысеньш. Он будет жить с нами.

Раздался дружный гогот. Кай стоял, обводя хмурым взглядом незнакомых людей. Он не боялся. Нет, его мучило другое. Все это слишком напоминало ему каменоломни: испытание на прочность, попытка затоптать при малейшем признаке слабости. Но он считал, что никогда больше не вернется в ту, прежнюю жизнь. И теперь его выворачивало наизнанку от понимания, что вернуться придется.

– Здорово, Крысеньш! – сплюнул на пол один из тех, что помоложе, темноволосый, с хитрыми и блестящими глазами. Он подошел и дернул Кая за край одежды. – Классный у тебя прикид! Мой будет.

Протурбийское трехслойное одеяние, ставшее Каю давно привычным, вызывало у команды приступ буйного интереса. Со всех сторон потянулись руки, которые принялись щупать, дергать и тянуть на себя.

– Я – не Крысеньш! – процедил Кай сквозь зубы. Вступать в бой он пока не решался, не до конца оценил обстановку. – Меня зовут Кай.

– Да нам плевать, как тебя зовут! – издевался темноволосый. – Для нас

ты – Крысеньш.

Кая принялись толкать из стороны в сторону. Ткань на верхнем одеянии затрещала, когда ее одновременно потянули двое.

– Вот это костюмчик!

– Вырядился, как желтомордые!

– Мое! Мое! Мое!

Со всех сторон посыпались крики и подколки. На какой-то миг Кай словно перенесся обратно в каменоломни, в эпицентр давки, где шла борьба за место у огня. Рука сама собой взметнулась. Темноволосый отшатнулся, хватаясь за разбитый нос. Кровь обильно потекла сквозь его пальцы.

Старик, который до этого стоял, сложив руки на груди и наблюдая за представлением, оживился.

– Тише! Тише, братва! – гаркнул он, снова выходя в центр. – Разве так принято встречать нашего нового члена экипажа? – Старик повернулся к Каю, дернул за рукав. – А теперь ты должен снять эти тряпки и отдать Эрику.

Он указал на того самого, темноволосого. Эрик смотрел волком. Его нос все еще кровоточил.

– Почему я должен ему что-то отдавать в качестве извинений? – проворчал Кай. – Он сам нарывался.

Тут же поднялся галдеж, но старик вскинул руки, пошатнулся на нетвердых ногах и улыбнулся. Все мгновенно успокоились. Кай недоумевал, почему они слушаются этого клоуна.

– Простим новичка. Он еще не знает наших правил, – попросил старик у команды. Ответом было молчание. Тогда он перевел взгляд на Кая. – Видишь ли, пацан. У нас закон простой. Если кто сказал «мое» первым, то другие отбирать уже права не имеют. Иначе накажем. Эрик сказал «мое» на твою шмотку. Поэтому раздевайся.

– Но она моя! – возмутился Кай. – Она надета на мне!

– Но ты же этого не сказал раньше, – развел руками старик, – говоришь только сейчас. А уже поздно.

Кай застрял от ярости, но понимал, что бессилен против целой команды. Он свалит одного, может, двух, а что дальше? Ему некуда пойти. Оставалось лишь смириться и привыкать к новым условиям. Как он делал всегда.

– А что будет, если не отдам? – Кай попытался хоть как-то спасти положение.

– Проучат, как вон Ваську недавно. – Старик кивнул в сторону другого

подростка.

Кай только теперь обратил на того внимание. Прежде успел заметить только тех, кто тянул руки. А этот стоял поодаль. Полноватый, кудрявый, с розовым румянцем на щеках. Судя по ссадинам, недавно хорошенько отметили. Каю был знаком его затравленный взгляд. В иерархии каменоломен люди с таким взглядом редко пробирались к огню дальше середины пути от входа.

– Проучат – это на первый раз, – добавил старик, заметив, что Кай сомневается, – а будешь тупить – убьют.

Со вздохом Кай стащил с себя одеяние и остался в одних штанах. Эрик с восторгом натянул на себя ткань, подбоченился.

– Ну как, пацаны, похож я на желтомордого?

Все дружно загоготали. Кай стоял и смотрел прямо перед собой. Внезапно ярость переполнила его и заставила действовать. Протянув руку, он не глядя схватил ближайшего из новых знакомых за воротник куртки и прошипел:

– Мое.

Тот дернулся в попытке вырваться.

– Да ты офигел, пацан?!

– Мое, – процедил Кай, продолжая смотреть в одну точку, а не на противника.

– Да я тебя урою!

– Воу, воу, потише! – снова вклинился старик, и Кай посмотрел на него с удивлением. Казалось, тот специально доводил ситуацию до критической, а потом сам же спускал на тормозах. – Ты слышал парня. Он сказал «мое». Снимай куртец.

– Но... старик! – трепыхнулся тот.

– Снимай куртец, Снайпер! А то кишки выпущу! – Старик неожиданно преобразился. Похмельный вид слетел с него, глаза засверкали, на лице высветилась жестокая ухмылка. – Закон одинаков для всех.

С недовольным видом Снайпер снял одежду и сунул Каю. Тот подхватил, оделся. Старик похлопал его по плечу.

– А ты быстро учишься, пацан. Я уже начинаю думать, что зря собрал эту толпу недоумков. Мне хватило бы тебя одного. Надо подобрать тебе занятие на корабле. Видишь ли, у нас тут без дела не сидят. Что ты умеешь?

Кай пожал плечами. Вопрос поставил его в тупик.

– Ну тогда пойдем со мной, – старик крепче ухватил его, увлекая за собой, обдал алкогольными парами, – посмотрю, чему смогу научить тебя. А вы, братва, готовьтесь к вылету. Ловить здесь нечего. Мор на

желтомордых напал. Попытаем счастья в другом месте.

– Ты не прав, старик! – вдруг крикнул вдогонку Эрик. – Если Крысеныш – новичок, то почему не отправляется мыть сортиры, как положено? Как Васька! Почему ты сразу берешь его в рубку? Пусть пройдет все круги как положено. Как все мы.

Старик отпустил Кая. Медленно повернулся к темноволосому. Казалось, все затаили дыхание, и Кай невольно сделал это тоже.

– Ты говоришь, что я не прав? – прищурился старик.

– Я... я... – Эрик побледнел.

– Ты? Говоришь? Что я? Не прав? – тихий голос звучал по-особенному зловеще. – Ты мне в спину это сказал? Или в лицо повторишь тоже?

– Старик... я не то имел в виду...

– Новичок усвоил правила с первого раза. А ты у меня три года работаешь и до сих пор не понял, что со мной не надо спорить?! Братва, есть кто-то такой же непонятливый?

Он приподнял бровь, обвел взглядом команду. Затем размахнулся и неожиданно сильным ударом сшиб Эрика на пол. Кай поморщился. Теперь нос у темноволосого точно был сломан. Тут же, как по сигналу, навалились остальные. Эрик свернулся калачиком под градом пинков. Даже избитый Васька присоединился к общей потасовке.

Кай остался стоять рядом со стариком.

– Не желаешь присоединиться и размять косточки? – ухмыльнулся тот прежней полупьяной улыбочкой.

– Нет. – Кай не лукавил. Больше всего на свете он хотел оказаться рядом с Айшасом. Мудрый и добрый протурбиец обязательно сказал бы что-нибудь правильное в подобной ситуации. Но Айшас умер.

– М-да, – крикнул старик, – есть еще над чем работать. Но ничего. Обещал же – человеком сделаю.

Он развернулся и как ни в чем не бывало поплелся прочь. Каю ничего не оставалось, как последовать за провожатым. Мрачные мысли о безрадостном будущем одолевали его до тех пор, пока он не оказался в рубке. Один взгляд на приборную панель – и Кай понял, что пропал. Сердце застучало в груди так быстро, как не колотилось даже во время первого поцелуя с Цхалой. С благоговением он протянул руку и тут же отдернул, не решаясь коснуться.

– Нравится? – Старик изучал его с хитрым прищуром. – Тянет за штурвал, да? Капитаном будешь?

– Буду, – тихо сказал Кай.

– Ну может, и будешь, – старик бесцеремонно оттолкнул его и сел в

кресло, – а пока принеси мне выпивки. Она в шкафчике для аптечки.

Каю даже не пришло в голову послушаться. Все его мысли были заняты тем, как будет выглядеть космос, когда они выйдут за пределы атмосферы. Он машинально повернулся, искал взглядом необходимое. Заметил в стене нишу с красным крестом. Нажал на панель. Дверца отъехала. Внутри оказались две бутылки виски – полная и полупустая – и стакан. Никакой аптечкой там и не пахло.

– Налей, – махнул ему старик.

Кай выполнил приказ, подал спиртное, остался стоять, прижав бутылку к груди и снова уставившись на приборы.

– Не грей! Поставь! – рассердился старик. Затем откинулся на спинку кресла, посмаковал во рту жидкость. – Значит, условия у меня тоже простые. Будешь моим помощником на первое время. Подай, принеси и все такое. Посмотришь, поучишься. В вылазках у нас участвуют все, имей в виду. Твой доход – двадцать процентов. Мой – восемьдесят. Еда, выпивка с меня, как оговорено. Будешь возникать – пойдешь в расход.

– Не буду, – произнес Кай, для которого никакой доход не мог сравниться с возможностью следовать внутреннему зову, манящему к звездам.

– Ну и славно, – хмыкнул старик, – следи, чтоб моя бутылка всегда была полной, и мы с тобой поладим. Запасы найдешь в грузовом отсеке. Шконку сам себе отобьешь, ты способный. А теперь проваливай и не приходи, пока не позову.

* * *

Остаток дня Кай потратил на то, чтобы наладить жизнь. После того как стал виновником потасовки, не стоило и надеяться, что его примут с распростертыми объятиями. Но из-за покровительства старика трогать боялись. Перешептывались за спиной, давали тычка в спину будто невзначай, воротили носы – но этим и ограничивались. По разговорам Кай понял, что кораблю предстоит совершить ночной перелет, пополнить запасы на какой-то базе, а затем отправиться в долгий рейд по протурбийским планетам.

Ночью ему не спалось. Постель казалась непривычной, мешал храп соседей по отсеку. Мучили разнообразные мысли. Откуда-то доносилась возня. Этот время от времени повторяющийся шум стал в конце концов так действовать на нервы Каю, что тот не выдержал и поднялся. Сначала хотел

пойти выпить воды, чтобы успокоиться, но звук стал явственнее. Похоже, кто-то боролся. Любопытство пересилило, и Кай отправился на разведку.

Дверь в грузовой шлюз была открыта. Кай заглянул и увидел на полу, среди коробок, два силуэта. В одном узнал того самого Ваську. Он стоял на четвереньках, но отчаянно пытался лягнуть ногой или отползти, а сверху нависал Эрик, который держал свою жертву за затылок и вынуждал опустить голову к полу. Кай озадаченно наблюдал за странной потасовкой, пока не услышал сбивчивый шепот:

– Отпусти! Не хочу!

– Я хочу, – скрипел зубами Эрик.

– Мне девчонки нравятся! – Васька попробовал завопить, но противник зажал ему рот свободной рукой, и получилось лишь мычание.

Похоже, эти звуки Каю и не давали спать. Его передернуло. Хоть он и предпочитал не вмешиваться в чужие разборки, но в такой ситуации просто не выдержал. Решительным шагом подошел к дерущимся, схватил Эрика за шиворот и отбросил на пол. Тот злобно оскалился.

– Любимчик... пришел заступаться? Ну иди сюда, у меня к тебе тоже есть разговор.

Эрик вскочил на ноги. Его штаны оказались расстегнуты, ремень болтался. Эрик ловко сдернул его с пояса и намотал один конец на руку, а другим принялся размахивать. Массивная металлическая бляха со свистом рассекала воздух. Кай быстро оглянулся – Ваську уже как ветром сдуло. Они с Эриком остались один на один. Отступать было нельзя, это стало бы началом верной гибели – его просто заклевали бы за слабость.

Кай сжал кулаки. Эрик сделал выпад. Бляха просвистела совсем рядом с лицом Кая, тот едва успел увернуться. Они с противником закружились друг напротив друга, выискивая возможность для удара. Выпад. На этот раз что-то обожгло щеку Кая. Потекло горячее. Зарывав, он бросился в ближний бой, схватил Эрика поперек туловища и повалил на пол. На таком расстоянии тот не мог больше размахивать своим оружием. Кай дернул свободный конец ремня, сжал в кулаке бляху и принялся наносить ей удары.

Еще несколько дней назад он держал Цхалу за руку, смотрел в ее глаза и надеялся, что ей полегчает.

Теперь он снова боролся за теплое место под солнцем, чувствуя, что провел все эти годы мягкотелым слабаком, который разучился как следует бить. Изнутри поднималось что-то темное, непреодолимое. Давно забытое. То, что полностью охватывало все тело и придавало сил.

Каким-то чудом Кай остановился лишь в самый последний момент.

Эрик лежал под ним на полу, раскинув руки. Его лицо превратилось в сплошное месиво, но он еще дышал. Кай поднялся. Пальцы разжались, и ремень выпал. Бляха звякнула о металлический пол. Ноги ослабели, Кай пошатнулся, схватился за ящики и сполз. Ему требовалось время, чтобы отдышаться, а потом решить, что теперь делать. В первую же ночь избить до полусмерти одного из команды – такое вряд ли понравится остальным. Его накажут. Трудно предугадать реакцию старика, но остальные точно отомстят так или иначе.

Вдруг послышались шаги. Кай напрягся, но это оказался лишь Васька. Тот осторожно заглянул в отсек. Видимо, ждал, пока затихнет драка. Увидев постанывающего на полу Эрика, оживился. С удивлением Кай наблюдал, как Васька подкрался к поверженному противнику. Лицо исказилось ненавистью. Собрав во рту слюну, парень плюнул на врага. Потом подошел к дальней стене.

Контейнер для утилизации отходов. Кай прочел это над панелью. Он примерно знал, как все работает. Сначала выезжал короб. Туда скидывалось ненужное. Короб задвигался, специальный пресс упаковывал содержимое в вакуумную пленку и выбрасывал в открытый космос. Протурбийцы считали такой способ варварским и загрязняющим окружающую среду. Они предпочитали утилизировать отходы после посадки в специальных машинах.

Васька нажал на рукоять для открывания контейнера. Кай приоткрыл рот, когда парень деловито подошел, схватил Эрика за ноги и поволок. С криком поднатужился и перевалил тело в металлический короб. Отряхнул руки с каменным выражением лица.

– Он же... вроде живой... – засомневался Кай.

– Уже нет. – Васька дернул за ручку, короб закрылся, зажужжал аппарат утилизации. Раздался невнятный стук, потом все затихло.

Они посмотрели в глаза друг другу. Не то чтобы Кай испытал шок от чужой смерти. Он видел их предостаточно в каменоломнях, и эти воспоминания не помогли стереть даже годы пребывания в доме протурбийского лекаря. Его поразило другое. До какой степени может довести человека страх. Васька боялся Эрика. Но, получив возможность уничтожить, не колебался ни секунды. Потому что оставить того в живых для него было страшнее.

– Спасибо за помощь, – произнес Васька, глядя Каю в глаза, засунул руки в карманы и спокойно покинул отсек.

– Куда подевался Эрик?! – разорвался спозаранку старик. – Куда на этом гребаном корабле мог провалиться мой лучший из парней?!

Все молчали и пожимали плечами. Кай мысленно усмехнулся. Еще вчера старик приказал избить Эрика, а теперь называл лучшим. Но улыбаться перехотелось, как только он подумал, что его могут раскрыть. Тем более Васька бросал косые взгляды, словно порывался что-то выпалить. А вдруг сейчас сдаст? Перекинет с себя всю вину за убийство? Свидетелей нет, никто не докажет, что один избил, а вот второй – выкинул в космос. Легко можно свалить все на одного. Кай приготовился к тому, что его в лучшем случае проучат толпой.

– Я знаю, куда делся Эрик, – как и следовало ожидать, выступил вперед Васька.

Кай стиснул кулаки и посмотрел на него исподлобья. Старик оживился. Он махнул рукой, в которой был зажат стакан, и снисходительно обратился к парню:

– Да, толстая задница? И куда же?

Васька поджал губы.

– Я его убил.

На секунду все умолкли. Кай тоже потерял дар речи. Старик поморгал.

– Ты? – Он хрюкнул, а затем рассмеялся в голос, откинув голову назад и прижав руку к животу. – Ты? Убил? Эрика?

– Я, – кивнул тот, – новичок подтвердит. Он видел. Эрик напал на меня. Он давно меня ненавидел и пытался кулаки почесать. Мне это надоело. Я отпинал его. И выкинул в ящик для мусора. И сделаю так с каждым, кто попыбует ко мне полезть. – Он обвел взглядом притихшую команду. – Поняли? И сортиры я вам больше чистить не буду. Найдите кого-то взамен Эрика и заставляйте его.

Сплюнув на пол, Васька высокомерно вздернул подбородок. Между остальными членами экипажа пронеслись шепотки. Возмущенные голоса становились все громче. Старик выглядел удивленным, но, когда поймал на себе взгляд Кая, тут же натянул невозмутимую мину.

– Что скажешь, Кай? – наигранно вежливым тоном поинтересовался он. – Видел ли ты это?

Кай переглянулся с Васькой. Тот скорчил зверскую мину и округлил глаза, пытаясь намекнуть, чтобы не смел отнекиваться.

– Видел, – с неохотой признался Кай, – я ночью слышал возню. Это

было в грузовом отсеке. Я пришел, когда... когда Васька добивал Эрика. Потом он отволол его в контейнер. Я не стал вмешиваться, потому что эти разборки меня не касались.

Старик крякнул. Покачал головой.

– Тише, братва, – обратился он к остальным, – новичок не стал бы врать в таких делах. Видимо, наш мелкий отрастил наконец-таки яйца. Рано или поздно ему следовало это сделать, и лучше поздно, чем никогда. Жалко Эрика, мир его праху.

Старик отхлебнул из стакана, задумчиво пробормотал что-то и поковылял прочь. Остальные члены команды тоже стали расходиться. Кай и Васька задержались самыми последними.

– Почему ты не сказал про меня? – понизив голос, поинтересовался Кай. – Это ведь я свалил Эрика.

Парень набычился.

– Тебе с этого какая польза? – грубо ответил он. – А меня здесь уважать начнут. Трогать теперь побоятся. Старик, видал, как зауважал? А до этого ненавидел.

– Ненавидел? За что?

– Да просто за то, что я есть, – мрачно усмехнулся Васька. – Он же дядька мой, родной. Думаешь, у меня были тут какие-то привилегии, как у племянника капитана? А вот хрена с два! Да он тебя с первой секунды полюбил больше, чем меня за последние два года! Как будто я виноват, что мамка при родах от меня умерла! Никак мне этого простить не может.

– А мамка...

– Сестра его была. Да. Вот и взял меня к себе, когда папаня скопытился. Да лучше бы не брал. Постоянно рожу от меня воротит. Позволял другим издеваться. Никогда не защищал. Сегодня в первый раз прокатило. Так что не вздумай вякать!

Кай тряхнул головой. Чужие семейные неприятности были ему неинтересны.

– Ну ладно. Пусть так, – согласился он.

Легкая победа воодушевила его собеседника.

– И не смей больше называть меня Васькой! – прошипел тот. – Ненавижу это гребаное имя! Меня зовут Бизон! Понятно? Бизон! Я вам всем еще докажу...

Что именно будет доказано, Кай не расслышал, потому что парень сорвался с места, толкнул его плечом и убежал.

Привыкнуть к местным порядкам оказалось даже проще, чем Кай думал. Смерть Эрика забылась так же быстро, как это было принято в

каменоломнях. Пополнив запасы на базе, команда уже готовилась к новым вылазкам.

– Смотрите в оба, – инструктировал старик, когда они высадились на окраине очередного протурбийского города. За его спиной поблескивали рамки солнечных батарей, укрепленных на крышах. – Оценивайте дома, в которые заходите. Что интересенького, что плохо лежит. Сколько желтомордых там обитает. Сильные или слабые. Надежные ли замки. Чтобы вечером не носились в панике, как бешеные собаки, когда настанет пора вернуться туда.

Кай слушал пояснения и постепенно начинал догадываться, что предстоит.

– Я думал, мы будем продавать алкоголь, – сказал он. – Я не хочу никого грабить.

– «Я не хочу никого грабить», – передразнил его Снайпер, который еще таил зло за то, что пришлось отдать куртку. – А ты думал, чем мы тут занимаемся? Это бизнес, пацан. Ты в него вступил. Так что кончай наматывать сопли на кулак, бери товар и гляди в оба.

Он пихнул ногой сумку Кая.

– Спокойно, – осадил его старик. Он подошел, положил руку на плечо Кая и наклонился ближе. – Тебе ведь нравятся желтомордые, пацан?

Кай отвернулся и молчал, стараясь не вдыхать крепкий запах алкоголя.

– Ты носил их одежду, – продолжил старик, – был знатным желтомордым, как я погляжу. Мне тоже они нравятся. – Он поймал удивленный взгляд Кая и кивнул. – Да-да. Нравятся. Но ты когда-нибудь видел хоть одного желтомордого, одетого по-нашему? Или говорящего на нашем языке? Подражающего нам, людям?

Кай покачал головой. Он никогда не видел таких протурбийцев. Даже Айшас никогда не интересовался изучением его языка, а лишь усердно преподавал свой. И заказал на пошив протурбийские одежды, хотя наверняка знал, что люди привыкли ходить в другом. Его, Кая, одевали подобно протурбийцу, разговаривали с ним как с протурбийцем и делали все, чтобы он однажды забыл, что не является протурбийцем.

А еще он помнил, какими взглядами на него смотрели гости Айшаса. Как на чудо-обезьянку, разряженную в шутовской наряд. Прежде он старался не обращать на это внимания.

– Так вот что я тебе скажу, пацан, – ткнул в него пальцем старик, – нет более жалкого зрелища, чем человек, который пытается косить под не-человека. – Он выпрямился, отпустил Кая и прикрикнул на остальных: – Отстаньте от него, парни. Пусть делает, что хочет. Пусть валит к

желтомордым, если хочет. Если не вернется с добычей, мы его держать у себя не будем. У нас ведь свобода и равноправие.

Один за другим контрабандисты взваливали на плечи сумки, окидывали Кая презрительными взглядами и разбредались в разные стороны. Он стоял и стискивал зубы, потому что никак не мог решиться переступить через себя. В детстве он ненавидел протурбийцев, потом Айшас и Цхала изменили его представление о народе. И теперь все снова переворачивалось с ног на голову.

– Пойдем, – толкнул его в бок Бизон, – я тебя научу.

Кай смирился и пошел следом. Как ни странно, все оказалось просто. Его знания языка сыграли им на руку. Местные жители охотнее вступали в контакт с тем, кто свободно общался с ними наравне, и с отвращением косились в сторону хрипящего электронного переводчика, которым пользовался Бизон. В конце концов Кай договорился с напарником, что тот спрячет свой аппарат и доверит вести все переговоры ему одному. Дело пошло живее. В одном доме их даже угостили фруктами и пригласили заглядывать еще.

Со второй частью предприятия вышло сложнее.

Собравшись, контрабандисты посоветовались и решили разделить на две команды. Их целью стали два жилища, недостаточно охраняемые, но довольно богатые на вид. В одном из них хозяева уехали, и об этом проболтались соседи. В другом – обитала мирная пожилая пара, которую нетрудно было скрутить.

Под покровом опустившейся ночи команды двинулись обратно в город. Каю выпало идти с Бизоном и Снайпером. С тяжелым сердцем он брел позади. Затаившись, они понаблюдали за домом, убедились, что свет в окнах не горит, и начали действовать. Ловко взломав замки, проникли внутрь.

– Мое! Мое! Мое!

Пока сообщники дрались за право первым ухватить понравившуюся вещицу, Кай замер возле шкафа со стеклянными дверцами. Там, на бархатной подставке, сверкала зеленая капля. Этот камень, несомненно драгоценный, напомнил ему любимое украшение Цхалы. То самое, которое он однажды отобрал, а потом вернул. Тогда-то и узнал, что камень принадлежал ее матери и достался ей по наследству. Разглядывая чужое украшение, Кай вдруг понял, что не сохранил совсем ничего на память о подруге.

Он протянул руку, открыл дверцу... и вдруг вихрь снес его и отшвырнул в сторону.

– Мое! – злорадно оскалился Снайпер, направляя луч фонарика на Кая. Тот скрипнул зубами. Камень уже исчез в кармане контрабандиста.

На лестнице, ведущей на второй этаж, загрохотали шаги. В тот же миг из стены, возле которой стоял Кай, выстрелил фонтанчик каменных крошек. Снайпер отшвырнул фонарь, присел и открыл огонь из своего автомата. Кая что-то сбило с ног. Опомнившись, он увидел Бизона, склонившегося в полутьме над ним. Хозяин дома, так некстати вернувшийся из поездки и не замеченный ими, громко матерился и угрожал, что не оставит в живых никого.

Незадачливые воры затаились за мебелью, не решаясь высунуться из укрытия. От двери их отделяло слишком большое расстояние.

– Эй, пацаны! – послышался громкий шепот Снайпера. – Прикройте меня! Этот желтомордый тоже засел в засаде и стреляет, как только заметит движение. Все сразу втроем не выберемся. Дайте мне добраться до двери, и я приведу подмогу.

Кай и Бизон переглянулись. Если тот уйдет, им придется продержаться еще какое-то время. А вдруг нагрянет местная полиция? Или хозяин решит пойти в атаку, а не отсиживаться в темноте и поливать их руганью?

– Хорошо! – ответил за них обоих Бизон. – На счет три! Выбегай на счет три, а я пальну по нему. Раз! Два! Три!

Раздался топот, выстрелы и грохот упавшего тела. Кай широко открытыми глазами уставился на руки Бизона, в которых не было оружия.

– Вот теперь валим, – тихо шепнул тот, – пока нас не хватились.

Действительно, судя по звуку шагов, хозяин бросился осматривать убитого. Кай и Бизон, пригибаясь и прячась за мебелью, выскользнули прочь.

– Ты спас меня! – крикнул Кай, когда они улепетывали со всех ног вдоль по улице. – Но подставил Снайпера. Почему?

Полноватый Бизон уже задыхался от бега. Он остановился и уперся руками в колени, чтобы отдышаться.

– Надо было выбирать. Я выбрал. Ты что-то имеешь против?

– Да нет. – Кай пожал плечами. – Просто подумал...

– Что подумал? – Бизон выпрямился и усмехнулся. – Что мы теперь друзья? Здесь нет друзей, новичок! Очнись! Старик прав, ты больше желтомордый, чем нормальный пацан. Но ты помог мне завалить Эрика, поэтому...

Он скривился, полез в карман и сунул что-то Каю. Когда тот разжал кулак, то увидел зеленый камень, так понравившийся прежде.

– Наступил на него, пока выползали. Наверно, у Снайпера из кармана

выкатился. Он же у тебя его успел перехватить? – Бизон с серьезным видом посмотрел Каю в глаза. – Бери. Твое.

* * *

Несмотря на потерю Снайпера, рейд получился удачным. Старик не мог нарадоваться, что им удалось распродать почти все, и Кай сыграл в этом не последнюю роль.

– Видали, парни? – не устал повторять он. – Я знал, что нам пригодится свой человек среди желтомордых.

Результаты ночных набегов тоже оставили старика довольным. Настолько, что по возвращении на базу он решил взять передышку и отметить хорошую прибыль. Распаковали два ящика товара за его счет. Виски и водка лились рекой. Появились и девушки. Яркие создания и такие красивые, что дух захватывало. Старик не жалел денег, когда приглашал их. «Все для моих парней», – был девиз, к которому добавлялось негласное: «Захотите так еще раз, придется постараться еще лучше».

Но пока о новом рейде никто не думал. Девушки, стуча высокими каблучками, запорхнули в звездолет. У мужчин загорелись глаза. Потянулись руки.

– Мое! Мое! – красавиц быстро расхватали.

Подмигнув Каю, старик удалился под руку с двумя девушками, блондинкой и брюнеткой. Вскоре все укромные уголки звездолета наполнились смехом и протяжными женскими стонами. Кай и Бизон переглянулись. Только они вдвоем остались не у дел.

– Ну вот, – проворчал Бизон, – почему шлюхи вечно выбирают старика?

– Потому что он платит, – пожал плечами Кай.

– Я тоже могу заплатить, – зыркнул его собеседник, – я откладывал с каждого набег. Он мог бы взять одну, и тогда другая досталась бы мне! Но он вечно берет двух!

Кай снова пожал плечами. Он не видел представительниц своей расы уже очень давно и тоже все проворонил, когда они появились, потому что засмотрелся на их изгибы и округлости и потерял дар речи. Сидеть и жаловаться на судьбу, подобно Бизону, ему не хотелось, поэтому Кай предпочел убраться в свое любимое место на корабле – рубку управления. Там, закрывшись, чтобы не слышать чужих стонов, он устроился в кресле пилота и принялся задумчиво крутить в пальцах зеленый камень.

Украшение было красивым... но не тем. Кай думал, что оно станет напоминанием, но не мог отделаться от ощущения, что просто держит в руках стекляшку.

Внезапно он почувствовал чье-то присутствие. Заерзал в кресле. Брюнетка, застывшая в дверях, улыбнулась. Кай настороженно уставился на нее. Как же он не заметил, что она проскользнула и наблюдает за ним?

Он узнал ее. Это она с белокурой подружкой ушла вслед за стариком. Теперь одежды на девушке поубавилось. Кофточка куда-то бесследно испарилась. Пышную грудь прикрывало только черное кружевное белье. Короткая юбка была расстегнута, но еще держалась на бедрах. Кая бросило в жар. Он мгновенно позабыл и родной, и протурбийский языки и лишь открывал и закрывал рот, подобно рыбе.

– Нравится? – Девушка без слов истолковала то, что творилось с Каем. Он судорожно кивнул.

– Мне тоже нравится... это. – Покачивая бедрами, она подошла, легко коснулась прохладными пальчиками его щеки. Длинные ресницы дрогнули, когда девушка переместила взгляд и увидела камень в его руке. – И это тоже.

Она потянулась и накрыла его ладонь своей. Посмотрела в глаза. Кай безропотно разжал руку, позволив незнакомке умыкнуть у него драгоценность. Он вообще забыл, для чего держал его при себе.

– Как тебя зовут? – Девушка едва заметным движением кинула добычу в крохотную сумочку, висевшую на плече.

Кай открыл рот, с усилием вспоминая человеческую речь.

– Я думал, ты со стариком... – выдавил он.

– Какое длинное имя, – ее розовые губы нежно улыбнулись. Кай покраснел, и тогда девушка сжалась и пояснила: – Да с ним скучно. Он всего-то хотел посмотреть, как я играю с Лейлой, а потом схватился за бутылку и приказал нам уходить.

Она обиженно надула губки и опустилась возле кресла на колени. Отложила сумочку. Завела одну руку за спину, щелкнула застежкой. Лифчик скользнул по точеным плечам и упал на пол.

– Ты ведь не скажешь мне уходить? – с надеждой протянула девушка.

– Кай. Меня зовут Кай. – Он опустил взгляд на ее грудь и уже не мог поднять обратно.

– Роза. – Девушка засмеялась. Похоже, ей нравилось производить впечатление. Она сама взяла его руки и положила на себя, надавливая на пальцы и заставляя пощипывать соски.

Кай сглотнул.

– Ты ведь уже делал это раньше? – лукаво поинтересовалась Роза и расстегнула верхнюю пуговицу на его одежде.

– Тысячу раз, – пробормотал Кай.

Она наклонилась, поцеловала его в губы, скользнула ниже по подбородку на шею. Продолжила расстегивать пуговицы и осыпать поцелуями грудь, потом живот. Переместилась, втиснувшись между его расставленных ног. Когда добралась до ремня, Кай схватился за подлокотники кресла и с шумом втянул в себя воздух.

– Вот вы где! – раздался другой женский голосок.

Кай и Роза повернулись одновременно. Вторая подруга, Лейла, смотрела на них с порога и поигрывала белокурым локоном. Тесное блестящее платье обтягивало ее стройную фигуру, не оставляя простора воображению.

– Посмотри, кого я нашла! – оживилась Роза. – Это Кай.

– Привет, Кай! – Лейла подошла, присела рядом с подругой и принялась целовать ее в губы, обвив шею руками. Оторвалась, тяжело и глубоко дыша, посмотрела той в глаза с явной нежностью, затем перевела взгляд на Кая. – Ты нам нравишься. Давненько мы так не веселились.

Она взялась двумя руками за подол платья и стянула через голову. Под одеждой не было белья.

– Поверь, ты попал в хорошую компанию, – заверила Лейла, – мы сделаем так, что после нас тебя уже никто не сможет удивить.

И они выполнили свое обещание. За одну ночь Кай узнал о сексе практически все. Влажные от пота тела девушек обвивали его подобно двум лианам. Он научился не только получать удовольствие, но и дарить его. Раньше его идолами были еда и тепло. Теперь к ним добавилось третье божество.

– Ну как, понравились тебе мои девочки? – подколот на следующий день старик, и только тогда Кай сообразил, кем был подстроен спектакль.

Бизон, который тоже слышал это, перестал с ним разговаривать на целую неделю.

А дальше потекли рутинные будни. Звездолет контрабандистов путешествовал между протурбийскими планетками, никогда подолгу не задерживаясь на одной, никогда не появляясь в одном и том же городе дважды. Кай сбывал товар, грабил, а перерывы между рейдами заполнял шлюхами, которых ему охотно поставлял старик в качестве «подарка лучшему из парней». Деньги и секс – вот из чего теперь состояла его жизнь. И Кай не собирался ничего в ней менять.

Старик не мог на него нарадоваться. Прибыль росла в геометрической

прогрессии. Кай пользовался тем, что знал не только язык, но и особенности мышления протурбийцев, умело давил на их слабости, и товар так и улетал из рук. Однажды старик даже заявил что-то вроде того, что «выходит из игры, и никакая крыша больше не нужна». Кай догадывался, что у их небольшой банды есть более влиятельный покровитель, который делает их невидимыми для властей и обеспечивает нужные документы для прохода через таможню, но его голова была занята новыми рейдами и новыми шлюхами, поэтому беспокойства по поводу перемен он не испытал.

Через некоторое время понял, как ошибался. При очередном вылете с базы их, груженных, остановил патруль. Кая вместе с остальными членами команды поставили на колени лицом к стене и вынудили заложить руки за голову, пока вооруженные люди осматривали каждый уголок звездолета. Краем глаза он видел, как покраснел и затрясся старик. За спиной расхаживал, топая тяжелыми армейскими ботинками, офицер.

– Что будем делать с вами, господа контрабандисты? – издевательским тоном произнес он, когда запрещенный товар обнаружился.

Неожиданно старик вскочил на ноги и бросился на офицера. Кай понимал его ярость. Они были на гребне успеха – а теперь им всем грозили тюрьма и полная конфискация имущества. Раздался выстрел. Грузное тело рухнуло на пол. Вместе со смертью старика испарились и все надежды Кая на продолжение прежнего образа жизни.

– Корсаков! Зачем? – строго рявкнул командир.

– Вооруженное сопротивление, – извиняющимся тоном отозвался его подчиненный. – Нож откуда-то достал...

– В самом деле, – послышался вздох, – ну разверните этих. Посмотрим, что с ними делать.

По очереди он подходил к каждому из контрабандистов, заставлял называть имя и возраст. После этого их уводили. Очередь дошла и до Бизона.

– Сколько тебе лет? – обратился офицер.

– Восемнадцать, – огрызнулся тот.

– К остальным. Тебе? – Он повернулся к Каю.

Кай поднял глаза. С колен видел только возвышавшуюся крупную фигуру и строгий взгляд в прорезе балаклавы.

– Семнадцать.

– Документы?

– Нет.

– Родители?

– Нет.

– Что ж тебя, пацаненок, в такую плохую компанию затянуло? – холодно усмехнулся мужчина. – Молод ты еще для тюрьмы.

Кай молчал. Его собеседник переглянулся с одним из подчиненных.

– Ладно. Попробуем хоть с этим что-то сделать. Вызовите кого-нибудь из инспекции. Сообщите, что у нас несовершеннолетний. Пусть в кадетский корпус попробуют пристроить. В колонии ведь окончательно испортится.

Кай уже привык к тому, что, когда его судьба делает новый крутой поворот, о его желаниях никто не заботится, поэтому не стал тратить силы на спор. Корпус так корпус, вряд ли эта дыра могла быть хуже, чем прежние. Мужчину, похлопотавшего о том, чтобы его «отмазали» от колонии и оформили документы, Кай больше не встречал. Но учеба давалась ему легко и не вызвала негативных эмоций. Наоборот, он получил открытый доступ к тому, о чем и мечтал: из них готовили звездных пилотов. Правда, друзьями он так и не обзавелся. Не видел в этом смысла.

Через несколько лет Кай успешно сдал экзамены и прошел выпуск. Ему вручили направление на работу в космопорт. Даже квартиру в собственность предоставили – поддержка от государства выпускникам, не имеющим семьи и имущества. В вечер выпускного устроили грандиозный праздник. Все веселились, поздравляли друг друга. Как это обычно и бывает, в месте скопления молодых симпатичных летчиков в форме появились девушки: дочери из приличных семейств, приглядывающие себе партию; разбитные «веселухи», падкие до щедрых от радости выпускников; просто любительницы военных.

Глубокой ночью Кай вошел под руку с одной из таких девушек в свою новую квартиру на сороковом этаже обычного жилого здания. Стены еще пахли краской. Из мебели тут был лишь стандартный минимум. Опьяневшая от шампанского подружка попросилась «припудрить носик». Пошатываясь и хихикая, она удалилась, а Кай подошел к огромному панорамному окну. Внизу раскинулся ночной город. Светились окна соседних домов. Земля. Он родился не здесь и по-прежнему не чувствовал себя здесь своим.

Кай поднял взгляд. Луна. Она постоянно попадалась на глаза вместо Сшат-Ацхалы, будто лезла в первый ряд, чтобы перетянуть на себя внимание. С опозданием он сообразил, что опять не учел – это другая галактика и привычные звезды тут не видны.

Из прихожей падал свет, и в стекле Кай видел свое отражение. Коротко подстриженный, затянутый в парадную форму. Не похожий сам на себя.

Мысли о том, что придется устраиваться на работу, жить по чужим правилам, обзавестись женой, вызывали отвращение. Он не настолько человек. Но и не протурбиец – те слова старика о попытке притворяться не собой так и звучали в голове.

– Ты идешь? – раздался воркующий женский голос.

Кай оглянулся через плечо. Его подружка, полностью обнаженная, приняла соблазнительную позу на диване.

– Да. – Он решительно отвернулся от окна, расстегнул верхнюю пуговицу. – Иду.

На следующее утро Кай продал квартиру. Получив перечисление на свой «ай-ди», он первым делом поехал на штрафстоянку космической таможни. Звездолет старика, никому не нужный, так и ржавел на дальнем краю все эти годы.

– Зачем он вам? – поинтересовался охранник стоянки, который показал, где стоит развалюха.

– Сколько он стоит? – Кай не мог оторвать взгляда от корабля. – Я хочу его выкупить.

Дальше дело оставалось за малым. Из всей команды отыскиались только Бизон и тот новичок, который пришел на место Эрика. Старых знакомых Кай едва узнал. Впрочем, они его тоже. Но когда вкратце услышали о его планах, не раздумывали ни секунды.

– Старик делился с тобой всеми секретами. Если ты уверен, что у нас получится, значит, получится. Когда отчаливаем, кэп? – спросил Бизон.

Кай улыбнулся. Ему пришлось по душе новое обращение.

– Сейчас.

* * *

Видения закончились так же внезапно, как и начались. Кай ощутил, что он больше не там, не на своем корабле, а в незнакомом месте, лежит на чем-то твердом. Едва пошевелился, как головная боль, подобно молнии, расколола череп. Ужасно хотелось пить. За глоток воды он бы отдал все сокровища мира. Приподнял веки и тут же застонал: свет ударил по глазам.

– Кай? – Его руку тут же стиснули чьи-то мягкие ладошки. – Кай, ты меня слышишь?!

Расплывающиеся картинки наконец-то собрались в одну и обрели четкость. Над ним склонилось взволнованное девичье лицо. На грязных щеках засохли дорожки слез, багровые царапины, кажется, воспалились по

краям. Бледная, измученная, переживающая за него...

– Белоснежка, – прохрипел Кай пересохшим горлом.

Она улыбнулась, стиснула его руку крепче. А потом вдруг заплакала. Нет, разрыдалась в голос, вводя его в полнейший ступор. Эмоции так резко сменили одна другую, что у Кая не нашлось подходящего объяснения, что это творится с девушкой. Он просто смотрел, как крупные прозрачные слезы вытекают из ее глаз и, сверкнув в воздухе бриллиантами, капают прямо на его голую грудь.

Наверно, она сильно устала.

Последние события постепенно воскресали в памяти. Кай вспомнил, что его Белоснежка должна была уйти. Он умолял ее уйти, когда понял, что все пропало. Когда увидел, что Бизона охватила горячка. Затем его самого накрыла темнота. Он считал, что уже никогда не откроет глаза.

– Почему ты не ушла? – нахмурился Кай.

– Бизон умер! – зарыдала она еще горше. Такая испуганная и несчастная, что ему стало больно смотреть на нее. – Ты умирал три дня! Три дня, Кай! Я уже не верила, что ты очнешься.

Три дня. Он приподнялся на локте, поморгал, оценивая обстановку. Провалился в этой хижине три дня, а Дана все это время выхаживала его! Приложил руку к груди, заметив небольшие ожоги на теле. Что это могло быть? Рядом лежал нож. Она прижигала его? Зачем? Взгляд Кая подмечал теперь и чашу с водой и сложенной в несколько раз тканью, и то, что сам он был раздет. Она обтирала его, поила его. Пыталась лечить.

Она не бросила его.

– Как ты себя чувствуешь? – Белоснежка напряженно вглядывалась в лицо Кая.

– Хреново. – Он сел, преодолевая слабость в мышцах. Увидел, как Дана побледнела, тут же исправился: – Лучше. Мне гораздо лучше. Спасибо.

Она всхлипнула, бросилась ему на шею. Кай едва удержался, чтобы не рухнуть обратно на спину. Руки Белоснежки крепко стиснули его, она уткнулась носом в его плечо, все ее тело тряслось и вздрагивало. Но он был счастлив. Прижал ее к себе, унимая дрожь уверенными прикосновениями. Он никогда больше не позволит ей плакать. Сделает все для этого. Все, что угодно. Переступит через себя, откажется от самого желанного, умрет, если потребуется. Но страдать ей не позволит.

Внезапно что-то в груди неясно кольнуло. В первые мгновения Кай не мог понять, что его беспокоит. Когда сообразил – с тревогой отодвинул девушку от себя.

– Ты горячая. – Он взгляделся в ее лицо так же, как совсем недавно она вглядывалась в него: выискивая признаки лихорадки. – У тебя температура?

Дана отвела взгляд. Слезы все еще стояли в ее глазах.

– Я умру, да? Кай, я умру?

– Мать твою... – выдохнул он, на миг потеряв дар речи.

– Я вколола тебе последний антибиотик, больше нет... – Его Белоснежка кусала губы.

Даже сейчас она отчаянно старалась быть сильной, но Кай видел, как страх прорывается из нее. Он мельком глянул на шприц, валявшийся неподалеку.

– Зачем ты зашла?! – зарычал он, стиснув ее плечи. От злости даже сил хватило, чтобы вскочить на колени.

Дана, наоборот, откинулась на руку, а потом и вовсе опустилась на пол. Она жалобно смотрела на Кая снизу вверх и не пробовала защититься от нападок. У него внутри все перевернулось. Что он делает? Она спасла ему жизнь, а он орет на нее! Орет от страха, что может потерять навсегда.

– Я же обещала... помнишь? – пробормотала Дана, ее веки начали тяжелеть и закрываться. – Что не брошу.

Она словно дождалась его, а теперь, узнав, что Кай идет на поправку, расслабилась и сдалась во власть болезни.

– Все будет хорошо, – судорожно забормотал он, ощупывая ее раскрасневшееся лицо, влажную от пота шею. Начал расстегивать пуговицы на ее одежде. – Все будет хорошо, слышишь?

– Ты раздеваешь меня. – Уголки губ девушки приподнялись.

Кай не выдержал, нагнулся и прижался губами к ее рту. Плотно, долго, вкладывая в этот поцелуй все, что не мог выразить словами. Он сам не заметил, как она стала так дорога ему. В какой момент? Когда в первый раз увидел ее на погрузке возле своего корабля?

Кай помнил, как наткнулся на нее. Он работал, гадая, куда запропастился треклятый Бизон, когда Белоснежка возникла, словно из ниоткуда. Сначала Кай подумал, что она заблудилась. Стоял и пялился на ее упругую круглую попку, длинные серебристые волосы, хрупкие плечи. Даже пожалел, что уже пригласил в полет девчонок. Эту бы он с удовольствием позвал к себе на чашку чая, и не только.

А потом открыл рот... и начал нести полный бред, от которого она ярилась и шипела на него, как дикая кошка. Случайное прикосновение вообще выбило из колеи. Кай поражался сам себе, но остановиться не мог. Никогда не вел так себя с прекрасными незнакомками. Обычно все

завязывалось легко и непринужденно и так же легко и непринужденно перетекало в постель.

К слову, Белоснежка тоже вела себя не как все нормальные девушки, а на каждый его выпад старалась отвечать тем же. В какой-то момент она так выбесила его, что Кай поклялся себе, что больше никогда не свяжется с женщинами. От слова вообще.

Он порадовался, когда удалось прогнать ее, и тут же пожалел об этом. Стоял и смотрел вслед, ощущая себя полным идиотом, упускающим свой единственный шанс. А затем она вернулась, и Кай старался не показывать, какое испытал облегчение. Но они заговорили – и он отказал ей. Испугался того, что творилось с ним в ее присутствии. Бесконтрольной, выбивающей все мысли из головы волны жара, которая пронеслась по телу.

Но Белоснежка и тут смогла удивить его. Она стиснула зубы и принялась выбивать себе место на его корабле с упрямством маленького дикого зверька, вцепившегося в лакомый кусок. Кай видел, что ей тяжело, что она терпит мучения, и ждал, что вот сейчас эта девчонка наконец-то поведет себя как положено, заплачет и сдастся. Но она не сдавалась.

В тот момент, когда Кай отобрал у девушки ящик, он сдался сам. Был покорен ее характером, который редко встречал не то что в женщинах – в людях вообще. И потом, после падения, специально дразнил и мучил ее, называл слабой, потому что искал предел ее внутренней силы. Ждал, что найдет в Белоснежке какой-то изъян, испытает разочарование. Но она все крепче привязывала его к себе невидимыми узами. Рядом с ней он хотел стать другим, стать лучше. Ради нее. Когда она улыбалась – ему было хорошо. Когда плакала – становилось плохо.

Он даже радовался, что их испытания не заканчиваются! Потому что это означало, что Белоснежка снова прижмется к его плечу в поисках защиты, а он снова эту защиту ей даст. И будет ощущать себя непривычно полноценным и счастливым.

Но теперь, похоже, все зашло слишком далеко. Кай оторвался от горячих губ девушки. Горячих не от страсти, а от болезни. Он выпутал ее из плена одежды, провел ладонью, вытирая пот из ложбинки между грудей. Дана слабо застонала, не открывая глаз. Как давно ее лихорадит? Сколько времени она сидела рядом с ним и держала за руку, стараясь игнорировать свое недомогание? Кай с нежностью погладил ее по израненному лицу. Он больше не будет сопротивляться своим чувствам. Был бы полным и окончательным идиотом, если бы стал так делать.

И он не может ее потерять. Ни в прошлом, ни в будущем, ни вообще никогда.

Просто не может.

Кай застыл над распростертой девушкой. Невидящим взглядом он скользил по ее заострившимся ключицам, судорожно трепещущей жилке на шее, алеющим щекам и пытался придумать, как выцарапать ее из лап болезни. Если бы только он в свое время слушал протурбийского лекаря! Если бы меньше таращился в небо и больше обращал внимания на зеленые сорняки, торчавшие из грядок! Нет, если бы Кай делал все это, чуда бы не случилось. Протурбийцы не изобрели чудо-лекарства от пузырьчатой болезни. Но он бы знал, как облегчить страдания Белоснежки.

На глаза попался шприц. Кай схватил его. Взглянул на дату производства. Покачал головой. Срок годности лекарства истек полгода назад.

Казалось, Кай ухватил крохотную подсказку, только пока не мог сообразить, чем это может быть полезно. После лихорадки мозги словно разжижились и с трудом ворочались в голове. Он даже стукнул себя ладонью в висок, будто это могло помочь вставить их на место.

Кай огляделся. Оставлять больную здесь, на твердом полу у очага, он не хотел. Но единственная кровать была оккупирована Бизоном. Бизон... неужели такая бесславная смерть стала его концом?

Подняться на ноги удалось с третьей попытки. Первые два раза Кай падал обратно. Наконец пересилил себя, сделал пару нетвердых шагов, ухватился за полку и повис, чуть не обвалив ее. Постоял, чтобы отдышаться. Затем продолжил путь. Кое-как он добрался до Бизона. Стало понятно, почему Дана так рыдала, рассказывая о нем. Как же страшно ей, наверно, было видеть такое! Кай и сам не сдержал брезгливой гримасы.

Бизон лежал на спине, приоткрыв рот. Одна половина его тела раздулась от пузырей. Бровь, веко, щека, шея, плечо, бок, нога. Пузыри гнездились на нем, как грибы-трутовики на стволе дерева. Некоторые выросли до размеров крупного яблока, другие оставались мелкой россыпью. Вторая половина тела выглядела сравнительно чистой, если не считать единичных крохотных точек.

Кай понял, что его надо сжечь. Может, в последнее время они перестали быть командой, но оставлять Бизона в таком виде гнить в земле и распространять заразу тоже казалось кощунством. Лучше погребение в очищающем огне. Кай вспомнил, что прихватил из дома Тхассу – протурбийца, приютившего их с Даной на ночь, – бутылку с адским огнем. Еще одну, помимо той, которую Белоснежка разбила. Количества жидкости хватило бы для проводов Бизона в последний путь.

Решив так, Кай собирался отвернуться, когда его слуха коснулось едва

слышное хрипение. Он замер, вслушиваясь. Шагнул ближе к кровати. Наклонился.

И снова это «х-х-х»...

Бизон дышал! Тяжело, редко, словно борясь за каждый глоток воздуха, но дышал. Как Дана могла не заметить этого? Хотя... Кай сам едва не пропустил. Значит, вот еще одна зацепка. Бизон не умер. Только почему болезнь так сильно поразила его, ведь они вдвоем заболели при одинаковых условиях?

И есть ли шанс, что выкарабкается?

Казалось, Бизон задышался. Кай заглянул в его приоткрытый рот. Поморщился:

– Вот это тебя угораздило...

Горло больного перекрывали пузыри. Отсюда и синюшный вид, и затрудненное дыхание. Еще немного – и Бизон бы задохнулся. Кай поискал и нашел взглядом нож, предусмотрительно оставленный Белоснежкой у кровати. Придерживая одной рукой за подбородок больного, другой аккуратно ввел острие в рот и проколол столько пузырей, сколько смог достать. В горле у Бизона заклокотало. Кай успел повернуть его на бок, чтобы вышла жидкость и больной не захлебнулся.

Откинувшись обратно на спину, тот задышал гораздо чище и ровнее. Значит, шанс выжить появился.

Когда Кай вернулся к Белоснежке, она беспокойно шевелилась и постанывала. Лихорадка набирала обороты. Три дня. Дана сказала, что он сам провалился три дня. Значит, все просто – ему нужно лишь поддерживать в ней жизнь все это время. Если она переживет температуру, то, возможно, очнется. А другого исхода он и не допустит.

* * *

Я запомнила тот период обрывками. Находилась словно между небом и землей. Даже с большей охотой предпочитала ускользнуть вверх. Потому что туда все звуки долетали, будто через толстый слой ваты. Там исчезала изнуряющая боль в висках и лбу, когда казалось, что глаза вот-вот вытекут из глазниц. Судороги не скручивали тело. Я парила в забытьи, наполняясь бессвязными мыслями, и испытывала облегчение.

Но вот когда возвращалась обратно...

Я просыпалась в объятиях Кая. Он спал рядом со мной на боку, нас окутывала ночная тьма, если не считать отблесков очага, пускающих

длинные черные тени по стенам. Рука Кая служила мне подушкой. Другой он обнимал меня, прижимая к себе. Кай был раздет по пояс, а я полностью обнажена. Мы лежали на постели, которую я устраивала для себя в соседнем с «изолятором» доме. Кай перенес меня сюда. Что-то стягивало кожу на щеке, и оказалось, что это дезинфицирующий пластырь из аптечки.

Видимо, Кай обрабатывал мои царапины. Я улыбалась, чувствуя его рядом, в одной постели с собой. Это казалось правильным. Так и должно быть. Всегда. Я хотела, чтобы он всегда был со мной. Больше ничего не имело значения.

А потом резко накатывали боль и ломота во всем теле, и это заставляло меня стонать и выгибаться. Тогда Кай резко просыпался, по-собачьи тряс головой, чтобы скорее избавиться от остатков сна. Он вскакивал на четвереньки, поворачивал меня на спину, обжигал ледяными прикосновениями чего-то мокрого. Я отбивалась. Кричала. Плакала. Умоляла его прекратить. На самом деле во мне говорила болезнь. Это она заглушала разум, которым я понимала, что Кай все делает правильно. Но в тот момент просто не могла вынести эти ощущения.

Он смотрел на меня, и в неясном свете я читала в его глазах боль. Ему было больно видеть меня такой. Тогда Кай меня целовал. Одной рукой держал мои руки, которыми пыталась оттолкнуть его. Другой прижимал противную ледяную тряпку к моему лбу. И целовал. Шептал мое имя. Просил потерпеть. Снова ловил мои губы своими.

– Не целуй меня, – бормотала я в ответ, – не надо... ты можешь заболеть...

– Я уже болею, Дана, – отвечал он с таким серьезным видом, что у меня внутри все сжималось. – Мы вместе болеем. Ты и я.

Я вспоминала. Точно, Кай тоже болен. Наверно, поэтому не боится. Считает, что выработал иммунитет от повторного заражения? Получалось, что так. Но он же еще сам не восстановился после лихорадки! Только успел очнуться – как свалилась я. Что же с нами будет?

С этой мыслью я снова погружалась во сны.

Возвращалась и видела, что наступил день. Кай сидел напротив меня, его лоб прорезала глубокая морщина. Локти упирались в колени, скрещенные пальцы крепко прижимались к губам. Он явно видел, что я открыла глаза, но почему-то не торопился этому радоваться. Думал о чем-то.

– Кай... – хрипела я, потому что не могла выдать других слов, кроме его имени.

– Жар сбивают ягоды атисса, – говорил он, глядя куда-то сквозь

меня, – одна порция на пятьдесят килограммов веса. – И тут же хмурился еще больше: – Одна порция – это восемь ягод или десять?

– Я... не знаю... – терялась я, не в силах понять, о чем речь.

– Восемь или десять? – Кай опускал голову, прижимал стиснутые кулаки ко лбу и продолжал бормотать: – Я подошел к нему... он спросил, как продвигаются мои занятия... и заметил... что это ягоды атисса... они сбивают жар... одна порция на пятьдесят...

Я закрывала глаза под его непонятные речи. Моя голова не выдерживала этой информации.

В следующий момент Кай будил меня и поил чем-то горьким и терпким.

– Сам пей эту отраву! – плевалась и ругалась я спросонья.

Тогда он пил. Делал глоток напоказ, чтобы у меня не оставалось аргументов, а затем снова вливал жидкость в мой рот.

Потом мы снова спали вместе. Точнее, я просыпалась и ловила несколько драгоценных моментов, когда мысли в голове прояснялись, ломота и боль отступали. Мне было хорошо. Кай сопел, уткнувшись носом в мое плечо и навалившись на меня всем телом. Но я все равно улыбалась.

– Ты – отвратительный врач, – беззвучно обращалась я к своему мужчине, – но ты – мой самый верный друг. И самый любимый...

Дальше обычно я не продолжала.

* * *

Наступил день, когда я открыла глаза и долго лежала так, глядя в потолок. Кая рядом не оказалось. В приоткрытую дверь влетал свежий ветерок, принося с улицы запах нагретой солнцем земли и птичьих трели. Внезапно я поймала себя на мысли, что ничего не происходит. Жар и боль исчезли. Неужели мне тоже удалось пережить пузырьчатую болезнь?!

Я пошевелилась, выпростала руки из-под шкуры, которой была заботливо укрыта. Одежда нашлась тут же, неподалеку от постели, как и миска с чистой водой. Я не выдержала, зачерпнула ладонью, жадно отпила. Следующую порцию уже плеснула в лицо. Посмотреть бы в зеркало... что-то подсказывало: зрелище получится не из приятных. Страшно представить, чего только не посмотрелся Кай, ухаживая за мной. Даже стало неловко.

Дрожащими и слабыми руками я принялась одеваться. Кай вошел, когда уже застегивала последние пуговицы. В руках он держал кувшин.

Увидев меня, на мгновение замер. Потом наклонился, поставил ношу на пол.

– Ты вернулась. – Он не спрашивал, а констатировал факт. В голосе звучало тихое торжество.

– Да, – я смущенно улыбнулась.

Где б раздобыть проклятое зеркало? Кай так смотрел... мне срочно требовалось убедиться, что он не решается подойти не потому, что я похожа на чучело.

– Хорошо. – Кай наконец отвел взгляд, и мне стало еще больше не по себе.

Теперь он уже и смотреть на меня не может?

– Спасибо, Кай, – выдавила я, чтобы хоть немного разрядить повисшее в воздухе напряжение.

– Пожалуйста, Белоснежка.

Я потеряла рукав. Глянула украдкой: нет, не смотрит.

– Ты выглядишь лучше.

– Да, мне уже гораздо лучше, – прежним ровным тоном откликнулся он.

Этот натянутый разговор не клеился.

– А я? – решила я. Отвернулась и зажмурилась в ожидании худшего. – Как я выгляжу?

– Как будто тебе не мешает свежий воздух.

Я вспыхнула и услышала его приближающиеся шаги. Руки Кая развернули меня к себе.

– Пойдем. Пойдем... – усмехнулся он, – свежий воздух тебе и правда не мешает.

Кай терпеливо поддерживал меня, помогая выбраться на улицу. От ослепительных лучей солнца, заливших площадку между домами, я прикрыла глаза ладонью и застонала.

– Светобоязнь? – насторожился Кай.

– Нет... просто надо привыкнуть. – Я отняла руку и поморгала. – Сейчас пройдет.

Он повел меня дальше, к дому напротив, и усадил на бревно у стены. Присел рядом. Все еще щурясь, я подставила лицо солнцу. Как же приятно ощущать тепло его лучей на коже! Вдыхать полной грудью свежий воздух. Даже чувству голода я порадовалась, потому что это означало – организм требует сил для восстановления.

Когда глаза немного привыкли, глянула на Кая. Он наблюдал за мной и улыбался так, словно мы с ним не сгорали в лихорадке несколько

последних дней, а вышли на приятную прогулку в парк.

Выставив руку, я пощупала тонкие аккуратные шрамики на предплечье. Такие же заметила и на животе, когда одевалась.

– Я решил обойтись без прижигания, – заметил Кай, будто прочел мои мысли, – но пузырьки пришлось вскрывать все равно. Оказывается, после этого температура немного спадала. Заживут, следов не будет, вот увидишь.

Он поднял руку, подцепил край пластыря на моей щеке и потянул. Я поморщилась от неприятного ощущения, когда липкая поверхность отдиралась от кожи.

– Здесь тоже все заживет. – Большим пальцем Кай погладил открывшийся участок моего лица. – Все будет хорошо. Не волнуйся.

Наши взгляды пересеклись. На несколько мгновений мир вокруг замер. Потом Кай подался вперед. Я едва успела закрыть глаза, как его губы мягко коснулись моего правого века. Закрепив там свою печать, переместились на левую бровь. Скользнули ниже, задев кончик моего носа. Прижались к щеке в том месте, где чуть ранее поглаживал его палец. Кай целовал мое лицо с такой нежностью и благоговением, что где-то в груди стало щекотно. Я таяла под его ласками, совсем как недавно – под лучами солнца.

Когда он добрался до губ, я уже сама подставила ему их. Но Кай искусно избежал этого поцелуя, оставив мне лишь невесомый след дыхания. Он привлек меня к себе и заставил положить голову ему на плечо. Я едва сдержала разочарованный стон.

– Побереги силы, – низким, хрипловатым голосом пояснил Кай.

– А я ведь знаю, что ты сделал, – вздохнула я, – ты вылечил меня без лекарств.

– Просто немного поднапрягся и вспомнил, чему меня учили много лет назад. Ерунда.

– Нет, не ерунда, – я выпрямилась, – не ерунда, Кай! Я думала, что умру! У нас ведь не осталось антибиотиков! И все-таки ты меня вылечил. Ты сделал невозможное!

Он задумчиво покачал головой.

– Вспомнить давно забытые знания было проще, чем дать тебе умереть, Белоснежка. Вот и вся причина.

Теперь, кажется, я начала понимать его бессвязные бормотания про какие-то ягоды. Кай пытался вспомнить рецепт!

– Гораздо хуже другое, – продолжил он, – мы переболели. Значит, нас точно уже не заберут с этой планеты. Мы – носители вируса.

– Но мы его победили! – возразила я. – Я не понимаю пока как... но

разве это не доказательство, что пузырьчатая болезнь не так смертельна, как ходили слухи? Это наш шанс, Кай! Шанс не только спастись самим, но и спасти из вынужденной блокады всех остальных жителей этой планеты. Нужно только доказать, что с вирусом можно и нужно бороться. Если мы сумеем связаться с моим отцом, он обязательно поверит и подключит все свои связи для того, чтобы новость о чудесном выживании дошла куда надо. Осталось лишь найти разумное объяснение.

Кай посмотрел на меня долгим взглядом. Было заметно, что привычное недоверие к благополучному исходу борется внутри его с моими доводами.

– Бизон не умер, – наконец произнес он.

– Так это же хорошо! – обрадовалась я. – Уже три случая выживания после пузырьчатой болезни! Три! У нас должно быть что-то общее. Это и будет объяснением. Может, это потому, что мы не протурбийцы?

– Но, по рассказам Тхассу, люди тоже болели, когда эпидемия началась, – засомневался Кай. – К тому же каждый из нас перенес вирус по-разному. Я сказал, что Бизон выжил, но он до сих пор не пришел в себя. Его болезнь протекает очень тяжело. Лучше тебе его не видеть, это зрелище не для слабонервных.

Я охнула. Прошло много дней, мы с Каем по очереди успели оправиться от лихорадки, а Бизон до сих пор лежал в горячке?

– Может, это из-за того, что я вколола ему всего одну дозу антибиотика? – предположила я.

– Антибиотик был просрочен, – фыркнул Кай. – Не думаю, что он хоть как-то помог. Вспомни, тебе его совсем не досталось. Но твои пузыри были редкими и небольшими. Я почти не занимался ими. Требовалось лишь постоянно сбивать температуру, чтобы ты не сгорела. С остальным твой организм справился сам.

– Как и твой... – пробормотала я. – Я ведь тоже не знала, чем и как лечить. Просто пыталась снизить жар, как могла.

– У Бизона уже нет температуры. Он просто в отключке. Я предполагаю, что вирус повредил что-то в его голове и поэтому сознание не возвращается.

Состояние бритоголового вызвало у меня приступ жалости. Каким бы он ни был мерзавцем, но превратиться в неподвижный овощ, да еще и обезображенный, я бы никому не пожелала.

– Значит, то, что нам помогло, внутри нас, – размышлял Кай. – Мы с тобой и Бизоном из разных слоев общества, никогда не пересекались ранее и вряд ли имеем много схожих черт, кроме того, что мы люди. Но что-то же

должно быть!

Неожиданно меня осенило.

– Я знаю, что это, – протянула я и повернулась к нему. – Ты ведь недавно рассказывал мне о своем прошлом, Кай... скажи, во время обучения на Земле вам делали стандартную вакцинацию?

Он переменился в лице.

– Да. В первый год и в последний перед выпуском.

– Мне тоже делали, – кивнула я. – Сразу при поступлении в университет. Но и до этого тоже. Отец входит в группу риска из-за своей работы по развитию колоний в космосе. Поэтому ему и нам, как членам семьи, постоянно делали вакцинацию. Остается только Бизон...

– Ему могли ее сделать, когда отправили в колонию за контрабанду, – отозвался Кай. – Подумай сама. Нас взяли в космосе. Без документов. Естественно, его должны были хоть как-то обезопасить.

Я выдохнула с облегчением.

– Вот и решение!

Но Кай был настроен более скептически.

– Вопрос в том, почему вакцинация не помогла первым здешним колонистам, Белоснежка. Ты же понимаешь, что их тоже отправляли сюда после тотальной медицинской обработки.

Возражение звучало разумно. Я напрягла память, выискивая в ней обрывки бесед с отцом. Подобно Каю, не очень-то слушала чужие наставления раньше, а ведь теперь бы они оченьгодились.

– Вакцину поменяли, – наконец выдохнула я. – Их же постоянно дополняют и совершенствуют, а ведь прошло столько лет. Это еще больше все упрощает! Нам нужно лишь добиться, чтобы сравнили образцы двух вакцин, нашли дополнения. Эти дополнения и станут лекарством от вируса! Теперь нас просто обязаны спасти!

Кай разглядывал меня, и на секунду показалось, что сейчас он снова назовет меня глупой, питающей напрасные надежды или наивной. Но Кай лишь погладил меня по щеке.

– Осталось дело за малым. Добраться до маячка в хвостовой части.

И до Лизы. Хотя я больше не упоминала о ней вслух, но это не означало, что забыла. Просто все изменилось. Я переживала за судьбу подруги, искренне желала ей остаться в живых, с трудом продумывала слова, которыми придется поведать о гибели сестры... но скрывать свои чувства к Каю не собиралась. И страха перед трудным разговором теперь не испытывала. Единственное, чего хотела, – поступить честно. Вот и все.

Ночью мы лежали вместе в постели, как повелось со времени болезни. Кай пришел, когда я готовилась ко сну, молча разделся и опустился рядом. Так же без слов я положила голову ему на плечо и почувствовала, как его рука обняла меня. Мы не договаривались, не обсуждали наши отношения. Иногда мне хотелось развеять неопределенность, понять, что творится в мыслях Кая. Он, наоборот, старательно избегал скользких тем. А я не знала, с чего начать.

– Я боюсь возвращаться на Землю, – наконец призналась я.

Кай пошевелился. Я знала, что он еще не спит, и ощутила его легкое дыхание на своем лице.

– Я думал, это предел твоих мечтаний.

– Предел, да, – заерзала я, – но... что, если там все будет по-другому?

Он тихонько усмехнулся.

– Конечно, там все будет по-другому. Никто не будет пытаться поджарить твою задницу при каждом удобном случае. Ты будешь спать в чистой и мягкой постельке. И снова станешь голодать, только если решишь сесть на какую-нибудь дурацкую диету.

Я с раздражением выдохнула при мысли о диетах.

– Но что, если... у нас с тобой тоже все будет по-другому? – решилась и тут же пожалела об этом, но было поздно.

Кай потерся кончиком носа о мою бровь.

– Что именно?

– Все. – Я поморщилась от жалобного тона собственного голоса. Хорошо, что в темноте не было видно лица. – Ты... и я... что, если все это между нами происходит потому, что нам просто нужна поддержка? А когда опасности закончатся, нам станет скучно друг с другом? Вокруг появятся другие люди. Это сейчас нам не с кем больше общаться.

– Эй! Эй! – Он приподнялся на локте. В полутьме я видела очертания линии плеч и головы, когда Кай навис надо мной. – Что это за паника на корабле?

– Ты ничего не спрашиваешь обо мне, – прошептала я, – совсем. Мне было до ужаса интересно узнать о твоём прошлом, о том, почему ты стал таким, какой есть. А тебе? Совсем неинтересно узнать обо мне? Вдруг нас спасут через неделю и там, на Земле, ты поймешь, что я не та, кто тебе нужен, и разочаруешься?

Кай помолчал. Моя рука лежала поверх покрывала, и я ощутила, как

его пальцы касаются запястья, медленно скользят вверх к плечу.

– Я знаю о тебе все, Белоснежка, – тихо проговорил он, – знаю, что тебе достаточно сказать «нет», чтобы ты отчаянно бросилась добиваться «да». Знаю, что ты никогда не пройдешь равнодушно мимо тех, кто попал в беду. Ты не задавака, но и не тот тип девушек, которых легко завоевать. Ты наверняка ждала своего единственного принца на белом коне, поэтому была так огорчена, когда попала на мой корабль.

Говоря мне это, он неторопливо поглаживал мою кожу. Я сглотнула и пробормотала:

– Знал бы ты, что со своим первым парнем я переспала назло отцу. Он не разрешал мне ни с кем встречаться. Говорил, что надо найти достойного человека, добиться одобрения родителей и только потом...

– Ложиться с ним в постель?

– Угу. – Я почувствовала, что отчаянно краснею.

– Бунтарка, – поддразнил Кай.

– И это все? Тебя не шокировало мое признание? Как видишь, принцами тут и не пахло.

– Жалею ли я, что у тебя не первый? Да, жалею.

– О, проклятье! Кай! – простонала я, пряча пылающее лицо на его груди. – Я не это хотела сказать!

– Ну ладно, – хмыкнул он, – давай, вываливай на меня остальные шокирующие признания.

– У меня плохая наследственность. Моя мама вышла замуж за мужчину младше себя, и они счастливы, – я вздохнула, – иногда я им даже завидовала. Мне казалось, что сама никогда не найду такую любовь, как у них.

– Да, это серьезный довод. Я почти готов от тебя сбежать.

– Не смейся, Кай! Мы почти друг друга не знаем! Я понимаю, что ты привык так делать: завязывать отношения, не вникая в чужое прошлое. Но для меня это важно! Если уж мы собираемся...

Я выбилась из сил и замолчала на полуслове. Почувствовала, как напряглась рука Кая на моем плече.

– Что собираемся, Белоснежка? – Он вдруг нашел и приподнял мой подбородок, оказавшись очень близко.

Я ощущала жар его тела, моя грудь тесно прижималась к груди Кая, наши ноги переплелись под покрывалом.

– Быть вместе, – пролепетала я.

– О, женщина, – простонал он, – я начинаю думать, что из нас двоих это для тебя все сводится к постели.

– Это еще почему?!

– Потому что я давно с тобой. Говорил же. Это твоя мораль мешала тебе быть со мной. Мне ничего не мешало. И количество твоих парней в прошлом в том числе. А теперь спи. Тебе надо скорее выздоравливать.

Кай откинулся на спину и заложил руку за голову, оставив меня восстанавливать дыхание и ерзать у него под боком. Вскоре он уснул, а вот я еще долго не могла выкинуть его слова из головы.

* * *

На следующий день я почувствовала в себе достаточно сил, чтобы попросить Кая проводить меня к ручью. Он поворчал насчет того, что купания в холодной воде не всегда полезны ослабленному организму, но все-таки согласился.

– Что будем делать с Бизоном? – спросила я, бросив взгляд на дверь «изолятора», когда мы проходили мимо. – Что, если он не очнется?

– Хочешь предложить тащить его на себе?

– Я... не знаю, – растерялась я, – но и бросить его так мы не можем...

Кай ничего не ответил, но мне стало не по себе. Почему-то казалось, что ему самому будет нелегко оставить Бизона. Поэтому и обсуждать тяжело.

– О, моя коза! – оживилась я, заметив в кустах морду животного, которое флегматично жевало зелень. – Ты не зарезал ее! Я боялась, что вчерашняя похлебка...

– Это был кролик, – отозвался Кай. – Я так и понял, что твою подругу трогать нельзя. Она тут ходит с королевским видом. А ты в бреду постоянно умоляла меня не обижать ее.

– Да? Я умоляла? – Я закусила губу, опасаясь предположить, чего еще наплела ему в лихорадке.

– Ага. И называла ее подругой. Кто-то из нас очень легко заводит новых друзей.

Кай покосился на меня.

– А кто-то очень легко кормит девушек крысами, – парировала я.

– О, не напоминай мне про крыс. Они такие вкусные... м-м-м...

Я не удержалась и фыркнула. Как же давно мы с ним вот так не перекидывались шуточками! Мне очень этого не хватало. В таком настроении мы и подошли к ручью. Чистый, прозрачный поток журчал по камням, так и приглашая напиться или опустить в него руки. Я взялась за

нижний край майки и в нерешительности посмотрела на Кая. С одной стороны, просить его отвернуться было глупо. Он уже видел предостаточно, пока ухаживал за мной во время болезни. Но и раздеваться напоказ после нашего вчерашнего разговора, который не то что не придал определенности, а только больше все запутал в моей голове, как-то не хотелось.

К счастью, Кай сам все понял.

– Я буду охотиться поблизости, – сообщил он и шагнул в сторону.

Оставшись в одиночестве, я быстро разделась и принялась мыться. Избавиться от жира в волосах оказалось наиболее сложной задачей. К счастью, на дне наших сумок я обнаружила кусок мыла, который Кай прихватил с собой еще из дома Тхассу. Аромат розы и ромашки напомнил о чудесном вечере, проведенном под крышей протурбийца. Тогда Кай тоже хотел меня. И тоже не тронул. Совсем как... вчера? Я принялась намыливать волосы, попутно размышляя об этом.

В кустах раздался шорох. Я хотела обернуться, но мыло попало в глаза и потекли слезы. Я выругалась.

– Кай! – крикнула, чтобы он наверняка услышал. – Я еще не закончила!

Шорох повторился. Беззаботность тут же слетела с меня. Щедро зачерпнув воды, я протерла глаза и вскочила на ноги.

Ашр!

Бесполое существо с жуткими глазами двигалось прямо на меня. Черные руки тянулись порывистыми движениями. Я сглотнула тугой ком в горле. Спокойно. Это было, и уже не раз. Надо просто дать себя потрогать.

Ашр остановился на расстоянии шага. Немигающий взгляд сверлил мое лицо. Я заставила себя не двигаться, хоть ледяная вода и капала с кончиков волос на спину и неприятно холодила кожу.

Изо лба существа начал расти щуп. Я смотрела на приближающийся шарик и умоляла себя потерпеть. Можно было, конечно, позвать Кая на подмогу, но что бы это дало? Ашр потрогает и уйдет. Ничего страшного не случится.

Щуп покачался перед моим носом. Гладкая и тугая поверхность шарика коснулась щеки. В следующую секунду и без того большие глаза монстра расширились до размеров блюдец. Я похолодела. На месте рта существа стало появляться отверстие. Оно взялось будто из ниоткуда, я точно видела, что никакого намека на губы там и не существовало. Словно плоть разошлась, образуя проем.

Такого раньше не было. Похоже, наступила пора звать на помощь. И не

просто звать – вопить во все горло. Я только открыла рот, собираясь это сделать, как вдруг послышалось «фу-ух». Будто кто-то дунул метательный дротик через специальную духовую трубку. Из отверстия в голове существа прямо мне в лицо ударило облако розовой, приторно пахнущей пылицы. Перед глазами все поплыло. Я отчаянно старалась не дышать, но эта субстанция сама забивалась в ноздри, проникала в дыхательные пути.

Закружилась голова. Я почувствовала, что колени подгибаются, и осела на землю. Ашр наклонился следом. Фу-у-х. Я даже не могла закричать, только замычала, плотно сомкнув губы и зажмурившись, чтобы хоть как-то избежать попадания пылицы.

Вот что делали те ашры с беглецом-протурбийцем, которого мы с Каем видели, сидя на дереве посреди леса! Когда они низко склонились в круг, я не могла разглядеть. А теперь поняла. Они опрыскивали его удушающей пылицей. Зачем? Мгновенно накотившая слабость говорила сама за себя. Усыпляли. Или... убивали? Кто знает, очнусь ли я потом, если надышусь этой гадости.

В последний момент я сообразила опустить руку, зачерпнуть воды из ручья и прижать к лицу. Сразу стало легче. Пыльца собиралась на коже комочками, но больше не обладала способностью проникать в ноздри. Ашр уже полностью втянул щуп обратно. Его отверстие расширилось сильнее, грозя выбросить на этот раз просто убийственную дозу пылицы.

Бах!

Черное существо повалилось. Я в ужасе уставилась на большую зияющую дыру в его голове. Оттуда на траву плеснулась черная, как нефть, жидкость. Кай стоял неподалеку, крепко стискивая в руках камень. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Я пискнула и бросилась прятаться за спасительную спину.

– Ч-что-то поменялось, Кай. Я дала себя пощупать, как обычно. А он...

– Мы поменялись, – процедил он, не сводя глаз с поверженного врага, – мы теперь носители вируса болезни. Ашры охотятся на нас.

– Здесь есть еще? – Я огляделась, но из кустов больше никто не выходил.

– Возможно, один отстал от своих.

В это время дыра в голове ашра вдруг начала затягиваться. Существо открыло глаза, безошибочно нашло нас взглядом. Только приподняться не успело – Кай свалил его очередным ударом.

– Хватай свою одежду и бежим! – скомандовал он.

– Нет, – возразила я, – надо его добить и закопать. Надо избавиться от него, чтобы не накликать остальных.

Кай выслушал меня с недовольным видом.

– Нам нечем вырыть яму, – наконец промолвил он.

– Давай тогда скинем его с обрыва. С того, где подвесной мост.

– Это далеко. Ты хочешь тащить его туда?

– А что делать? Оставим здесь – и за ним придут.

Кай прищурился.

– Что-то мне подсказывает, что за ним придут все равно, Белоснежка.

Я очень хотела, чтобы он ошибался. Вдвоем, обернув руки тканью, мы ухватились за конечности жуткого ашра и поволокли его по тропинке, старательно огибая деревню. Коза, почуявшая нас, громко заблеяла и метнулась в сторону. Похоже, даже животные опасались бесполых монстров.

– Теперь все станет не так-то просто, – приуныла я, – мы больше не в безопасности от ашров.

– Теперь нет, – согласился Кай, с подозрением оглядывая окрестности.

С ашром мы все-таки расправились. Я ждала, что на душе станет спокойнее после того, как черное тело рухнуло вниз на острые камни и упокоилось где-то на дне ущелья. Но облегчение не наступало. Наоборот, мы с Каем, не сговариваясь, упаковали все необходимые вещи. Если бы не неподвижный Бизон, я б сорвалась с места в тот же миг. Все время казалось, что ашры вот-вот стройными рядами ворвутся в деревню. Но слабая надежда еще оставалась. Возможно, все обойдется.

* * *

Не обошлось. Я поняла это, когда среди ночи проснулась от блеяния козы. Животное дико кричало. Кай мгновенно вскочил на ноги. Мы предусмотрительно легли спать одетыми, поэтому могли теперь не тратить драгоценные секунды на сборы.

Кай затушил еще тлеющие угли в очаге и прокрался к двери. Мрак немного рассеялся, когда он приоткрыл створку. Петли не скрипнули. Кай постоял так некоторое время, потом сделал шаг назад.

– Это ашры. Они идут сюда.

В панике я хотела броситься на выход, но вспомнила, что мы находимся в помещении без окон, а единственный путь наружу отрезан ашрами.

– Что мы будем делать?

– Отбиваться.

– Думаешь, справимся? – Я почувствовала, что начинаю задыхаться.

– Да, – уверенным голосом ответил Кай, – мы же убили одного. Они не бессмертные.

Он снова приоткрыл дверь, а я поднырнула под руку и тоже прилипла к щели. В неясном ночном полумраке на площадку вытекали все новые и новые черные тени. Разделяясь на несколько потоков, они поочередно заглядывали в каждый дом. Очередь вот-вот грозила дойти и до нас.

– Они знают, что мы тут, – прошептала я, вздрогнув от этой мысли, – они планомерно пришли за нами и обшаривают помещения, как делали мы, когда появились здесь.

Кай молчал. Наверняка он и сам уже это понял.

Группа ашров приблизилась к «изолятору», и мое сердце ушло в пятки. Бизон! Он оставался там, и хотя мы заперли на ночь дверь, эта хлипкая преграда вряд ли могла сдержать существ надолго. Так и есть: они принялись давить на створку, напирая толпой. Мне показалось, что ашры обмениваются какими-то не слышными нашему уху сигналами, потому что когда дверь не поддавалась с первого раза, остальные группы, как по команде, оставили обыск и присоединились к атаке.

– Гребаные твари, – процедил Кай сквозь зубы.

Ашры ввалились в дом. Они затекали туда один за другим. Все против беззащитного Бизона. Я закрыла глаза рукой, понимая, что сейчас там творится страшное. Кай бросился куда-то в сторону.

– Что ты делаешь? – спохватилась я, когда он вернулся, чиркая зажигалкой.

Приглядевшись, увидела в руке Кая глиняную бутылочку.

– Это наш единственный шанс спастись. Идем, – позвал он, – хватай вещи!

Я послушно собралась. Приоткрыв дверь, Кай выскользнул наружу, потянув меня за собой. Со стороны «изолятора» не доносилось ни звука, и от этого стало особенно жутко, потому что нетрудно было представить, что там творится. Стиснув мою руку, Кай бегом обогнул дом, и мы оказались в лесу. Остановившись на мгновение, он сунул в горлышко бутылки лоскут заранее приготовленной ткани, запалил его при помощи зажигалки. Размахнулся. Сделал бросок.

Бутылка приземлилась точнехонько на крышу «изолятора». Жидкость, тут же полыхнувшая огнем, охватила соломенный настил. Через несколько секунд строение уже полностью занялось пламенем.

– Там же Бизон! Он же сгорит! – застонала я при виде этого зрелища.

– Ашры сгорят вместе с ним. – Кай дернул меня за плечо, повернул к

себе. В зареве огня его лицо выглядело суровым и решительным. – Или ты хочешь просто оставить его им на растерзание? Чтобы его унесли и неизвестно что с ним сделали? Не думаю, что он хотел бы такого. Будем надеяться, что Бизон уже ничего не чувствует.

– Будем надеяться... – Я вздрогнула оттого, что решилась произнести эти слова. Кай был прав. Мы не знали, что ждет пленников, которых опрыскивали пылью. Но почему-то я не сомневалась, что это нечто страшное.

Заметив мои переживания, Кай немного смягчился.

– Он бы поступил с нами так же. Ты же знаешь. А теперь бежим. Пока ашрам не до нас.

Он потянул меня за руку в темный лес. Я сделала несколько шагов по инерции, все еще оглядываясь через плечо. Высокое пламя гудело, поднимаясь все выше над стенами. Тогда я отвернулась и побежала вслед за Каем.

Кустарник хлестал по лицу, колючки рвали одежду. Мы явно отклонились от тропы и почти не разбирали дороги, пока Кай не остановился.

– Деревня полыхает, – едва слышно заметил он.

Позади нас и правда виднелось слабое зарево. Но все ли ашры погибли в огне? Я порадовалась, что так и не привязала козу. Напуганное животное могло свободно спрятаться в лесу, но перед этим так своевременно предупредило нас о нападении. Оставалось надеяться, что предоставленная самой себе коза не пропадет.

Теперь мы не бежали, а быстро шли, но уже через некоторое время мои силы стали иссякать. Я отчаянно не хотела сдаваться, но организм еще не пришел в норму после болезни.

Наконец мне пришлось остановиться и упереться ладонями в колени. Сердце колотилось как сумасшедшее, по лицу стекал пот. Легкие разрывались от напряжения. Я будто очень долго шла в гору, хотя наш путь лежал по достаточно ровной местности. Кай успел пройти немного вперед, когда хватился меня и вернулся.

– Давай. Мы не можем останавливаться.

Я закинула руки ему на плечи, а ногами обхватила его бедра. Мы уже делали это раньше, когда я заболела в первый раз, и теперь все получилось ловко и привычно. Поддерживая меня под колени, Кай двинулся дальше.

Перед самым рассветом он посчитал, что пройдено достаточно. В сырой дымке, пахнувшей ароматом свежей листвы, мы нашли укромное местечко в корнях исполинского дерева и обустроились там для отдыха.

Лес наполнялся звенящей тишиной. Птицы на ветвях не стрекотали – они ждали первых солнечных лучей, чтобы разразиться гомоном. Не хрустели ветки. Все вокруг дышало спокойствием.

Прижавшись к груди Кая, я сомкнула веки, но сон был беспокойным и прерывистым. Стоило хоть немного забыться, как перед глазами появлялось лицо Бизона. С молчаливым укором он смотрел на меня. Я пыталась гнать видение, думать о другом, но становилось только хуже. Сразу представлялся дом, охваченный пламенем, треск полыхающих досок, мечущиеся в ловушке ашры...

Я не могла отделаться от ощущения, что Бизон не заслуживал такой смерти. Он же мог стать другим! Я видела его человеком! Да, в нем оставалось много от тупого озабоченного животного, но... я вспоминала рассказ Кая о прошлом и думала о том, что обстоятельства сделали бритоголового таким. Так же, как обстоятельства заставили Кая перестать доверять людям. Но все-таки Кая любили. И меня любили тоже. Бизона не любил никто и никогда.

Нет, я по-прежнему не забыла, как он запугивал меня в первые дни после крушения, как хладнокровно расправился с Катей и как решительно сделал выбор, столкнув меня в воду с ветки, которая не выдержала бы двоих. Но слова, что я могла бы сделать его лучше... они не выходили из головы.

Едва встало солнце, отдых тоже подошел к концу. Завтракали орехами, сидя все там же, у корней дерева, мокрые от выпавшей росы.

– С тобой точно все в порядке? – поинтересовался Кай, поглядывая исподлобья. – Ты сама не своя.

– На что мы еще пойдем, чтобы выжить? – не выдержала я. – Мы убили Бизона, Кай! Да, с самого начала было понятно, что нам с ним не по пути и он в любой момент может предать и подставить. Но трудности сближают, не так ли? Что, если и его с нами они сблизили тоже? А теперь мы остались только вдвоем. Что, если в следующий раз снова придется выбирать? И тебе придется отказаться от меня, чтобы спастись? Или мне – от тебя?

Кай отбросил пустой стручок и в упор посмотрел на меня.

– Мы пойдем на все, что угодно, Белоснежка. Это то, чему я учил тебя с самого начала, помнишь? Мы будем делать все, что потребуется. Без страха, сомнения или сожаления.

– Но...

– Мы подумаем, как жить с этим, потом. На Земле. Когда выберемся отсюда. Но пока не выбрались – не будем думать. Ты меня поняла?

Я неохотно кивнула.

– И мы никогда не откажемся друг от друга, – продолжил Кай. – Этому научила меня ты. Друг за друга. Неважно, кого мы встретим за следующим поворотом: помощь или новых врагов. Мы будем держаться друг за друга и доверять только друг другу. Ты веришь мне?

– Конечно, Кай! – выдохнула я, не понимая, зачем он спрашивает очевидное.

Теперь кивнул он.

– Так мы и выживем, Белоснежка. Собирайся, мы почти добрались.

– Ты уверен? – сглотнула я. – Ты смотрел по карте?

Вместо ответа Кай ткнул указательным пальцем вверх. Я пригляделась и заметила то, что было недоступно взгляду в предрассветном полумраке. Высоко в ветвях дерева запуталась и покачивала рукавами на ветерке моя собственная кофта. Одна из тех, что пропали вместе со всем багажом.

* * *

Кай оказался прав. Мы шли по следу из разбросанных по деревьям вещей. Похоже, из разлома все сыпалось на лету во время крушения. Кай наткнулся на один из ящиков спиртного. Естественно, разбитый всмятку. Еще примерно через полчаса ходьбы среди деревьев замаячило что-то. Я чуть замедлила шаг, предоставив Каю идти первым. Вот мы и пришли. Узнать судьбу Лизы хотелось и не хотелось одновременно. Я не ощущала себя готовой к этому моменту. Готовилась столько дней, продумывала, что сделаю или скажу в зависимости от ситуации, а теперь, в полушаге от конца пути, – растерялась.

Кай взобрался на небольшой пригорок и остановился. Волоча ноги, как преступник, обреченный на смертную казнь, я приблизилась и выглянула из-за его спины.

Потрепанный остов хвостовой части валялся среди изломанных деревьев. Вокруг веером рассыпались куски обшивки, ящики спиртного, вещи, предметы мебели. Казалось, тут пронесся ураган, засосавший где-то полдома и выронивший всю добычу на этом месте.

Я не могла оторвать взгляда от зияющего темного отверстия в звездолете. Что там внутри? А главное... выжил ли кто-то? Кай уронил на землю нашу поклажу. Я осталась стоять на месте, когда он сделал первый шаг. Медленно пошел, пиная то, что подворачивалось. Иногда останавливался и наклонялся, чтобы поднять и рассмотреть ту или иную

находку. Все найденное Кай отбрасывал и продолжал идти к звездолету.

Когда он остановился напротив обломков, я все поняла. Сама его поза сказала больше, чем любые слова. А когда он обернулся и нашел меня взглядом...

Ноги сами понесли меня туда. Я шла той же дорогой, чуть ли не след в след за Каем, огибая обшивку и разбросанные вещи.

– Не подходи, – вскинул он руку в самый последний момент.

Я послушно остановилась. Кай мог сколько угодно беречь меня от душевных травм, но мое обоняние никуда не делось.

Я чувствовала этот запах.

А еще увидела в глазах Кая сожаление. Впервые он раскрылся, показал себя не бездушным одиночкой, заточенным лишь на выживание. Ему искренне было жаль Лизу. Я видела. А еще понимала, что это конец. Между нами больше никто не стоит. И Кай тоже это понимает. Стало мерзко от самой себя, от того, что нахлынуло изнутри.

Потому что я чувствовала облегчение.

Даже скрыть его не получилось. Кай прекрасно все читал по моему лицу. Его глаза сузились, дыхание участилось.

– Твоя подруга боролась до последнего, – заговорил он, – сумела закрепить себя внутри. Но, как я уже говорил, при таком падении шансов у нее не было.

– Мы должны похоронить ее... – выдавила я, – и Бимбо... тоже.

– Я все сделаю, – отозвался Кай, будто только и ждал моих слов, – тебе не обязательно...

– Нет. – Я мотнула головой. – Обязательно. Понимаешь? Я не буду прятаться. Только не в этот раз.

– Понимаю, – кивнул он.

Я тоже кивнула. Я знала, что Кай поймет.

* * *

Через несколько часов Лиза вместе с питомцем нашли последний приют в протурбийской земле. Прямо неподалеку от обломка звездолета. Мы соорудили табличку из куска обшивки, на которой нацарапали имя и даты рождения и смерти. Это все, что я могла сделать для подруги.

– Маячок уцелел, – сообщил Кай, отряхивая руки о штаны, пока мы стояли над округлым холмиком рыхлой свежей земли. – Я включил его.

– Нам нужно оставаться здесь? – будто сквозь туман услышала я

собственный голос.

– Не обязательно. Мы можем поискать место получше. Маячок возьмем с собой. Поверь, даже если отойдем чуть подальше, появление спасателей не пропустим, – Кай помолчал и добавил: – Но ты не торопись. Если нужно попрощаться с подругой, у тебя есть столько времени, сколько захочешь. Здесь пока достаточно тихо и безопасно, чтобы задержаться.

Я повернулась и обняла его. Обхватила ладонями крепкий торс, прижалась щекой к плечу, чувствуя, как руки Кая обвили меня в ответ, удерживая в надежном и умиротворяющем плену. Его пальцы зарылись в мои волосы на затылке, сильнее прижимая голову, будто он хотел втиснуть меня в себя и никогда не отпускать.

– Кай... – прошептала я, кусая губы.

– Ничего не говори, Белоснежка. Пожалуйста, – чересчур быстро отозвался он.

– Я только хотела сказать... я разучилась плакать, – глухо пробормотала я в его плечо. – Разучилась сидеть над чужими могилами и горевать. Я не хочу здесь оставаться. Я просто устала. Отведи меня куда-нибудь... где можно просто отдохнуть.

Кай отстранился. Внимательно изучил мое лицо.

– Тебе надо выпить. Кое-что из моих запасов уцелело. – Он вдруг невесело усмехнулся. – Думаю, нам обоим не помешает выпить.

– Среди бела дня? – нахмурилась я. Солнце только вошло в зенит.

Кай погладил меня по щеке.

– Пока есть такая возможность. Мы не знаем, что будет вечером.

Помимо спиртного в обломках уцелел бак технической воды, в которой мы смогли ополоснуться после тяжелой работы. Увидев в руках Кая бутылку виски, я подумала, что, наверно, это не такая уж плохая идея. В конце концов, что еще нам оставалось делать? Мы добрались до финальной цели, включили маяк. Ждать – единственное, что теперь требовалось от нас. А я отчаянно нуждалась в том, чтобы хоть ненадолго отрешиться от реальности.

Мы побрели обратно, туда, где бросили поклажу. Чуть поодаль нашлась хорошая тенистая лужайка. Здесь можно было не опасаться лучей палящего солнца, а кустарник по краям образовывал естественное ограждение, стоило только через него продраться. Непримятая трава оказалась мягкой, кое-где попадались белые головки диких цветов. Ни малейшего дуновения ветерка, только щебет птиц в ветвях и запахи прелой листвы.

Я постелила куртку на землю и опустилась на нее, скрестив по-

турецки ноги. Кай присел рядом. ловким движением он открутил крышку с бутылки, сделал глоток из горла, затем передал мне.

Ноздрей коснулся характерный аромат спиртного. Я помедлила, не решаясь отхлебнуть вот так сразу. Покосилась на Кая. Он сидел, положив одну руку на колено согнутой ноги, а другой опершись о землю.

– Ты уже осознал, что мы остались одни? Из всей команды. Мы остались одни. Нас было шестеро... но повезло только нам.

Кай медленно кивнул. Я вздохнула.

– Я хочу выпить за Катю. Она спасла меня, закрыв собой от ударов выпадающих вещей во время катастрофы. Пусть невольно... но именно благодаря ей я не получила ни одного перелома и смогла идти дальше.

Я сделала глоток. Дыхание тут же перехватило, горло обожгло, желудок сделал кульбит. Но я мужественно проглотила виски и вернула бутылку Каю. Он покрутил ее в руках.

– Тогда я выпью за Жеку, – произнес он. – Я занял его кресло. Счет шел на секунды, а он бы не справился с управлением. Я надеялся, что он успеет найти себе место... но он не успел.

Бутылка снова перекочевала ко мне.

– И за Лизу, – сказала я, – за то, что она всегда была добра ко мне. Она ко всем была добра. Не умела долго злиться ни на кого. Доброта ее и сгубила. Она пожалела Бимбо, хотела его спасти. Рискнула своей жизнью... я надеюсь, она простит меня. За все.

– Нас, – поправил Кай, отбирая виски из моих задрожавших рук, – простит нас. И Бизон. Ты спрашивала, почему я держу его при себе? Потому что он не давал мне забыть, в кого я могу превратиться, если дела пойдут совсем плохо. Это стимулировало.

– Дай. Я тоже за него выпью. – После очередного глотка во всем теле появилась приятная тяжесть. Я не ощущала себя пьяной, но почувствовала долгожданное облегчение. – А еще выпью за Дану. За ту Дану, которая творила глупости назло папе и думала, что с ней никогда не случится ничего плохого. Которая всегда ждала от людей только хорошего и считала, что предать друга – это самое страшное, что можно сделать. Она умерла. Мне ее жаль. Она мне нравилась. Но она уже никогда не вернется.

Я сделала два больших глотка, тряхнула головой, заставляя себя удерживать в желудке спиртное. Протянула Каю. Он не торопился брать, просто смотрел на меня долгим взглядом.

– Бери! – Я качнула рукой, содержимое плеснулось по стенкам.

– За меня уже поздно пить, Белоснежка.

Я услышала глухой стук, когда бутылка упала на землю где-то в

стороне от нас. Губы Кая накрыли мои, доказывая, какое я слабое и безвольное существо, потому что мои руки сами потянулись и обвили в ответ его шею. Более того, я притянула Кая к себе, чуть отклоняясь назад и вынуждая его нависнуть надо мной всем телом. Его поцелуи вынимали из меня душу. Я мечтала об этом моменте с того первого раза, когда мы занялись сексом. Обещала себе, что он обязательно случится, каждый раз, когда наши жизни висели на волоске от гибели.

И вот он случился.

Влажными, ласкающими движениями язык Кая врывался в мой рот. Его отросшая щетина колола мою кожу. Под моими пальцами чувствовался небольшой рубец, оставшийся на его шее после того, как я изводила пузырчатую болезнь. Но я сходила с ума от предвкушения, что Кай снова войдет в меня, займется со мной любовью и мы будем принадлежать друг другу.

– Посмотри на меня, – он отстранился, согнутым указательным пальцем легонько приподнял мой подбородок, – скажи, что ты будешь моей. Каждый день и каждую ночь ты будешь моей. Раз и навсегда.

Закусив губу, я кивнула. Разве это еще не понятно? Я сделала свой выбор. Я нуждалась в виски не для того, чтобы забыть о совести и позволить себе немного удовольствия, а для того, чтобы не думать об окружающих опасностях и о том, что мы не знаем, как проведем ближайший вечер. Кай был прав – нам могло не представиться еще одного шанса заняться любовью. Возможно, нам придется снова бежать и прятаться, спасать свои жизни. Но если такой шанс будет – я хочу пользоваться им в полной мере.

– Скажи это вслух, – шепнул Кай. Он наклонился и лизнул мою нижнюю губу. Я застонала в голос, не в силах сдержаться. – Мне это нужно.

– Я твоя. Пожалуйста, быстрее раздень меня.

Он усмехнулся.

– Моя Белоснежка...

Мы родились, чтобы всю жизнь идти именно к этому моменту. Чтобы любить друг друга прямо здесь, на траве посреди леса на чужой и враждебной планете, оставив за плечами смерть всех друзей. Кто-то мог бы сказать, что это неправильно.

Для меня правильного и неправильного больше не существовало.

Остатки виски мы допили уже вечером, когда устроились на ночлег. Неподалеку от хвостовой части обнаружилось озеро с пресной водой и пологими берегами. Кай установил палатку среди деревьев и натянул вокруг проволоку с пустыми жестянками. Днем она, конечно, бросалась в глаза, но ночью, в темноте, вполне послужила бы сигнализацией, если к нам решил бы забрести случайный гость, будь то человек или животное.

Развели костер. Стволы деревьев вокруг осветились мягким оранжевым светом. Их ветви смыкались над головой кружевным куполом. Где-то ухала ночная птица. Тревога совсем ушла из меня, стало спокойно. Будто все напряжение, сковывавшее душу в последние дни, испарилось после нашего окончательного воссоединения с Каем. Мы разобрались со своими чувствами, осталось только дожидаться возвращения домой. С припасами, уцелевшими в хвостовой части, голодная смерть во время ожидания спасательной команды нам не грозила. Место выглядело уединенным, за весь день в округе никто не появился. Да и нетронутые вещи в хвостовой части говорили о том, что тут нет хоженных троп. Иначе добро давно бы растащили аборигены.

Я занялась ужином, а Кай устроился у огня, откинувшись на локоть и лениво отхлебывая из бутылки. Он наблюдал за мной поверх костра, пока я вываливала в металлическую посудину, где закипала вода, мясные консервы. Вскоре в воздухе поплыл упоительный аромат супа. Я чистила и бросала вариться продолговатые бобы, которые Кай нашел растущими у озера и сказал, что они будут на вкус не хуже картошки.

– Что это ты так ухмыляешься? – спросила, в очередной раз поймав его взгляд.

– Я?! – С притворным удивлением Кай приподнял брови.

– Ты, ты. Вот, лучше еще одну банку открой. – Я нашарила и кинула ему консервы.

Кай неохотно принял сидячее положение. Воспользовавшись этим, я потянулась и взяла бутылку, чтобы тоже сделать глоток. Крохотные искорки вылетали из костра и в потоке горячего воздуха уносились куда-то вверх. Кай принялся к дыму.

– Тебе не кажется, что ты слишком транжиришь наши запасы? – поинтересовался он, втыкая острие ножа в крышку банки.

– А на сколько дней у нас их еще осталось?

Кай пожал плечом. В прорезь, сделанную ножом, вылезла мясная паста с крохотными кусочками жира.

– На месяц. Может, чуть меньше.

– Я не думаю, что нам придется сидеть тут месяц, – отмахнулась я.

Отобрала банку и добавила ее содержимое в суп. Размешала. Кай облизнул палец, по неосторожности испачканный в мясном соусе, и наклонился, чтобы заглянуть в посудину.

– М-м-м... это скоро можно будет есть?

– Только после того, как ты помоешь руки, – отрезала я.

Кай скривился.

– Белоснежка... мы уже сотню раз ели грязными руками.

– А теперь не будем, Кай. Пора понемногу возвращаться к цивилизации. Мы не мыли руки, потому что не всегда имелась лишняя вода для этого. А у тебя озеро под носом. Вон, – я махнула в направлении водоема, – иди и помой руки перед ужином, как воспитанный человек.

Он с недоверием покачал головой.

– Да ты не женщина, ты тиран в юбке!

– Говорила же, у меня плохая наследственность. Характер папин. – Я изобразила милую улыбку и добавила: – И не вздумай больше лезть в палатку обутом. Разувайся на входе. Не позволю тащить в дом грязь!

– В дом?! – Кай приоткрыл рот, покосился на наше брезентовое жилище, потом снова на меня.

– Ну ты же хотел жить со мной под одной крышей, – невинным голосом напомнила я, – думаю, ты прав. У нас бы прекрасно это получилось.

У него окончательно вытянулось лицо. Глядя на растерянного Кая, я уже пожалела о своих словах.

– Думаешь, опять глупости болтаю? – смутилась я. – Поторопилась с этими разговорами о доме?

Взгляд у Кая потеплел. На губах заиграла теплая нежная улыбка.

– Нет. Мне нравится эта идея... дом. – Он хмыкнул, снова бросив взгляд на палатку. – Почему бы и нет?! В конце концов, кто знает, что будет после прибытия спасательной команды? Думаю, мы заслужили немного отдыха в собственном доме.

– Да?! – обрадовалась я.

– Да, почему нет? Ты так забавно пытаешься меня строить, что уже ради этого я готов тебе подыграть. – Кай откинулся на спину и заложил руки за голову.

– Подыграть?! Это все серьезно! Если ты соглашаешься, то соглашайся серьезно! – Я вскочила на ноги, обошла костер и присела возле него. – Я не позволю тебе относиться ко мне снисходительно и баловать, как ты поступал с остальными своими подружками.

– Конечно, нет, Белоснежка, – с очень суровым видом отозвался Кай,

чем только подтвердил догадки, что попросту издевается.

– Не надо идти мне на уступки только потому, что я недавно с тобой переспала!

– Нет, ни в коем случае, – поддакнул он.

– И даже не надейся, что это поможет тебе скорее переспать со мной снова.

Кай сверкнул глазами.

– А ты уже подумываешь все повторить?

Я только скрипнула зубами. Ну до чего невозможный тип!

– И я не строю тебя, а устанавливаю правила! – Я ткнула пальцем в его грудь, а он охнул и потерял это место. – В каждой семье есть свои правила. И в нашей они будут!

– Семья, говоришь? – Кай перехватил мое запястье, потянул на себя, заставляя всем телом растянуться сверху. Его голос упал до шепота, взгляд лихорадочно блуждал по моему лицу, губы издавало жаркое дыхание. – Я не знаю, что такое семья.

– Я знаю, – пробормотала я, покрываясь мурашками оттого, что язык Кая легонько коснулся моих губ. – Я тебя научу.

Ладонь Кая легла мне между лопаток, надавила, чтобы я крепче прижалась к его груди.

– Будешь заставлять мыть руки и разуваться? – пробормотал он мне в шею. – Или придумаешь пытки посложнее?

Пришлось отодвинуться и заглянуть ему в глаза.

– Тебе понравится, – пообещала я.

– Не сомневаюсь. – Одним рывком Кай перевернулся и подмял меня под себя, оказавшись сверху.

Я только выдохнула, ощущая, как его руки блуждают по моему телу. Закрыла глаза. Над ухом потрескивал и согревал теплом костер. Похоже, мы вполне успеем заняться любовью, пока готовится ужин. Почему бы и нет?

– Когда мы вернемся домой, – проговорила я, все больше расслабляясь в объятиях Кая и уплывая далеко в мечты, – то поедем в гости к моей маме. Будем лежать на берегу моря, греться на солнышке, ничего не делать. Много-много дней подряд. Ты увидишь, что спокойная жизнь – это не так уж плохо, Кай. Вот увидишь.

Вместо ответа он поцеловал меня и делал это до тех пор, пока все мысли окончательно не выветрились из головы.

Суп безбожно выкипел.

Ночью я засыпала на плече Кая, ощущая себя такой счастливой, что даже становилось стыдно. Все-таки четверо из нашей компании навсегда остались в этой протурбийской земле. Но умерить чувства, захлестнувшие с головой, я не могла. Наоборот, чем больше думала о том, каким чудом мы избежали всех опасностей, тем сильнее хотелось наслаждаться каждой секундой покоя и просто любить.

Проснувшись утром, первым делом потянулась за маячком. Кая в палатке уже не было, сквозь прорезь в брезенте тянуло дымком и чем-то аппетитным. Зная о его привычке вставать рано, я уже предвкушала горячий завтрак. Маячок мигал красным, показывая, что продолжает посылать сигналы для нашего спасения. Даже не верилось, что осталось потерпеть совсем немного.

Одевшись, выбралась наружу. От озера по траве стелилась туманная дымка, воздух казался синеватым. Пламя костра уже сошло на нет, только ярко-красные угли исходили жаром. Над ними на вертеле коптилась тушка какого-то зверька. Я огляделась. Кай оставил мне добычу, а сам испарился в неизвестном направлении.

Я по-прежнему с настороженностью относилась к незнакомым животным в качестве еды, но аромат мяса был такой дурманивший, что все же не удержалась и оттяпала ножку. В конце концов, после крысы меня уже нельзя было назвать неженкой.

Затем отправилась на поиски Кая. Услышав всплеск, пошла в направлении озера. Кай плавал. Уверенно рассекал водную гладь, отражавшую небо и облака, ритмично работал руками и ногами. Я даже залюбовалась. Присела тихонько на берегу, обхватила колени и замерла. Редко когда заставала Кая за развлечением, а сейчас он именно что развлекался. Плавал для своего удовольствия. Так, словно мы жили в загородном доме и он спозаранку решил поразмяться в бассейне.

В очередной раз вынырнув, Кай заметил меня. Капли текли по его мокрому лицу, когда он улыбнулся. Изо рта вырывался пар. Я поежилась: вокруг было довольно прохладно.

– Иди сюда, Белоснежка, – позвал он с очень искушающим видом.

– Не-а, – я помотала головой, – ты меня в эту холодрыгу и силком не затащишь. Хватит с меня ледяных рек и озер. Подожду, пока солнце все хорошенько прогреет, а потом займусь гигиеной.

– Да здесь совсем не холодно. – Кай встал, вода доходила ему до

середины груди, кожа на плечах порозовела. – Теплее, чем на воздухе.

Я ответила ему недоверчивым взглядом.

– Все равно нет. Уже предвкушаю настоящий горячий душ по возвращении домой, поэтому ты меня не соблазнишь своим предложением.

Он пожал плечами со слегка разочарованным видом.

– Как спалось?

– Ты же знаешь, что хорошо. – Мы обменялись понимающими улыбками. Кое-что не требовалось описывать словами. – А ты с утра успел поохотиться? Чем-то консервы не устраивают или просто скучно стало?

Кай слегка замялся.

– Подумал... зачем тратить консервы, если в округе водится живность?

– Это правильно, – согласилась я. – Мне тут пришла в голову идея. Надо собрать вещи. Рассортировать на те, что нужны нам в обиходе, и те, из которых можно сделать набор для выживания. Мы можем оставить их упакованными в такой набор, когда будем улетать. Возможно, кто-то еще попадет в беду, и наши запасы спасут чью-то жизнь. Все равно они нам уже не нужны.

Кай посмотрел на меня долгим взглядом.

– Что? – перестала я улыбаться. – Опять скажешь, что дурацкая затея? Что глупо заботиться о других?

– Да нет, – ответил он ровным голосом. – Только давай это отложим на потом. Перед самым вылетом.

– Но вылет может состояться в любой момент! – Я задрала голову к небу. – Вдруг уже в обед за нами прилетят?

Послышался тяжелый вздох Кая. Почти сразу же за ним – мучительный стон. Я встрепелась. Кай пытался удержать равновесие, но ноги явно его не держали. Волна страха тут же сдавила мое горло. Ну что на этот раз?! Все ведь было так тихо и спокойно!

– Кай! – позвала я. – Что случилось?

– На дне... что-то есть... – Он сделал взмах руками и внезапно погрузился под воду.

– Что? Что там?!

Я быстро скинула одежду и бросилась в озеро. Тут же завизжала от холода, но пересилила себя и поспешила Каю на помощь. В крови бушевал адреналин, помогая быстрее привыкнуть к низкой температуре. Стоило добраться до Кая, как его руки обхватили меня и крепко стиснули. Он вынырнул, мокрый и очень довольный собой, и впечатался в меня поцелуем.

– Дурак! – вспыхнула я, сообразив, что второй раз попала на ту же

удочку. Кай уже разыгрывал меня так, когда мы переходили бурную реку. Притворялся пострадавшим.

Попыталась его стукнуть в отместку, но он держал крепко. Нахальная улыбка так и сияла.

– Если уж в обед за нами прилетят, то я хочу потратить остатки времени на что-то более приятное, чем упаковка вещей, – вкрадчиво произнес Кай, глядя мне прямо в глаза.

А затем с головой окунулся под воду, увлекая меня за собой и не обращая внимания, что ругаюсь как пьяный грузчик. Только позже, выбравшись с ним на берег и пытаясь отдышаться на скользкой влажной траве, я осознала, что же показалось странным: Кай не спорил со мной.

* * *

За нами не прилетели ни в обед, ни на следующий день, но я не унывала. Взгляд то и дело устремлялся к небу, не отпуская предчувствие, что вот-вот послышится рокот двигателей спасательного корабля. Чтобы скоротать время в ожидании, мы с Каем бродили по округе, плавали в озере, охотились. Он показывал мне различные растения, свойства которых помнил, и объяснял, для чего их можно применять. По моей просьбе начал учить протурбийскому. Я уже представляла, как, вернувшись домой, блесну знаниями.

Проснувшись очередным утром, по привычке потянулась проверить маячок и похолодела. Прибор не работал. Я трясла его, нажимала кнопку, пыталась как-то реанимировать, но бесполезно. Темный дисплей не подавал признаков жизни.

– Кай! – Я выбралась на улицу, растерянно огляделась. – Кай, ты где? Кай?!

Я звала его так отчаянно, что уже через несколько мгновений он, встревоженный, показался из-за деревьев. Одного взгляда на меня, стоящую с прибором в руках, ему хватило, чтобы все понять. Все мысли Кая читались на лице. Встревоженное выражение сменилось сочувствующим. Мои ноги подкосились, и я опустилась на траву возле костра.

Скинув с плеча автомат, Кай приблизился и медленно присел передо мной на корточки.

– Маячок больше не работает. – Я почувствовала, как уголки губ сами собой ползут вниз. – Еще ведь только шесть дней прошло.

– Питание сдохло. – Кай едва взглянул на прибор, когда аккуратно вынул его из моих пальцев и отложил в сторону. Взял мои заледеневшие от шока ладони в свои и остался сидеть так, будто передавая мне силы через это прикосновение. Его руки выглядели такими большими и сильными на фоне моих, что у меня защемило в груди.

Кай не выглядел удивленным или обеспокоенным, и до меня стало доходить, что это означает.

– Скажи мне, – я сглотнула внезапно пересохшим горлом, – когда ты нашел его и включил, хоть на секунду у тебя появилась надежда, что это сработает и нас спасут?

Кай молчал. Пришлось посмотреть ему в глаза. Тогда он отвел взгляд и едва заметно покачал головой.

Я кивнула. Где-то в глубине души ведь таилось такое подозрение, только я гнала от себя эти мысли прочь. Не желала думать о плохом. Спрятала голову в песок и тешила себя радужными надеждами. А Кай смотрел на все это и потакал мне.

– Почему ты позволял мне верить? – пробормотала я. – Я сейчас будто второй раз в жизни с неба на землю рухнула. И снова со всего размаху. Почему ты перестал обламывать мои надежды на корню, как делал раньше? Мы же договорились, что никогда больше не станем скрывать что-то друг от друга!

Он помрачнел. Крепче стиснул мои руки.

– Я хотел, чтобы ты улыбалась. Эти шесть дней... они были самыми лучшими в моей жизни, Белоснежка. Я не мог. Прости. У меня язык не поворачивался.

Я закрыла глаза. Он ведь все предвидел с самого начала. Но если бы не позволил мне расслабиться и забыть о тревогах, кто знает, получилось бы у нас хоть ненадолго насладиться счастьем? Ведь минувшие дни были лучшими и для меня. Я не жалела о том, как мы их провели.

– Значит, за нами не прилетят, да? Как ты и предсказывал? – Задавая вопрос, я мысленно взмолилась, чтобы он поспорил со мной хотя бы теперь. Сообщил, что есть еще одна версия, которая объясняет задержку спасательной команды. Успокоил панику во мне.

Но Кай молчал, и это было красноречивее любых слов.

– Поэтому ты продолжал охотиться? Экономил наши запасы? И вещи собирать меня отговаривал поэтому? Чтобы уберечь от напрасных усилий?

Он медленно кивнул.

– Я не верю, что нас просто бросили. Нас не могли просто бросить, – возразила я. – Они могли бы дать нам хотя бы шанс все объяснить! Мы же

нашли лекарство от пузырьчатой болезни!

– Дни становятся холоднее, – вдруг невпопад сообщил Кай.

– С нами поступили несправедливо!

– И я заметил, что некоторые растения как-то изменились с виду.

– Это какая-то ошибка! Наверно, требуется больше времени, чтобы снарядить спасательный отряд. Может, проблемы с оформлением разрешений или еще что-то...

– Возможно, это временное явление. А возможно – означает, что скоро наступит зима.

Мы говорили практически одновременно, но тут я опомнилась и переосмыслила его слова.

– Что ты пытаешься мне сказать?

Он тяжело вздохнул.

– Нам нужно подумать о более теплом жилище.

– Значит, это конец, да? – сдалась я. – Вернемся обратно к Тхассу?

Кай задумчиво покачал головой.

– Я не уверен, что получится безопасно пройти ущелье мимо земель волчьего племени...

– Но у тебя уже есть план? – Я вгляделась в его лицо. – Конечно, есть. Расскажи мне.

– По утрам я не только охотился, – начал объяснять он, – но и исследовал территорию. С каждым разом старался зайти чуть дальше. Примерно в полчасе ходьбы отсюда есть дорога.

– Дорога? – ахнула я. – В смысле шоссе с дорожным покрытием?!

– Нет, Белоснежка, – Кай усмехнулся, – просто широкая натопанная полоса в лесу. Но она не заросла, значит, ею пользуются. Мы можем пойти по ней. Естественно, с осторожностью. Возможно, это приведет нас в поселение. Тебе нужен дом, Дана. Прочная крыша над головой и теплые стены.

Он нежно погладил меня по щеке. Я только губу закусил. Кай был в своем репертуаре. Все это время, пока я гладела в небо и ждала спасательный корабль, он продумывал нашу дальнейшую жизнь здесь. И похоже, мне оставалось лишь покориться обстоятельствам.

– А если этой дорогой пользуются ашры? – все же предположила я. – Что, если мы наткнемся на них?

– Здесь повсюду есть такая опасность, – пожал плечами Кай, – но, поверь, замерзнуть от холода страшнее. Мы должны рискнуть. Помнишь рассказы Тхассу? Где-то дальше должны быть поселения. Выжившие люди и протурбийцы. Хоть какая-то цивилизация, к которой ты так стремилась

вернуться.

– Я боюсь заводить новые знакомства здесь, – призналась я. – Боюсь просить помощи у чужих. Может, как-нибудь сами, а?

Кай с сочувствием улыбнулся.

– Понимаю. Но наш главный враг сейчас – природа, как бы странно это ни звучало. С людьми мы справимся. Вместе.

Я закрыла глаза. Прощаться с мыслью о долгожданном спасении было нелегко. Но выбора, похоже, не осталось. Это наша реальность, и она такова. За нами никто не прилетит. Возможно, никогда. И плакать тут бесполезно. Плачут слабые. Слабые умирают. Сильные поднимаются и идут дальше, несмотря ни на что.

– Хорошо, – я заставила себя выпрямить спину, – хорошо. Идем.

Но нас ждало еще одно открытие. Собирая вещи, я добралась до запасов еды и растерянно застыла над несколькими оставшимися банками.

– Кай... мне кажется, их было больше.

– Что? – Он подошел, складывая на ходу брезент.

– Еда... ее было больше. Я точно помню. Мы еще обсуждали с тобой, на сколько хватит запасов. Потом ты много охотился, а я хотела оставить еду в наборе первой необходимости, поэтому не тратила консервы. Но теперь, посмотри, их почти не осталось!

Кай переменился в лице. Тут же вскинул голову и огляделся, словно ожидал нападения в любой момент.

– Кто-то здесь побывал, Белоснежка...

– Что?! – По моей спине пробежал холодок.

– Мы оставляли лагерь, когда уходили гулять или купаться. Кто-то приходил сюда в наше отсутствие и брал еду.

– Ты уверен?!

– Ну а как еще ты можешь объяснить пропажу? Животные бы не смогли учуять запах через плотную упаковку. Они бы не поняли, что внутри еда. Это мог сделать лишь кто-то разумный. Тот, кто умеет читать этикетки.

– Почему тогда нас не тронули? Просто втихую воровали банки?

– Не знаю, – Кай мрачнел все больше, – но это лишний повод нам с тобой побыстрее уйти.

В спешке завершив сборы, мы двинулись в путь. Напоследок, уже по сложившейся привычке, я взглянула в небо, такое же безмятежное, как и в предыдущие дни, и мысленно поклялась себе, что больше никогда не посмотрю на него с такой надеждой. Пустые надежды – тоже удел слабых. Нет, не стоит надеяться на счастливый случай. Если мы и выберемся

отсюда, то собственными усилиями, и никак иначе.

Дорога, которую описывал Кай, действительно оказалась широкой полосой тщательно утоптанного грунта. Прямая, как линейка, она словно рассекала лесную чащу на две половины. Мы шли, изредка перебрасываясь догадками, если замечали что-то интересное вроде обрывка ткани на ветвях ближайшего кустарника или непонятного отпечатка на земле.

Грозное рычание оборвало мою очередную фразу на полуслове. По спине пробежал холодок. Слишком уж низким, громким и злобным это рычание было. И знакомым. Где-то я уже слышала что-то подобное...

Я подняла голову, как раз чтобы увидеть точно такую же тварь, которую мы когда-то убили у реки, а Бизон содрал с нее шкуру. Конечно, это был уже другой священный волк, но вот длинные острые когти, зубы, горящие яростным огнем глаза, густая серебристая шерсть – все напоминало внешность собрата. Чудовище вышло из леса прямо перед нами и загородило дорогу. Краем глаза я заметила, как рука Кая потянулась к автомату, висевшему за плечом. Медленно и осторожно, чтобы не провоцировать монстра раньше времени.

Волк потянул носом. Я видела, как затрепетали его черные влажные ноздри, когда взгляд уперся точнехонько в меня. Зверь издал рычание, он жадно втягивал в себя воздух. За нашими спинами зарычал другой голос.

Я развернулась и вжалась в Кая, почувствовав, как душа ушла в пятки. Еще волк! И не меньше, чем предыдущий! С таким же голодным взглядом и трепещущими ноздрями. Похоже, здесь решили собраться все чудища в округе. Сколько их еще будет? Хотя нам и с этими двумя бы справиться. В прошлый раз мы втроем – я, Кай и Бизон – едва одолели одного. А теперь ситуация явно сложилась не в нашу пользу.

– Что нам делать? – прошептала я.

– Сейчас мы побежим, – так же тихо ответил Кай, когда оба волка одновременно начали наступать с двух сторон. – Готова?

– Нет... – застонала я.

– Ты должна, – он нащупал и крепко стиснул мою руку, – если хочешь жить, должна бежать. Поняла?

Я закусила губу. Конечно, поняла.

– Давай! – крикнул Кай и выпустил очередь по ближайшему монстру.

Я бросилась в сторону, мечась между деревьями. Кай догонял меня, отстреливаясь от волков, чтобы удержать их на расстоянии. Но эти существа были способны на гораздо большее, чем просто бежать за нами. Я слышала треск коры, в которую впились когти одного из волков. Уклоняясь от выстрелов Кая, монстры забрались на деревья и сигали с одного ствола

на другой, преследуя нас поверху.

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди, ноги заплетались, и перед глазами все заволакивало туманом. Я поняла, что скоро упаду. Если это случится, то погублю не только себя, но и Кая. Потому что он обязательно остановится, чтобы мне помочь. Но он не сможет быстро бежать со мной на спине. Тогда волки загрызут нас обоих.

Эта картина, пролетевшая перед глазами, настолько поразила, что я нечеловеческим усилием продолжила бег. Ради себя, наверно, не смогла бы такого. Сдалась, упала бы, не вынесла боли и перенапряжения. Но ради Кая я готова была удирать на последнем издыхании. Я не прощу себе, если стану причиной его гибели, ни при жизни, ни даже после нее.

Впереди, в просвете между деревьями, показалось широкое, залитое солнцем ромашковое поле. На противоположной стороне этого моря белесых головок виднелся лес. От догоняющих монстров поле не служило спасением, но давало небольшую передышку. Возможно, лишившись преимущества в виде пряжков по деревьям, волки побегут медленнее или Кай сможет пристрелить кого-то из них. С удвоенной силой я рванула в направлении цветов.

С шуршанием рассекая стену упругих стеблей, доходивших чуть выше колена, вырвалась на открытое пространство. Тяжелый сладкий запах ударил в ноздри. Нагретые жаркими лучами цветы щедро источали его. После свежей прохлады леса я начала задыхаться.

– Нет! Бежим! – Кай подтолкнул меня в спину, когда я замедлила шаг.

Но я уже успела оглянуться и остановилась в недоумении.

– Кай!

Он, тянувший меня за локоть, посмотрел в указанном направлении и опустил руки. Волки, вместо того чтобы рвануть за нами, топтались на краю поля, рычали, сверлили нас голодными взглядами, но броситься следом не решались.

– Здесь что, еще одна запретная зона? – удивилась я, вытирая пот со лба. – Они ведут себя, как дикари, которые не пошли за нами на мост. Те, наверно, знали, что деревня заражена пузырчатой болезнью, и не сунулись. А здесь что?

Кай растерянно покачал головой. Мы стояли посреди поля, как две лодки посреди огромного океана, и никак не могли понять, что происходит. К волкам добавился третий зверь, и четвертый, но ситуацию это не изменило. Они не решались ступить в цветы, а потом и вовсе, один за другим, развернулись и скрылись в чаще.

Внезапно Кай напрягся. Он втянул в себя воздух, совсем как волки до

этого.

– Кажется, я знаю, почему звери не пошли за нами. Это цветы.

– Что цветы? – Я огляделась. – Ромашки как ромашки.

– Это не ромашки, – нахмурился Кай. – Это сонные цветы. Я вспомнил рассказы о них. Все части растения обладают сильным эффектом. Начиная от корней и заканчивая даже пыльцой. Посмотри. Тут нет никакой живности.

Я пригляделась. Действительно, несмотря на тягучий и приторный аромат, над псевдоромашками не вились насекомые, не порхали бабочки или что там должно порхать на протурбийских планетах.

– Нам нужно убираться отсюда, – поднялся на ноги Кай.

С неохотой я последовала за ним. Передохнуть хотелось, но тяжесть в легких и небольшое головокружение уже настораживали. Радовало лишь то, что мы могли не бежать, а просто очень быстрым шагом пересечь поле и отдохнуть на противоположной стороне, куда волки не отважились добраться.

– Прикрой нос чем-нибудь, – посоветовал Кай.

Я послушно прижала рукав к нижней половине лица. Дышать так было непросто, но зато аромат ощущался не столь явно, как прежде.

– Давай мне свою поклажу. Без нее пойдешь быстрее. – Кай сдернул с моего плеча рюкзак и подтолкнул вперед. – Иди, Белоснежка, давай же!

Безжалостно топча цветы, я двинулась в сторону леса, добралась до конца поля, выскочила на пригорок и обернулась, чтобы махнуть Каю.

– Я в порядке! Сюда!

Нас разделяло всего несколько метров. За моей спиной что-то хрустнуло. Я подпрыгнула, ожидая увидеть волков, но... это был Бизон.

Он стоял в двух шагах от меня, в опаленной местами одежде. Я не могла поверить глазам. Может, это игра воображения? Мы же убили его! Сожгли в той деревне! Я давно мысленно похоронила его! Я пила за его упокой!

Одна половина тела Бизона раздулась от пузырей. Обезображенное лицо перекошилось, рука выглядела уродливой гроздью, через прорехи на штанине проглядывали заполненные жидкостью бугорки. Но я видела татуировки на его шее с другой стороны, стиснутый кулак с зажатым ножом и не сомневалась – передо мной бритоголовый.

– Ты... выжил? – прошептала я.

Всего лишь хотела порадоваться за него. Но Бизон не выказал восторга от встречи. Припадая на поврежденную ногу, он сделал молниеносное движение, схватил меня и развернул, прижав к груди и приставив к горлу

нож. Я в панике уставилась на Кая, который не успел дойти всего несколько шагов и замер по колено в цветах.

– Стой там, кэп, – полным яда голосом протянул Бизон. Холодное лезвие впечаталось в мою кожу, еще не разрезая, но посылая волны страха в самое сердце. Я боялась даже вздохнуть, вытянувшись по струнке и задрав подбородок.

Взгляд у Кая стал темным, угрожающим, но сам он не шелохнулся.

– Избавиться от меня хотели, да? – с ненавистью зашипел бритоголовый мне на ухо. – Воспользовались, пока был в отключке?

– М-мы думали, ты умер. – Я сглотнула в опасной близости от ножа. – Мы не хотели, чтобы ты достался ашрам.

– Приятно же было очнуться в пылающей развалюхе, кишасей черными тварями! – Бизон будто не слышал меня, он говорил с обидой и ненавистью.

– Отпусти ее. – Кай потянулся к автомату, но бритоголовый тут же встряхнул меня.

– Не-а, кэп. Никаких телодвижений. Или я пущу ей кровушку. Кидай свои вещи сюда, а сам оставайся на месте. Ну же!

Каю пришлось выполнить приказание. Когда вещи рухнули в траву за пределами поля, он сжал кулаки.

– Отпусти ее, и поговорим один на один!

– А вы славно спелись! – вдруг с надрывом выкрикнул Бизон прямо над моим ухом, заставив зажмуриться. – Сладкая парочка! Только и думали, как бы от меня избавиться! Это все из-за вас! Я стал уродом из-за вас! И что вы сделали? Бросили меня в костре вместе с тварями! А я выбрался. – Он вдруг рассмеялся так, что меня пробрало до мурашек. – Полз между горящими чудиками и представлял, как лично разорву вам глотки. Обоим. Вы бросили меня!

Наши с Каем взгляды пересеклись. Требовалось срочно что-то предпринять.

– Мы бы ни за что не ушли, если бы считали тебя живым, – заговорила я. – Но в пожаре не было шанса выжить...

– Не-е-ет, так просто сдохнуть я не собирался, мелкая. Я выбрался и полз. Полз по вашим следам. Вы думали, я не найду ваш маленький славный лагерь у озера? Я видел, как приятно вы проводили там время.

Так вот кто воровал запасы! Мне стало жутко от мысли, что бритоголовый тайком наблюдал за нами, шарил в наших вещах. Он мог прийти ночью и запросто перерезать нам горло. Странно, почему решил напасть только сейчас.

– Мои старые... добрые... друзья, – Бизон встряхнул меня. – Да, кэп? Вот ее бы ты не бросил. Свою беловолосую сучку ты бы не оставил подыхать в огне. Я же за тебя... мы же... я бы...

Бизон захлебнулся словами и умолк. Я могла только догадываться, что с ним творится.

– Положи нож, и мы поговорим, – выставил руки Кай. Он заметно побледнел. Что-то увидел такое в бритоголовом, что заставило его насторожиться. А так как я не видела, становилось только страшнее.

– Сколько раз мне хотелось задушить ее во сне. Когда ты уходил по утрам, кэп, я пробирался, смотрел на нее, спящую, и мечтал, как сделаю это.

Мое сердце пропустило удар.

– Только сил не хватало после болезни. А теперь силы появились, да вы сбежать решили. Но я – не тупые волки, от меня не сбежишь. Я сразу смекнул, что дело нечисто, когда они на краю поля остановились, и в обход пошел. Вот теперь смотри, смотри, как она кровушкой своей захлебнется. – Рука Бизона сдавила мою грудь, лишая способности дышать. – Давно надо было это сделать. Ты будешь следующим.

Ужас еще больше сковал мое тело, когда я заметила, что взгляд у Кая стал мутным. Пугающая догадка пронеслась в голове: он же продолжал стоять там, в удушающих сонных цветах. Не мог выйти, опасаясь за мою жизнь. Но если его сморит сон, я останусь совершенно беззащитной против полного мести и ярости Бизона!

– Не двигаться, я сказал! – завопил бритоголовый, когда Кай пошатнулся.

– Дай ему выйти! – взмолилась я. – Пыльцой этих цветов нельзя дышать долго! Он слишком долго там стоит.

Кай едва заметно поморщился и с укоризной покосился на меня. Бизон, наоборот, оживился.

– Да?! Тем более не вздумай шелохнуться, кэп. Или я вскрою твоей сучке горло у тебя на глазах.

Я бессильно обмякла в его руках. Спасти ситуацию не получилось. Кай разозлился, что сболтнула про цветы, но что оставалось делать? Так или иначе, Бизон не выпустил бы его с поля. Я хотя бы попыталась что-то изменить.

– Не убивай нас, – снова обратилась к бритоголовому, – я простила тебя, когда ты извинялся за убийство Кати и прочие преступления. Теперь прошу того же у тебя. Прости нас! Прости меня и Кая! Прости, что оставили тебя! Я клянусь, мы не хотели этого. Ты меня знаешь. Я бы не

бросила человека гореть в огне, если бы знала, что он очнется!

Кай посмотрел куда-то мимо нас, сделал шаг и упал. Просто рухнул, взметнув в воздух облачко пылицы с изломанных растений. Меня сотрясала крупная дрожь. Это была самая безвыходная ситуация из всех возможных. По рассказам Кая и своему опыту, я уже поняла, что движет Бизоном. Наше с Каем бегство он воспринял как предательство. Мы напомнили бритоголовому о том периоде, когда его не считали человеком. А старые раны, как известно, болят хуже всего. Своим, пусть и вынужденным, поступком мы разбередили одну такую, и теперь никакие доводы не могли заставить Бизона передумать. Он рычал, как раненый зверь, от мысли, что его, больного, бросили умирать.

И никакие доводы о том, что он сам так же поступал с другими, не могли заставить его смягчиться.

Я лихорадочно искала взглядом путь к спасению. Автомат, брошенный Каем, лежал у кромки поля. Решение пришло само собой. Скрючив пальцы, я вонзила отросшие за время скитаний ногти прямо в покрытую пузырями руку Бизона. Ощутила, как на ладонь брызнула теплая жидкость. Он заорал нечеловеческим голосом и на мгновение выпустил меня. Я рванулась, упала на колени, схватила оружие. Отпрыгнула в сторону и нацелила его на бритоголового.

Тот стоял в угрожающей позе, с ножом в руке, по которой текла розовато-прозрачная сукровица. Единственный уцелевший от пузырчатой сыпи глаз пронзил меня полным ненависти взглядом. Я положила палец на спусковой крючок.

– Ты не выстрелишь, – с презрением усмехнулся Бизон и сделал небольшой шаг вперед.

Мои ладони вспотели. Я перехватила автомат, беззвучно приказывая себе сделать это. Нажать на спусковой крючок. Ясно же, что здесь каждый сам за себя. Бизон не остановится. Значит, его должна остановить я. Ради Кая. И ради себя тоже.

Внезапно бритоголовый махнул рукой. Нож просвистел в опасной близости от моего лица. Только автомат оставался преградой между нами. Из уголка рта Бизона текла слюна, губы кривились от злобы. Он выглядел совершенно безумным, и в который раз мне подумалось, что пузырчатая болезнь что-то повредила в его голове.

Но я все равно не могла заставить себя его убить.

И вдруг Бизон завалился на бок. Я поморгала от удивления. Бритоголовый лежал на земле, его распахнутый глаз уставился в никуда, в виске сочилось кровью отверстие.

Человек, который теперь попал в поле моего зрения, опустил руку с небольшим пневмопистолетом. Его лицо за пластиком защитного шлема расплывалось у меня перед глазами, но я не сомневалась, что это именно человек – протурбийцам было несвойственно носить подобные термокостюмы.

– Спасибо! – выдохнула я с благодарностью и сделала несколько шагов навстречу, стараясь лучше разглядеть неожиданного спасителя.

Мужчина, казалось, слегка растерялся, но затем перевел оружие на меня.

– Простите. Вас мне придется застрелить тоже.

Лицо у него было молодым и интеллигентным, светлые волосы открывали высокий лоб, и в целом он напоминал скорее ученого, чем хладнокровного убийцу, который ходит и расстреливает всех подряд.

– За что?! – простонала я в отчаянии.

Мой собеседник указал на бездыханное тело Бизона:

– Вы прикасались к зараженному. Теперь сами являетесь переносчиком вируса. Мы обязаны принимать превентивные меры против всех случаев его распространения.

– Мы? Кроме вас есть кто-то еще? – Теперь я не сомневалась, что догадки верны и передо мной стоит человек науки. Манера говорить выдавала его. – Пожалуйста, не стреляйте! Да, я прикасалась к зараженному, но у меня и моего спутника что-то вроде сопротивляемости организма к болезни. Мы уже подхватили этот вирус, переболели и выжили. Вот!

В качестве доказательства я лихорадочно принялась показывать ему шрамы, которые остались на коже после лопнувших рубцов. Глаза у мужчины расширились от удивления. Он немного опустил пистолет и перестал держать меня на прицеле.

– Когда это произошло?

Обрадованная, что собеседник готов выслушать, я постаралась быстро, но подробно пересказать все, что произошло с нами в заброшенной деревне. Время от времени мужчина задумчиво хмыкал, затем повернул свободную руку, бросил взгляд на узкую голографическую панель, вмонтированную в костюм на предплечье.

– Где, говорите, это произошло? – Увидев мое растерянное выражение лица, он нашелся: – Хотя бы укажите, в каком направлении находится это место, я сравню с навигатором.

Я, насколько позволяли приобретенные навыки ориентирования на местности, прикинула положение по солнцу и указала рукой.

– Именно туда я и направлялся... – пробормотал мужчина, окончательно передумав меня убивать, – необъяснимая вспышка массовой гибели биосов и странные образцы, полученные одним из них...

– Биосов? – насторожилась я. – То есть ашров?! Вы что, ведете мониторинг над ними?

Мужчина смутился и опустил руку, а пистолет убрал.

– Марк, – коротко представился он, – да, мы контролируем биосов, но это долгая история. Не возражаете, если я расскажу ее по дороге?

– По дороге куда? – с подозрением прищурилась я.

– По дороге в наш научный центр. Видите ли... меня отправили в экспедицию для выяснения некой ситуации, взволновавшей всех, но, похоже, именно вы и создали ее, уничтожив наших объектов, и именно ваши образцы нам и нужны. Повезло, что я услышал шум, когда решил сделать очередной привал для отдыха, и наткнулся на вас тут.

Я оглянулась в ту сторону, где лежал Кай, от волнения кусая губы. Он учил меня не доверять никому, говорил, что я девушка и если останусь в одиночестве, то должна быть осторожной, иначе любой сможет этим воспользоваться. Но какой еще у меня оставался выход? Мы шли наугад, не зная, что встретим за следующим поворотом, и в принципе почти сразу нарвались на очередную неприятность в виде прыгучих волков и озлобленного Бизона. Кто мог сказать, что еще встретится нам на пути, если я откажусь следовать с Марком в неизвестность?

А так у нас оставался хоть какой-то шанс приблизиться к разгадке тайн этой планеты и найти возможность связаться с моим отцом. Если новый союзник не соврал и в реальности существовал научный центр, то там наверняка имелись средства связи с другими такими же организациями.

– Хорошо, – сдалась я, – только помогите мне вытащить Кая из этой сонной травы.

Уступил Марк с опаской и, похоже, сделал это лишь потому, что был облачен в защиту. Я догадалась, что он ни за что бы не прикоснулся ко мне или Каю руками без перчаток и не стал бы дышать одним с нами воздухом без шлема. Впрочем, снимать средства защиты от него никто не требовал.

Я гадала, как долго мы теперь будем добираться до цели, учитывая, что Кай еще продолжал спать под действием коварных растений, но оказалось, что ученого неподалеку ожидал автомобиль – багги. Открытый, четырехместный, с легкой пластиковой крышей белого цвета и бежевыми кожаными сиденьями. Боковые двери в нем не предусматривались, зато позади размещался внушительный по объему багажник, а на крыше – солнечная батарея. Я приблизилась, во все глаза разглядывая это чудо.

Кожа на углах сидений потрескалась от времени, но в целом средство передвижения выглядело вполне годным. Скорее всего, такими пользовались колонизаторы с Земли еще в годы освоения этой планеты, его колеса подходили практически для любого бездорожья, а батарея позволяла передвигаться автономно на любые расстояния.

Мы уложили Кая на заднее сиденье и устроили с достаточным комфортом, затем я разместилась на переднем рядом с Марком, и мы двинулись в путь. Почувствовав себя в относительной безопасности, я принялась украдкой разглядывать своего спутника и уже более критично размышлять над его словами.

– Куда мы едем? Далеко ли находится ваша база?

– Достаточно далеко, – усмехнулся мужчина. – Нам придется не только ехать, но и плыть. Думаю, к вечеру уже достигнем побережья, если ничто не нарушит наши планы.

Плыть... я вспомнила тот вулканический остров, который видела на карте старого Тхассу, и рассказы о королеве проклятых, живущей там. Пунктирные дорожки, расходящиеся во все стороны от этой точки, обозначали движения ашров, а слова Марка достаточно ясно намекали, что загадочные существа не являются для ученых такой уж загадкой.

– Вы обитаете отдельно ото всех, на острове, – высказала я вслух свои предположения.

– Да, – не стал скрывать мой собеседник, – когда стало понятно, что грянула эпидемия, мы укрылись там и с тех пор стараемся без крайней необходимости не высовываться на материк. Если бы не ваше вандальное стремление уничтожить биосов...

Он невесело усмехнулся, видимо, сожалея о потере.

– Что-то вы как-то слишком молоды для обитателя лаборатории, которая существует на планете, отрезанной от внешнего мира много лет назад, – скептически заметила я.

– Мы поддерживали численность группы путем продолжения рода, – смущенно ответил он.

Я повернулась и приподняла бровь в молчаливом недоумении.

– То есть, – бросился объяснять мой собеседник, – когда наступил карантин, мы были отрезаны тоже и в контакты с местными старались не вступать из соображений безопасности. Но нами управляет Мать, и вы с ней еще познакомитесь, конечно. Она глава нашего центра и не просто заслужила это звание, она дала жизнь мне и еще восьмерым моим братьям и сестрам, чтобы мы могли продолжать работу. Другие женщины тоже старались, но она родила больше всех. Чтобы избежать мутации, когда

моему поколению, в свою очередь, пришлось бы продолжить род, Мать старалась, чтобы генетические доноры у нас оказались разные.

– Доноры?

– Отцы. – Румянец на лице гостя стал алым.

Я кивнула в знак того, что поняла. Значит, заперевшись, ученые начали размножаться между собой, чтобы было кому передать знания.

– Где вы взяли столько еды, чтобы кормить всех долгое время?

– Мы выращиваем садовые и огородные культуры.

Любопытство разгоралось во мне все больше. Похоже, ученые неплохо устроились, поэтому и смогли продержаться столь долгое время. Но насколько нам с Каем будут рады там? И можно ли доверять этим людям?

Дорога мерно бежала под колесами багги еще какое-то время, и я невольно задремала после пережитых волнений. Проснувшись от резкого торможения, испуганно схватилась за поручень. Марк сидел рядом, вцепившись в руль и тяжело дыша... а Кай, напавший сзади, держал свой нож у самого слабого места на защитном костюме – у шейной перемычки.

Скорее всего, очнувшись, он подумал, что нас захватили в плен, а мое сонное и расслабленное состояние принял за подавление воли и решил спасать.

– Все хорошо! – постаралась я его успокоить, взяла за руку и заглянула в глаза. – Это наш друг. По крайней мере, он помог нам спастись от Бизона.

Кай немного остыл, а недовольный Марк потер шею и тщательно проверил костюм на предмет повреждений. Пришлось воспользоваться заминкой и сделать привал, чтобы отдохнуть и заодно рассказать Каю то, что я уже успела узнать.

– И ты доверяешь ему? – шепнул он, кивком указывая на ученого, который отошел проверить колеса багги. – Или он везет нас в новую ловушку?

– Не знаю, – так же тихо поделилась сомнениями я. – Но что еще нам остается?

Кай задумчиво кивнул, и дальше мы продолжили путь в молчании. На закате, как и предполагал Марк, автомобиль прибыл к побережью. Поодаль, на песчаном пляже, виднелись серые тени покосившихся хибар, и, судя по всему, когда-то рыбацкая деревушка процветала. На песчаном берегу сушились сети. Чуть поодаль покачивался на волнах баркас. Вдалеке, над светлой лазурью воды, в дымке виднелись темные очертания вулканического острова. Сколько я шла к этой цели? И оправдает ли она себя?

Мы взошли на борт, и наш проводник встал за штурвал. Поначалу я с

замиранием сердца следила за морским путешествием, но берег приближался, а на нем, кроме застывшей вулканической породы и безжизненных серых валунов, ничего не наблюдалось.

– Как мы войдем? – озадачилась я.

– Мы не войдем, – качнул головой Марк, заглушив мотор. – Мы вплывем. Прыгайте!

С решительным видом он поставил ногу на борт и наклонился, готовясь подать пример.

– С ума сошел? – окликнул его Кай. – Тут вон какие глыбы. Нас разобьет о них, не выберемся!

– Прыгайте! – только и повторил ученый, а затем первым сиганул в воду, подняв фонтан брызг.

– Мне кажется, он знает, что делает. – Я подошла и коснулась ладонями борта. Волны бились об него, но разглядеть, что творится на глубине, сквозь них не получилось. Кай тоже приблизился и чуть наклонился над водой.

– Интересно устроились... – пробормотал он. – Что ж... рискнем.

Я пожала плечами – почему бы и нет? – вложила свою ладонь в сильную мужскую руку, а затем мы вскочили и прыгнули вниз.

Я рухнула. Глубоко ушла под воду, но Кай прижал к себе, обхватил за талию, уверенно загребая одной рукой и продвигая нас дальше. Стало страшно – вдруг не хватит воздуха? – но мы уже оказались в тесном гроте и через секунду за нами с гулом что-то задвинулось.

Уровень воды тут же пошел на убыль, и я обнаружила себя на полу в герметичном отсеке. Марк с довольным видом стоял у стены и нажимал кнопки на приборной панели. Вытирая стекающую по лицу воду, я подумала, что без него мы бы точно сюда не добрались, даже если бы узнали про колонию ученых. Одно дело – найти плавсредство и добраться до острова. Другое – отыскать возможность занырнуть в потайной шлюз, суметь открыть его, а потом – закрыть обратно, чтобы не захлебнуться. Человеку, не посвященному во все секреты лаборатории, пришлось бы несладко.

– У нас строгий уровень дезинфекции, вы уж извините, – сказал Марк и ударил ладонью по большой выступающей кнопке на панели.

Со всех сторон повалил пар. Такой горячий, что я едва не завизжала от боли. Воздух стал едким, он проникал в легкие и вызывал першение в горле. Зато я ощутила, как с кожи, волос и одежды испаряется влага. Когда все закончилось, мы больше походили на людей, попавших под легкий дождик, чем на побывавших в морской пучине. Марк оглядел нас и с

довольным видом кивнул:

– Проходите.

Двери в противоположной стене шлюза разъехались в стороны, показался длинный коридор, подсвеченный лампами. Здесь было прохладно и пахло аммиаком. Постоянно оглядываясь и с осторожностью делая каждый шаг, мы с Каем двинулись по нему. Марк бодро шел впереди.

Коридор привел нас в секцию с множеством одинаковых дверей. Пригласив нас в ближайшую, Марк вежливо улыбнулся.

– Подождите здесь. Я позову Мать.

Внутри оказалась узкая медицинская кушетка, мониторы для отслеживания дыхания и сердцебиения, в данный момент – темные. Я присела на край, Кай встал в дверях, поглядывая в коридор.

– У нас пока не отобрали оружие и не заперли, – принялся рассуждать он вслух, – начало неплохое.

– Надо найти способ связаться с папой, – пробормотала я, – не верю, что все пройдет так гладко и легко, как нам обещали...

Кай послал мне внимательный взгляд, но не сказал ничего. Вскоре он выпрямился и отошел, завидев кого-то в коридоре. Послышалось легкое шуршание, словно от автомобильных шин, и через мгновение в комнату въехала древняя старуха в самодвижущемся кресле на колесиках. Одета в защитный костюм, она выглядела мумией, на почти облысевшей голове остались редкие длинные пряди седых волос, но глаза смотрели зорко и проницательно.

Марк вошел следом, в его руках был железный поднос, накрытый белой тканью. Пристроив поднос на край кушетки, он сдернул покров, под которым оказались медицинские приборы.

– Нам нужно взять пробы, – пояснил ученый, – извините, но мы должны убедиться, что вы нам не врете.

Я молча протянула ему руку. За все время, пока Марк хлопотал надо мной, а затем над Каем, старуха не проронила ни слова. Наконец, ловко подхватив поднос, мужчина удалился, оставив нас наедине с Матерью.

– Вы расскажете нам, что за вирус нас поразил и откуда он взялся? – не выдержала я.

– А разве вы не знаете, что вирус вышел из-под земли? – Она приподняла изрядно поредевшие от времени брови.

– Этими сказками вы будете развлекать своих подрастающих внучат. – Я подалась вперед, не без удовольствия заметив удивление в глазах старухи. – А мне, пожалуйста, откройте правду. Если я признаюсь, какие истории слышала и что видела на этой планетке, вы поймете, что обмануть

меня уже непросто. Но давайте не будем тратить время.

Мать недовольно скривилась.

– Ладно. Вирус разрабатывала я. Тогда еще не знала, что он будет смертельным, просто искала открытие, с которым можно было бы получить грант на дальнейшую научную деятельность. В то время оборона и наука шли рука об руку, и все бредили новым биологическим оружием. Тогда-то нас и приметили люди из корпорации «Отец».

– Что это за корпорация? На Земле я никогда не слышала о такой. – Я посмотрела на Кая, но тот тоже лишь развел руками.

– А вы о ней нигде и не услышите, – улыбнулась старуха. – Они действовали с молчаливого одобрения минобороны в условиях секретности.

– Минобороны?!

– Дорогая, сколько вам лет? – высокомерно поинтересовалась Мать и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Сколько из них вы прожили на Земле? Что вы знаете о ней и о космосе?

– Знаю, что протурбийцы не настроены нападать на нас, – огрызнулась я, – они вообще не особо интересовались нашим присутствием.

– Но это не означает, что так будет всегда. И даже если протурбийцы не напали бы... их планеты богаты ресурсами, а наши скуднеют с каждым годом. По крайней мере, так было в мое время.

– Ничего не изменилось, – со вздохом призналась я.

– За возможность освоения протурбийских планет приходится платить слишком большую компенсацию. Вот если бы настоящие хозяева в один момент покинули их...

От внезапной догадки по моей коже пробежал морозец.

– Открыто объявлять войну никто не стал бы, – заговорила я, – но если жители планеты вымирают из-за неизвестной болезни...

Мать молча ждала продолжения, в ее глазах плескалось торжество.

– Если заразить все население планеты, объявить карантин, затем под предлогом зачистки истребить все живое, то можно легко и бесплатно захватить новую территорию. А если одновременно повернуть это на всех планетах... – я вздрогнула, – на всех протурбийских планетах... ведь достаточно запустить одного зараженного, и эпидемию будет не остановить. С этим вирусом можно истребить целую расу.

– Поначалу мне этого не предлагали, – кивнула старуха. – Только представьте, приходят серьезные деловые люди, предлагают свою лабораторию, все необходимое оборудование и материалы, все-все-все, с условием, что мы немного видоизменим первоначальную разработку. По

основной версии, это делалось именно для обороны. Не знаю как сейчас, но тогда отношения с протурбийской стороной только налаживались, и все готовились в любой момент отразить атаку, если наши новые соседи попробуют захватить нас.

Я переглянулась с Каем, чтобы убедиться: он слушает столь же внимательно.

– Я подписала документы, – говорила старуха. – Когда меня доставили сюда, уже все было готово. Мы знали, что где-то на материке существует колония, но выходить за пределы лаборатории на острове даже не думали. Нас просили лишь ставить опыты и улучшать вирус до тех пор, пока он станет неистребимым.

– И у вас получилось.

– Да, очень быстро. Приехала комиссия, и мы с большой осторожностью продемонстрировали результаты. Те улетели, но вскоре случилось то, чего никто не ожидал. На ториевых рудниках разразилась эпидемия.

– У вас украли образцы и применили их, – произнес Кай.

– Пожалуй, так все и было, – согласилась Мать. – Уже в разговоре с комиссией звучали намеки, а когда заражение случилось, появились другие люди.

– Военные, – догадалась я.

– Да. Они сообщили, что нам ничего не угрожает. Лабораторию специально строили так, чтобы сюда нельзя было силой попасть извне. От нас потребовали завершить миссию. Понаблюдать, сколько времени потребуется на полную зачистку после заражения, при необходимости провести еще какие-то опыты. Составить отчет. Нам обещали, что по завершении работы мы живыми и невредимыми вернемся домой, а наши разработки будут храниться в секрете и не всплывут, только если протурбийцы не нападут первыми.

– И вы спокойно согласились?!

– Нет, деточка, я возмущалась. Но ко мне подошел один из командующих зачисткой. Описал все, как есть, мол, это на благо целого человечества, ради ресурсов и прочего, прочего...

– И вот тогда вы и догадались, что живьем вас уже не выпустят и на Землю не вернут? – поинтересовалась я с жестокой усмешкой. – Такой секрет вам бы уже не доверили просто так.

– Да, дорогая, – сверкнула старуха глазами. – Тогда и поняла.

– И что вы сделали? Я имею в виду... как вы убили их? Командующего и прочих?

На потрескавшихся от возраста губах Матери тоже заиграла улыбка.

– Мы их заразили. Специально изолировали отсек, где они ночевали, и запустили туда вирус.

– Почему больше никто не прилетел? – вмешался Кай.

– Боялись, – развела руками Мать. – Вы же знаете, что такое карантин. На нас поставили крест. Мы пытались связаться с Землей, и поначалу нас даже кормили обещаниями, но затем просто перестали отвечать. Нас бросили умирать здесь, как ненужных лишних свидетелей, а проект посчитали провалившимся и не оправдавшим надежд. Сколько таких протурбийских планеток еще в запасе? Одной больше, одной меньше – никто не заметит.

– А ашры? – напомнила я. – То есть биосы? Ваших рук дело?

– Раз уж мы застряли тут, надо было что-то делать. – Старуха с важным видом вздернула подбородок. – Я давно привыкла использовать любой ресурс, который есть под рукой, поэтому мы не стали сжигать тела зараженных военных, как было положено в подобной ситуации, а ставили над ними опыты. И пришли к любопытному выводу...

– И какому же?! – От волнения я даже заерзала на месте.

– Мы научились погружать тело больного пузырьчатой болезнью в некий стазис. Только вводить надо в течение двух суток со дня смерти, иначе будет поздно. Мозг, конечно, умирает, разум, то, что принято называть душой, – уже не сохранить. Но зато под воздействием вируса тело видоизменяется, получает как бы вторую жизнь и что-то вроде коллективного разума.

– Видоизменяется... – Я покачала головой, вспоминая ашров и свои ощущения, когда в первый раз увидела их. – Они поэтому бесполое? Это тела заболевших, которые мутировали? Это вы меняли их? Для чего? Чтобы с их помощью собирать новых? И что потом?

– Тела тщательно обрабатываются в лаборатории, чтобы свести риск заражения к минимуму, хотя мы все равно работаем с ними только в защитных костюмах и выпускаем наружу по отдельному коридору до шлюза. Это своеобразные санитары, которые уносят больных для обработки. Проблема в том, что окружающая среда агрессивна, а плоть ничем не защищена. Их легко уничтожить. Поэтому нам постоянно требуется пополнение.

Я и раньше догадывалась о чем-то подобном, поэтому только переглянулась с Каем. Когда ашры утащили уже зараженного, но не мертвого протурбийца в лесу, когда приходили за больной женой и дочкой Тхассу, когда ворвались в деревню, где болели мы с Бизоном, – уже тогда в

моей голове появлялась мысль, что они уносят тела не просто так.

– Как они узнают, куда идти?

– Коллективный разум, как я и сказала, – пояснила Мать. – Мы научились определенным образом общаться с ними, а биосы очень послушны по части выполнения команд. Их сенсоры очень чувствительны к вирусу.

– Сенсоры... это шарики во лбу?

– Если хотите, называйте их так, – снисходительно улыбнулась старуха.

– А розовый порошок, который они выплевывают?

– Тоже наша разработка. Не все больные легко соглашаются идти, кое-кого приходится усыплять.

– Вот почему они нас не трогали, пока мы были не заражены! – Я невольно посмотрела на Кая в поисках поддержки. – Но зато потом открыли настоящую охоту.

Мать сверкнула глазами.

– Мы получили странный отчет. Образцы клеток, полученные с кожи, ввели биосов в ступор, они никак не могли интерпретировать результат. Я тоже не могла расшифровать их сигналы. Даже искала ответ в мутации генов, которой занималась на досуге. Мы всего лишь хотели пригласить вас сюда и изучить. Нам повезло, что Маркуша отыскал вас.

В этот момент нас прервали. В комнату влетел сам Марк и по тому, как торчали дыбом его взлохмаченные волосы, я уже поняла, что он принес волнующую новость. Мать развернула к нему кресло.

– Готовы результаты?

– Да. – Он запыхался и пытался отдышаться. Посмотрел на меня и Кая по очереди слегка виноватым взглядом, затем снова повернулся к старухе. – Это, конечно, только первичный результат, но...

– Антитела?

Марк судорожно закивал.

– Я отправил пробную расшифровку и получил ответ. Положительный. Под тихое шуршание колес старуха медленно отъехала и уставилась на нас.

– Это чудо, – я скорее прочла это по ее губам, чем услышала, – это то, к чему я шла все эти годы...

– Побудьте тут минуточку, – Марк схватился за поручни кресла, выкатывая Мать в коридор, – ей плохо... побудьте.

Не успели мы и глазом моргнуть, как дверь за ним захлопнулась, а из воздуховода в потолке вдруг выстрелили облачка розовой пылицы, очень

похожей на ту, которой стреляли ашры. Я мгновенно все поняла. Прижала рукав к лицу и упала на пол. Кай с разбегу налетел на дверь, пытаясь выбить ее. Поверхность дрожала от ударов, но не поддавалась. Он закашлялся, пригнувшись, чтобы не вдыхать пыльцу, затем продолжил натиск.

А потом мои веки отяжелели, и свет погас.

* * *

Очнулась я от непонятной суеты вокруг. Дернулась – и поняла, что сижу в кресле, облаченная в защитный костюм и пристегнутая ремнями безопасности. Шумели двигатели, было жарко. Звездолет? Скорее, спасательный челнок, судя по небольшим размерам помещения. Марк и еще один мужчина, громко топая по металлическим сходням, таскали внутрь коробки и складывали их вдоль стены. Они явно спешили.

– Не поднимай голову, если не хочешь дать понять, что проснулась, – раздался рядом тихий голос.

Кай сидел в соседнем кресле, его пальцы лежали на замке ремня, но расстегиваться и вставать он, похоже, не собирался.

– Мы улетаем? – шепнула я в ответ, улучив момент, когда Марк замешкался, вкатывая в проем тяжелый железный сейф.

– Почему бы и нет, раз у них есть звездолет?

– Но почему они нас усыпили и хотят увезти тайком?! – Я резко повернулась к нему и округлила глаза.

– А-а-а, проснулись. – Марк заметил мое движение и подошел, отряхивая ладони. Его напарник, ловко пробираясь между коробками, двинулся к рубке управления. – Извините, что пришлось пойти на крайние меры. Мать не желает задерживаться тут ни секунды. Мы все эвакуируемся. Надеюсь, вы не в обиде. Программа ликвидации нашей миссии теперь запущена.

– Программа ликвидации? – вскинула я голову.

– Первая стадия – механическая очистка, – охотно пояснил он. – Уже выпущены тысячи дронов, которые уничтожат всех потенциальных переносчиков вируса. Потом начнется химическая очистка. Дроны распылят октановую соль. Она разъест все, чего коснется. Деревья, растения, живые существа – все сгорит по цепной реакции. Дома тоже расплавятся. Планета превратится в пустыню.

– И что? – ужаснулась я. – Этой соли хватит на всю планету? Никто не

спасется?!

– Вы что, не знаете местную географию? – скривился Марк. – Материк, с которого вы прибыли, – единственный клочок суши. Всю остальную поверхность составляет океан.

– Но зачем это делать?! – воскликнула я.

– Только так можно снять карантин, – с извиняющейся улыбкой пожал он плечами. – Такое условие нам поставили. Мы не хотели прибегать к нему до последнего, искали способ найти панацею... но теперь мы ее нашли, и мы очень хотим вернуться домой.

– Куда мы летим? – спросил Кай, так как ему притворяться спящим тоже стало бесполезно.

– Расшифровка вашей крови отправлена на Землю, и нам дали зеленый коридор для полетов. Конечно, нас примут на базовой станции за пределами земной орбиты, но это сделано в целях безопасности. Вас проводят в лабораторию, а там...

Ученый отвел взгляд, но я и сама могла угадать, что нас ждет. Участь лабораторных крыс. Марк отошел, и Кай проводил его взглядом.

– Ничего, – пробормотал он под нос. – Вырвемся с этой планетки, а там разберемся, как быть дальше.

Я стиснула подлокотники кресла так крепко, что заболели пальцы.

– Я не полечу.

– Что?! – Кай наклонился, вглядываясь в мое лицо, словно не мог поверить, что говорю серьезно.

– Мне совесть не позволит спокойно смотреть, как целая живая планета погибнет.

Входной шлюз звездолета, расположенный в нескольких шагах от нас, издал короткий сигнал и начал закрываться.

– Команда номер три, у вас все готово? – раздался искаженный рацией голос Матери.

– Готово, – ответил Марк, – начинаем старт после вас.

– Отлично. Будьте осторожны, вы везете самый ценный груз. И троекратное «ура!», мои дорогие! Земля ждет нас!

Стены задрожали, где-то над головой пронесся гул, который постепенно затих.

– Они используют кратер вулкана как пусковую шахту, – догадался Кай.

Понимая, что ждать больше нельзя, я надавила на замок, сбросила с плеч ремни и рванулась в неумолимо сужающийся проем. Услышала, как за спиной выругался Кай. Ему вторил Марк. Выпрыгнув, я упала на колени,

но тут же вскочила на ноги и побежала к выходу из шахты, понимая, что если двигатели заработают на полную мощность, меня поджарит заживо.

– Куда?! – слышался истерический вопль Марка. – Вылет невозможно отложить!

Новый гул подсказал, что двигатели набирают обороты. Кто-то толкнул меня в спину, заставляя налететь на массивную перегородку, которая стояла на выходе из пусковой шахты. Я только повернула голову, но Кай уже рванул рычаг, открывая проход. Мы вывалились в диспетчерскую и едва успели закрыть за собой перегородку, как еще два корабля, один за другим, рванули ввысь. Пол под ногами заходил ходуном. Прижав руку к груди, чтобы отдышаться, я слушала, как гул удаляется.

– Довольна? – поинтересовался Кай обманчиво спокойным голосом, за которым скрывался гнев. – Это был наш последний шанс свалить отсюда.

– Не последний, – я покачала головой, – всегда можно придумать что-то еще.

– М-да?! – иронично хмыкнул он и подошел к пульта, где на экране три точки, одна за другой, быстро перемещались по вертикали. – Интересно, они решатся за нами вернуться? Хотя бы ради науки?

Внезапно к объектам добавились еще три. Они двигались наискось, но сомнений не оставалось – идут наперерез.

– Что это такое? Откуда? – насторожилась я, не в силах оторвать глаз от экрана.

Кай долго молчал, наблюдая, как шесть мигающих точек стремятся навстречу друг другу.

– С орбиты, – наконец сделал вывод он.

– Но на орбите... – Я хотела сказать «ничего нет», но вспомнила про спутник, который упоминал Тхассу. Всегда считала, что он находится там лишь для обеспечения канала связи, но что, если...

Точки слились в одну сплошную массу, а затем... исчезли с экрана, словно их и не было.

– Это были ракеты, да? – выдохнула я.

– Скорее всего. – Кай выглядел притихшим, прежний гнев испарился в мгновение ока.

– Спутник обстреливает корабли, которые пытаются взлететь?

– Может, это и не спутник, а автоматизированная воздушная база, Белоснежка. Если кому-то хватило возможностей замаскировать на материке дронов, то почему бы не подстраховаться и с воздуха?

Неожиданно меня разобрал смех. Я упала в соседнее кресло, облокотилась на пульт управления, уронила лицо в ладони и захохотала в

полный голос. Остановиться не получалось. Подумать только, если бы мне не пришло в голову рвануться спасать мир, мы с Каем тоже разлетелись бы в пыль там, где-то между небом и землей! Если бы я была чуточку эгоистичнее... и если бы Кай хоть немного больше думал о собственной выгоде, а не о том, чего хочется мне...

– Дана. – Он положил ладонь на мое плечо, но я сбросила ее, уже не хохоча, а всхлипывая.

– Мы все-таки останемся вдвоем! – Я выкрикнула это громко, голос зазвенел, отражаясь от стен. – Мы останемся вдвоем, как ты хотел с самого начала! Никто никуда не улетит, материк вместе со всеми жителями скоро расплавится от соли, я никого не сумею спасти. Останется только эта лаборатория, построенная с учетом того, чтобы выдержать химическую атаку. И мы будем жить здесь долго и счастливо!

– Не говори глупостей.

– Это не глупости, Кай! Марк говорил, что здесь есть все, даже агрономические комплексы, чтобы выращивать еду! Это место абсолютно безопасно. Вот только... никто, кроме нас...

Я не договорила, слова не шли с языка. Кай не отвечал, слышалось лишь сухое пощелкивание кнопок. Когда я отняла руки от лица, то обнаружила, что моя проникновенная и полная горечи речь его совершенно не тронула. Склонившись над диспетчерским пультом, Кай сосредоточенно что-то набирал.

– Что ты делаешь?

– Ищу способ не остаться с тобой вдвоем до конца жизни, – рассеянно отозвался он, дергая какие-то рычажки.

– Но... – озадачилась я, – ты же сам когда-то хотел, чтобы все умерли и мне стало некого спасать.

Кай на миг отвлекся от пульта и посмотрел на меня.

– Я ошибался. А еще я не связист, поэтому лучше не отвлекай сейчас. И так пытаюсь вспомнить то, что не знал да еще и забыл.

Его сухой тон отрезвил меня. Минута слабости прошла.

– Могу чем-то помочь? – сдержанно поинтересовалась я, расстегивая и снимая защитный костюм, от которого не было толку.

– Да. Дай свой «ай-ди».

Он протянул руку и взял браслет. Включил сканер и приложил чип. Снова защелкал по кнопкам. Наконец откинулся на спинку кресла с усталым выражением на лице.

– Я открыл канал связи. Набирай любой номер из памяти своего чипа. Только скорее, боюсь, что он может заблокироваться.

Это был момент, которого я ждала с первой секунды после крушения. Канал связи с Землей! Пальцы дрожали и не слушались, попадая мимо кнопок, поэтому папин номер удалось набрать не с первого раза.

В колонке громкоговорителя, встроенного в панель, раздались пронзительные гудки. Никто не отвечал. Я стиснула пальцы и закусил губу. Неужели папа не ответит? Может, Кай что-то напутал и звонок не проходит? Может, гудки идут на какой-то неправильный номер? Что будет, если никто так и не выйдет с нами на связь?!

Раздался щелчок установленного соединения, а затем такой родной до боли голос произнес:

– Дана?!

– Папа! – закричала я, вскакивая со стула. – Папочка! Папа! Это я! Я жива!

Эмоции захлестывали, слова душили. Хотелось двумя короткими предложениями описать ситуацию, дать понять, как срочно нужна помощь, но вместо этого я бросилась рассказывать ему все: как мы упали, как ждали спасения, как надеялись на чудо. О том, что делал ради меня Кай. Отец не перебивал, а во мне все горело от счастья. И только спустя несколько минут я сумела взять себя в руки и рассказать о карантине, лаборатории и дронах.

– Координаты вашей планеты получены, – успокоил меня папа. – Продержись еще немножко, малышка. Я скоро все решу.

Канал отключился, но еще несколько секунд я смотрела на динамик, словно это могло продлить нашу незримую связь, установленную после такой долгой разлуки. Чувствуя себя пьяной от счастья, повернулась к Каю.

Он тут же отвел взгляд, но на мгновение мне почудилось, что его глаза сияли.

* * *

В ожидании, пока папа снова выйдет на связь, мы исследовали все уровни лаборатории, которая теперь осталась в полном нашем распоряжении. Марк не соврал. Здесь на самом деле имелось сложное оборудование, в некоторые отсеки я даже побоялась заходить. Зеленые ростки ровными рядами проклюнулись из грунта в ярко освещенных агрономических цехах. Жилые помещения пустовали, беспорядок в них говорил о том, в какой спешке собирались ученые, и очень напоминал уже виденные мной ранее заброшенные научные колонии на материке.

Нашли мы и главный компьютер, который показывал фазы зачистки и

отсчитывал время. К сожалению, наши попытки как-то остановить отсчет или отключить его не увенчались успехом.

– Осталось меньше суток, – вздохнула я, прочитав надпись на экране.

– Двадцать один с половиной час, – прочел Кай поверх моей руки и хмыкнул, – не переживай, мы и за меньшее время успевали вляпаться в неприятности и выбраться из них.

Я рассмеялась. Зная, что помощь уже не за горами, радоваться жизни стало легче.

– Да, ты помнишь тех волков, от которых убегали через сонное поле? А сколько раз сталкивались с ашрами? А буря?

Обсуждать былые испытания после того, как они давно остались позади, показалось забавно. Словно вспоминать старые байки, рассказанные кем-то другим. Перебрасываясь фразами, мы вернулись в диспетчерскую и продолжили болтать там как ни в чем не бывало. Но когда в установленное время Каю снова удалось связаться с Землей, улыбка сползла с моего лица.

– Я хочу поговорить с твоим другом, Дана, – с ходу произнес отец каким-то неестественным, напряженным голосом.

– Что-то случилось, папа? – Меня бросило в жар, затем в холод.

– Пока ничего, девочка. Просто это мужской разговор. Ты вроде бы упоминала, что обязана этому человеку жизнью. Мне очень нужно поговорить с ним наедине.

У меня все внутри оборвалось. Такие слова не произносят, если не хотят скрыть нечто плохое. Или пощадить чьи-то нежные чувства.

– Папа, – я нервно усмехнулась, – ты, конечно, помнишь меня другой. Но, поверь, за последнее время я очень изменилась. И если тебе нужно сообщить неприятное известие, поверь, я готова. Ты не прилетишь, да? Можешь сказать мне это напрямую. Я обещаю, что...

Кай схватил меня за плечи и развернул к себе, оборвав на полуслове.

– Дай мне с ним поговорить. – Он внимательно посмотрел мне в глаза и добавил: – Все будет хорошо.

– Дана, – взывал из динамика отец, – пожалуйста, у нас мало времени.

Вздохнув, я подчинилась. Вышла из диспетчерской в коридор, но когда двери плотно сомкнулись за спиной, не смогла сделать больше ни шагу. Так и сползла по стене на пол, сложив руки на коленях. Сама виновата, что слишком рано обрадовалась. Разве протурбийская планетка не учила меня не повторять эту ошибку?! Но стоило услышать голос отца, как я размякла и чуть не забыла все жестокие уроки, полученные здесь.

Из-за двери не доносилось ни звука. Оставалось лишь гадать, что за

разговор происходит сейчас там и почему папа казался таким огорченным и подавленным. Он был не из тех людей, которых пугали трудности, и, уж конечно, не остановился бы ни перед чем ради моего спасения. Его странная реакция меня пугала.

Вскоре вышел Кай. Мне потребовалось лишь мельком взглянуть на выражение его лица, как я тут же опустила голову и пробормотала:

– Говори.

С тяжелым вздохом он подошел к стене напротив меня и тоже опустился на пол.

– Твоему отцу удалось связаться с околосредней станцией, на которую Мать отправляла расшифровки наших анализов крови. Они готовы рассмотреть другие условия снятия карантина, если нас доставят к ним для подтверждения результатов.

– Это хорошая новость. Я не понимаю, почему ее нельзя было сообщить лично, – упрямо выпятила я подбородок.

– Это еще не все. Доставка возможна только при участии специальной санэпидемиологической комиссии. Твой отец надавил на все свои связи, и они уже собирают оборудование и корабль для полета.

– Хорошо. Я согласна на комиссию и на все их условия. Когда они придут?

– Вот теперь начинается самое сложное. – Кай помолчал, собираясь с мыслями. – Корпорации, которая сотрудничала с Матерью, уже не существует. Развалилась около двенадцати лет назад. Все, кто с ними сотрудничал, будут отрицать любую связь. Никто якобы не помнит об испытательном полигоне или компьютерных программах. Когда деактивации той зачистки, которая запущена, нет. В таких условиях комиссия не сможет приземлиться и забрать нас. С ними придет военный корабль, который уничтожит базу на орбите, чтобы не сшибала никого в полете. Период распада октановой соли – трое суток. Через трое суток на поверхности станет безопасно. Тогда нас и заберут.

– Стой, – я тряхнула головой, – мне послышалось? За нами прилетят через трое суток? Когда на материке станет некого спасать? У нас осталось тринадцать часов до второй стадии!

– Твой отец хочет, чтобы я удержал тебя здесь, в безопасности, до этих пор, – кивнул Кай. – Он помнит, что ты умоляла его помочь отключить компьютер, и просил не говорить тебе правду, пока не станет поздно.

– Что ж, спасибо, что ты все-таки на моей стороне, – фыркнула я, ощутив обиду на папу, который решил, что со мной можно поступать как с несмышленным ребенком.

– Похоже, я просто знаю тебя лучше, чем твой отец, – пожал он плечами. – Он не понимает, что ты никогда не простишь ему предательства.

– Конечно, не прощу! Зачем тогда комиссия? Зачем снятие карантина? Без населения на этой планете ничего уже не имеет смысла!

– Комиссия нужна для того, чтобы карантин сняли с нас. Чтобы нас с тобой допустили к нормальной жизни.

– Нас? – я рассмеялась. – К нормальной жизни?!

Кай отвел взгляд.

– Не волнуйся. Я сразу сказал, что ты на это не пойдешь. Есть другой выход.

– Да?! – я заерзала на месте и затаила дыхание.

– Он не нравится твоему отцу, – Кай скривился, – и, в общем-то, я пообещал, что ты не станешь так делать...

– Давай я сначала все узнаю, а потом сама решу, – не выдержала я.

– Так как полигон был секретным проектом, по окончании разработок корпорация, естественно, планировала замести тут все следы. Если на поверхности все уничтожила бы октановая соль, то лаборатория на этом острове оставалась бы доказательством. Ее тоже планировали уничтожить.

– Взорвать? – догадалась я. – Здесь заложены устройства?

Кай кивнул.

– Твой отец, похоже, большая шишка, как ты и говорила. Несмотря на то что связь с корпорацией на Земле отрицают, ему удалось кое-что выяснить. Основная программа «живет» в серверах, установленных на самом нижнем уровне этой лаборатории. Отсюда идет управление и дронами, и базой на орбите.

– Если уничтожить сервер, то все прекратится.

– Да. Взрыв решит все проблемы. Но есть другая трудность.

Я прикрыла глаза.

– Говори уже как есть.

– Активировать уничтожение лаборатории можно только вручную. Программа должна была запустить это действие как третью стадию очистки. Уничтожить сама себя.

– Поэтому Мать со своими учеными так спешила улететь после активации... – пробормотала я, потирая висок, – поэтому Марк так уговаривал меня поторопиться. Они только не учли наличия базы на орбите. Наверно, не знали о ней.

– Так как мануальное управление через дистанционный компьютер заблокировано, для досрочного уничтожения придется спуститься на нижний уровень и работать с сервером напрямую.

– Отлично, – воодушевилась я. – Если мы запустим уничтожение лаборатории, не придется бояться октановой соли на поверхности. Сколько у нас будет времени, чтобы убратся отсюда до взрыва?

Он опустил голову.

– Кай! Сколько?!

– Нисколько. Как только включится третья стадия, выходы на поверхность будут перекрыты защитными банами. Пусковая шахта, подводный шлюз – все. Мы просто не успеем добежать с нижнего уровня до любого из них.

Несколько мгновений я молчала, ошарашенная этим признанием. Затем снова усмехнулась.

– Значит, вот так поставлен вопрос? Или мы погибаем тут, внутри, но спасаем материк, или просто ждем спасения, наблюдая, как умирают остальные? Наш старый друг Тхассу, если он еще жив? Оставшиеся звери, птицы и растения?

– Да, – глухо ответил Кай, – вот так поставлен вопрос. И ответ можешь не говорить. Я прекрасно его знаю. В отличие от твоего отца.

– Подожди. – Я вскочила и пошла обратно в диспетчерскую. – Почему не может быть другого выхода? Всегда есть другой выход! Пусть военный корабль уничтожит базу на орбите, пусть кто-то прилетит и расстреляет всех дронов до того, как они начнут распыление соли. Почему нельзя так? Неужели папе не пришло это в голову?!

– Дана! – Кай догнал меня, схватил за руку, рванул к себе. – Они не успевают прилететь сюда! За тринадцать часов – не успевают!

– Как не успевают?! Тринадцать часов – это целая жизнь!

– Это Земля! Это комиссия! Это бумаги! – заорал он мне в лицо. – Это полет военной группы за протурбийскую границу! Это куча дипломатической волокиты! Твой отец выворачивается наизнанку. Он может прилететь сам, но не сможет пробиться к нам мимо базы на орбите. Он уже вылетел, не дожидаясь остальных. С ним твоя мама. Но мы отрезаны! Пойми это! – Кай схватил меня за плечи, его голос упал до шепота: – Мы только вдвоем...

И внезапно я все поняла. Четко осознала, что должна делать. Более того, подумала, что, возможно, звезды изначально вели меня именно к такому концу. У каждого есть свой смысл жизни. Но свой смысл смерти удастся найти не всем.

Я подняла глаза на Кая.

– Что ты сказал папе?

– Что ты будешь ждать его здесь, целая и невредимая.

– А что ты подумал на самом деле?

Уголки его губ дрогнули.

– Ты никогда не умела спокойно смотреть на чужие страдания.

– Ты останешься со мной? Мне страшно...

Он мягко улыбнулся, будто услышал самый глупый вопрос в мире, заправил мне прядь волос за ухо, погладил по щеке.

– А разве я не был с тобой все это время, Белоснежка?

Обхватив ладонями мое лицо, Кай прижался к губам. Будто яркая вспышка пронеслась перед глазами, и когда он приподнял и усадил меня прямо на край диспетчерского пульта, никто из нас не усомнился, что именно так правильно. Мы были только вдвоем, как раньше, в бурю у разлившейся реки, как всегда с самой первой встречи. Жаркое дыхание, влажные дорожки поцелуев под грохот каждой секунды в ушах – ведь время неумолимо работало против нас.

Кай замер, уткнувшись лицом мне в шею и обдавая ключицы жарким дыханием, а я думала только об одном: у нас осталось тринадцать часов вместе. Тринадцать – значит, как минимум десять мы можем потратить, чтобы напоследок побыть вдвоем. Немного остыв, Кай сгреб меня в охапку, подхватил на руки и понес. Я прижалась к плечу и закрыла глаза, полностью доверившись его желанию.

Хлопнули двери шлюза. С шипением отъехала какая-то панель. Кай опустил меня куда-то – и тут же плотные объятия ремней охватили все тело. Я вздрогнула, выныривая из блаженных грез, и обнаружила себя в тесной спасательной капсуле. На лице Кая лежала печать решимости.

– Что ты делаешь?! – закричала я, пытаюсь отстегнуться, но он ударил кулаком по боковому карабину, изогнув и заблокировав его. На металлической поверхности осталась кровь: Кай разбил руку.

– Извини, я пообещал твоему отцу.

– Что пообещал? – Мне стало страшно. – Кай, мы же все решили. Я не умею управлять этой штукой. И даже если бы умела, это ничего не меняет!

– Ею не надо управлять. Это аварийный запуск. Капсула автоматически стартует вверх. Через определенное время ты окажешься на орбите и побудешь там до тех пор, пока тебя не подберет корабль отца. Я же сказал, что он уже летит за тобой.

– Выпусти меня! Пожалуйста! – Я просила Кая, а сама до конца все еще не верила, что он выполнит задуманное.

– Я же знал, что ты захочешь спасти мир, Белоснежка. Я же знал. Твой отец рассказал мне про вариант с уничтожением лаборатории, но поставил условие, что ты будешь как можно дальше отсюда, когда все взорвется, –

говоря это, Кай смотрел куда-то поверх моего плеча, и казалось, что-то внутри его уже взрывается и распадается на части. – Орбита – самое дальнее расстояние, которое я смог ему предложить.

– Я не долечу до орбиты! Меня собьет спутник!

– Не собьет. За то время, пока ты достигнешь нужной высоты, я уже успею спуститься вниз и отключить его. Положись на меня. Ты же знаешь, что можешь положиться.

– Нет, – я отчаянно затрясла головой, – не заставляй меня смотреть, как ты умираешь! Я не выдержу этого! Слышишь?! Я сойду с ума!

Он улыбнулся одними губами.

– Ты столько раз порывалась спасти всех. Наверно, в этом есть что-то особенное. Дай мне хоть разок попробовать, что же это такое.

– Нет! Кай! – Я уже рыдала в голос. – Я не хочу, чтобы так! Я не смогу без тебя!

– Я всегда буду рядом. Ты же не забудешь, во что верят протурбийцы? Только посмотри на звезды – и ты увидишь меня там.

Он поднял руки и резким движением опустил защитное стекло капсулы. Тут же заработала система подачи воздуха, зашумела над головой вентиляция, а все звуки извне пропали. Я принялась колотить по стеклу, все еще надеясь разбить его, если это потребуется, чтобы достучаться до Кая. Он отошел на шаг, засунул руки в карманы и стоял так, просто глядя на меня, такой далекий и одновременно такой родной, словно ближе я не знала никого в своей жизни.

Наконец я сдалась и прошептала:

– Не поступай так со мной. Ты же никогда не хотел спасти мир. Это же не твоё...

Кай улыбнулся, коснулся двумя пальцами губ, потом приложил их к стеклу на уровне моего лица, развернулся и ушел. Я провожала его взглядом, пока шлюз пусковой шахты не отрезал нас друг от друга. Меня трясло, слезы градом катились по лицу. Капсула дрогнула. Где-то над головой что-то загремело, стало светло, когда солнечные лучи заглянули в открывшийся проем. А затем меня вдавило в кресло, когда огромная туша острова со всей мощи выплюнула крохотный кусочек металла вверх.

Сквозь прозрачное стекло открывалась настоящая панорама. Океан блестел и переливался, как чешуя причудливой рыбы. Раскинувшийся под ногами материк с его горами и долинами, реками и лесами с каждой секундой сжимался, словно кусочек влажной кожи, иссушаемый солнцем. Где-то там я прожила целую жизнь, полную маленьких радостей и большого горя. Там остались те, кого я ненавидела, и те, кого успела

полюбить. Мои враги и друзья, мертвые и живые, чужие судьбы и истории, вращавшиеся вокруг меня, как планеты вокруг светила.

Я болталась между небом и землей и ощущала себя крохотной звездой, наблюдающей с высоты за всеми. Холодной, даже оледеневшей с ног до головы, потому что потеряла где-то внизу свое сердце. Оно осталось там вместе с единственным мужчиной, который умел согреть меня одним взглядом и осветить мой путь одной улыбкой.

Много раз я представляла, как буду покидать эти места, но даже в самой извращенной фантазии не рассчитывала, что все случится именно так. Может, поэтому звезды никогда не приходят на помощь? Они просто не могут ничего поделать со своей высоты.

А затем черная точка, отделенная от материка проливом, вдруг стала красной, как Сшат-Ацхала. Будто искусственный вулкан вдруг ожил, стал настоящим, брызнул вверх и в стороны лавой, а над ним вырос гриб дыма. Кольцо поднялось, долго стояло плотной стеной, потом начало рассеиваться, открывая взгляду перемигивающиеся друг с другом огоньки. Это догорали остатки лаборатории.

Где-то среди них сгорел Кай.

* * *

От яркого света софитов было жарко. Четыре или пять камер нацелились черными провалами глазниц, операторы окидывали меня профессиональными взглядами, настраивая ракурс. Я сидела на диванчике в студии, стараясь не обращать внимания на неудобства и улыбаться набитому до отказа зрительному залу. Над головой заиграла веселая музыка, и на подиум ко мне поднялась ведущая – молодая шатенка в платье глубокого кораллового цвета, прихваченном на талии черным пояском.

– Сегодня у нас специальный гость, – энергичным голосом заговорила она в микрофон, повернувшись к одной из камер, над которой мигал красный огонек, – девушка-легенда, девушка-пример. Она попала на практически необитаемую протурбийскую планету, не зная языка, не имея практики по выживанию, и сумела вернуться. В ее книге «Остаться собой» описаны леденящие кровь события и душещипательные драмы.

Ведущая подняла книгу, которую до поры прятала за спиной, и продемонстрировала обложку в несколько объективов, а затем – показала выше, для зрительного зала. Раздались приветственные аплодисменты.

– Только для нас и только сегодня, – продолжила шатенка, – она

согласилась дать эксклюзивное интервью. Встречаем – Дана!

Свет ударил мне в лицо с удвоенной силой. Не видя практически ничего перед собой, я растянула губы в улыбке, следуя правилам поведения на сцене, которые были озвучены заранее.

– Дана, – ведущая приблизилась, опустилась на другой край моего дивана и положила книгу на колени, – расскажите, как вы пришли к тому, чтобы описать свой опыт на бумаге?

– Мне пришлось пройти курс реабилитации у психолога. Она считала, что у меня проблемы с выражением чувств. На одной из встреч я получила задание написать то, что не получается проговорить вслух. Помню, как, вернувшись домой, я села за стол... и незаметно для себя не вставала до самого рассвета. Так была написана первая часть книги. За неделю я закончила ее всю.

Зал снова поддержал меня аплодисментами, а я отблагодарила их улыбкой. На самом деле это была только половина правды. По возвращении на Землю я вообще не разговаривала долгое время.

– Курс реабилитации в вашем случае понятен и необходим, – с сочувствием закивала шатенка, – а правда, что какое-то время вы провели под наблюдением медиков?

– Да. Меня содержали в карантине, чтобы убедиться в отсутствии эпидемиологической угрозы.

– Каково это – знать, что вы стали прорывом в науке? Ведь именно на основе вашей крови был выведен новый противовирусный препарат?

– Чувствую себя белой мышкой с хвостиком, – смущенно улыбнулась я, а в зале засмеялись.

Ведущая тоже улыбнулась, но затем снова натянула серьезную мину.

– Каково это было – потеряться? Почему вас не искали? Почему не могли найти, пока вы сами не вышли на связь?

– Мой отец не знал, где меня искать. База, вращавшаяся на орбите, глушила все исходящие сигналы, кроме тех, которые поступали из одного научного центра, поэтому нам не помогли ни спасательные маяки и ничто иное. Только добравшись до центра, я сумела связаться с Землей. Это далось непросто. Кстати, поначалу, в момент вылета из космопорта, нас преследовал таможенный патруль, и мне казалось, что это папа. Но нет... это был просто таможенный патруль. Потеряв нас во время гиперскачка, они прекратили преследование. А отец так и не узнал, куда я улетела.

– Как получилось, что именно вы выжили на зараженной планете? Это было чудо? Может, вы – особенная?

– Ничего особенного в этом нет. Планета была закрыта для полетов

около восьмидесяти лет. Группа ученых, которые попали туда незадолго до эпидемии и пытались самостоятельно искать лекарство, обладали устаревшими знаниями и не имели нужного оборудования. За эти годы медицина на Земле шагнула далеко вперед. Последняя модифицированная сыворотка, прививку которой я получала на первом курсе университета, уже содержала так называемый «универсальный фаг», активный против большинства известных вирусов. Более того, этот фаг, находясь в крови, умеет сам подстраиваться под неизвестный вирус, обволакивать и уничтожать его. Для спасения планеты требовалась самая малость – запустить туда новую разработку. Проблема была в том, что никто не интересовался и не хотел этим заниматься.

И это тоже была только часть правды. В прошлом остался разговор с отцом и еще несколькими серьезными мужчинами в строгих костюмах. Во избежание межрасового скандала мне запретили хоть как-то – а особенно в прессе – упоминать корпорацию, построенный ими полигон и лабораторию. Для всех, и в книге тоже, прозвучала дежурная версия: вирус вышел из-под земли. Ее и приходилось придерживаться.

– Интересные сведения, – прищелкнула языком шатенка. – Вы узнали их уже здесь, на Земле?

– Я догадывалась и раньше. Со мной выжили в крушении еще двое. Один получал сыворотку во время обучения в земной летной школе, другой – отбывая срок в колонии на Земле. Когда мы втроем переболели и не умерли, я начала подозревать, что причину надо искать общую для всех. И вот, пришла к такому выводу.

– Кстати, о мужчинах. – Ведущая демонстративно перелистнула несколько страниц лежавшей на коленях книги и сделала вид, что вчитывается в строчки. – Вы упоминаете нескольких из них, но самую существенную роль сыграл, конечно... м-м-м... Кай. Что вы можете о нем рассказать?

– На самом деле это он спас планету. Он, а не я. Он пожертвовал собой, чтобы я могла улететь и сидеть сейчас здесь, рассказывая вам о том, как все было.

– Значит, ваша книга – это не роман о выживании? Это история любви?!

Я почувствовала, что глаза защипало, и операторы оживились, настраивая крупный план, чтобы телезрители по ту сторону экранов обязательно увидели и оценили каждую прозрачную каплю, выступившую на моих ресницах.

– Это история о человеке. И поверьте, она не обо мне.

Шатенка хмыкнула.

– А сейчас вы замужем?

– Да. И счастлива, – ответила я еще более беззаботно, аккуратно прикрывая ладонью безымянный палец, на котором не было кольца. – Чего и всем желаю.

– А что было для вас самым трудным? – Видя, что я приподняла брови, ведущая уточнила, помогая себе жестами: – Ну, разжигать костер, искать укрытие для ночлега, определять съедобные и несъедобные растения, учиться налаживать отношения с враждебными аборигенами. В книге вы описывали многое. Что было самым трудным, на ваш взгляд?

Я обвела взглядом притихший в ожидании ответа зал.

– Самым трудным было остаться собой. Видите ли... я привыкла добиваться своего любой ценой. В тот момент на той планете это было необходимо. Но до сих пор, если я стою в очереди к прилавку магазина и кто-то начинает лезть вперед, мне хочется прибить его и решить эту проблему, – я развела руками и улыбнулась залу. – Но я стараюсь договариваться. Поэтому частенько торчу в очередях часами.

Зрители добродушно засмеялись. Они не подозревали, что за каждой шуткой я просто прячу свою боль. Мне хватило долгих ночей, когда я лежала в постели и выдавливала ее из себя слезами, мычанием, безумными криками. Я вытравляла из себя Кая и боялась засыпать, чтобы снова не увидеть во сне его лицо. Чувствовала, как мама, которая ночевала со мной, обнимает сзади, шепчет слова успокоения, тоже плачет от бессилия, потому что здесь невозможно ничем помочь.

Они вообще очень сплотились, моя семья. Когда папин корабль подобрал мою капсулу с орбиты, оказалось, что мамин муж тоже полетел с ними. Они больше не ссорились, бросив все силы на то, чтобы помочь мне. И я в который раз убедилась, что дружба, любовь и ненависть – очень смежные чувства.

– А вам никогда не хотелось вернуться на ту планету? – задала очередной вопрос ведущая. – Прошел уже... год, если я не ошибаюсь? Насколько нам известно, карантин сняли только недавно, но теперь вы ведь можете сделать это?

– Я думала об этом, – честно призналась я. – Но видите ли... наверно, мне страшно туда возвращаться. Я боюсь, что, ступив на ту землю, снова испытаю все, что так долго пыталась забыть. Знаете... ведь лица всех моих погибших друзей и врагов до сих пор преследуют меня. Даже сейчас, сидя здесь с вами, я ощущаю, что они будто стоят за моей спиной.

– Тени прошлого, – с пониманием кивнула шатенка.

– Ну, – я снова лучезарно улыбнулась, – мой психолог подобрал бы другой термин для этого. Что-нибудь, что звучит даже более жутко, чем мои рассказы про ашров.

Затаивший дыхание зал расслабленно засмеялся и зааплодировал.

– Но все-таки я вернусь туда, – продолжила я уже серьезно. – Решила, что построю там мемориал в память обо всех погибших. Уже отправлена группа рабочих, которые начали расчищать и подготавливать площадку. А завтра я сама улетаю туда проследить за работами, и моя семья полетит в качестве моральной поддержки.

– Да?! И что за место вы выбрали для мемориала? Точку крушения?

– Нет. Я поставлю его на острове. Знаете, там есть вулканический остров неподалеку от материка. Как по мне – отличное место.

* * *

На следующий день я шагала по взлетной площадке космопорта и с замирающим сердцем искала взглядом корабль отца. Уже год, как не летала, а ведь поездка предстояла не из легких. Звездолет отыскался, вот только выглядел безжизненным. Чтобы унять расшалившиеся нервы, набрала папин номер.

– Пап? Ты уже на месте?

– Дана? Ты что-то совсем с опережением. Волнуешься, да? Я еще не в порту. Но ты, если что, поднимайся на борт, там наверняка уже есть кто-то из команды. Мы с мамой скоро будем.

Вздохнув, я отключила связь. Ну вот, приперлась рано, а внутри все так и зудит – как тут в салоне спокойно усидеть? Решив подышать, я поставила чемодан и уселась на него, распахнув для вида свою книгу, которую захватила, чтобы передать через папиного капитана его жене. В солнечных очках и широкополой шляпе я вполне походила на обычную космическую туристку и не боялась привлечь ненужного внимания к своей, уже популярной, персоне.

Впрочем, незамеченной остаться не удалось. Неказистого вида мужичок в рабочем комбинезоне прошел мимо, но уже через пару секунд вернулся. Встав возле меня, он засмолил сигаретку и выпустил густой клуб вонючего дыма.

– Модные книжки читаете? – попробовал невзначай завести разговор. – Эту, как ни посмотрю, сейчас все читают.

– Угу, – пробурчала я, еще больше прячась за обложкой.

– А муж у такой молодой и красивой есть? – снова подкатил он.

– Я вдова.

– Хм-м-м. – Мужичок присел на корточки, усиленно пыхтя сигаретой. – А вот у моего кэпа есть друг, который знает парня, который точно уверен, что все, написанное в этой книжке, брехня.

– Да неужели? – Я глянула на него поверх очков и даже бровь приподняла.

– Ага, – радостно сообщил он, демонстрируя отсутствие одного из передних зубов.

– И в чем же?

– А в том, что концовка там неправдоподобная. Что на самом деле там была лаборатория. И в этой лаборатории сумасшедшие бабы ставили опыты. Вирусы всякие выращивали, а потом на волю отпускали, чтобы посмотреть, что будет. Ну знаете, эти бабы, – он красноречиво покрутил пальцем у виска, – которым мозги в дар от природы достались, а вот понимания, как для благого дела их применить, – нет. Редкая порода.

Я медленно опустила книгу, ощутив нехорошие подозрения внутри.

– А с чего вы уверены, что лаборатория была?

– Так от кэпа же, который дружит с другом парня, который точно все знает, ага, – кивнул тот. – И вот еще... лабораторию-то взорвали. Вот подчистую. Только брехня, что там только одна девица выжила. Там еще один выжил. Тот, про которого в книжке пишут, что помер. А он не помер.

Я сглотнула.

– И как ему это удалось?

– А там в лабораторию можно было проникнуть только по подводному ходу, вон оно че. А вы подводный ход себе, молодая и красивая, хоть представляете?

– Допустим, что нет, – осторожно произнесла я.

– Во-о-от. То-то же. Это такая коробка, – мужичок принялся рубить воздух ладонями, – у которой тут ворота и тут ворота. Электрические. Ну значит, чтобы воду откачивать, ага. А с электрическими воротами что бывает? Заклинивает их. Так вот к ним технический ход был сделан. Чтобы ежели заклинит – подобраться и вручную открыть. Вентилем вот таким огромным.

– Я не знала про такой ход...

– Вот! Никто не знал. А тот, который выжил, он пока на нижний уровень спускался, на план помещения глянул – и приметил. Ну а потом у него две минуты в запасе было. Так он побежал, как угорелый. Костюм, значит, спасательный нацепил. У технического хода того висели. К

подводному ходу он успел подобраться, вручную вентилем открыл и прополз. Ход как раз с нижнего уровня напрямик вел.

– Не может такого быть, – покачала я головой. – Там не могло быть ходов, которые открываются наружу вручную. Иначе смысл перекрывать остальные?

– Так слушай же, что говорю. Он не наружу выбрался. Он в этот шлюз между двумя воротами забрался. А шлюз этот к самому краю островного массива подходил. При взрыве-то его и выбило целиком. Ну парня, понятно, помотало, но костюм же был спасательный. Защита выдержала. А потом он выбрался, ага. Доплыл до берега и стал там жить.

Что-то звучно шлепнулось, и только тогда я поняла, что выронила книгу.

– Как... жить? – прохрипела.

– Нормально жить, – ничуть не смутился мужичок. – Рыбу ловил, на солнышке загорал. Да не знаю я уже как! Фантазирую.

У меня вдруг так закружилась голова, что показалось: еще немного – и в обморок упаду.

– А... откуда... там же... карантин...

– Так прилетали же туда перед снятием карантина. Прививки, значит, ставить местному населению. Уж не знаю, как он договорился, но с ними и улетел. Вот теперь другу своему как есть все рассказал, тот кэпу, а он – мне. Из первых рук история, а не эта ваша... беллетристика. Вчера как раз в баре сидели, так передачу про эту дамочку, что книжку сочинила, показывали. Вот кэпу и вспомнилось.

Я боялась даже подумать ту мысль, которая просилась на ум. Расценив мое молчание по-своему, мужичок продолжил:

– Хотя... может, и спасибо мы этой дамочке должны сказать. После того как книжка-то вышла да еще и карантин отменили, очень много богатеев хотят теперь на той планете побывать. Ну, знаете, испытать на своей шкуре опасность, и все такое. Так кэп наш смекнул, и мы туда экстремальные туры теперь возим.

Он наклонился и понизил голос:

– Нелегально, конечно. Но легально-то вряд ли кто разрешит. А богатеи, они такие, бумажку нам подмахнули, что в случае чего претензий не имеют, рюкзак в зубы – и вперед. Мы их на одном конце материка в капсуле сбрасываем, а на другом – на звездолете подбираем. Полное, мать его, погружение в реальность. Ну и с проводником, естественно, идут, чтоб не заплутали. Народу нравится. И вы слетайте, раз уж так книжкой заинтересовались. Хотите, а?

– Хо... – Я прокашлялась. – Хочу. Кэпа вашего хочу увидеть.

– А-а-а, – глянул настороженно мужичок. – А вы не из этих, правоохранительных? А, впрочем, ладно. Вон там наш звездолет. Чуть дальше. Хотите – так сейчас идите. Мы скоро взлетаем.

Я вскочила и побежала так быстро, как могла. Ноги заплетались, дыхание сбивалось, в глазах все плыло. Наверно поэтому первая же встреченная фигура показалась знакомой. Сердце бешено заколотилось, уши заложило. Я застыла как вкопанная, моргая часто-часто и открывая и закрывая рот.

Кай. Он выглядел точно таким, как я запомнила его в первую встречу: подтянутый, гладко выбритый, с ямочками от улыбки на щеках. Стоял у грузового отсека звездолета, небрежно положив одну руку на борт, и смотрел на меня. Я сорвала очки и дурацкую шляпу и тискала их в руках, не зная, то ли швырнуть на землю, то ли запустить ими в него за то, что вынудил считать мертвым столько времени.

– Видел тебя вчера в передаче, – сказал он так, будто мы не расставались ни на секунду и ничего этого не было: страшного взрыва и моего не менее страшного горя из-за его гибели. – Красивая ты, Белоснежка.

– Как ты мог! Как ты мог! – Кажется, я заорала это в полный голос. Завопила на всю площадку, рыдая при этом в три ручья.

– Выжить? – Кай пожал плечами. – Да как-то само собой получилось. Ну не герой я. Погибнуть ради спасения мира... ну это как-то не мое. Попробовал разок. Больше не стану.

– Дурак ты! – Я все-таки швырнула в него шляпой, а затем очками. – Я тебя похоронила! С ума сходила от этого! Да лучше б ты сдох!

– Замуж вышла, – спокойно поддакнул он.

– Какое – замуж! Вру всем, чтоб никто не приставал! И знаешь что, – я ткнула в его сторону пальцем, – никакого тебе мемориала не будет! Не заслужил!

Кай огорченно вздохнул.

– Даже посмертно?

– Раньше надо было приходиться! – Я развернулась и пошла прочь, размашисто вытирая слезы со щек.

– Да не мог я! Не мог прийти к тебе с пустыми руками! Немного времени мне нужно было!

От этого, уже серьезного, окрика в спину я остановилась. Сжимала и разжимала кулаки, понимая, что все это впустую – никуда уже от него не денусь, если уж сама смерть не смогла разлучить нас.

– С первым же кораблем я улетел, Дана. – Судя по звуку шагов, Кай подходил все ближе. – Все с нуля, заново строил. Для нас с тобой. Вчера тебя вот увидел и понял, что не выдержу больше, не могу. Номер нашел, с отцом твоим созвонился и время вылета подгадал.

С отцом?! Так это не я раньше пришла? Это все было подстроено?!

– И работничка своего подослал? – съязвила я, по-прежнему не поворачиваясь и дрожа всем телом.

– Подослал, – вздохнул Кай совсем близко. Так, что у меня мурашки по спине побежали. – И знаешь, что подумал? Если ты свободна ближайшие пятьдесят лет и еще не нашла себе нового мужа, может... выйдешь за бездомного контрабандиста?

Он развернул меня к себе, легко приподнял, заглянул в глаза с надеждой и какой-то странной мольбой. А я склонила голову и просто его поцеловала.